Т.И. Заславская

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Социальный механизм трансформации

Издательство «Дело»

МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА
СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК
Интерцентр

Т.И. Заславская

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Социальный механизм трансформации

Академия народного хозяйства
при Правительстве Российской Федерации

Москва
Издательство "ДЕЛО"
2004

УДК 316.3(075.8)
ББК 60.56я73
З-36

Заславская Т.И.

З-36 Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: Учеб. пособие. — М.: Дело, 2004. — 400 с.

ISBN 5-7749-0366-4

Анализируются историко-культурные особенности России, исходное состояние ее общества накануне реформ, а также важнейшие результаты изменения ее институциональной системы, социальной структуры и человеческого потенциала. Уделяя необходимое внимание внешним экономическим и политическим факторам, автор рассматривает процесс трансформации, прежде всего, как результат взаимодействия внутренних движущих сил, порождаемых самим преобразующимся обществом. Результаты исследования трансформационной активности социальных групп, общественных движений, солидарностей, различающихся культурными характеристиками, политическими интересами, а также располагаемыми ресурсами, позволяют более обоснованно судить о возможных и вероятных путях дальнейшего развития России.

Для социологов, экономистов, политологов, преподавателей и студентов обществоведческих специальностей, а также для всех, кто интересуется процессами трансформации российского общества.

УДК 316.3(075.8)
ББК 60.56я73

ISBN 5-7749-0366-4

© Издательство "Дело", 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9

РАЗДЕЛ 1

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ ТРАНСФОРМАЦИИ

Глава первая
Особенности предмета, логика и структура курса 15

1.1. Современное состояние области исследований 15
1.2. Взгляды ученых на исходный пункт и итоги трансформации российского общества 24
1.3. Задачи, логика и структура курса 30

Глава вторая
Феномен советской системы 33

2.1. Некоторые вопросы методологии 33
2.2. Рождение и становление советского общества (1917—1926) 35
2.3. Становление и расцвет сталинизма (1927—1953) 40
2.4. Зрелое советское общество (1954—1975) 45
2.5. Причины и сущность кризиса советской системы . . 47

Глава третья
Геополитическая и социокультурная специфика России . . . 53

3.1. Историко-культурный контекст посткоммунистических перемен 53
3.2. Географическое положение и природные условия . . 56
3.3. Культура и национальный характер 57
3.4. Цивилизационная принадлежность России: Европа, Азия, Евразия? 62

3.5. Современная геополитическая роль России 64
3.6. Уровень цивилизационного развития 67
3.7. Общие выводы 70

РАЗДЕЛ II

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ: СУЩНОСТЬ, НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Глава четвертая
Посткоммунистические трансформации в свете классических теорий развития 73

4.1. Общая панорама посткоммунистических трансформационных процессов 73
4.2. Проблема концептуализации пространства посткоммунистических трансформаций 80
4.3. Общественно-формационная парадигма социетального пространства 82
4.4. Модернизационная парадигма социетального пространства 87
4.5. Современные подходы к изучению посткоммунистических трансформаций 92

Глава пятая
Пространство посткоммунистических трансформаций 96

5.1. Экзистенциональные проблемы посткоммунистических обществ 96
5.2. Преобразование основных сторон общественного устройства 101
5.3. Изменение человеческого потенциала 104
5.4. Методологические подходы к системному изучению трансформационных процессов 106
5.5. Трехмерное пространство посткоммунистических процессов 108

Глава шестая
Вектор институциональных преобразований 111

6.1. Строение и функционирование социальных институтов 111
6.2. Качество социальных институтов 115
6.3. Институциональные структуры и системы 117
6.4. Концепция "институционального разума" 121
6.5. О разных типах "институционального разума" 124
6.6. Изменение качества институциональной системы России за годы реформ 127

6.7. Динамика выполнения основных функций институтов 133

Глава седьмая
Вектор социоструктурных сдвигов 139

7.1. Общая функция социальной структуры общества . . . 139
7.2. Конкретные функции социальной структуры 142
7.3. Классовый подход к изучению социальной структуры 144
7.4. Стратификационный подход к изучению социальной структуры 148
7.5. Индикаторы качества социальной структуры 151
7.6. Механизмы изменения социальной структуры 155
7.7. Динамика социальной структуры России: ожидания и реальность 156

Глава восьмая
Вектор человеческого потенциала общества 163

8.1. Человеческий потенциал как решающий фактор жизнеспособности общества 163
8.2. Сущность человеческого потенциала 166
8.3. Компоненты человеческого потенциала 168
8.4. Оценка человеческого потенциала СССР 172
8.5. Оценка уровня и динамики человеческого потенциала России 175

РАЗДЕЛ III

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Глава девятая
Социальный механизм посткоммунистических преобразований в России 188

9.1. Постановка проблемы 188
9.2. Революция или кризисная эволюция? 190
9.3. Переход или трансформация? 196
9.4. Категория "социальный механизм процесса" 198
9.5. Социальный механизм трансформационного процесса 200
9.6. Заключительные соображения 210

Глава десятая
Трансформационная активность: деятельностный аспект . . . 214

10.1. Трансформация институтов и изменение практик . . . 214
10.2. Сущность, стимулы и ограничения трансформационной активности 220

10.3. Формы трансформационной активности: деятельность и поведение . . . 222
10.4. Реформаторская деятельность . . . 227
10.5. Государственно-управленческая деятельность . . . 230
10.6. Взаимодействие реформаторской и управленческой деятельности . . . 232
10.7. Массовая социально-инновационная деятельность . 233
10.8. Взаимодействие разных типов трансформационной активности . . . 237

Глава одиннадцатая
Трансформационная активность: поведенческий аспект . . . 241

11.1. Роль поведенческого фактора в трансформации посткоммунистических обществ . . . 241
11.2. Поведенческий аспект трансформационной активности . . . 243
11.3. Критерии типологизации трансформационного поведения . . . 246
11.4. Функциональные типы трансформационного поведения . . . 248
11.5. Распространение неправового поведения и институционализация неправовых практик . . . 256

РАЗДЕЛ IV

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА: ВЕРТИКАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ

Глава двенадцатая
Трансформационная структура общества: иерархия социальных акторов . . . 265

12.1. Трансформационная структура общества . . . 265
12.2. Инновационно-реформаторский потенциал общества и социальная стабильность . . . 267
12.3. Методологические подходы к изучению трансформационной структуры . . . 272
12.4. Иерархические уровни трансформационного процесса . . . 275
12.5. Социальные субъекты и социальные акторы . . . 277
12.6. Социальные акторы разных уровней . . . 280
12.7. Типы акторов и уровни трансформационной активности . . . 282

Глава тринадцатая
Иерархические слои общества как акторы трансформационного процесса . . . 285

13.1. Стратификация современного российского общества 285
13.2. Правящая элита России . . . 288
13.3. Верхний слой общества (субэлита) . . . 295
13.4. Средний слой российского общества . . . 298
13.5. Базовый и нижний слои . . . 302

РАЗДЕЛ V

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА: ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ

Глава четырнадцатая
Культурно-политические силы России . . . 307

14.1. Горизонтальная проекция трансформационной структуры . . . 307
14.2. Культурно-политические силы России: определение понятия . . . 310
14.3. Зависимость трансформации российского общества от международных сил . . . 313
14.4. Внеполитические социально-культурные силы России . . . 317
14.5. Криминальные силы России . . . 322

Глава пятнадцатая
Генезис современных культурно-политических сил России . . . 327

15.1. Первые годы перестройки (1986—1989) . . . 327
15.2. Закат перестройки (1990—1991) . . . 331
15.3. Радикальные экономические реформы и постреформенная трансформация (1992—2003) . . . 336

Глава шестнадцатая
Культурно-политические силы современной России . . . 344

16.1. Некоторые методологические соображения . . . 344
16.2. Особенности установок культурно-политических сил России . . . 346
16.3. Сравнительный анализ установок культурно-политических сил . . . 351
16.4. Общая конфигурация культурно-политических сил современной России . . . 354

Глава семнадцатая
Соотношение вертикальной и горизонтальной проекций трансформационной структуры России . . . 360

17.1. Макроагенты трансформационного процесса . . . 360
17.2. Государственнические силы . . . 362
17.3. Олигархические силы . . . 369

17.4. Коммуно-патриотические силы 371
17.5. Либерально-демократические силы 375
17.6. Социал-демократические силы 376
17.7. Криминальные силы 377

Глава восемнадцатая
Потенциал культурно-политических сил и перспективы развития России 381

18.1. Идейная консолидация и социальная укорененность анализируемых сил 381
18.2. Ресурсы культурно-политических сил 389
18.3. Возможные и вероятные варианты будущего 392

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основе этой книги лежит курс лекций "*Посткоммунистический трансформационный процесс в России: сущность, субъекты и механизмы*", читавшийся автором в течение семи лет слушателям независимого российско-британского университета Московской высшей школы социальных и экономических наук. Цель курса заключалась в попытке сформировать *целостное представление* о современном трансформационном процессе в России, его *механизмах,* движущих силах, факторах, ограничениях, возможных и наиболее вероятных перспективах. Опираясь на данные современной социологии с необходимыми экскурсами в экономику, политологию, историю и другие науки, ставилась задача выработать у слушателей ясное понимание социального смысла событий, начавшихся во второй половине 1980-х годов и продолжающихся до сих пор, их причин, вероятных последствий и перспектив.

Можно назвать, по крайней мере, две причины, в силу которых изучение механизмов социальных процессов становится одним из наиболее актуальных направлений современных социальных исследований. Первая состоит в том, что именно через познание строения и принципов действия социальных механизмов трансформации можно понять и научно обосновать, в какую сторону движется и может двигаться общество. В частности, какой *тип* рынка и демократии возможен и наиболее вероятен в трансформирующейся России.

Сегодня можно констатировать, что общее направление *социетального* преобразования России определилось окончательно — возвращение к абсолютному господству государственной собственности, централизованному распределению ресурсов, конституционной власти *одной* партии и другим элементам посттоталитаризма уже невозможно. Альтернатива — план или рынок — утратила смысл. "Сегодня на первый план

выдвигается вопрос о том, какой тип рыночных отношений утвердится в стране: "дикий" (азиатский, южноамериканский, европейский начала XIX в.) или "цивилизованный", современный, и о том, насколько реально демократичным будет политический строй, насколько будут сохраняться диктаторские, деспотичные, авторитарные, холопские традиции..."[1].

Ведь в современном мире существуют десятки капиталистических обществ, резко отличающихся друг от друга. Среди стран с рыночной экономикой есть и успешные (напр., США, Англия, Франция, Япония), но есть и такие, в которых она не дает бесспорных результатов (Индия, Марокко, Нигерия). А в некоторых странах с рыночной экономикой (Италия, Испания, Бразилия) еще несколько десятилетий назад трудно было различить нарождающийся бум. И россиянам не безразлично, будут ли их дети и внуки жить в условиях цивилизованного, социально ориентированного, правового и демократического капитализма или, напротив, капитализма государственного, монополистического, коррумпированного и почти бандитского. По мнению многих ученых, развитие страны пока идет, скорее, по второму пути, хотя момент для перевода трансформационных процессов в более желательное русло еще не упущен. Вопрос в том, какой социальный *субъект* в состоянии "перевести стрелку" на нужное направление.

Первым напрашивается ответ — Правительство. В самом деле, кому, как не ему, следовало бы разработать *целостную* программу реформ, предусмотреть социальные и иные сложности ее реализации, обезвредить вероятные силы сопротивления и конструктивно преобразовать базовые институты общества? Теоретически это верно, но на практике любое правительство действует не в безвоздушном пространстве, а в поле напряженных политических сил, каждая из которых борется за свой интерес. Не случайно мировая практика свидетельствует, что самые решительные шаги реформаторов чаще всего приводят не к тем результатам, которые планировались, а порой даже к противоположным. Ибо процесс, об управлении которым идет речь в нашем случае, чрезвычайно сложен, в нем слишком много действующих лиц и групп, наделенных собственной волей и разными интересами.

Но если федеральное Правительство является не только не единственной, но и не главной силой, ответственной за ито-

[1] *Левада Ю.А.* Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1. С. 9.

ги трансформации общества, то какова роль других действующих лиц и в каких отношениях друг с другом они находятся? Иными словами, какой *внутренний механизм* регулирует процесс социальной трансформации нашего общества? Без ответа на этот вопрос невозможно понять, в какую сторону оно будет дальше двигаться, и во что, скорее всего, выльются итоги его трансформации: как в общественном устройстве страны будут соотноситься, с одной стороны, рыночное, демократическое и правовое, а с другой — централизованно-распределительное, авторитарно-бюрократическое и не правовое начала.

Вторая причина, актуализирующая исследование социального механизма трансформационного процесса, связана с тем, что он охватывает все уровни общественной вертикали: общенациональный, региональный, локальный, групповой, индивидуальный. При этом по мере спуска на нижние "этажи" подконтрольность этих процессов центральной власти неизбежно снижается. Возникают несогласованности и расхождения в понимании конкретных вопросов. Установки властного центра нередко наталкиваются на прямое противодействие региональных и местных общностей и элит, равно как на сопротивление организаций и граждан. Свидетельством этому может служить исключительное многообразие общественных ситуаций, сложившихся в разных регионах страны, в том числе непосредственно соседствующих друг с другом (сравним, например, Ставропольский край и Чечню, Астраханскую область и Калмыкию, Свердловскую и Челябинскую области и др.). Другой пример — повсеместная пробуксовка либеральных реформ на селе. Большинство колхозов и совхозов, формально преобразованных в коммерческие АО, фактически таковыми не стали. Часть из них остается теми же колхозами, другая часть разрушена и разграблена, а фермерские хозяйства, на образование которых рассчитывали либеральные реформаторы, не получили сколько-нибудь заметного развития. Все это затрудняет общественные преобразования, осложняет контроль и прогнозирование их результатов. Для того чтобы лучше справляться с этими трудностями, очень важно иметь адекватное представление об объективных механизмах трансформационных процессов, функционирующих независимо от воли отдельных лиц.

Таким образом, познание социального механизма трансформации общества актуально как в научном, так и в практическом отношении; с точки зрения как настоящего, так и будущего (ближайшего и отдаленного); в связи с выбором стра-

тегии и тактики преобразований. Но что представляет собой такой механизм?

Под *социальным механизмом трансформационного процесса* понимается устойчивая система взаимодействий социальных акторов разных типов и уровней, способствующая фундаментальному изменению общественного устройства. Взаимодействия, формирующие эту систему, регулируются, с одной стороны, базовыми институтами общества, а с другой — социальным статусом и культурными особенностями акторов — индивидов и групп.

Общенаучное место предмета этой книги определяется "пересечением" таких дисциплин, как россиеведение и теория посткоммунистических трансформаций. По существу, это введение в область исследований социетальной трансформации посткоммунистических обществ. Предлагаемый курс имеет не только научное, но и важное мировоззренческое, гражданское значение. Дело в том, что Россия, как и другие постсоветские страны, нуждается в развитии *гражданского общества*, структуры которого могли бы взять на себя значительную часть социально-инновационной деятельности, ныне выполняемой исключительно государством. Но становление гражданского общества предполагает превращение все большей части россиян из пассивных *подданных* государства в свободных, сознательных и активных *граждан*, ясно понимающих свои интересы, знающих свои права и возможности и способных быть самостоятельными *акторами* общественных процессов. Средняя и, особенно, высшая школа обязаны формировать таких граждан. Поэтому курс, посвященный теории и практике посткоммунистических трансформационных процессов, следовало бы читать в каждом гуманитарном и техническом вузе. Пока же он читается лишь в российско-британском университете — Московская высшая школа социальных и экономических наук (с 1996 г.), Академическом университете РАН (с 1999 г.), Государственном университете — Высшая школа экономики (с 2000 г.), а также на социологическом факультете Харьковского национального университета (с 2001 г.). Слабое распространение этого курса в значительной степени объясняется недостаточным развитием этой области науки.

О ходе и результатах социальных преобразований, происходящих в России и странах Центральной и Восточной Европы, собран огромный фактический материал. Но знания в этой области пока фрагментарны. Преобладает анализ *отдельных* сторон, аспектов, явлений новой реальности. Попытки

формирования более или менее *целостных* парадигм, общей картины исследуемых процессов встречаются несравненно реже, хотя работа в этом направлении идет.

Данное пособие представляет собой попытку конструирования *целостной* картины трансформации российского общества в контексте, с одной стороны, российской истории, а с другой — глобальных процессов конца XX — начала XXI века. В книге раскрывается строение и принцип функционирования общего *социального механизма* трансформации посткоммунистических обществ, показываются возможности использования этого понятия как методологического средства изучения трансформации конкретных общественных институтов.

В рамках этой задачи развивается представление о посткоммунистической трансформации как процессе постепенного, относительно мирного, но в то же время радикального изменения социальной природы, или *социетального типа* общества. Социетальная трансформация российского общества представляется как результат взаимодействия движущих сил, порождаемых, прежде всего, самим преобразующимся обществом; как равнодействующая активности социальных групп, слоев, классов, общественных движений, солидарностей, различающихся экономическими, политическими и социокультурными характеристиками, интересами, статусными и иными ресурсами. Раскрываются конкретное содержание и структура социально-инновационной активности этих субъектов.

Важное место в развиваемой концепции занимает понятие *трансформационная структура* посткоммунистических обществ. Оно отражает расстановку социальных сил, взаимодействие (сотрудничество, конкуренция, борьба) которых определяет направление и конечные результаты общественных перемен. Выявляются природа, функции и социальные механизмы взаимодействия в трансформационном процессе *микроакторов* (индивидов, семей, малых групп), *мезоакторов* (организаций, предприятий, органов муниципальной власти) и *макроакторов* (федеральных и региональных органов власти, партий, движений, крупных корпораций и холдингов, общественных классов и слоев). Исследуется структура социально-политических сил России, анализируется их социальный состав, степень внутренней сплоченности и глубины проникновения в общество, социокультурные качества и важнейшие формы активности.

Изучение этого курса будет способствовать расширению общественно-политического горизонта слушателей и читателей, активизации их гражданских качеств, формированию у них це-

лостного представления о природе, структуре и механизмах реализации того исторического процесса, участниками которого они являются, выработке навыков использования полученных знаний для самостоятельного анализа текущих событий.

* * *

Проведение исследований, положенных в основу этой книги, стало возможным благодаря грантам Фонда Кетрин и Джона Мак-Артуров и Российского гуманитарного научного фонда. Собственно же написание данного учебного пособия финансировалось Национальным фондом подготовки кадров. Всем этим фондам, Московской высшей школе социальных и экономических наук, в рамках которой выполнялась эта работа, и ее ректору профессору Теодору Шанину я выражаю искреннюю благодарность.

Огромную роль в формировании излагаемой в этой книге концепции сыграли международные симпозиумы "Куда идет Россия?..", с 1993 г. ежегодно проводившиеся Междисциплинарным академическим центром социальных наук (Интерцентром). Творческие идеи, мнения, выводы многих десятков видных ученых — социологов, экономистов, историков, политологов, исследователей культуры оказали поистине неоценимую помощь в моей работе. Десять томов трудов симпозиума можно с полным основанием рассматривать как интереснейшую "хрестоматию" к данной книге. Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить коллег, постоянно участвовавших в этой большой коллективной работе, за обилие высказанных ими идей, придавших симпозиуму яркий творческий характер.

Я искренне благодарна студентам Московской школы, которые терпеливо слушали этот курс, когда он только рождался и имел массу недостатков. Активное и критическое обсуждение ряда сложных проблем на студенческих семинарах было одним из важных источников совершенствования логики и содержания лекций.

Самую же неоценимую помощь в подготовке данного пособия мне оказала проф. М.А. Шабанова, читающая аналогичный курс в Государственном университете — Высшая школа экономики. В предлагаемой книге вряд ли есть хоть одна страница, которая не была бы с нею обсуждена, нередко не раз. Ей принадлежит так много высказанных здесь идей, что, по большому счету, ее следовало бы считать моим соавтором.

РАЗДЕЛ I

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ ТРАНСФОРМАЦИИ

Глава первая

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА, ЛОГИКА И СТРУКТУРА КУРСА

1.1. Современное состояние области исследования

Процессы трансформации посткоммунистических обществ привлекают пристальное внимание науки. Ведь речь идет о *социетальном* преобразовании, т. е. об изменении социальной природы большой группы обществ, принадлежавших к Мировой социалистической системе и десятилетиями идейно и политически противостоявших наиболее развитым странам. От того, как будут изменяться эти общества, к каким геополитическим группировкам они станут примыкать, а каким противостоять, существенно зависит дальнейшее развитие все теснее связывающегося воедино человечества. Проблема осложняется тем, что глобальное экономическое и политическое пространство, в котором обновляющиеся общества прокладывают свою дорогу в будущее, очень сложно. Мир высокоразвитых стран полон внутренних противоречий, и его представители нередко стремятся использовать кризис "второго мира" в своих интересах.

Не менее, если не более сложны внутренние проблемы посткоммунистических обществ. В годы господства советского режима здесь накопились экономические, политические, социальные и национальные противоречия, которые в период

реформ выплеснулись на поверхность с небывалой ранее остротой. Все это обусловливает глубокую заинтересованность мирового научного сообщества в выяснении направлений, механизмов и результатов посткоммунистических трансформационных процессов, особенно в цитадели бывшего коммунистического мира — России. Ученые полагают, что наука может и должна содействовать преодолению затянувшегося кризиса посткоммунистических обществ, их выходу на траекторию восходящего развития. Для этого необходимо прежде всего ясное понимание социального смысла событий последних 15 лет, их причин, вероятных последствий и перспектив.

Решению этой задачи и призван содействовать курс *"Современное российское общество: социальный механизм трансформации"*, задача которого — прояснить названные вопросы, опираясь на данные современной социологии с необходимыми экскурсами в экономику, политологию, демографию, историю и другие науки. Между тем ситуация, сложившаяся в этих науках, в каком-то смысле парадоксальна. С одной стороны, едва ли не вся социальная литература, издаваемая в последние годы в посткоммунистических странах, посвящена разным аспектам трансформационных процессов. С другой стороны, оценивая ее по строгому счету, трудно не признать, что исследование основных проблем посткоммунистических трансформаций находится на начальной стадии. О течении и результатах этих процессов в России и странах Центральной и Восточной Европы собран огромный фактический материал. Высказано много ценных идей о социальной сущности, движущих силах и механизмах этих процессов, их соотношении с глобальными процессами современности и общими цивилизационными сдвигами. Но эти знания пока фрагментарны. Преобладает анализ *отдельных сторон*, аспектов, явлений новой реальности. Попытки же разработки более или менее *целостных парадигм,* формирования общей картины исследуемых процессов встречаются редко, хотя некоторая работа в этом направлении идет.

Причины, препятствующие быстрому продвижению в этой научной области, можно условно разделить на три группы. Первая из них связана со сложностью и новизной предмета исследования, вторая — с состоянием социальных наук, унаследованным от советского периода, а третья — с финансовыми и кадровыми ограничениями, возникшими в годы преобразований и препятствующими проведению крупных репрезентативных и междисциплинарных исследований.

К первой группе причин можно отнести принципиальную новизну процессов перехода от государственного социализма к

тому или ином типу капитализма, отсутствие опыта их изучения, а также социетальный характер этих процессов, затрагивающих все общество целиком, во всей его сложности. Не меньшую трудность создает и то, что анализировать происходящие сдвиги ученым приходится не из "прекрасного далека", а изнутри самих меняющихся обществ, что не может не сказываться на точности оценок. Наконец, исследования практически ведутся "в реальном времени", без достаточного временно́го лага, требуемого для серьезного осмысления событий. Например, президентские выборы 1996 года воспринимаются сейчас как далекое прошлое. Все эти обстоятельства плюс явная незаконченность самих трансформационных процессов существенно ограничивают возможность глубокого теоретического осмысления стоящих проблем.

Новизна предмета исследования во многом обусловливает и такой собственно научный тормоз, как отсутствие сложившегося, *общепринятого научного языка* для описания посткоммунистических трансформаций. Новизна соответствующих процессов, своеобразие их субъектов и механизмов, зависимость от исторических особенностей разных стран требуют адекватного отражения в языке науки. Это предполагает разработку целостной системы согласованных понятий, которая, с одной стороны, достаточно полно отражает суть исследуемых процессов и явлений, а с другой — органически вписывается в сложившиеся концепты соответствующих наук, составляя их специфические домены. Такая работа требует не только объединенных усилий обществоведов разного профиля, но и достаточно длительного времени. Пока же отдельные научные сообщества говорят на разных языках, нередко не понимая друг друга[1].

[1] Многие авторы, сталкиваясь с еще не обозначенными наукой явлениями, вынуждены самостоятельно вводить новые понятия. Но "вживление" этих новых понятий "в тело науки", их привязка к укоренившимся категориям, ввод в массовое употребление совершаются очень медленно. Переломный характер переживаемого момента проявляется в том, что в разных статьях даже одних и тех же словарей аналогичные понятия толкуются в разных традициях и смыслах.

А.Г. Глинчикова рассматривает эту ситуацию на примере двух основополагающих понятий: "Что происходит сегодня с понятиями "капитализм" и "социализм"? Как-то по умолчанию они просто вытесняются из научного употребления и сохраняются разве что в качестве идеологических клише, весьма далеких от сути. Даже от претендующих на серьезность ученых порой можно слышать: какая, мол, разница — социализм, капитализм, — лишь бы жить в этом обществе было удобно и комфортно. Не надо, мол, даже вспоминать, что это было и какая между ними разница, а просто выбросить из научного оборота и забыть как устаревшие и более не функциональные. Справедливо возражая против такого подхода, автор указывает, что "...новое в науке не придумывается, оно возникает из преодоления старого. Мы можем уйти от понятия, но мы не можем уйти от необходимости понимания сути

Вторая группа причин, тормозящих развитие российской общественной науки, связана с пережитым в последние годы глубоким идейно-методологическим кризисом. Как известно, в советское время ученые, сдерживаемые идеологической монополией марксизма и политической цензурой, не могли свободно исследовать и обсуждать набиравшие силу кризисные процессы. Это порождало иллюзию, что для подлинного расцвета науки, появления новых творческих идей и концепций надо только освободить науку от идеологических пут. Однако жизнь оказалась сложнее. Выяснилось, что для создания новой общественной теории, способной занять ведущее место марксизма, требуется не только значительное время, но и появление выдающихся умов. Фактическим результатом идейного развенчания марксизма стал не расцвет общественной науки, а затяжной теоретико-методологический кризис. Ни классические, ни новые общественные теории не оказались способными объяснить, что представляли собой общества советского типа, во что — при тех или иных условиях — они могли трансформироваться и в каких направлениях движутся в настоящее время.

Правда, открывшиеся западные источники обогатили российскую общественную мысль многими ценными и перспективными идеями, но ответить на главные из стоящих перед ней вопросов они не смогли, так как описывали принципиально иные типы социальной реальности. Не случайно все большее число исследователей фиксируют, что за аналогичными процессами, явлениями, институтами в России и на Западе, как правило, скрываются принципиально разные отношения и представления. Чтобы эффективно использовать западные теории в российских условиях, их надо критически переосмыслить, что требует очень серьезной работы[1].

общества, в котором мы живем. Понятия "капитализм" и "социализм" нечто объясняли. Если они устарели, то надо понять, в чем они устарели, почему они больше не объясняют современное общество и в каком направлении они могут быть трансформированы и преодолены другими понятиями. Ведь понятия — это инструмент познания действительности. Если этот инструмент устарел, то это означает, что действительность ушла вперед, а люди продолжают пользоваться понятиями, которые были адекватны совершенно иной реальности". *(Глинчикова А.Г.* Капитализм, социализм, индустриальное общество — к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 37.)

[1] Эту мысль очень точно передает следующее высказывание Ю.М. Лотмана: ... поступающие из другой культуры тексты — не книги, переставляемые с полки на полку, но топливо, брошенное в топку. Они запускают машину мысли, и чтобы выполнять эту роль, им надо сгореть, перестать быть собой" (цит. по: *Козлова Н.Н., Смирнова Н.М.* Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // СОЦИС. 1995. № 11. С. 22).

Относительная слабость теории посткоммунистических трансформаций не может не сказываться на методологии и методике их исследования. Разнообразие и противоречивость мнений по важнейшим вопросам свидетельствуют о том, что научные коллективы часто исходят из совершенно разных парадигм этих процессов. При этом многие авторы (по-видимому, считая свои посылки очевидными и единственно верными) не склонны обнародовать ни методологические положения, из которых они исходят, ни методики, с помощью которых анализируют конкретные данные. В результате общая логика, научный язык и выводы разных исследований оказываются несопоставимыми. По-видимому, это одна из причин того, что в современной общественной науке России довольно редки широкие дискуссии.

Наконец, серьезным тормозом формирования целостной научной картины современных трансформационных процессов служат финансовые и кадровые ограничения, с которыми в настоящее время сталкиваются общественные науки[1]. Они затрудняют (а часто делают невозможным) проведение репрезентативных межрегиональных, мониторинговых, лонгитюдных и панельных исследований даже по самым актуальным проблемам. Сегодня большинство социологов вынуждены ограничиваться либо качественными методами сбора информации, либо проведением небольших "пилотажных" опросов, за которыми далеко не всегда следуют исследования, имеющие практическое значение. В результате научная картина трансформации российского общества носит дисперсный, мозаичный характер.

Препятствуют эти ограничения и *междисциплинарной* интеграции, столь важной для серьезных социетальных обобщений. Дело в том, что трансформация посткоммунистических обществ — это целостный многогранный процесс, изменяющий общество в целом. Его природа предполагает междu-

[1] В большинстве посткоммунистических стран наука и образование переживают глубокий институциональный кризис, особенно сильно проявившийся в России. Например, в Чехии душевые расходы государства на науку составляют около 80 долл. в год, а в России — всего 12 долл. При этом на протяжении 1990-х годов Чехии удалось удержать долю ВВП, ассигнуемую на образование, на одном уровне, в России же она снизилась в полтора раза (при почти двойном снижении абсолютных размеров ВВП). Средняя зарплата ученых в России в 10—20 раз ниже, чем их коллег в развитых европейских странах. Важнейшим фактором утечки российских умов на Запад является отсутствие средств на мощные компьютеры, измерительные приборы, средства телекоммуникаций, тонкие научные технологии, требуемые для проведения исследований на современном уровне.

сциплинарное изучение: ведь каждая дисциплина отражает всего одну из многих его проекций и потому неизбежно упрощает картину. Опыт показывает, что изучение сдвигов в какой-то одной сфере общества (например, в экономике или политике) в парадигмах только соответствующей науки не дает нужного результата[1]. Отсюда — осознаваемая широким кругом ученых потребность в разработке *междисциплинарной, или общенаучной, теории трансформационных процессов.* Между тем информационные связи между дисциплинами, изучающими трансформационные процессы под разными углами зрения — экономикой, политической наукой, социологией, демографией, историей, психологией, культурологией, пока еще слабы.

Отмечая эти и подобные факты, некоторые ученые оценивают современную ситуацию, в частности в социологии, как катастрофическую[2]. Но такая пессимистическая оценка, на мой взгляд, отражает лишь одну сторону ситуации, игнорируя одновременные позитивные процессы. В действительности в российской социальной науке борются две противоположные тенденции: наряду с названными выше деструктивными процессами происходит раскрепощение творческой общественной мысли, результат которого выражается в таком богатстве идей, о котором советская наука не могла мечтать. Тематика социальных исследований расширилась и актуализировалась, взгляд ученых проникает в такие сферы общественной жизни, которые прежде были для него закрыты. Историки изучают архивные документы, хранившиеся под грифом "совершенно секретно". Социологи исследуют состав, генезис и жизнедеятельность правящей элиты, теневые экономические механизмы, жизнь социального дна, движения социального протеста, феномены коррупции, организованного насилия и многое другое. Правда, проведение крупных социологических исследований затрудняется слабостью государственного финансирования науки, сложностью получения требуемых для этого денег. Но преодолевать со-

[1] Так, акцент на экономических (институциональных и структурно-отраслевых) аспектах трансформации и невнимание к ее социальным аспектам отрицательно сказалось на результативности деятельности правительства Е. Гайдара. Считалось, что главное – осуществить преобразования в экономической области, а люди сами как-нибудь к ним адаптируются. В действительности это привело, во-первых, к отчуждению больших социальных групп от новых экономических и политических прав, а во-вторых, к тому, что за новыми экономическими правами сегодня скрываются не партнерские отношения, свойственные либеральным правам, а старые отношения господства—подчинения.

[2] *Бородкин Ф.М.* Трагедия провинциальной социологии // Мир России. 1997. № 1. С. 123—128; *Рывкина Р.В.* Парадоксы российской социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 197—208.

противление консервативных и не очень грамотных секретарей обкомов КПСС, самостоятельно решавших, разрешить или запретить проведение социологических опросов в "своих" регионах, в наши дни уже не приходится.

В новых условиях главной движущей силой развития науки служит не государственный или социальный заказ, а прежде всего заинтересованность самих ученых в познании закономерностей и механизмов развития общества. Будучи внутренне свободными, они получили возможность обосновывать и проверять самые смелые гипотезы, не оглядываясь на близкое и дальнее руководство. Творческая деятельность свободных исследователей способствует расширению научного горизонта, открывает пути методологическому поиску, развитию новых теоретических представлений с опорой как на западные теории, так и на собственные оригинальные концепции. Однако не всякое исследование может служить формированию *целостного* представления о современных трансформационных процессах, их движущих силах, факторах и механизмах. Для этого необходим научный подход, отличающийся некоторыми особыми чертами. Наиболее важны из них следующие:

во-первых, *междисциплинарность* (поскольку для осмысления этого сложного, многостороннего феномена необходимо учитывать достижения самых разных общественных наук);

во-вторых, *комплексность* (сочетание познания объективных и субъективных, внешних и внутренних, осознаваемых и неосознаваемых субъектами аспектов трансформации);

в-третьих, *многоуровневый характер* (т. е. изучение процессов, протекающих на макро-, мезо- и микроуровнях, причем как в относительной автономности, так и во взаимосвязи друг с другом);

в-четвертых, учет *множественности социальных субъектов,* обладающих неодинаковыми ресурсами, интересами и возможностями и потому по-разному влияющих на становление новых правил игры.

Принимая во внимание сложность исследуемых процессов и современное состояние науки, одновременно реализовать все эти принципы очень трудно. Примеров подобного рода коллективных и индивидуальных работ можно назвать пока немного, однако развитие в этом направлении идет. Важную роль в этом процессе играют разные формы самоорганизации ученых. Так, по мнению многих российских и зарубежных ученых, активную роль в формировании комплексных, многоуровневых подходов к изучению современного трансформационного процесса в России положил ежегодно (с 1993 г.)

проводимый Интерцентром и Московской высшей школой социальных и экономических наук международный междисциплинарный симпозиум "Куда идет Россия?". Круг обсуждавшихся этим симпозиумом конкретных тем каждый год менялся[1], но ориентация на диалог представителей разных наук и особый интерес к комплексным оригинальным концепциям оставались неизменными в течение 10 лет.

Другим способом выхода на комплексные междисциплинарные исследования современных трансформационных процессов стали временные объединения ученых в творческие междисциплинарные коллективы, в том числе и на виртуальной основе[2]. Свою лепту в комплексное, многоуровневое осмысление трансформации российского общества вносят и междисциплинарные научные коллективы, а также коллективы, ведущие поиск по многим направлениям исследуемого процесса[3].

В последние годы стали появляться междисциплинарные комплексные исследования и отдельных авторов[4], что создает

[1] Последовательность конкретных тем, обсуждавшихся симпозиумом в разные годы, была следующей: Альтернативы общественного развития (1994, 1995); Социальная трансформация постсоветского пространства (1996); Общее и особенное в современном развитии (1997); Трансформация социальной сферы и социальная политика (1998); Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год (1999); Власть, общество, личность (2000); Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса (2001); Формальные институты и реальные практики (2002); Итоги социетальной трансформации (2003).

[2] Так, результатом работы виртуальной мастерской под рук. проф. Р.М. Нуреева, в которой объединились экономисты и социологи, стала объемная монография "Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ)" / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001.

[3] Результаты подобных исследований отражены, например, в работах: "Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы" / Отв.ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003; Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация / Под ред. Н.М. Римашевской. М.: РИЦ ИСЭПН, 2002; Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Academia, 2002; Россия: трансформирующееся общество /Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001.

[4] См.: *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002 (социология, экономика, право, политология, история); *Здравомыслов А.Г.* Социология российского кризиса. М.: Наука, 1999 (социология, политология); *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993—2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000 (социология, политология, социальная психология, культурология); *Лапин Н.И.* Пути России: социокультурные трансформации. М.: ИФ РАН, 2000 (философия, социология, культурология); *Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000; Или: http://www.auditorium.ru/books/83/ (социология, экономика, право, социальная психология); *Reddaway P., Glinski D.* The Tragedy of Russia's Reforms. Market Bolshevism against Democracy. Washington. 2001 (экономика, история, политология) и др.

предпосылки для формирования более-менее *целостных* парадигм исследования этого сложного явления и развития общей теории посткоммунистических трансформационных процессов[1]. На мой взгляд, такая теория должна дать непротиворечивые и аргументированные ответы хотя бы на следующие вопросы:

а) каким был *исходный пункт* трансформации, т.е. что представляли собой социалистические общества, или общественные системы советского типа?

б) ответом на какие *внешние и внутренние вызовы* (экономические, политические, социальные, культурные) были социетальные преобразования, начавшиеся в конце 1980-х годов?

в) через какие *качественные этапы* прошли трансформационные процессы в большинстве посткоммунистических стран и, прежде всего, в России?

г) какие типы преобразовательных процессов — революции, перевороты, реформы, транзиции, трансформации — имели место на разных этапах?

д) какие *социальные силы* инициировали, развивали или тормозили социальные преобразования, и как менялось соотношение этих сил?

е) по каким объективным *критериям* можно сравнивать и оценивать результаты посткоммунистических трансформаций в разных обществах?

ж) в какой мере *результаты*, достигнутые этими обществами, *соответствуют вызовам*, на которые призваны были ответить?

Многие российские и зарубежные ученые активно ищут ответы на эти и связанные с ними вопросы. Постепенное продвижение к обшей цели обеспечивается, во-первых, четкой постановкой требующих решения вопросов теории и, во-вторых, обоснованием хотя бы предварительных ответов, вокруг которых может развернуться дискуссия. О том, насколько долгим и трудным будет, по-видимому, путь к построению такой теории, можно судить по той разноголосице, которая царит в ответах ученых практически на каждый из ее ключевых вопросов. Чтобы оценить масштаб этого явления, сопоставим представления разных исследователей по двум наиболее важным вопросам.

[1] Впервые эта задача, насколько я знаю, поставлена известным чешским социологом Павлом Махониным в работе "К конструированию обшей теории посткоммунистических процессов" (Прага, 1995).

1.2. Взгляды ученых на исходный пункт и итоги трансформации российского общества

В научной литературе представлены разные, если не противоположные, понимания как социальной сущности советской системы, так и роли советского периода в истории России. Наиболее радикальные либералы рассматривают советскую систему исключительно в негативном свете, а Октябрьскую революцию воспринимают как трагическую "историческую случайность", которая увела Россию с перспективного капиталистического пути в социалистический тупик и толкнула на ошибочный путь многие другие страны. В свете этого главная задача бывших социалистических стран видится в возможно более быстрой и радикальной замене социальных институтов, унаследованных от советского периода, более эффективными институциональными системами, характерными для развитых западных стран.

В совершенно ином свете видят ту же ситуацию ученые, придерживающиеся социалистических и коммунистических убеждений. Они подчеркивают, что все обостряющиеся неразрешимые противоречия капитализма грозят человечеству гибелью, императивно требуя поиска альтернативных моделей развития. Советский опыт рассматривается ими как первая попытка такого рода, несмотря на все неудачи и жертвы, доказавшая, что альтернатива капитализму возможна. С учетом невероятной сложности условий развития советской России эту попытку надо признать успешной, ибо в целом советское общество ориентировалось на более высокие ценности, чем прибыль и накопление капитала. Оно стремилось реализовать принципы социальной справедливости, рационального потребления, защиты социально слабых групп и др. Возвращение от недостроенного, несовершенного социализма к примитивному хищническому капитализму означает социальный регресс. Действительная же задача российского общества — достроить социализм, обновив его теоретическую парадигму и придав ему современные черты. Подчеркивается, в частности, что в настоящее время социализм приобретает другие цели, ориентируется на другие социальные силы и, сохраняя требование относительного равенства, делает, по сравнению с социализмом XX века, гораздо более сильный акцент на идее свободы[1].

[1] См., напр.: Социализм в перспективе постиндустриализма / Под ред. Е.А. Самарской. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Наряду с этими крайними точками зрения существует промежуточный и, как мне кажется, более объективный и взвешенный взгляд, согласно которому Октябрьская революция, гражданская война и становление советской власти были вполне закономерным итогом накопления острейших социальных противоречий в капитализировавшейся предреволюционной России[1]. Основным содержанием советского этапа российской истории стала насильственная модернизация отсталого крестьянского общества, осуществлявшаяся тоталитарным государством в условиях постоянной военной угрозы и периодических войн. За эту уродливую и незавершенную модернизацию Россия заплатила десятками миллионов жизней. Этой непомерной ценой было оплачено ее превращение из отсталой в мощную и современную страну, приобретение внешней независимости и возможности реального движения к социализму. Однако к 1960-м годам мобилизационный ресурс советской системы был исчерпан. Институциональная структура общества нуждалась в коренной реконструкции, решиться на которую партийная номенклатура не смогла. В результате Россия потеряла треть века, по динамизму развития человечества равнявшегося нескольким прежним векам[2].

Сказанное, на мой взгляд, свидетельствует о принципиальной несовместимости взглядов разных групп ученых на *исходный пункт* посткоммунистических трансформаций.

Второй вопрос связан с оценкой *глубины, степени завершенности и принципиальных итогов* общественных преобразований в России. Изменились ли качественные характеристики всей институциональной системы как целого или преобразования коснулись только отдельных институтов? Предрешены ли конечные итоги преобразовательного процесса в России или его направление может еще меняться? Преимущественно пози-

[1] «Один из основоположников современной западной социологии Питирим Сорокин, говоря об отличиях реформы от революции, на первое место поставил следующий признак: реформа должна соответствовать ***"базовым инстинктам"***, менталитету данного народа, его представлениям о добре и зле. Если реформа не соответствует данному условию, она обречена, и мирный выход из кризиса маловероятен. Как же после этого относиться к тем, кто писал об искусственно навязанном стране "социалистическом выборе", который удался якобы лишь благодаря случайному стечению обстоятельств, возникших в ходе первой мировой войны» (*Логинов В.Т.* Столыпин как реформатор // Куда идет Россия?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современого трансформационного процесса. М.: МВШСЭН, 2001. С. 31.)

[2] См., напр.: *Данилов В.П.* Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот ? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: МВШСЭН, 1999. С. 11—28.

тивный или негативный характер носят происшедшие в обществе сдвиги? Точек зрения на каждый из этих вопросов много, но я ограничусь здесь лишь пятью.

1. *Современное устройство российского общества является результатом успешного перехода от планово-распределительной экономики к рыночной и от политического авторитаризма к демократии.* Осуществленные в 1990-х годах реформы носили прогрессивный модернизационный характер, они открыли России путь к процветанию. Имеющиеся недостатки и недоделки связаны с тем, что реформы еще не завершены. Со временем эти недостатки будут преодолены, обновленная Россия начнет быстро развиваться и сможет стать полноправным членом сообщества высокоразвитых стран. Этот взгляд, с теми или иными поправками, разделяет большая часть исследователей, имеющих либеральные ориентации. Они убеждены, что, хотя Россия и наталкивается на определенные трудности, в целом она движется в русле современных глобальных процессов, включая переход к постиндустриализму.

2. *Российское общество качественно изменилось, дилемма "план или рынок" снята с повестки дня, обратного хода к плановой экономике нет. Однако сложившаяся здесь система экономических и политических институтов далеко не такова, как утверждают крайние либералы; это не тот рынок и не та демократия, о которой они заявляли*[1]. От государственного социализма Россия, безусловно, ушла, но к современному капитализму она не пришла. Трансформация российского общества далеко не закончена, она носит во многом спонтанный характер, и ее итог не предрешен. Ключевое слово, определяющее современную российскую действительность, — имитация. Имитируется все: демократия, конкурентный рынок, правосудие, гражданское общество, права человека[2], но под внешне обновленными институциональными формами часто скрываются социальные практики, характерные для советского, а иногда и дореволюционного российского прошлого. Вопрос о возможных и наиболее вероятных типах рынка и демократии по-прежнему остается открытым и едва ли не самым актуальным для общества. Поэтому говорить о новой типологической принадлежности современной России пока преждевременно.

[1] Подробнее см.: *Заславская Т.И.* О смысле и предварительных итогах российской трансформации // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации /Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 393—397.

[2] См.: *Левада Ю.А.* Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций // Экономические и социальные перемены в России: Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1. С. 9.

3. *Современное российское общество далеко отошло от советского и принадлежит к иному социетальному типу, но ничего хорошего в этом нет. Страна шагнула назад, опустилась с более высокой ступени (государственного социализма) на более низкую (в "дикий капитализм").* Сторонники этого взгляда считают, что в действительности советская система не нуждалась в коренном реформировании, она полностью отвечала условиям России; либеральные же реформы привели ее к катастрофе[1]. (Другой вариант: пытаясь выбраться из одного тупика, страна попала в другой, еще более опасный.) Этой точки зрения придерживаются не только ученые и политики, лексикон которых богат такими понятиями, как "антинародный замысел Горбачева", "социальный регресс", "деградация", "предательство" и др.[2], ее разделяет и значительная часть населения.

4. *Качественное изменение общественного устройства России в принципе было не только возможно, но и необходимо. Однако задуманный переход к рынку и демократии пока не удался. По большому счету, российское общество не изменилось.* Слегка обновленные правила игры, выдаваемые за новые современные институты, в действительности не являются таковыми. Наиболее лаконично эту позицию выразил Ю. Феофанов: "И у них, и у нас рынок, только у нас он без конкуренции; у них и у нас демократия, только у нас она без ответственности"[3]. Следовательно, *глубинная сущность* частично преобразованной социальной системы во многом остается не затронутой. Этот взгляд распространен достаточно широко, но особенно ярко и образно выражен Б.Б. Радоманом[4].

[1] Например, *А.А. Зиновьев* пишет: "Я считал и до сих пор считаю, что этот [советский. — *Т.З.*] строй является наилучшим из всего того, что возможно в России в силу условий ее... То, что сейчас происходит в России, есть не прогресс, а деградация, разрушение всех основ жизни народа..." См.: *Зиновьев А.А.* Посткоммунистическая Россия: 1991—1995 гг. М.: Республика, 1996. С. 57.

[2] См., напр.: *Воейков М.И.* Споры о социализме: О чем пишет русская интеллигенция. М.: Экономическая демократия, 2000; *Ракитский Б.В.* Общество, в котором мы жили в СССР. М.: ИППС, 1995; *Он же:* Есть ли у России будущее? // Перспективы и проблемы России. М., 1994. Вып. 1.

[3] *Феофанов Ю.* Год Быка по старому стилю // Закон. 1997. № 12. С. 3.

[4] Вот лишь некоторые из подзаголовков его статьи: "Власть вместо собственности", "Ограниченная ответственность", "Конфискация и переделы имущества", "Воровские обычаи", "Экономика в тени", "Импульсы насилия", "Ненадежность партнеров", "Община вместо индивидов", "Сокровища из кирпича и бетона", "Универсализация вместо специализации", "Социальные крыши и снабженческие конторы" и др. Общий же вывод этого автора таков: "Представление о том, будто наша страна переживает "переходный период" от советского социализма к западному капитализму, удобно, чтобы обнадежить страждущее население, но вряд ли пригодно для научного анализа и прогноза...". См.: *Б.Б. Радоман.* Идеальный капитализм и реальная российская экономика // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: МВШСЭН, 1999. С. 427.

5. *Россия не стала страной демократии и рыночной экономики, потому что она вообще не могла и не может стать таковой. Ей имманентно присуща институциональная матрица принципиально иного типа, сохраняющаяся на протяжении всей ее истории.* Произвольно изменить эту матрицу невозможно. Поэтому реформы должны быть направлены не на внедрение западных институтов, а на совершенствование институтов, искони присущих России. Эта позиция представлена в "теории раздаточной экономики" О. Бессоновой[1] и "концепции институциональных матриц" С. Кирдиной. Эти авторы утверждают, что общества не могут волевым образом менять свои социетальные генотипы на противоположные. Такие смены происходят крайне редко, главным образом в результате внешнего насилия. О. Бессонова вслед за К. Поланьи и другими авторами указывает на существование не только рыночных, но и не менее жизнеспособных и полнокровных раздаточных или дистрибутивных экономик с высокой регулирующей ролью государства, которые опираются на иные, нерыночные социальные механизмы. Сейчас, по ее мнению, в России наблюдается один из периодических кризисов дистрибутивной системы, систематически разрешаемых через ее обогащение некоторыми рыночными элементами. Отсюда автор делает вывод о том, что, хотя к 1980-м годам экономические реформы в России стали безусловной необходимостью, направить их следовало не на разрушение исторически сложившейся раздаточной экономики, а на ее модернизацию, повышение эффективности в рамках сложившегося генотипа.

С. Кирдина пытается расширить теорию О. Бессоновой в двух отношениях. Она выдвигает аналогичную гипотезу по отношению к институциональному устройству не экономики, а общества в целом, причем речь идет не о России, а обо всех современных обществах. По мнению Кирдиной, современные общества делятся на два типа — X и Y, в зависимости от присущего каждому из них типу институциональных матриц. России, отнесенной к типу X — в отличие от западных обществ с матрицей Y, — имманентно приписываются такие свойства, как авторитарная государственная власть, раздаточная экономика и коммунитарная идеология[2]. С точки зрения этих концепций, наблюдаемые тенденции возрождения в России многих элементов советской системы закономерны и в дальнейшем надо ждать их усиления.

[1] *Бессонова О.Э.* Раздаток. Институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999; *Она же.* Институты раздаточной экономики России. Ретроспективный анализ. Новосибирск, 1997; *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.

[2] *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.

Приведенных примеров, по-видимому, достаточно для подтверждения того, что теоретическая парадигма изучения посткоммунистических трансформационных процессов вообще и подобного процесса в России, в частности, сформироваться пока не успела. Даже самые ключевые проблемы ученые разной идеологической ориентации видят в противоположном свете. Вот некоторые вопросы из данной области, по которым мнения разных научных сообществ расходятся особенно сильно:

- Существовала ли *объективная необходимость* в изменении социетального типа советского общества или преодолеть возникшие трудности можно было меньшей ценой?
- Если такая необходимость была, то определялась ли она в первую очередь *внутренними* противоречиями советского общества или диктовалась *внешними вызовами* со стороны мирового сообщества?
- В чем состоит *социальная сущность* трансформации посткоммунистических обществ? В одном или разных направлениях трансформируются российское и венгерское, украинское и эстонское, польское и узбекское общества?
- Можно ли утверждать, что российское общество *целенаправленно* переходит в новое качественное состояние, или происходящие в нем социальные сдвиги носят скорее *спонтанный* характер и их конечный результат неизвестен?
- Имеет ли трансформационный процесс в разных частях России — республиках, регионах, столице и провинции, городе и селе — *общее* социальное содержание, или происходящие там сдвиги разнонаправлены, что чревато дезинтеграцией общества?
- Какое влияние либеральные реформы оказали на уровень *цивилизационного* развития России: способствовали они повышению ее цивилизационного статуса или скорее его снижению?

Эти и многие другие вопросы ждут не только теоретического ответа, но и доказательного подтверждения результатами эмпирических исследований. Изучение данного курса предполагает существенное расширение знаний слушателей в изучаемой области, а также активизацию их творческого потенциала в области науки и гражданского самосознания.

1.3. Задачи, логика и структура курса

Содержание предлагаемого курса представляет собой определенный шаг в сторону формирования целостной теории посткоммунистических процессов. Его задачи:

1. Обосновать (на примере России) представление о посткоммунистической трансформации как процессе постепенного, относительно мирного, но радикального изменения социальной природы, или *социетального типа* общества.

2. Уделяя необходимое внимание внешним политическим и экономическим факторам, представить исследуемый процесс как результат *взаимодействия* движущих сил: порождаемых, прежде всего, самим преобразующимся обществом, т.е. как равнодействующую активности социальных групп, слоев, классов, общественных движений, солидарностей, различающихся политическими, социальными и культурными характеристиками, интересами, статусными и иными ресурсами; описать конкретное содержание и структуру социально-инновационной активности этих субъектов.

3. Обосновать и проанализировать на примере России понятие *трансформационная структура* посткоммунистических обществ, отражающее расстановку тех социальных сил, взаимодействие (сотрудничество, конкуренция и борьба) которых определяет ход и конечные результаты общественных перемен.

4. Определить природу, функции и механизмы взаимодействия в трансформационном процессе микросубъектов (индивидов, семей, малых групп), мезосубъектов (организаций, предприятий, учреждений, фирм) и макросубъектов (общественных классов и слоев, партий, движений, крупных корпораций, холдингов).

5. Обосновать принципы идентификации *культурно-политических сил* России, проанализировать их социальный состав, социокультурные качества и важнейшие формы активности.

6. Раскрыть строение и принцип функционирования *социального механизма* трансформации посткоммунистических обществ; обосновать возможности использования этой категории как эффективного методологического средства межрегиональных и международных сравнений.

Структура курса включает пять тематических разделов. Первый из них содержит характеристику российского общества как специфического и уникального объекта посткоммунистической трансформации. Это предполагает, во-первых, выяснение сущностных черт советского общества, качественное

преобразование которого составляет суть исследуемого процесса, и, во-вторых, анализ культурной и геополитической специфики России на фоне других стран бывшего СССР, Центральной, Восточной и Западной Европы.

Во втором разделе исследуются конкретное содержание, направления и промежуточные итоги трансформации России. Анализируется возможность и целесообразность использования здесь понятий и категорий, разработанных в рамках классических теорий развития. В связи с отрицательным ответом на вопрос об их применимости предпринимается попытка сконструировать типологическое пространство, позволяющее достаточно полно и точно судить о ходе и результатах посткоммунистических трансформаций. Детально раскрывается содержание каждой из трех осей выстроенного пространства — институциональной, социоструктурной и деятельностно-культурной, и оцениваются итоги перемещения России по этим осям в период реформ.

В третьем разделе раскрывается содержание центральной категории курса, образующей его "несущую конструкцию". Речь идет о строении и принципах функционирования социального механизма трансформации посткоммунистических обществ, а также о движущей этот процесс трансформационной активности социальных субъектов.

Два последних раздела курса посвящены трансформационной структуре преобразующихся обществ, представляющей специфический "срез" социально-групповой структуры общества. Элементами этой структуры служат культурно-политические макрообщности, заинтересованные в реализации разных вариантов развития России. В четвертом разделе анализируется вертикальная проекция трансформационной структуры, отражающая иерархическое строение общества, а в пятом разделе — ее горизонтальная проекция, макроэлементами которой служат разные культурно-политические силы. Анализ соотношения и взаимодействия этих сил подводит к вопросу о перспективах, ожидающих Россию как в ближайшем, так и в более отдаленном будущем. Оценкой этих перспектив и завершается курс.

Рекомендуемая литература

1. *Барсукова С.Ю.* Болезни роста российской социологии // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1998. № 13—14. С. 104—112.

2. *Грушин Б.А.* На перекрестке дорог, ведущих в будущие годы // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации /Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 363—369.

3. *Заславская Т.И.* О некоторых методологических вопросах исследования современного российского общества // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999. С.132—140.

4. *Заславская Т.И.* О смысле и предварительных итогах российской трансформации // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 390—397.

5. *Левада Ю.А.* Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1. С. 8—12.

6. *Межуев В.М.* Отношение к прошлому — ключ к будущему // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999. С. 39—48.

7. *Шабанова М.А.* К интерпретации хода и перспектив современного трансформационного процесса в России // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации /Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 380—386.

8. *Mahonin P.* Social Transformation and Modernization. To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries. Praha. 1997.

9. *Ray L.* The rectifying revolution? Organizational futures in the new Eastern Europe. In : Organization, Vol. 2 (3/4), 1995, Sag.

Глава вторая

ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ

2.1. Некоторые вопросы методологии

Предметом нашего изучения служат глубокие структурные и институциональные сдвиги, происходящие в современном российском обществе. Понять их сущность и масштаб можно только путем сравнения с некоторой исходной точкой. В качестве таковой естественно принять устройство бывшего советского общества, по образу и подобию которого создавались другие общества "второго мира". Поначалу советская общественная наука как бы не заметила или не учла важности нового независимого исследования исходного этапа начавшихся преобразований, по-видимому, предполагая, что основные черты советской системы были достаточно хорошо известны и не требовали дополнительного анализа. В действительности, однако, дело обстояло иначе. Во-первых, цензурные и идеологические ограничения не позволяли объективно и беспристрастно исследовать советскую общественную систему, поэтому сколько-нибудь полное и адекватное представление о ее подлинном устройстве в науке отсутствовало. Во-вторых, едва возникшие демократические свободы сразу выявили резкую дифференциацию взглядов на природу советского общества. В связи с этим по прошествии времени у многих исследователей возникла потребность вернуться к анализу дореформенного советского общества, чтобы яснее и глубже понять, от чего мы уходим, в каком направлении движемся и куда стремимся прийти.

Поскольку более или менее единого ответа ни на один из этих вопросов нет, начнем с рассмотрения тех терминов, которые чаще всего используются для обозначения обществ *советского* типа. На Западе такие общества обычно определяются как *коммунистические*, хотя к коммунизму как форма-

ции они никакого отношения не имеют. Преимущества этого популярного термина — краткость, определенность и однозначность: его использование не оставляет сомнений в том, о каких именно обществах идет речь. Но этот выигрыш достигается за счет снижения содержательной адекватности, поскольку внимание аналитиков односторонне сосредоточивается на доминирующей общественно-политической силе, не затрагивая типов экономики и социальной структуры обществ. Поэтому данный термин чаще употребляется в публицистике, чем в науке.

Большинство ученых предпочитают использовать более сложные понятия, чаще всего представляющие собой комбинации разных экономических формаций (типа: полуфеодальный капитализм, капитализированный социализм, социальный капитализм и т.п.). Однако такой упрощенный подход не позволяет описать реальное многообразие обществ, а для идентификации обществ советского типа не дает практически ничего. Из этого можно сделать вывод, что для типологизации современных обществ классическая теория общественных формаций либо совсем неприменима, либо как минимум недостаточна. Адекватное отражение социальной реальности конца XX — начала XXI века, очевидно, требует использования *новых,* более соответствующих ей научных понятий.

Для уточнения социальных качеств советской системы нередко используются термины, содержащие оценку ее политической составляющей: государственная, коммунистическая, тоталитарная, мобилизационная, бюрократическая, автократическая и др. Многообразие этих терминов свидетельствует о том, что окончательное, достаточно точное определение советского типа обществ пока не найдено. Ученым, изучающим трансформацию обществ бывшего СССР, Восточной и Центральной Европы, еще предстоит выработать сущностное определение исходного состояния исследуемых систем. Пока же приходится довольствоваться описанием их важнейших черт.

Для типологической характеристики обществ бывшего СССР и современной России необходим краткий экскурс в историю, который позволит проследить, с одной стороны, генезис и основные этапы развития советского общества, а с другой — инвариантные, или "сквозные", черты, сохранявшиеся в течение всего его существования.

Дело в том, что за исторически краткий срок советское общество прошло несколько этапов развития, принципиально отличавшихся друг от друга и содержанием общенациональных задач, и расстановкой классовых сил, и характером базовых институтов. С точки зрения рассматриваемого вопроса достаточно выделить четыре наиболее значимых этапа советской истории: 1) революция, гражданская война и последовавшие за ними годы социализации и демократизации общества (1917—1926); 2) период становления, укрепления и заката сталинизма (1927—1953); 3) период зрелости советской системы, названный "реальный социализм" (1954—1975) и 4) период стагнации, разложения и кризиса советской системы (1976—1985). Особого внимания заслуживает третий этап, отличающийся наиболее полным раскрытием основных характеристик советского общества. Предшествующие этапы позволяют понять, почему оно приобрело такие черты, а заключительный этап показывает закономерный характер потенциально заложенного в советской системе кризиса.

Говоря об этапах советской истории, я сосредоточусь прежде всего на тех изменениях, которые происходили в общественном устройстве страны, иными словами, в институциональной и социальной структурах общества. Для этого применительно к каждому из этапов постараюсь определить:

а) какие социально-классовые образования находились у власти и на какую социальную базу они опирались;

б) как изменялись важнейшие институты общества, в первую очередь институты власти и собственности;

в) в чем состояло основное классовое противоречие, как оно проявлялось и разрешалось;

г) какие классы (слои, социальные группы) угнетались, вытеснялись, находились в оппозиции к власти;

д) какие социально-классовые образования находились вне зоны основного конфликта и как они действовали (раскалывались и примыкали к соответствующим классовым антагонистам или сохраняли внутреннюю целостность, занимая нейтральную или промежуточную позицию).

2.2. Рождение и становление советского общества (1917—1926)

Советское общество возникло в результате Октябрьской революции 1917 года, неотделимой от последовавшей за ней гражданской войны. Современные взгляды ученых на сущность, характер и результаты этих процессов весьма противоречивы.

Как отмечалось, наиболее радикальные либералы полагают, что победа большевиков и становление советской власти были результатом случайного совпадения ряда несчастливых для россиян обстоятельств. По их мнению, если бы Россия смогла продолжить "нормальную" эволюцию по капиталистическому пути (на который едва успела вступить), то сегодня она была бы столь же высоко развита, как Германия или Франция.

Слабость этого взгляда — в его внеисторичности, ибо антагонистические противоречия, вызвавшие большевистскую революцию и кровавую гражданскую войну, назревали десятилетиями, если не веками. В России первой четверти XX века народно-демократическая революция была неизбежна и, по мнению большинства российских историков, несмотря на ужасы гражданской войны, носила в целом прогрессивный характер. Пусть по-своему, по-российски, огромной ценой и к тому же на короткое время, но революция все-таки разрешила раздиравшие общество противоречия, разрушила устаревшую общественную систему, открыла возможность модернизации и ускоренного развития страны.

Вместе с тем представления об Октябрьской революции, закрепленные в советских учебниках и усвоенные несколькими поколениями россиян, были результатом сознательной мифологизации и извращения истории новой верхушкой общества. Опираясь на работы современных историков, отметим несколько пунктов, наиболее важных для понимания последующего развития советского общества.

1. События, развернувшиеся в Петербурге, Москве и нескольких других городах России в конце октября 1917 года, рассматриваемые вне более широкого исторического контекста, вряд ли соответствовали понятию "революция". Это был скорее политический переворот, который приобрел подлинно историческое значение главным образом благодаря роли, сыгранной им в развитии крестьянской революции 1905—1922 годов. Обоснованию концепции этой революции как центрального события российской истории первой половины XX века посвящены работы большого коллектива российских и зарубежных историков, в первую очередь В.П. Данилова, Т. Шанина и др.[1]. Согласно этой концепции революция 1905 года,

[1] См., напр.: *Корелин А.П.* Политический кризис в России в начале XX века // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.,1999. С. 54—61; *Шанин Т.* Революция как момент истины. М.: Весь мир, 1997; *Lewin M.* The making of the Soviet System : Essays of the Social History of Interwar Russia. N.Y., 1985; *Бабашкин В.В.* О некоторых закономерностях эволюции власти в посткрестьянском обществе // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С. 105—116.

обе революции 1917 года, гражданская война и крестьянские восстания начала 1920-х годов представляли собой взаимосвязанные звенья многоэтапной крестьянской революции как ответ на попытки капитализации России. Октябрьский же переворот стал поворотным пунктом мировой истории не благодаря реализации программных целей РСДРП об улучшении положения рабочих, а прежде всего потому, что предопределил конечные результаты развертывавшейся в России мощнейшей крестьянской революции.

2. Подлинной движущей силой революции, породившей советское общество, был не социально незрелый и малочисленный в то время пролетариат, а составлявшее основу российского общества многомиллионное крестьянство, самая дееспособная часть которого была в то время переодета в шинели. Большевики пообещали крестьянам главное: мир, свободу и землю. Это и обеспечило им массовую поддержку, предопределившую исход революции.

3. Добиваясь власти, большевики рассчитывали на мировую социалистическую революцию. Позже им пришлось заменить эту идею построением социализма в одной стране. Это обязывает нас, анализируя историю СССР, специально остановиться на проблеме социализма. Как известно, социалистические идеи, развитые в XIX веке некоторыми философами и мыслителями Западной Европы, исторически были связаны с неприятием социальной практики индустриального капитализма. Социалистическая идеология отрицала и отрицает неизбежность угнетения человека человеком, экономической эксплуатации, социальной и национальной дискриминации людей. Она ориентируется на социальную справедливость, выравнивание жизненных шансов людей, расширение прав и свобод человека, коллективизм и взаимопомощь. Бесспорная привлекательность социалистических идей для угнетенных и эксплуатируемых общественных групп позволила большевикам использовать их в борьбе с правящими классами за завоевание и удержание власти. Поэтому Октябрьский переворот через несколько лет после его свершения был назван Великой социалистической революцией. В 1920-х годах индустриализация и коллективизация сельского хозяйства проводились под лозунгами строительства социализма. А в середине 1930-х годов И.В. Сталин заявил, что социализм в СССР в основном построен.

В основном это была игра словами, так как в крестьянской стране, разоренной войнами и разрухой и к тому же при-

выкшей к авторитарному управлению, предпосылок для быстрого становления социализма не было. Страну надо было прежде всего вытаскивать из вековой отсталости. После неудачи с политикой военного коммунизма большевики были вынуждены сделать ставку в сельском хозяйстве на НЭП, а в крупной промышленности — на государственный капитализм. Первая мера создавала простор для развития хозяйственной инициативы крестьян, подъема земледелия и животноводства, а вторая должна была способствовать развитию современной централизованно управляемой промышленности.

Ленин писал: "Государственный капитализм был бы для нас шагом вперед. Если бы мы могли в России через малое число лет осуществить государственный капитализм, то переход к социализму был бы легок.., потому что государственный капитализм есть нечто централизованное, подсчитанное, контролируемое, обобществленное, а нам-то и не хватает как раз этого, нам грозит стихия мелкобуржуазного разгильдяйства"[1]. Он утверждал, что "*социализм* есть не что иное, как *государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа* и *постольку* переставшая быть капиталистической монополией"[2]. Ленин мечтал, что государственный капитализм превратит народное хозяйство страны в "единую фабрику" и тем самым создаст материальные условия для перехода к социализму. В таком случае большевикам осталось бы только экспроприировать частный капитал, полностью национализировать экономику и переадресовать трудящимся массам доход, ранее присваивавшийся буржуазией. Первую часть этого плана — создание государственного капитализма — большевикам реализовать в основном удалось, но превратить его в социализм они не смогли, да, по сути, и не пытались.

Чтобы по возможности справедливо оценить социальные результаты Октябрьской революции, о которых до сих пор ведутся ожесточенные споры, рассмотрим *социально-классовую структуру* советского общества середины 1920-х годов. Политическая власть, право управления обществом и распоряжения большей частью национального богатства были к этому времени сконцентрированы в руках верхушки ВКП(б) и значительно расширившегося партийного актива. Социальную опору новой власти составляли рабочие (в первую очередь, крупных предприятий), а также основная масса крестьян, получивших

[1] *Ленин В.И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 34. С. 192—193.

[2] Там же. С. 193.

землю и заметно улучшивших свое материальное и социальное положение.

Первое поколение большевиков (те "комиссары в пыльных шлемах", которыми восхищался молодой Окуджава) оказалось перед лицом проблем, унаследованных от косного одряхлевшего самодержавия, и энергично взялось за их решение. Крестьяне получили не только землю, но и относительную свободу хозяйствования. В стране было введено всеобщее обязательное начальное образование, развернута борьба с неграмотностью взрослых, эпидемическими болезнями и другими проявлениями социальной отсталости. Перераспределение собственности бывших привилегированных сословий существенно сократило разницу в положении общественных верхов и низов. Резко интенсифицировалась восходящая мобильность представителей угнетенных слоев и наций. Все это породило значительный социальный энтузиазм и позволило сравнительно быстро восстановить довоенный уровень производства, повысить благосостояние населения, обеспечить мощный взлет культуры.

Основными классовыми противниками коммунистической власти были остатки дворянства, купечества, старого офицерства, духовенства, чиновничества. Под подозрением находились и зажиточные крестьяне — "кулаки". К представителям этих сословий применялись суровые меры: их лишали гражданских прав, не принимали на работу, по малейшему подозрению арестовывали, подвергали репрессиям, высылали в Сибирь или за рубеж[1]. В меньшей мере страдала разночинная интеллигенция, хотя и ее представители нередко рассматривались как "буржуазные специалисты" и "классово чуждые элементы". В действительности старая российская интеллигенция после революции раскололась: большая часть ее поддержала новую власть, считая ее демократической, а меньшая — составила открытую или латентную оппозицию.

Основное классовое противоречие того времени касалось распределения власти и собственности. Большевики стремились любой ценой удержать власть в своих руках, подавить и уничтожить всякую оппозицию, укрепить свою социальную базу путем улучшения условий жизни трудящихся классов. Оппозиция же стремилась свергнуть их власть, восстановить прежний режим, возвратить потерянные статус и собствен-

[1] *Черных А.* Становление России советской. 20-е годы в зеркале социологии. М.: Памятники исторической мысли, 1998.

ность. Это было непримиримое, антагонистическое противоречие. Средствами его разрешения служили, с одной стороны, антибольшевистские политические заговоры, крестьянские восстания и бунты, а с другой — беспощадное подавление большевиками любых попыток социального сопротивления, суровое наказание (начиная со ссылки в Сибирь и кончая расстрелом на месте) не только участников, но и сочувствующих антиправительственной деятельности.

В целом, несмотря на безусловный разрыв между идеей социализма и фактическим направлением деятельности большевиков, первое десятилетие советской власти можно оценить как период поступательного развития общества, довольно успешного преодоления унаследованных от российской империи социальных противоречий, улучшения положения трудящихся масс, ликвидации национального гнета. Но этот относительно благоприятный период оказался недолгим.

2.3. Становление и расцвет сталинизма (1927—1953)

Возраставшая сила зажиточного крестьянства, его растущее недовольство навязываемыми властью условиями продажи хлеба, рост частнокапиталистического сектора промышленности, острая идеологическая борьба внутри партии, а также серьезные внешнеполитические угрозы препятствовали реализации плана строительства социализма. Частный капитал, получивший определенное развитие в селе и городе, как предварительно и намечалось Лениным, был национализирован. Но часть национального дохода, ранее присваивавшаяся частными собственниками, была направлена не на повышение благосостояния, рост качества жизни, развитие личности трудящихся, а на ускоренную индустриализацию страны и развитие оборонной промышленности. На эти цели стал расходоваться не только прибавочный продукт (прибыль), но и значительная часть необходимого продукта, обеспечивавшего воспроизводство рабочей силы. В результате в 1930-х годах положение трудящихся резко ухудшилось (голод на Украине, унесший миллионы человеческих жизней, карточная система распределения продовольствия в городах, специальные распределители продуктов для разных групп и слоев населения и др.).

Во второй половине 1920-х годов Сталин начал борьбу со своими партийными оппонентами и "слева", и "справа" за систему авторитарной личной власти, не имеющую с социализмом ничего обшего. Растянувшаяся на десять лет борьба политических сил за разные варианты обшественного устройства России приняла форму ползучего антисоциалистического переворота, в результате которого власть в стране приобрела тоталитарный характер. В 1930-х годах она полностью перешла к клану партийной бюрократии, сплотившемуся вокруг личности Сталина и поддерживавшему все его начинания. Сталинские "вожди" и верхушка их аппарата опирались на всю мощь государственной машины. Их поддерживал служилый военно-бюрократический класс, включавший партийных и государственных чиновников, работников репрессивных органов, военную и идеологическую элиту, директоров крупных предприятий (часто также облаченных в военную форму).

Обладание всей полнотой власти способствовало постепенному превращению правяшего клана партбюрократии в *новый правящий класс*. Лев Троцкий еше в конце 1920-х годов предупреждал о неизбежности возникновения этого класса и о связанной с ним опасности "советского термидора". Он отмечал, что бюрократия в СССР "есть нечто большее, чем бюрократия. Она есть единственный в полном смысле привилегированный слой в советском обществе"[1]. Термидор же он определял как "особую форму контрреволюции, совершаемой в рассрочку, в несколько приемов, и используюшей для первого этапа элементы той же партии — путем их перегруппировки и противостояния"[2]. В середине 1930-х годов реальность этой угрозы подтвердил посетивший СССР французский писатель Андре Жид. В 1957 году о «советском управленческом аппарате как вполне сложившемся господствуюшем "новом классе"» писал Милован Джилас[3], а в 1970—1980-х годах М.С. Восленский дал ему закрепившееся на долгие годы имя *номенклатуры*[4].

[1] *Троцкий Л.* Преданная революция: Что такое Советский Союз и куда он идет? М., 1991. С. 206.

[2] Цит. по : *Данилов В.П.* Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999. С. 16.

[3] Русское издание: *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992.

[4] Русское издание: *Восленский М.С.* Господствуюший класс Советского Союза. М., 1991.

Еще в конце 1920-х годов Сталин выдвинул тезис о "закономерном обострении классовой борьбы в период строительства социализма". В качестве классовых врагов советской (фактически — уже тоталитарной) власти стали рассматриваться, во-первых, та часть номенклатуры и бюрократии, которая по тем или иным причинам не соглашалась с общей линией и конкретными действиями Сталина; во-вторых, крестьянство (вначале — относительно зажиточное, затем среднее, а по завершении коллективизации — едва ли не все колхозники); в-третьих, относительно независимая интеллигенция, продолжавшая отстаивать социалистические ценности и заслужившая наименование "гнилой". Промежуточное положение между властью и оппозицией занимали массовые группы, скорее выигравшие, чем проигравшие от нового режима, — рабочий класс и новая, вышедшая из народа интеллигенция, искренне преданная советской власти и не замечавшая ее перерождения.

На этом этапе классовые противоречия между про- и антисоциалистическими силами решались как политическими, так и экономическими методами. Первые заключались в массовых репрессиях и физическом уничтожении "врагов народа", оказавшихся на пути тоталитарной власти; вторые — в жестокой эксплуатации крестьян, вначале рассматривавшихся в качестве "классовых союзников" пролетариата и вынесших на своих плечах основную тяжесть революции и гражданской войны, а затем неожиданно для себя "оказавшихся" его противниками.

Эксплуатации подвергались и специалисты, сложный интеллектуальный труд которых оплачивался на уровне простого физического труда; распространялась она и на "класс-гегемон" — пролетариат. Усиление эксплуатации трудящихся позволяло не только индустриализировать экономику, но и закладывать основы материального процветания правящего класса — *партийной и советской бюрократии*. Росла численность управленческого аппарата, повышалась его заработная плата, множились закрытые распределители, вводились особые пайки, специализированные услуги. В экологически чистых уголках за высокими заборами вырастали государственные дачи, расширялся парк оплачиваемых государством персональных автомашин, повышалось их качество. Правящая партийно-государственная бюрократия постепенно кристаллизовалась, приобретала классовое сознание, превращалась из класса в себе в *класс для себя*.

Но главным содержанием сталинского периода был глубоко противоречивый по целям, средствам и результатам процесс *насильственной мобилизации и модернизации общества*. Он позволил стране в труднейших условиях и в короткие сроки выстроить индустриальную экономику, обеспечить себя современным оружием, отстоять независимость в кровавой войне. Но эти результаты были достигнуты ценой отказа практически от всех социалистических ценностей, а главное — гигантских человеческих жертв. Это придало общественному устройству страны многие уродливые черты и предопределило кризисный характер его последующего развития.

Сказанное объясняет, почему современные ученые оценивают сталинский этап советской истории столь противоречиво. Об ужасах и трагедиях этой эпохи сказано и написано так много, что, пожалуй, можно не повторяться[1]. Но существуют и подлинные поэты сталинизма[2]. Так, в изданной в 1994 году книге "Homo soveticus" А. Зиновьев пишет: "Настало время посмотреть на сталинизм как на великий исторический процесс подъема миллионов людей с самых низов общества к образованию, культуре, творчеству, активности. Много погибло, это верно. Но гораздо больше уцелело, изменило в корне образ жизни, поднялось, жило интересной, сравнительно с прошлым, жизнью. Это был беспрецедентный в истории культурный, духовный и деловой взлет огромных масс населения. Это был процесс творческий во всех основных аспектах жизни. Он еще не оценен по достоинству... То, что мы имеем сейчас, — убогость, серость, унылость, по сравнению со сталинским периодом". К переоценке сталинизма в позитивную сторону призывает В. Третьяков.

Многие ученые, не одобряя сущности сталинизма, полагают, что в российских условиях он был *исторически обусловлен*, ибо для стран периферийного круга "совместить модернизацию (индустриализацию) с политическими и экономическими свободами... — дело трудное и подчас совершенно невыполнимое. Здесь чем-то до определенного времени надо пожертвовать — либо свободами в полном объеме, либо ускоренной модернизацией"[3]. В нашем случае в жертву была принесена свобода. Дру-

[1] См., напр.: *Яковлев А.Н.* Сумерки. М.: Материк, 2003; *Афанасьев Ю.А.* Опасная Россия, ч. 1, гл. 2. "Пролетарско-интернациональная советская империя". М.: РГГУ, 2001. С. 103—140; *Ракитский Б.В.* Общество, в котором мы жили в СССР. М.: ИППС, 1995 и др.

[2] См., напр.: *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. М., 1994; *Курашвили Б.П.* Куда идет Россия? М., 1994 и др.

[3] *Межуев В.В.* Отношение к прошлому — ключ к будущему // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999. С. 44—45.

гие исследователи считают, что исторические альтернативы сталинизму существовали. При этом ссылаются на варианты социально-экономических преобразований, предлагавшиеся Троцким и Бухариным, а также на ряд альтернативных решений по более конкретным вопросам. В принципе этот спор не имеет решения, ибо история не знает условного наклонения. Важнее понять, что фактически пережило советское общество и как это на него повлияло. А здесь нужно принимать во внимание и тот выигрыш, который дал сталинизм, и те потери, что он принес.

Каким же было действительное соотношение сталинизма и социализма? Ясно, что официальные утверждения о том, что в стране строится социализм, носили камуфляжный характер. В действительности сталинский переворот 1927—1937 годов, проходивший "под гром побеждающего социализма", имел антисоциалистическую направленность. Но настойчивая пропаганда социализма не пропала даром и принесла определенные плоды. Большинство советских граждан в какой-то мере верили декларациям власти и полагали, что приносимые ими жертвы содействуют построению подлинно справедливого общества. Это облегчало правящей бюрократии мобилизацию трудящихся на решение общенациональных задач и оказывало благотворное влияние на общественное настроение. Такая ситуация, в свою очередь, исключала возможность прямого отказа власти от тех элементов социализма, которые возникли в предыдущий период и закрепились в сознании миллионов людей.

В связи с этим представляется справедливым мнение В.П. Данилова, согласно которому все достижения, относящиеся к этому и последующим этапам развития советского общества, "были следствием мощного социалистического импульса, полученного в результате революции и на многие годы определившего направления и содержание экономического и культурного строительства, придавшего этому строительству характер народного подвига. Индустриализация страны, всеобщее образование и здравоохранение, мощный подъем науки и культуры, другие достижения советского времени были заложены не только в идеях, но и в практике уже первых советских лет. Они стали реальностью не благодаря сталинизму, а несмотря на препятствия и искажения, созданные сталинизмом"[1].

[1] *Данилов В.П.* К истории становления сталинизма // Куда идет Россия? Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 56—68.

2.4. Зрелое советское общество (1954—1975)

Западные критики с первых лет подчеркивали временность советской власти, предсказывали ей скорую и неминуемую гибель. Но годы шли, а предсказания не реализовались, советская система все укреплялась. Не погибла она и в результате четырехлетней кровопролитной войны. Встретив ее неподготовленной, страна закончила войну победительницей, заметно расширив свой жизненный ареал. А став обладателем атомной бомбы, Советский Союз приобрел статус Великой державы, оказывающей огромное влияние на геополитическую ситуацию в мире.

Под влиянием этих фактов точка зрения советологов на перспективы советской системы изменилась до противоположности. Если прежде они считали ее недолговечной, то позже стали приписывать ей практическую несокрушимость. И хотя для этого были определенные основания, новый прогноз также не подтвердился. Так в чем же состоял секрет устойчивости советской системы на первых этапах ее развития и что сделало ее хрупкой и уязвимой в дальнейшем? Чтобы понять это, надо выяснить *основные черты общественного устройства* СССР.

Зрелое советское общество вышло из сталинизма, унаследовав его основные характеристики в смягченной и более разумной форме. Власть и право распоряжаться государственной собственностью принадлежали номенклатуре, подпираемой и поддерживаемой все разраставшимся слоем "служилого сословья", начиная с ответственных работников управленческого аппарата и кончая обслуживающим персоналом специальных поликлиник и государственных дач. Наиболее эксплуатируемым классом общества по-прежнему оставалось крестьянство, слишком быстрое размывание которого со временем стало одной из важных причин общего кризиса. В социально-политическом плане наиболее дискредитирована была интеллигенция, рабочие же занимали среднее положение, причем статус наиболее квалифицированной их части был заметно выше статуса специалистов.

Главными *институциональными* особенностями советской системы служили:

1) Тоталитарное государство, поддерживаемое мощнейшей военно-бюрократической и репрессивной машиной, контролирующее все сферы общественной жизни, строго ограничивающее права и свободы личности и практически не допускающее возникновения действенных структур гражданского общества.

2) Почти полностью огосударствленная высокомонополизированная экономика; централизованное планирование, распределение и перераспределение национального продукта при практическом отсутствии рыночных отношений (возникший в последние годы советской власти бюрократический или административный рынок, о котором писали В. Найшуль, С. Кордонский и др., имел мало общего с нормальным экономическим рынком).

3) Решительное преобладание мобилизационных и репрессивных механизмов интеграции, включающих крайние формы принуждения и подавления, над культурными и духовными механизмами интеграции общества[1].

4) Относительно развитая, но сословно сегрегированная сфера общественного потребления, резкая дифференциация круга, форм и качества предоставляемых гражданам услуг в зависимости от их места в иерархии.

Названные качества институциональной системы определяли соответствующие черты *социальной структуры* советского общества. Важнейшими из них были:

1. Сословно-кастовый характер этой структуры, отсутствие (за исключением номенклатуры) зрелых политических классов, способных к самостоятельным действиям. Как отмечает Б.В. Ракитский, "касты сложились в СССР еще до войны и просуществовали в классически чистом виде до конца 80-х годов... Номенклатура — правящая каста тоталитарных обществ советского типа. Но и все остальное общество состояло из каст. Кастовый — сегрегированный — характер социальной структуры очень многое объясняет в России, начиная с конца 20-х годов и по сию пору. Не только распорядки жизни и деятельности, но даже идеология была сегрегированной. Одна идеология — для правящей касты, другая — для управляемых"[2].

2. Бюрократический тип стратификации, при котором социальный статус определялся в первую очередь местом субъектов в системе партийного и государственного управления. Экономический статус советского гражданина зависел прежде всего от занимаемой должности и сам по себе носил вторичный характер по сравнению с местом в управлении. Отсюда особо сильная личная зависимость нижестоящих работников от начальства по всей вертикали управления, основанная на праве руководителей волевым образом повышать и понижать подчиненных в должности, тем самым меняя их социальный статус.

3. Эгалитарный принцип распределения доходов, обеспечивающий не высокий, но и не слишком низкий, причем постепенно растущий уровень благосостояния масс. «Пристойность» нищеты и «ненавязчивость» богатства, носившего скорее латентный характер, приглушенность социальных конфликтов.

4. Существование неформального "социального контракта" верхов и низов общества, обеспечивавшего социальную устойчивость системы ценой ущемления интересов более образованной, квалифицированной, дееспособной и потому потенциально опасной для власти серединной части общества[1].

По мнению западных советологов, совокупность этих черт обеспечивала не только отсутствие в СССР внутренней оппозиции власти, но и невозможность ее возникновения в будущем. Отсюда представление о несокрушимости советской системы, обреченной чуть ли не на вечное существование. В действительности же эта система несла в себе зародыш неизбежного кризиса.

2.5. Причины и сущность кризиса советской системы

Историческое нетерпение большевиков и деспотический фанатизм Сталина, столкнувшись со своеобычной российской культурой, образовали довольно опасную смесь, вылившуюся в форму *форсированной насильственной модернизации*[2]. Ее идею неплохо выразил призыв Маяковского: "*Клячу*

[1] "Наиболее важными признаками мобилизационного типа развития являются строгая определенность целей, высокая интенсивность функционирования для скорейшего выполнения поставленных задач, жесткая, как правило, высокоцентрализованная система управления". *Фонотов А.Г.* Россия: От мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993. С. 101.

[2] *Ракитский Б.В.* Общество, в котором мы жили в СССР. М.: ИППС, 1995. С. 60.

[1] См. об этом: *Machonin P.* Social Transformation and Modernization. To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries. Praha, 1997; *Andorka R.* The Socialist System and its Collaps in Hungary: An Interpretation in Terms of Modernization Theory // International Sociology. Vol. 8. N 1. 1993. P. 317—337.

[2] *В.М. Межуев* пишет по этому поводу: "... никто не сделал больше для модернизации страны, пусть и недемократическими, нелиберальными средствами, чем большевики. Именно они в режиме традиционной для России мобилизационной экономики решали задачи технологического и организационного прорыва, которые на Западе решались капитализмом". *Межуев В.М.* Отношение к прошлому — ключ к будущему // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999. С. 43.

истории загоним!". Однако загнанной оказалась не история, а общество. С течением времени в нем стали нарастать кризисные явления, справиться с которыми оно оказалось не в состоянии.

До середины 1960-х годов отставание Советского Союза от Запада сокращалось, но с конца 1960-х оно стало неуклонно расти. Обнаружилась тенденция к заметному замедлению темпов роста экономики. В 1966—1970 годах среднегодовой прирост национального дохода страны составил 7,5%, в 1971—1975 годах — 5,8%, в 1976—1980 годах — 3,8%, а в начале 1980-х годов — около 2,5%. Таковы были официальные цифры ЦСУ СССР, всегда стремившегося представить советскую действительность в розовом свете. Согласно же объективным расчетам экономистов Г.И. Ханина и В.С. Селюнина[1], а также К.К. Вальтуха, национальный доход страны возрастал лишь до середины 1970-х годов, после чего началось все ускорявшееся его снижение. Между тем население СССР росло примерно на 1% в год. Снижение уровня душевого национального дохода влекло за собой приостановку многих объектов строительства и свертывание всего инвестиционного комплекса, включая машиностроение и приборостроение. Одновременно стали снижаться уровень и качество жизни населения. Но главным сигналом, заставившим советское руководство осознать приближение кризиса, стал проигрыш военного соревнования с США, обусловленный вынужденным сокращением расходов СССР на вооружение. Чтобы поддерживать военный паритет с США, расходовавшими на вооружение 5% своего ВВП, СССР должен был бы расходовать на те же цели 36% ВВП, махнув рукой на все остальные нужды. А это было, разумеется, невозможно. Нарастающие внутренние трудности свидетельствовали о приближавшемся системном кризисе общества.

Базовый *экономический институт* централизованного планирования перестал справляться с усложняющимися задачами регулирования товарно-денежных потоков. На местах и в отраслях экономики механизм планирования начал спонтанно вытесняться бюрократическим (административным) рынком, где согласие производителей принять к выполнению определенные плановые показатели "обменивалось" не только на дефицитные производственные и потребительские ресурсы, но и на государственные должности и

[1] *Селюнин В.С., Ханин Г.И.* Лукавые цифры. Новосибирск: Наука, 1985.

личные услуги[1]. С каждым годом расширялись масштабы бартера, расшатывалась плановая и производственная дисциплина, повсеместно распространялись приписки, хищения. К сказанному надо добавить растущий дефицит всего и вся, ползучую инфляцию, неуклонное ухудшение качества жизни, рост недоумения и недовольства народа, попытки разных социальных групп укрепить свое благосостояние с помощью разных теневых сделок. Множась, они перерастали в серьезную экономическую преступность. Противостоять этим тенденциям должно было правосудие, но, будучи частью того же общества, оно подверглось такому же разложению. Корни коррумпированности современной милиции и судов, несомненно, кроются в советском времени.

В политической сфере проявлением кризиса стала утрата центральной властью способности эффективно управлять обществом. Рост противоречий между Центром и регионами и обострение межнациональных конфликтов предвещали кризис Советской империи. Национальные правящие элиты при поддержке интеллигенции все откровеннее ратовали за политическую, экономическую и культурную самостоятельность республик, явно тяготясь властью "русского Центра". Особенно сильное развитие антирусские настроения получили в Прибалтике, Армении и Грузии, многие граждане которых стали называть советскую власть "оккупационной" и крайне недоброжелательно относиться к русским. Идеологическое влияние КПСС повсеместно снижалось, причем особенно заметно в Москве, ставшей центром распространения не только реформаторских и диссидентских идей, но также откровенного цинизма верхов и политического двоемыслия низов.

В *идеологической сфере* жертвами кризиса оказались прежде всего такие ценности, как социализм, дружба народов, соревнование с Западом, рост благосостояния народа, укрепление социальной справедливости, развитие коллективизма, игравшие определенную роль в обеспечении культурной интеграции общества в 1960—1970-х. К началу 1980-х годов большинство населения перестало верить в их подлинность. Одним из проявлений этого стало множество анекдотов, отражавших в остросатирической форме разрыв между официальными лозунгами и подлинной сущностью советской системы. Разру-

[1] См., напр.: *Найшуль В.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991; *Кордонский С.Г.* Постперестроечное экономическое пространство. Трансформация административного рынка// Иное: Россия как предмет. М., 1995. С. 167—212.

шение государственно-социалистических ценностей, не сопровождавшееся возникновением новых общенациональных идей, вело к культурной дезинтеграции и духовному кризису общества.

Назревающий кризис постепенно раскачивал и в конце концов свел к нулю "социальный контракт" между верхами и низами общества. Средние же слои, представленные интеллигенцией, и прежде не имели достойного статуса. В условиях надвигающегося кризиса наиболее квалифицированная часть профессионалов начала эмигрировать на Запад, вынуждая остающихся в СССР коллег серьезно задуматься над причинами отставания России и над своей личной судьбой. Постепенно в стране начали возникать новые социальные силы, ясно осознававшие принципиальные недостатки и неэффективность советской системы, а следовательно, необходимость ее глубокого реформирования.

Множественность кризисных явлений, обнаружившихся к середине 1980-х годов во всех сферах общества, вынудила более молодую и динамичную часть партийной номенклатуры признать необходимость преобразования государственно-бюрократического "социализма" советского образца в "социализм с человеческим лицом", действительно ориентированный на социалистические ценности. В этом лозунге, родившемся в Чехии в период так называемой Пражской весны 1968 года, отразилось понимание того, что глобальная тенденция к интеллектуализации и информатизации экономики предполагает серьезное повышение роли человеческой личности в общественном развитии. В обществах советского типа, особенно в СССР, человек был низведен до статуса носителя рабочей силы, частички "трудовых ресурсов" общественного хозяйства, обладающей узким кругом примитивных потребностей. Неадекватная, заниженная оценка роли человеческого фактора в развитии общества стала наиболее общей причиной краха всей советской системы. Унаследованное от традиционного российского прошлого пренебрежение, безразличие и даже презрение к "маленькому", не занимающему престижной должности, человеку принципиально противоречило тенденциям мирового развития конца второго тысячелетия, что в конечном итоге и столкнуло Советский Союз и его сателлитов на обочину истории.

Для преодоления возникшего кризиса требовались, во-первых, эффективное использование человеческого потенциала социалистических обществ, во-вторых, обеспечение его ускоренного роста, в-третьих, создание условий для раскрепощения и свободного развития каждой человеческой личности (в рамках ограничений, обеспечивающих соблюдение прав и свобод сограждан). В разных странах Второго мира условия для решения этих задач оказались очень различными в связи с особенностями их историко-культурного, политического и экономического развития. Среди них были и высокоразвитые, и глубоко отсталые страны, геополитические гиганты, вроде Китая и СССР, и карлики, вроде Прибалтийских республик. Одни 70 лет "строили социализм", другие вступили на этот путь много позднее, к тому же под давлением внешней силы. К мировой социалистической системе принадлежали страны с европейской и азиатской культурой, с преобладанием самых различных религий — от протестантизма до буддизма и конфуцианства, что наложило сильнейший отпечаток на формирование национальных характеров, норм и ценностей. Эти различия не могли не сказаться на объективных задачах, стоявших перед каждой страной, на понимании этих задач пришедшими к власти реформаторами, равно как на допускавшихся разными культурами способах поведения последних. Геополитические и культурно-исторические факторы, оказывающие наибольшее влияние на трансформацию российского общества, составляют предмет следующей главы.

Рекомендуемая литература

1. *Афанасьев Ю.* Опасная Россия. М.: РГГУ, 2001.

2. *Данилов В.П.* К истории становления сталинизма // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 56—68.

3. *Данилов В.П.* Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999. С. 11—28.

4. *Заславская Т.И.* О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии (1983). Русское издание в книге: *Заславская Т.И.* Российское общество на социальном изломе: Взгляд изнутри. М., 1997. С. 12—33.

5. *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Гл. 20 "Обоснование общей гипотезы экономико-социологической структуры современного советского общества". Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. С 397—432.

6. *Здравомыслов А.Г.* Социология российского кризиса. Разд. 1. Общество—власть—реформы. М.: Наука, 1999. С. 28—47.

7. *Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917—1996. Сыктывкар, 1996.
8. *Коен, Стивен.* Переосмысливая советский опыт (Политика и история с 1917 года). Chalidze publications, 1986.
9. *Межуев В.М.* Отношение к прошлому — ключ к будущему // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999.
10. *Яковлев А.Н.* Сумерки. М.: Материк, 2003.
11. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. От стабилизации к кризису (1966—1989). Разд. третий. Социальная политика в странах "реального социализма". М.: Наука, 2002. С. 199—229.
12. *Andorka R.* The Socialist System and its Collaps in Hungary: An Interpretation in Terms of Modernization Theory // International Sociology. Vol. 8. No 1. 1993. P. 317—337.
13. *Graham, Thomas J.R.* Russia's Decline and Uncertain Recovery. Carnegie Endowment for International Peace. Washington. 2002. Ch. 5. Russia's Strategic Weaknesses. P. 59—72.
14. *Kaminsky A.* An institutional Theory of Communist regimes. ICS Press Publishers. 1993. Ch. 3.

Глава третья

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РОССИИ

3.1. Историко-культурный контекст посткоммунистических перемен

В конце 1980-х — начале 1990-х годов 26 государств бывшей "мировой социалистической системы", получив политическую свободу, оказались перед выбором новых путей развития. Среди них были такие разные общества, как Россия и Узбекистан, Эстония и Туркмения, Чехия и Молдова. Объединявшая их система "социалистических" общественных отношений в действительности представляла собой тонкую оболочку, под которой скрывались существенно разные социальные институты, структуры, культуры. Освободившись от внешних уз, каждое общество пошло по тому пути, который представлялся ему наиболее реальным и перспективным. Даже такие близкие страны, как Россия, Украина и Беларусь, выбрали разные пути преобразований, хотя действовать обшими усилиями, наверное, было бы легче. Что же явилось главной причиной быстрого расхождения посткоммунистических стран в социальном пространстве? Мнения ученых единодушны: здесь сказались историко-культурные различия, прежде всего особенности национальных культур.

Жизнедеятельность человеческих обществ принято разделять на три основные сферы — политику, экономику и культуру. Связи между этими сферами, хотя и достаточно тесны, но далеко не однозначны, так как их развитие зависит от разных факторов и происходит разными темпами. Чтобы изменить политическую власть (а тем более конкретный политический курс), иногда достаточно нескольких месяцев или даже недель. Преобразование общественной экономики требует

скорее десятилетий. Качественное же изменение национальных культур часто занимает столетия.

Это оказывает серьезное влияние на ход протекающих в разных странах социально-трансформационных процессов, стержень которых, как правило, составляют целенаправленные институциональные реформы. На первый взгляд, совершенствование институциональной структуры обществ (модернизация правил игры) служит не только непосредственной, но и главной, конечной целью этих реформ. В действительности, однако, модернизация институтов — это не столько цель преобразований, сколько средство решения более сложных и важных задач. Речь идет о повышении качества и эффективности определяемых институтами моделей массовых взаимодействий социальных субъектов. Это предполагает реальное воздействие вновь устанавливаемых правил игры на поведение игроков или, говоря другим языком, формирование новых типов массовых социальных практик. Действительно, можно ли считать успешными политические реформы, в результате которых проводятся формально свободные выборы, однако неугодные властям депутаты перед выборами волевым путем "снимаются с дорожки", голоса избирателей продаются и покупаются, а итоги голосования фальсифицируются? Аналогично, есть ли основания говорить об успешной замене плановых отношений рыночными, если большинство экономических сделок приобретает теневой характер?

Действительная цель реформ состоит в создании такой институциональной структуры, высокое качество которой подтверждалось бы не только установлением прогрессивных законов и норм, но и позитивным изменением массовых социальных практик (например, повышением ценности образования и культуры, улучшением отношения работников к труду, развитием здоровой конкуренции, сокращением коррупции, повышением качества товаров и снижением цен на них и т.д.).

Понятно, что добиться таких результатов без серьезного изменения правил игры нельзя. Но одного только изменения этих правил недостаточно: надо, чтобы они оказали реальное воздействие на социальных субъектов, заставили их изменить привычную модель поведения, заменить ее новой, более эффективной. Между тем зависимость изменения социальных практик от реформирования институтов не может быть названа прямою, в действительности она опосредуется особенностями национальной культуры, нормами и ценностями, укорененными в сознании и традиционных практиках данного

общества. Инерционность исторически складывающихся норм и ценностей объясняет живучесть традиционных форм поведения. Поэтому изменение массовых практик иногда на многие годы отстает от принятия новых законов, правовых и административных норм. Не случайно исследования норм, ценностей и повседневного поведения бывших "homo soveticus", проведенные Н.И. Лапиным, Ю.А. Левадой, В.С. Магуном, Г.Г. Дилигенским, В.Д. Патрушевым и другими учеными, показывают, что за 10—15 лет институциональных реформ массовое сознание и поведение россиян изменились намного слабее, чем социальная среда[1].

История свидетельствует, что успех общественных реформ определяется тем, насколько предписываемые ими модели поведения граждан соответствуют нормам национальной культуры. Когда такое соответствие есть, реформы идут легче, в противном же случае они обычно наталкиваются на пассивное, но трудно преодолимое сопротивление масс, не склонных менять свои взгляды и предпочтения. В особо трудном положении оказываются общества, культура которых носит архаичный характер и закрепляет отсталые нормы, тормозящие решение жизненно важных проблем. Для модернизации таких обществ необходимы реформы, меняющие не только институциональное устройство общества, но в какой-то мере и его культуру. В этом случае успех существенно зависит от того, осознаются ли отсталость действующих культурных норм и необходимость их изменения социально продвинутыми массовыми группами общества. Непродуманные же попытки "шокового" введения правил игры, взятых из зарубежной практики и противоречащих нормам национальной культуры, способны вызывать глубокий общественный кризис. В свете сказанного важно хотя бы кратко охарактеризовать, во-первых, особенности норм и ценностей, составляющих базу российской

[1] *Лапин Н.И.* Базовые ценности россиян вчера и сегодня // Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: Эдиториал УРСС, 1996. Гл. 2. С. 47—73; *Левада Ю.А.* "Человек советский" десять лет спустя: 1989—1999 // Экономические и социальные перемены в России: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 3. С. 7—15; Советский простой человек / Под ред. Левады Ю.А. М., 1995; *Магун В.С.* Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: от 1985 к 1995 г. // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: Интерцентр и МВШСЭН, 1996. С. 306—318; *Дилигенский Г.Г.* Российский горожанин конца девяностых: генезис постсоветского сознания (социально-психологическое исследование). М.: ИМЭМО, 1998; *Патрушев В.Д.* Показатели отношения к труду: 1986—1995 гг. // Социологический журнал. 1996. № 3—4. С. 185—195.

культуры, во-вторых, те объективные факторы, которые обусловили их формирование, и, в-третьих, влияние, оказываемое этими нормами и ценностями на трансформационный процесс в России.

3.2. Географическое положение и природные условия

Признав существенное влияние культуры на ход и результаты развития российского общества, мы оказываемся перед тремя вопросами: 1) какие естественные и исторические факторы ответственны за специфику русской культуры; 2) в чем конкретно проявляется эта специфика и 3) какое влияние она оказывает на современное развитие России.

Начнем с ответа на первый вопрос. Корни современной русской культуры уходят в те отдаленные эпохи, когда определяющими факторами становления российского общества были географическое положение и природные условия. Общепризнанными особенностями России на всем протяжении ее развития были и остаются:

1. *Гигантская и слабо заселенная территория*, громадные расстояния, преодоление которых требует от людей физической и духовной крепости, но одновременно предоставляет им большую свободу, чем в густозаселенных регионах Запада и Востока, вплоть до возможности вообще затеряться в российских просторах и начать таким образом новую жизнь. Отсюда вытекают еще две особенности: трудность управления гигантскими территориально рассредоточенными регионами, а также огромная протяженность границ, требующих защиты от агрессивных соседей.

2. *Географическое положение между Западом и Востоком*, многонациональность населения, сосуществование многих конфессий, а соответственно, и разных культур (при доминировании русской культуры и православия).

3. *Суровые природно-климатические условия* с коротким летом и холодной зимой, краткость периода сельскохозяйственных работ, более низкая, чем в большинстве других стран, продуктивность сельскохозяйственного труда, по необходимости совмещаемого с другими занятиями и разными видами отхода; отсюда — заметная территориальная мобильность населения (отходничество, вахтовый метод освоения новых месторождений, "комсомольские стройки" в хозяйственно-неосвоенных, но перспективных районах, заметный рост бродяжничества и пр.).

Названные особенности во многом определили специфические черты общественного устройства России, к которым относятся:

1. *Неограниченная* (самодержавная) и, как правило, деспотическая *власть первого лица государства* (монарха, генерального секретаря или президента), противостоящая писаному закону и отрицающая его власть; произвол и коррумпированность представителей власти как в центре, так и на местах.

2. *Неразделимое слияние собственности и власти*, обусловливающее сословный тип социальной структуры; фактическое отсутствие независимой, охраняемой законом частной собственности; право высших слоев жаловать или отбирать собственность представителей нижестоящих сословий; в советский период — ограничение личной собственности граждан предметами потребления.

3. *Многовековое,* гораздо более длительное, чем в странах Европы, *существование рабства*: долгое подчинение Древней Руси Золотой Орде, крепостное право и торговля людьми; физические наказания представителей не только низших, но и высших сословий; применение пыток; фактическое воспроизводство крепостного права в колхозах, члены которых были лишены паспортов и не могли мигрировать в города; жестокое ущемление большинства демократических прав и свобод человека; висевшая не только над преступниками, но практически над всеми гражданами России угроза ссылки на каторжные работы, в ГУЛАГ, направления на вредные химические производства, урановые рудники и др.

4. *Господство православной ветви христианства*, пропагандирующей преимущественно пассивные ценности: *терпение, смирение и аскезу*, в противоположность протестантским ценностям интенсивного добросовестного труда, личной инициативы и жизненного успеха.

3.3. Культура и национальный характер

Какое же влияние все эти факторы оказали на русскую культуру? В последние годы опубликовано много работ, посвященных особенностям российской культуры и русского характе-

ра, среди которых выделяются глубокие исследования К. Касьяновой, М.М. Громыко, Е.З.Майминаса, А.С. Ахиезера, Г.Г. Дилигенского и др.[1] Эти и некоторые другие работы позволяют отнести к особенностям российской культуры и русского национального характера следующие основные черты:

- сакральное восприятие *власти и государства* в качестве основных субъектов развития общества; массовая установка на сильное государство, способное поддерживать общественный порядок, пусть даже очень суровыми мерами;
- *низкая цена человеческой жизни и личности* по сравнению с интересами коллектива, а тем более общества; восприятие "маленького человека" прежде всего как винтика общественной машины, не имеющего самостоятельной ценности;
- *анархические склонности и тенденции,* понимание свободы не как условия для инициативной творческой деятельности, а скорее как воли, т.е. свободы от каких-либо внешних ограничений, возможность делать все, что захочется;
- *слабое уважение к законам*, восприятие их как формальных, надуманных, необязательных и часто невыполнимых установлений, глубокая укорененность в культуре и практике норм поведения, противоречащих формальному праву[2].

[1] *Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994; *Громыко М.М.* Традиционный нравственный идеал и вера // Русские / Под ред. В.А. Александрова, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1997. С. 653—685; *Майминас Е.З.* О русском генотипе // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: Интерцентр и МВШСЭН, 1996. С. 292—299; *Майминас Е.З.* О социально-экономических особенностях развития России // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 116—123; *Ахиезер А.С.* Хозяйственно-экономические реформы в России: как приблизиться к пониманию их природы // Pro et Contra. Лето. 1999. С. 41—66; *Дилигенский Г.Г.* Российские архетипы и современность // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в общественном развитии. М.: МВШСЭН, 1997. С. 273—280; *Федотов Г.П.* Рынок и свобода // Русские философы. Антология. М., 1996.

[2] *Ключевский* писал по этому поводу: "Не я виноват, что в русской истории мало обращаю внимания на право: меня приучила к этому русская жизнь, не признававшая никакого права". *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С. 68.

В глазах славянофилов право было лишь "внешней правдой", заменяющей человеческую совесть полицейским надзором. Герцен рассматривал неуважение к праву как историческое преимущество русского народа, свидетельство его внутренней свободы и способности построить новый мир. (См.: *Валицкий А.* Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX века // Вопросы философии. 1991. С. 25.)

- *сдержанное отношение к частной собственности, рынку, богатству* как к ценностям, ассоциирующимся с неправедным поведением; высокая ценность социальной справедливости, равенства, коллективизма, взаимопомощи.
- относительная *слабость* таких *достижительных ценностей*, как образование, профессионализм, карьера, известность, успех; невысокий престиж предпринимательства; неумение, а часто и нежелание рационально вести хозяйство, склонность к бессмысленному риску, кутежам и проч.
- значительно более *низкая,* чем во многих странах, *ценность труда* по сравнению с семьей и досугом[1]; склонность к чередованию периодов интенсивного труда ("штурмовщины") с длительным отдыхом, загулами, пьянством; низкая трудовая и технологическая дисциплина, неспособность к строго регламентированному труду.

Одной из наиболее серьезных работ в данной области служит упоминавшееся выше историко-психологическое исследование К. Касьяновой, цель которого — выявить глубинный архетип русского национального характера. Работа базируется на сравнении нескольких сотен углубленных психологических тестов, заполненных гражданами США и России, что позволяет выявить особенности нашей современной культуры на фоне американской. Автор приходит к выводу, что в основе современной российской культуры лежит исторически сформировавшийся архетип, отличающийся двумя основными чертами: во-первых, резко повышенным уровнем *репрессивности* и, во-вторых, *вневременным,* или *внеисторическим типом мышления*, который автор назвала "апокалиптическим".

Первая черта выражается в нормативном требовании самоограничения, "воздержания от реализации инстинктивных влечений.., репрессии личных индивидуальных целей в пользу глобальных культурных ценностей"[2]. Отсюда и пресловутое долготерпение, которое в российском контексте означает не столько покорность судьбе и неумение постоять за себя, сколько специфическую духовную ценность, противостоящую заботам об устройстве в этом мире и личном материальном благосостоянии. По мнению автора, подобный менталитет

[1] Главные ценности россиян в трудовой сфере — близость места работы к дому, нерегламентированный рабочий день, отсутствие жесткого контроля, продолжительный отпуск.

[2] *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994. С. 337.

россиян обусловливает "очень слабую отзывчивость на мероприятия, связанные с перестройкой, реформированием чего бы то ни было, со всяким новым созиданием"[1], т.е. означает сильный консерватизм.

Вторая особенность национальной культуры — *апокалиптический тип сознания* — с одной стороны, еще усиливает и абсолютизирует сопротивляемость изменениям (вспомним староверов-раскольников), а с другой — приводит к тому, что когда сдвиг в общественном сознании все-таки происходит, то культурные скрепы распадаются полностью и изменения приобретают не контролируемый разрушительный характер. Распад традиционных ценностей и привычного образа жизни становится "толчком, развязывающим апокалиптические взрывы"[2]. Этот важный вывод, подтверждаемый российской историей, остается актуальным и для нашего времени.

Заметим в этой связи, что описанный тип национального сознания с неменьшим основанием можно интерпретировать не как апокалиптический, а как несущий на себе отпечаток долгого рабства. Разве понимание свободы как воли или бесконечное терпение, прорывающееся время от времени апокалиптическим (а по Пушкину, "бессмысленным и беспощадным") бунтом, не характерны в первую очередь для рабов? У россиян были все основания для формирования такого типа сознания — ведь они имели гораздо более длительный, чем европейцы, опыт рабства, начиная с татаро-монгольского ига и крепостничества и кончая ГУЛАГом. Такие качества, как отсутствие гражданственности, конформизм по отношению к власти, нетребовательность и смирение, парадоксально сочетающиеся с неуважением к закону и чужой собственности, сформировались у россиян в первую очередь под влиянием многовекового рабства. Не случайно Пушкин называл своих соотечественников "ленивыми и лукавыми рабами"; Лермонтов говорил о России как о "стране рабов, стране господ"; Чернышевский восклицал: "Что за страна! Снизу доверху — все рабы!", а Чехов, по собственному признанию, "по каплям выдавливал из себя раба". И сейчас мы можем назвать немало примеров, подтверждающих правильность этих высказываний.

Е.З. Майминас, в отличие от К. Касьяновой, фокусирует основное внимание на российском *социально-экономическом* генотипе. По его мнению, названный генотип представляет собой "информационный механизм социального наследования и социальных изменений, обеспечивающий воспроизведение структуры, принципов функционирования, процессов регламентации и обучения (отбора, запоминания и распространения позитивного опыта) в определенной общественной системе"[1]. Понимаемый таким образом социально-экономический генотип "предстает как механизм социальной эволюции, совмещающий основные характеристики трех ее сторон: наследственность, изменчивость и селекцию"[2]. В качестве определяющей черты генотипа России Е.З Майминас называет сплав ценностей "государственной (и иной высшей) власти, уравнительности и иждивенчества, ... достаточно явно противостоящий индивидуализму, преимущественной опоре на собственные силы, расчетливому конкурентному прагматизму, отмечаемым в англосаксонском генотипе. Ядром такого генотипа является рационализм, в то время как российский генотип базируется на христианском смирении и долготерпении"[3].

Названные особенности культуры негативно влияют на жизнеспособность нации, уровень ее динамичности или *пассионарности*, отзывчивость к инновационным стимулам и вызовам. Действительно, в современном российском обществе в настоящее время не только отсутствует эмоциональный инновационный подъем, но слаб и гражданский протест против социального, пространственного и культурного обособления власти от народа. Ни экономическое обескровливание страны через гигантский вывоз капитала, ни высокая безработица, ни существенное снижение уровня жизни большинства населения, ни разгул безнаказанной преступности не вызывают действенного протеста масс[4]. В поведении широких слоев населения преобладает безропотное приспособление к ухудшающимся условиям жизни с традиционной мотивацией: "от нас все равно ничто не зависит". В такой ситуации монопольным и единственно значимым субъектом модернизационных процессов остаются структуры власти, народ же России в основном продолжает безмолвствовать, как в прежние времена.

[1] Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. С. 117.
[2] Там же. С. 117—120.

[1] *Майминас Е.З.* О русском генотипе // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: Интерцентр и МВШСЭН, 1996. С. 293.
[2] Там же.
[3] *Майминас Е.З.* О социально-экономических особенностях развития России // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 116—123.
[4] *Левада Ю.А.* Человек приспособленный // Экономические и социальные перемены в России: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 5. С. 7—17; *Левада Ю.А.* Человек недовольный: протест и терпение // Экономические и социальные перемены в России: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 6. С. 7—13.

3.4. Цивилизационная принадлежность России: Европа, Азия, Евразия?

В современной науке понятие *цивилизация* имеет два значения, которые можно условно обозначить как качественное и количественное. Здесь мы остановимся на первом подходе, согласно которому под цивилизациями понимаются крупные межэтнические общности, сформировавшиеся на основе единства исторической судьбы разных народов, длительно проживающих в одном регионе и тесно связанных отношениями культурного взаимодействия и обмена. Народы, образующие целостную цивилизацию, обычно отличаются сходством общественных институтов, способов социальной организации и регуляции, но при этом сохраняют разнообразие этнографических культур[1].

Понимаемые в рассматриваемом смысле цивилизации складываются под влиянием двух механизмов. Во-первых, в результате длительного вхождения разных народов в состав многонациональных государств (чаще всего — империй), что обусловливает однотипную традицию развития институтов социальной регуляции. Во-вторых, под влиянием религиозного единства, в результате которого у разных народов формируются сходные системы ценностей и механизмы регуляции социальной практики[2].

В рамках данного курса важно выяснить, принадлежит ли Россия к европейской или к какой-то иной цивилизации, поскольку от ответа на этот вопрос зависит степень пригодности для нее институтов, моделей и механизмов регуляции, сформированных и успешно действующих в западных странах.

Вопрос о цивилизационной принадлежности России обсуждается интеллектуалами уже более века, однако единомыслие по нему не достигнуто[3]. Одни считают Россию органической, хотя и своеобычной *частью Европы*, другие — культурным лидером особой *восточно-славянской* цивилизации, а третьи — расплывчатым культурно-историческим образованием, *промежуточным* между цивилизациями Европы и Азии. В пользу каждой из этих позиций приводится много аргументов, но при этом ни одна сторона не может переубедить другую.

[1] *Флиер А.Я.* Цивилизация // Энциклопедия: Культурология. XX век. Т. 2. СПб.: Университетская книга, Алетейя, 1998. С. 345.

[2] Там же.

[3] В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков: В 2 ч. / Сост. С.Н. Федоровский. М.: Наука. 1994.

Длительность и непродуктивность этой дискуссии свидетельствует о том, что "в действительности цивилизованная проблема России не имеет окончательного определения. Каждое поколение будет рассматривать ее в новом культурном аспекте, каждый исторический этап будет добавлять новые черты. Зрелость государственной власти, инстинкт самосохранения политического класса, интеллектуальность и мудрость духовных наставников могут обеспечить цивилизованные рамки этого определения... Все, в конечном счете, зависит от восприятия обществом и его элитой того факта, что исторически сложившееся многообразие страны — это уникальная ценность, как бы оно ни осложняло проблемы управления, идейно-политическую жизнь, процесс национального самосознания"[1].

По-видимому, в культурном плане Россию правильнее всего признать *маргинальным членом европейской семьи*, занимающим в ней примерно такое же место, как Плутон в Солнечной системе. Формально Россия принадлежит к Европе. Культура ее гораздо ближе к европейской, чем к азиатской. Просвещенная часть российского общества традиционно тяготеет к Западу, а не к Востоку. Но вместе с тем нельзя не признать, что в нашей культуре далеко не всегда видны подлинно европейские черты.

Между тем неопределенность цивилизованного статуса России — это не только культурная, но и социальная проблема, поскольку за научной дискуссией стоят представления разных частей общества о перспективном пути развития России. Анализу этой сложной проблемы посвящено фундаментальной исследование А.С. Ахиезера "Россия: Критика исторического опыта"[2]. Основная идея этого автора состоит в том, что в процессе российской истории «...движение страны между двумя основными цивилизациями приобрело конфликтный, неорганический характер, получивший свое воплощение в сложном явлении, которое можно назвать расколом... Раскол — патологическое состояние общества, характеризуемое противоречием между культурой и социальными отношениями, между субкультурами одной культуры... Для раскола характерен заколдованный круг, т. е. активизация позитивных ценностей в одной из двух частей расколотого общества, что приводит в действие силы другой части общества, отрицающей эти ценности. Активи-

[1] *Гордон А.В.* Проблема цивилизованного самоопределения России//Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век десятилетие, год. М.: МВШСЭН, 1999. С. 89—90.

[2] *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.

зация ценностей прогресса и развития, стремление идти по пути модернизации может активизировать статичные традиционалистские ценности определенной части народа. Вместе с тем, активизация ценностей традиционализма толкает часть общества к просветительским ценностям, к борьбе за прогресс. Иначе говоря, стремление каждой из расколотых частей общества порождает двойной эффект бумеранга, т. е. обоюдное стремление этих частей действовать в противоположном направлении, "в лоб" друг другу, парализуя и дезорганизуя друг друга»[1]. Эта ситуация характерна не только для прошлого, но и для настоящего России.

3.5. Современная геополитическая роль России

Второе, условно говоря, "количественное" значение понятия *цивилизация* связано с термином *цивилизованность,* означающим некоторый уровень или ступень развития культуры. В эпоху Просвещения и в XIX веке термин "цивилизация" использовался как характеристика высшей стадии социального и культурного развития обществ (триада "дикость — варварство — цивилизация")[2]. Тенденция к глобализации мира, усилению связей между странами и расширению международных сравнений породила понятие уровень цивилизационного развития. Под ним понимается обобщенная характеристика места, занимаемого конкретным обществом (или обществами) на некоторой универсальной оси развития человеческой культуры. Это понятие используется, в частности, в связи с разделением обществ на традиционные, современные и постсовременные. Какое же место занимает на этой оси Россия? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к типологии, базирующейся на несколько иных критериях оценки уровня и характера развития национальных обществ. Речь идет о еще недавно широко использовавшемся разделении стран на определенные "лагери" и "миры".

По завершении Второй мировой войны человечество разделилось на два "лагеря": социалистический и капиталистический. Капиталистические страны, отличавшиеся резкими

[1] *Ахиезер А.С.* Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1. С. 3—57.

[2] *Флиер А.Я.* Цивилизация // Энциклопедия: Культурология. XX век. Т. 2. СПб.: Университетская книга, Алетейя, 1998. С. 345.

различиями в уровне развития, статистические службы ООН разделили на две группы: *развитые* и *развивающиеся*, к числу которых были отнесены более отсталые страны. Выбор понятий, использованных для обозначения этих типов стран, базировался на концепции догоняющего развития, согласно которой технически и культурно отставшие страны находятся в преимущественном положении: перенимая опыт передовых развитых стран, они получают возможность развиваться быстрее, догоняя и даже перегоняя стран-лидеров.

Однако к концу 1950-х годов выяснилось, что разрыв между богатыми и бедными странами не исчезает, а углубляется, т.е. поляризация мира растет. Историческое развитие отставших обществ в действительности носило не догоняющий, а зависимый от стран-лидеров характер. Поскольку модель зависимого развития означает, что страны, вырвавшиеся вперед, с течением времени усиливают свое влияние, а остальные отстают от них все сильнее, от термина "догоняющее развитие" пришлось отказаться. Это привело к смене ведущей геополитической концепции и соответствующей типологии стран. Группа передовых капиталистических стран была названа *первым миром*, государственно-социалистические страны — *вторым*, а страны зависимого развития — *третьим миром*[1].

В результате распада социалистической системы структура мирового сообщества сжалась до двух устойчивых элементов — стран-лидеров и стран зависимого развития, а бывшие социалистические страны оказались вне этой типологии. Со временем большинство из них, включая Украину, признали свою принадлежность к "третьему миру". Но новая Россия, став правопреемницей Советского Союза, не смогла принять подобного статуса.

В этой связи следует напомнить о том, что границы России, а соответственно и ее место в мировом сообществе, в течение XX века неоднократно менялись. Российская империя, помимо территории возникшего позже СССР, включала Польшу и Финляндию. В результате присоединения в 1940 году Карельского перешейка, Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, а в 1942 году Тувы территория и население Советского Союза существенно увеличились. Современная же Россия, границы которой совпадают с бывшей РСФСР, составляет менее половины как Советского Союза, так и царской Рос-

[1] *Шанин Т.* Умом Россию понимать надо. Тезис о триединстве России // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999. С. 5—6.

сии, причем четверть русскоговорящего населения, независимо от собственного желания, стали гражданами других стран СНГ. Таким образом, хотя культурная преемственность названных государственных образований несомненна, о тождестве их геополитического статуса говорить не приходится.

Став независимой страной, Россия осталась в противоречивом, можно сказать, "подвешенном" состоянии. В качестве правоприемницы СССР она продолжает претендовать на статус великой державы и принадлежность к группе стран-лидеров, по уровню же своего цивилизационного развития, проявляющемуся в структуре экономики и качестве жизни населения, она резко отстает даже от наименее развитых западноевропейских стран, не говоря о США и Канаде. Так к какому же из двух оставшихся "миров" — "первому" или "третьему" — объективно тяготеет Россия?

Этот болезненный для национальной гордости россиян вопрос не может не вызывать дискуссий. Одна из них развернулась на междисциплинарном симпозиуме "Куда идет Россия?.." в 1999 году. Профессор Т. Шанин утверждал, что "в социально-экономическом и политическом кризисе современной России следует видеть не краткосрочное явление, а кризис, продолжающийся более столетия, над всеми периодами которого довлеет сквозная *"третьемирность"* российского общества"[1]. По мнению этого ученого, "история России в последние 100 лет — и это существенная ее характеристика — есть история "третьемирской" страны с ее драматической и трагически неудавшейся попыткой попасть в клуб "тех, кто впереди", более того, "стать впереди планеты всей"[2]. Как царская Россия, так и СССР были "странами зависимого развития в классическом смысле, приданном этому понятию в 1960-х годах"[3].

Это общее утверждение было подкреплено перечислением целого ряда "сквозных", т.е. относящихся ко всем рассматриваемым периодам, особенностей царской России XX века — СССР — современной России как стран (или страны) "третьего мира"[4]. Вот основные из этих черт:

- Государственный капитализм как решающее звено социально-экономической жизни.

[1] Шанин Т. Указ. соч. С. 7.
[2] Там же. С. 9.
[3] Там же. С. 7.
[4] Там же. С. 9 (пересказано близко к тексту).

- Отсутствие, с одной стороны, четкого разделения сфер государственной власти, юрисдикции, полицейского надзора, а с другой — экономики и собственности.
- Хроническая и резкая несогласованность институтов, регулирующих развитие как разных сфер общественной жизни, так и разных элементов каждой из них.
- Глубочайший раскол элит и общества; фактическое сосуществование на одной территории двух различных социальных миров.
- Обусловленное этим разрастание и агрессивность систем подавления и политического контроля, а также коррупция управленческих кадров.
- Слабость социальных классов, их неспособность к самоорганизации и политическому выражению своих интересов.
- Многообразие незаконных систем экономического взаимодействия, в которых переплетаются возведенное в систему взяточничество, теневая экономика и пр.
- Неравномерное, рывковое экономическое развитие с крайне неэффективным использованием человеческих и технических ресурсов.
- Неспособность конкурировать на мировых рынках по большинству новейших технологий.
- Зависимость от более мощных экономических систем (международных корпораций, банков, фондов и пр.), сочетающаяся с идеологией автаркии как способа ограничения этой зависимости.

Трудно отрицать, что названные особенности стран *зависимого развития* были в значительной степени свойственны и царской России, и затем СССР. В настоящее время они еще более обострились. Очевидно, что для опровержения обидного для большинства россиян утверждения о принадлежности России к "третьему миру" требуются более веские аргументы, чем наличие у нее атомного оружия.

3.6. Уровень цивилизационного развития

Итак, несмотря на огромные усилия и жертвы, связанные с модернизацией российского общества, приходится признать, что в настоящее время Россия является страной зависимого развития, хотя и принадлежит к наиболее развитым представителям "третьего" мира наряду с Бразилией, Аргентиной

и другими странами этого уровня. Не случайно в научной литературе российская модернизация характеризуется такими терминами, как "насильственная", "запаздывающая", "рецидивирующая", "догоняющая", которые подчеркивают не столько своеобразие и необычность, сколько малую эффективность этого процесса[1]. Основными причинами этого являются, во-первых, неорганический характер модернизации, насильственно навязываемой неподготовленному и незаинтересованному в ней обществу; во-вторых, затянувшееся неконструктивное столкновение двух типов модернизации, ни один из которых не соответствовал историческим условиям России.

Модернизация царской России инициировалась "сверху", волевыми усилиями верховной власти, которая, как отмечает В.В. Шелохаев, "не имела ни краткосрочного, ни перспективного плана преобразований, не занималась экспертной оценкой их возможных последствий. Главным и определяющим было другое: во что бы то ни стало сохранить инициативу и контроль за преобразованиями в своих руках, не допускать активности "снизу", не говоря уже о возможности привлечения общественных сил к управлению государством..."[2]. По мнению этого историка, российская модернизация осуществлялась "без учета реальных возможностей, общественного мнения и способности населения адаптироваться к быстрым изменениям. В результате она не только не сблизила Россию с ведущими европейскими странами, но, напротив, "обнажила все "болевые точки" общественного развития страны, стала мощным стимулом противостояния власти и общества, источником политической и социальной нестабильности"[3]. Те же черты были свойственны модернизации советской, а затем и постсоветской России.

Другая проблема была связана с расколом общественных сил России по поводу желаемого типа модернизации. Одна часть общества стремилась двигаться в будущее на базе некритически воспринимавшегося западного опыта, во многом не соответствовавшего условиям страны. Другая же часть его считала необходимым вырваться из уже проложенной, но явно

[1] *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина, ресурс человечества? М.: Эдиториал, УРСС, 1999; *Попова И.М., Кунявский М.А.* Запаздывающая модернизация: сравнительный анализ России и Украины // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 20—37.

[2] *Шелохаев В.В.* Модернизация как теоретико-методологическая проблема // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999. С. 31.

[3] Там же. С. 32.

неподходящей колеи и наверстать упущенное, двинувшись по целине не освоенного мировым опытом цивилизационного пространства ("Мы наш, мы новый мир построим!")[1].

Первый тип модернизации, характерный для начала века, был вновь реанимирован в начале 1990-х годов. С ним связывалась и связывается ясно просматриваемая перспектива превращения России в сырьевой придаток группы наиболее развитых стран. В отличие от этого крах второго, советского типа модернизации проистекал скорее из несоответствия коммунистического эксперимента глобальным тенденциям мирового развития. По мнению В.В. Журавлева, "двойная в течение одного столетия смена модернизационных альтернатив, раскачав маятник исторической перспективы от полуколонии до автаркии и назад, в итоге привела страну к полному краху". Вывод ученого заключается в том, что "Россия... пока еще не нашла, не успела своим опытом наработать предназначенный именно для нее механизм эффективной модернизации"[2]. Тем более она не реализовала эту модернизацию на практике. А это, к сожалению, подтверждает точку зрения на Россию как на страну зависимого развития.

Пожалуй, наиболее основательно эта проблема исследована А.Г. Вишневским. Детально проанализировав результаты пяти частных процессов — экономической, городской, демографической, политической и культурной модернизации, автор приходит к важному выводу. Суть его в том, что каждый из этих процессов позволил СССР воспринять, а отчасти даже развить многие инструментальные достижения западных обществ (современные технологии, внешние формы жизни, науку, образование и пр.), однако советский вариант модернизации не смог решить самой главной задачи — создать адекватные социальные *механизмы саморазвития достижений* — рыночную экономику, современную социальную структуру, современные институты гражданского общества, политическую демократию и т.д.

Заключая свое исследование, Вишневский пишет: "Какую бы составную часть осуществленных перемен мы ни взяли, в каждом случае после короткого периода успехов модернизационные инструментальные цели вступали в противоречие с кон-

[1] *Журавлев В.В.* Об истоках и результатах конфликтности российского исторического процесса XX столетия // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999. С. 49.

[2] Там же. С. 49—51.

сервативными социальными средствами, дальнейшие прогрессивные изменения оказывались блокированными, модернизация оставалась незавершенной, заходила в тупик. В конечном счете это привело к кризису системы и потребовало ее полного реформирования"[1]. Таким образом, баснословные экономические и человеческие ресурсы, затраченные на модернизацию российского общества, в конечном счете, не дали главного результата — подлинно современным оно так и не стало.

3.7. Общие выводы

Признание современной России страной зависимого развития требует от исследователей пересмотра ряда позиций.

Во-первых, следует расширить изучение опыта стран Третьего мира: особенностей их институциональных систем, социально-групповой структуры, связей со странами-лидерами, отношений с транснациональными корпорациями, а также ограничений, с которыми они сталкиваются, стремясь улучшить свое положение;

во-вторых, очень важно исследовать факторы дифференциации этих стран по уровню, темпам и характеру социально-экономического развития; выявить условия, содействующие ускоренному развитию одних и усиливающемуся отставанию других стран этого типа;

в-третьих, России следует отказаться от бесперспективных и безуспешных попыток конкуренции с США и Европой, переориентировав свою внешнюю политику на реально достижимые цели, отвечающие прагматическим интересам страны и большинства ее граждан;

в-четвертых, не следует преувеличивать роль России как носительницы особой цивилизации, поскольку большая часть ее отличий от высокоразвитых стран обусловлена не спецификой культуры, а зависимым типом и низким уровнем цивилизационного развития страны.

Культурно-историческое наследство, которое Россия вынесла из своего прошлого, не особенно благоприятствует ее прорыву в постиндустриальный мир и включению в состав лидеров мирового развития. Географические и природно-климатические условия скорее создают проблемы, чем позволяют их

[1] *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 418.

разрешать. Пассивный, приниженный тип человеческой личности, сформированный традицией самодержавно-авторитарного управления, чужд гражданских ценностей и инновационной активности. Особенности культуры, делающие Россию маргинальным членом Европы, к сожалению, не позволяют ей двигаться путем, проторенным более продвинутыми соседями. Наконец, по уровню цивилизационного развития и по своим современным масштабам (объем ВВП на уровне 8—10% аналогичного показателя США) Россия относится не к великим державам, а к среднеразвитым странам зависимого развития.

Однако из сказанного вовсе не следует, что у России нет приемлемых перспектив развития. Ведь наряду с перечисленными минусами она имеет и значительные плюсы. Главный из них — это, конечно, богатейшие, хотя и труднодоступные природные ресурсы. Страна, на долю которой приходится 2,5% населения мира, располагает примерно четвертью его природных ресурсов. Довольно высок и человеческий потенциал России, проявляющийся в высоком образовательном и профессионально-квалификационном уровне, а также в талантливости и природной одаренности значительной части населения. Наконец, гуманистическая направленность российской культуры, противостоящая традиционной аморальности власти и утверждающая ценности социальной справедливости, социального равенства, коллективизма, защиты слабых, позволяет надеяться на постепенное смягчение социальных противоречий и построение пусть не богатого, но социально ориентированного государства с приемлемым качеством жизни граждан. Названные выше социальные ценности не раз обеспечивали выживание россиян в экстремально трудных условиях. Они поддерживают нас и сейчас и, безусловно, помогут России отыскать наиболее подходящую ей дорогу и занять достойное место в динамичном мире XXI века.

Рекомендуемая литература

1. *Ахиезер А.С.* Россия: некоторые черты социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1. С. 6—57.

2. В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков: В 2 ч. / Сост. С.Н. Федоровский. М.: Наука, 1994.

3. *Гордон А.В.* Проблема цивилизационного самоопределения России // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос. 1999. С. 85—90.

4. *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994.
5. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956.
6. *Левада Ю.А.* "Homo Post-Soveticus" // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 5—24.
7. *Майминас Е.З.* О социально-экономических особенностях развития России // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 116—123.
8. *Милов Л.В.* К вопросу о фундаментальных факторах в русском историческом процессе // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии, М.: МВШСЭН; Логос, 1997. С. 48—58.
9. *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе. М., 1995.
10. *Шанин Т.* Россия как страна третьего мира // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М., 1999. С. 3—11.
11. *Шкаратан О.И., Карачаровский В.В.* Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // Мир России. Т. XI. № 1. 2002. С. 13—30.
12. *Ядов В.А.* Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МШСЭН, 2000. С. 383—390.

РАЗДЕЛ II

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ: СУЩНОСТЬ, НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Глава четвертая

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СВЕТЕ КЛАССИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ РАЗВИТИЯ

4.1. Общая панорама посткоммунистических трансформационных процессов[1]

Примерно полтора десятилетия назад в результате стремительного распада Мировой социалистической системы страны, в течение 40 лет бывшие сателлитами СССР, обрели политическую независимость и экономическую сво-

[1] Под посткоммунистическими трансформационными процессами имеется в виду совокупность процессов, принципиально меняющих социетальное устройство посткоммунистических обществ. Предпочтение термина "посткоммунистические" (общества, страны, процессы) широко распространенному в нашей литературе термину "постсоциалистические" аргументируется тем, что общества, принадлежавшие к "мировой социалистической системе", не были социалистическими в научном смысле слова, в то время как монополистическая власть коммунистических партий была одним из их главных типологических признаков.

боду. Большинство из них насильственно удерживались в рамках социалистической системы, будучи привязаны к ней не столько историко-культурными, сколько экономическими и особенно военными узами (Варшавский договор и СЭВ). Наиболее развитые из этих стран делали неоднократные попытки вырваться из-под власти СССР или хотя бы ослабить его политическое давление — Восточная Германия в 1953-м и 1956-м, Венгрия — в 1956-м, Чехия — в 1968-м, Польша — в 1956-м, 1970-м и 1980 годах, однако соотношение сил было слишком неравным.

Вскоре распался и сам Советский Союз, на месте которого возникли 15 новых независимых государств. Не вынесли испытания свободой Чехословакия и Югославия. Как только внешние скрепы распались, первая разделилась на две республики, а на территории второй возникло несколько стран с разными культурами и огромным потенциалом межнациональной вражды. Отсюда тяжелые кровопролитные войны с громадными человеческими потерями.

Распад "мировой социалистической системы" оказался столь неожиданным и стремительным, что общества большинства новых независимых государств оказались не готовыми к принятию самостоятельного статуса. Они не имели ни собственной государственности, ни требуемой законодательной базы, ни национальных вооруженных сил, ни надежно обустроенных границ. К тем социетальным преобразованиям, которые им предстояло осуществить, они не были подготовлены ни в политическом, ни в психологическом плане, так как в большинстве из них отсутствовали реформаторские контрэлиты. Между разными политическими и национальными силами — от либерально-демократических до ультраконсервативных — развернулась острая борьба за власть. А поскольку соотношение и характер таких сил определялись историко-культурными особенностями каждой из стран, дальнейшее развитие их пошло по разным, иногда даже противоположным траекториям.

Странам, которые к моменту включения в зону влияния СССР были наиболее развиты в индустриальном и социальном отношениях (Чехия, Венгрия, Польша, Эстония, Латвия), удалось более или менее успешно осуществить либерально-демократические реформы. Радикально демократизировав политическую власть и восстановив в правах частную собственность, они пережили сравнительно недолгий и не столь глубокий экономический спад, а затем вышли на дорогу более-ме-

нее успешной модернизации[1]. Ведь на новом витке истории им требовалось, главным образом, "вспомнить хорошо забытое старое".

Напротив, ряд советских республик, прямо шагнувших, по утверждениям советских идеологов, "из феодализма в социализм", во многом снова вернулись к исходному пункту. Общественное устройство этих стран приобрело националистически окрашенный полуфеодальный характер с авторитарной властью монархического типа (особенно ярким примером этого может служить Туркмения). К тому же во многих странах этого типа развернулись межклановые, межнациональные и межконфессиональные войны, превратившие некогда процветавшие республики в разоренную пустыню. Особенно тяжело в этом отношении пришлось Армении, Грузии и Таджикистану[2].

Наконец, среднеразвитые постсоветские страны — Россия, Украина, Литва, Болгария и др. — пошли по пути социетальных реформ, призванных заменить систему советского типа более современной либерально-демократической системой. Однако уже достаточно долгие усилия этих стран выйти на дорогу эффективной модернизации не увенчались особым успехом. После громадного спада экономики в 1992—1995 гг., усиленного кризисом 1998 года, уровень производства растет медленно и неустойчиво; низким остается уровень жизни, высока безработица[3]. А главное, структура экономики этих стран не модернизируется, а скорее становится еще более отсталой чем прежде. Вместо ускоренного развития наукоемких, высокотехнологичных отраслей экономики все большая доля производства приходится на добывающую промышленность, а экспорта — на вывоз дорогого сырья.

Фактически Россия и Украина застряли между исчерпавшей себя советской системой и тем либерально-демократическим идеалом, который виделся их реформаторам. Попытка вырваться из советского тупика привела их в другой, не менее

[1] См.: Страны Центрально-Восточной Европы и Европейской части постсоветского пространства в 1999 г. М.: МОНФ, 2000; Десять лет системной трансформации в странах ЦВЕ и в России: Итоги и уроки. М.: ИМЭПИ РАН, 1999; Системы советского типа в Восточной Европе. Осмысление опыта четырех десятилетий. М.: РАН, ИНИОН, 2000.

[2] Особенности социально-экономического и, в меньшей степени, политического развития Грузии, Украины, Узбекистана и некоторых других республик СНГ довольно обстоятельно анализируются в международном журнале "Общество и экономика" (1998. № 1—5).

[3] См.: Страны Центрально-Восточной Европы и Европейской части постсоветского пространства в 1999 г. М.: МОНФ, 2000.

опасный тупик. Неслучайно очень весомая часть граждан этих стран считают лучшим периодом своей жизни период "брежневского застоя", воспринимаемый ими как передышка между войнами, реформациями, репрессиями и катастрофами. В марте 2000 года половина россиян поддерживали или "скорее поддерживали" мнение о том, что "лучше бы все оставалось так, как было до перестройки" (не согласились с этим мнением 25%); большинство опрошенных предпочли бы советскую политическую систему нынешней (соответственно 42 и 11%); 52% отдали бы предпочтение системе государственного планирования и распределения, в то время как за рыночную экономику высказались всего 33%. Среди отмеченных россиянами результатов реформ первые места заняли: нарастание хаоса и неразберихи в управлении страной — 51%, усиление неуверенности в завтрашнем дне — 49%, углубление экономического кризиса — 38% и кризис национальных отношений — 32%[1].

Из чего же исходили политики и ученые, настаивавшие на необходимости коренного преобразования общественных систем советского типа в либерально-демократическом направлении? На что рассчитывали и чего ожидали граждане, возмущавшиеся неповоротливостью этих систем, их неспособностью поддерживать требуемые темпы развития, успешно конкурировать с более динамичными странами, обеспечивать высокий уровень жизни населения? И в какой мере реальное содержание посткоммунистических трансформационных процессов отвечало выдвигавшимся реформаторами целям и общественным ожиданиям?

Казалось бы, полутора десятилетий преобразований достаточно для того, чтобы их сущность, природа и социальное содержание стали ясными если не всей образованной и думающей части соответствующих обществ, то по крайней мере работающим в этой сфере ученым. Но в действительности дело обстоит не так: даже в само понятие *посткоммунистические трансформационные процессы* разные исследователи вкладывают совершенно разное содержание. Видный деятель знаменитой "Пражской весны" 1968 г. чешский социолог П. Махонин еще в середине 90-х годов призывал коллег начать построение *общей теории посткоммунстической трансформации*. "Такая теория, — писал ученый, — в отличие от большинства опубликованных к настоящему времени работ, лишь минимально учитывающих исторический контекст, должна охватывать предысторию посткоммунистических трансформаций, начиная с генезиса госсоциалистических систем с их важнейшими структурными характеристиками и исторической динамикой, через причины их коллапса до динамики посткоммунистического развития, включая его базисные ориентации, возможные альтернативы и варианты будущего развития. Это должна быть теория двух структурных сдвигов: а) генезиса и дальнейшего развития госсоциализма и б) его коллапса и последующей посткоммунистической трансформации"[1].

Одна из первых задач такой теории заключается в четком определении социального содержания и природы исследуемых процессов, в нахождении единых (или хотя бы сравнимых) критериев оценки социетальных перемен, происходящих в разных посткоммунистических странах и их регионах. Однако при этом возникает вопрос: можно ли рассматривать все многообразие социально-инновационных процессов, протекающих в посткоммунистических странах, как нечто целостное, имеющее общую сущность? Или эти процессы настолько различны, что разработка *общей теории* посткоммунистических трансформаций лишена научного смысла?[2]

Принадлежность посткоммунистических стран к единой наднациональной системе и общему социетальному типу[3] проявлялась в общей конструкции их институционального устройства, а значит, и проблем, связанных с его изменением. Конкретными проявлениями этого служили:

1) *Сходство подлежавших преобразованию систем, т.е. исходного пункта реформации.* Накладываясь на разные историко-культурные основания, системы советского типа варьировали свои формы, но костяк формально-правовых институтов, формирующих их социальную сущность, был практически одинаков. Отсюда сходство подлежавших решению проблем.

[1] От мнений — к пониманию // Общественное мнение. 2000. (По материалам исследований.) М.: ВЦИОМ. Дек. 2000. С. 83.

[1] *Machonin P.* Social Transformation and Modernization. To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries. Praha, 1997.

[2] О том, что этот вопрос не бесспорен, свидетельствует хотя бы его обсуждение на международном коллоквиуме "Рыночная трансформация в Восточной Европе: модели и реальность" (Москва, 8—9 декабря 1995 г.) Вынеся на обсуждение вопрос, исключает ли разнообразие опыта и темпов трансформации в странах Восточной Европы создание подобной теории, проф. В.Н. Шенаев отметил, что здесь "есть разные точки зрения: что нужна такая теория, но ее пока нет, а может быть, она вообще не нужна".

[3] Как уже отмечалось, названия этого типа обществ, отражающего его сущностные черты и используемого большинством исследователей, до сих пор не найдено. Как правило, оно заменяется такими условными терминами, как "реальный социализм", "коммунистические общества" или просто "системы советского типа" (см., напр.: Системы советского типа в Восточной Европе. Осмысление опыта четырех десятилетий. М.: РАН, ИНИОН, 2000).

2) *Идентичность объективных вызовов,* с которыми столкнулись посткоммунистические общества на переломе XX–XXI веков. Для выживания и устойчивого развития в глобализирующемся мире все они должны сформировать современную правовую государственность, обеспечить свою национальную безопасность, развить конкурентный рынок, решить важнейшие социальные и национальные проблемы. В дальнейшем, чтобы не превратиться в отсталую периферию мирового сообщества, им потребуется модернизировать свою экономику на основе постиндустриальных технологий, соответственно преобразовав социальную структуру общества[1].

3) *Сходство неясного, промежуточного статуса в мировом сообществе*, расколотом на "золотой миллиард" и "общность стран зависимого развития", в которую, скорее всего, вольется большинство посткоммунистических стран, за исключением Центрально-Европейских, Прибалтийских республик и, возможно, России.

4) *Общность факторов, затрудняющих адекватное реагирование на глобальные вызовы XXI века,* — политическая, экономическая и социальная отсталость, неразвитость или отсутствие гражданского общества, отчуждение власти от общества, а тем более от личности, трудность национальных мобилизаций, столь важных в переломные моменты истории.

5) *Исторически сложившиеся экономические, социальные, культурные, военные и демографические связи* (через миграцию и межнациональные браки), особенно тесные для постсоветских стран и в меньшей мере — для стран бывшего СЭВ[2] и Варшавского договора.

Как видим, общих черт у бывших стран "мировой социалистической системы" было немало. Вместе с тем многие из них находились на разных ступенях исторического развития и были во многих отношениях крайне несхожи друг с другом. Они были неодинаково обеспечены ресурсами, различались

[1] Согласно определению ученых постиндустриальная "экономика уже в настоящее время представляет собой одновременно и синтез, и результат всех сложных взаимопроникающих и взаимообусловленных процессов, протекающих в сферах научно-технического прогресса, стремительного формирования человеческого и интеллектуального капиталов, международного разделения труда и его кооперации, а также изменений в концентрации, организации и структуре глобального капитала и его финансовой системы и в меняющемся с ростом доходов личном потреблении". (См.: Мир на рубеже тысячелетий. М.: ИМЭМО РАН, 2001. С. 9.)

[2] СЭВ, или Совет экономической взаимопомощи — межправительственная экономическая организация социалистических стран.

уровнем образования и квалификации населения, степенью развития наукоемких технологий и производств, качеством и конкурентоспособностью продукции, уровнем развития гражданского общества. Часть из них органически принадлежала к Европе, другая — составляла ее периферию, третья представляла Азию. Особенности географического положения и исторического пути, доминирование разных религиозных конфессий предопределили многообразие национальных культур — ценностей, верований, потребностей, мотиваций, моделей повседневного поведения. Глубина и многообразие различий между этими странами ставят под большое сомнение возможность и целесообразность разработки *единой теории* протекающих в них трансформационных процессов.

Однако это вовсе не исключает возможность создания подобных теорий для групп стран, близких в экономическом, политическом и культурном отношениях. Можно, в частности, согласиться с предложенным П. Махониным делением посткоммунистических стран на три группы, существенно различающиеся типами и направлениями социетальной трансформации. В качестве таких типов он выделяет:

1. Изменения, происходящие в реформируемых коммунистами быстро развивающихся азиатских странах (Китай, Вьетнам), с упором на экономическую модернизацию как высший приоритет при неопределенных перспективах продемократических перемен.

2. Посткоммунистические сдвиги в тех Восточно-Европейских и Балканских странах, которые до установления коммунистических режимов не были индустриально развиты, включая те, где коммунистическая система существовала в течение исторически долгого времени и где утвердился советский тип индустриальной системы. Здесь мы находим специфический трансформационный процесс, связанный с экстраординарными трудностями в области демократизации и частично маркетизации (Европейские республики СССР, Болгария, Сербия).

3. Аналогичные изменения в тех европейских странах, которые достигли хотя бы среднего уровня индустриального развития до установления коммунистических режимов (Чехия, ГДР, Словения, Польша и Венгрия)[1].

[1] См.: *Machonin P.* Social Transformation and Modernization. To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries. Praha, 1997. P. 11–12.

Два последних типа процессов, по-видимому, значительно ближе друг к другу, чем к первому типу, что дает определенные основания для сравнения посткоммунистических трансформаций, протекающих не только в странах одной группы, но и групп, достаточно близких друг к другу. Но для этого необходима такая методология, которая позволяет одновременно видеть общее и особенное в этих процессах. Для ее разработки нужно прежде всего определить, какие именно социетальные характеристики посткоммунистических обществ служат ключевыми *объектами* трансформации, иными словами, сконструировать типологическое пространство, вмещающее в себя траектории сущностной трансформации большинства таких обществ.

4.2. Проблема концептуализации пространства посткоммунистических трансформаций

Несмотря на дискуссионность многих вопросов, касающихся преобразования посткоммунистических обществ, подавляющее большинство ученых считают, что они ведут к изменению не отдельных черт, сторон или элементов, а самой социальной природы или социетальных типов таких обществ. Речь в данном случае идет о сущностном изменении обществ, их своего рода социальном перерождении. Поэтому независимо от того, как отдельные группы ученых оценивают конкретные результаты реформ, все они признают судьбоносный характер событий, происшедших в бывших социалистических странах на переломе 1980—1990-х годов. В связи с этим возникает потребность в четком определении того, *в каком социетально-типологическом пространстве* протекают посткоммунистические процессы и из каких социетальных типов в какие перешли или переходят исследуемые общества[1].

[1] А.Г. Глинчикова так характеризует эту ситуацию: "Россия вышла сегодня на тот рубеж, когда она особо нуждается в социальном, экономическом и политическом ориентировании. Она напоминает собой путника, который шел в определенном направлении и вдруг оказался в совершенно незнакомой местности — и теперь ему нужно определить, как отличить движение вперед от движения назад, вбок, в сторону, по кругу. Поиск критериев движения вперед, поиск новых социальных координат необыкновенно важен для России. Будут найдены эти критерии — можно будет восстановить процесс поступательного развития страны, не будут найдены эти критерии — страна станет топтаться на месте, возвращаться вспять, разрушаться". См.: Капитализм, социализм, индустриальное общество — к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 36.

Формирование эксплицитного представления о пространстве этих процессов облегчает решение трех взаимосвязанных задач. Так, анализ современного расположения разных обществ в соответствующем типологическом пространстве позволяет разделить их на социетальные типы в зависимости от достигнутых результатов реформ. Траектории, вычерчиваемые конкретными обществами в этом пространстве, отражают масштаб и характер (направленность) происходящих в них сдвигов. Наконец, сравнение траекторий, пройденных разными обществами, формирует общую картину трансформации изучаемых стран, позволяя судить о том, кто из них развивается более, а кто — менее успешно, кто сближается, а кто отдаляется друг от друга.

Однако общенаучное представление о типологическом пространстве посткоммунистических процессов пока не выработано. Большинство исследователей ограничиваются анализом перемен, реализующихся в сравнительно узких сферах общественной жизни (в области социальной стратификации, уровне и качестве жизни, маркетизации экономики, освоении демократических институтов и др.). Используемые при этом *частные* признаковые пространства позволяют отслеживать изменения исследуемых объектов по многим осям, но редко дают обобщенное представление о сущности происходящих процессов. Поэтому их анализ нередко становится шагом к построению более сложных *типологических пространств*, координатные оси которых обобщают значения целых групп взаимосвязанных признаков. Содержание таких осей интерпретируется труднее, но зато каждая из них несет большую смысловую нагрузку, что повышает значимость получаемых в итоге структур. Конструирование типологических пространств, разные области которых соответствуют качественным типам объектов и ситуаций, — важное методологическое средство исследования мобильности многих социальных объектов, включая и государства-общества.

Научные представления о пространстве посткоммунистических трансформационных процессов формируются как дедуктивным, так и индуктивным путем. Сторонники первого подхода обращаются к типологиям человеческих обществ, разработанным в другое время и с другими целями. Это облегчает включение исследований в сложившуюся научную традицию, предоставляет ученым развитый научный язык, облегчает задачу формирования новых понятий. Однако использование методологии, "взятой с чужого плеча" вместо "изготовленной на

заказ", повышает вероятность неадекватной интерпретации результатов. В отличие от этого индуктивный подход отталкивается от современной реальности изучаемых обществ. В нашем случае он предполагает изучение фактических сдвигов, происходящих в конкретных обществах, а затем их сведение к обобщающим характеристикам, рассматриваемым в качестве координатных осей типологического пространства. Такой подход позволяет более точно оценивать действительные направления сдвигов, но ограничивает возможность использования классических теорий и ставит новые методологические проблемы.

Первым шагом исследователей посткоммунистических трансформационных процессов было использование ранее освоенных парадигм. Чаще всего в данном контексте использовались и продолжают использоваться теория общественно-экономических формаций и разные варианты теорий модернизации (постмодернизации). Однако с течением времени становится все яснее, что предлагаемые этими теориями системы понятий непригодны или как минимум недостаточны для конкретного изучения посткоммунистических трансформаций, представляющих собой совершенно новый, ранее не встречавшийся тип процессов. Остановлюсь на этом подробнее.

4.3. Общественно-формационная парадигма социетального пространства

Становление и развитие советского общества традиционно изучалось и описывалось средствами марксистской теории как переход от капитализма к первой фазе коммунистической формации — социализму. Поэтому, когда в конце 1980-х годов была осознана необходимость качественного изменения советской системы в сторону ее сближения с обществами "цивилизованного Запада", наиболее употребительными терминами, обозначающими сравниваемые системы, стали *социализм* и *капитализм*. Выдвинутая М.С. Горбачевым цель "теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма"[1] разделялась большинством демократических лидеров, включая ученых. Процесс перестройки советского общества виделся ее деятелям как постепенное внедрение в социалистическую систему таких элементов капитализма, которые придадут ей больший динамизм и повысят ее эффективность[1]. Речь шла об освоении политической демократии, расширении экономических прав предприятий, развитии мелкого частного предпринимательства, придании рыночного характера потребительскому сектору экономики, либерализации трудовых отношений и пр. Понятие *капитализм* в конце 1980-х годов почти не употреблялось в позитивном смысле, да и в первые годы реформ использовалось довольно редко и осторожно. Значительно чаще речь шла о создании общественной системы смешанного типа, которая соединила бы лучшие черты социалистической и капиталистической моделей[2].

Однако попытки улучшения "*реального социализма*" путем придания ему "человеческого лица" терпели крах, а проводившиеся "рыночные реформы" откровенно ориентировались на западные системы. В этих условиях начала обсуждаться проблема перехода (или возвращения) России от социализма к капитализму. Со временем представление о посткоммунистических процессах как движении именно в таком направлении получило широкое распространение[3]. Между тем использование данной терминологии содействует возникновению путаницы в понимании посткоммунистических трансформационных процессов, что справедливо отмечается рядом ученых[4].

[1] *Горбачев М.С.* Доклад на XXVII Съезде КПСС. 1987.

[1] См., напр.: Иного не дано / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989 (ст. Т. Заславской, Н. Моисеева, Е. Амбарцумова, В. Киселева, А. Бовина, А. Бутенко и др.); *Заславская Т.И.* О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии ("Новосибирский манифест", 1983) // Российское общество на социальном изломе. Взгляд изнутри. М., 1997.

[2] Так, в апреле—мае 1993 г. 2% участников экспертного опроса ВЦИОМ считали, что экономика России в ближайшем будущем будет возвращаться к экономике советского типа, 7% — что она будет двигаться в сторону классического капитализма, а 91% — что будет формироваться экономика смешанного типа, основанная на легальном (66%) или на нелегальном рынке (25%). *Рывкина Р.В., Косалс Л.Я.* Эксперты о политических переменах в России // Экономические и социальные перемены в России: Мониторинг общественного мнения. М.: Интерцентр, ВЦИОМ, 1993. № 4. С. 16.

[3] См., напр.: *Корнаи Я.* От капитализма к социализму и обратно // ЭКО, 1999. № 11; *Рывкина Р.В., Косалс Л.Я.* Шесть этапов развития постсоветского капитализма // Социология перехода к рынку в России. Гл. 2. Разд. 1. С. 28—30 и др.

[4] См., напр.: *Медведев В.А.* О кризисе социализма и его интерпретаторах. Дихотомия "капитализм-социализм" безнадежно устарела // Постперестроечная Россия: Проблемы и перспективы. Ч. 1. Вопросы теории. М., 1999. С. 70—77.; *Глинчикова А.Г.* Капитализм, социализм, индустриальное общество — к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. 2001. № 9.

Как известно, Маркс типологизировал общества в зависимости от господствующих способов производства, отражающих типы *производственных отношений* (в основе которых лежат формы собственности на средства производства и типы социально-классовой структуры) и состояние *производительных сил* (т.е. рабочей силы и средств производства). Обобщающая категория *способ производства* подчеркивает взаимосвязь этих характеристик. Поскольку орудия труда создаются людьми, их сложность и эффективность существенно зависят от знаний, умений и опыта работников. С другой стороны, профессиональные качества последних формируются в процессе использования орудий труда, причем более сложные технологии предъявляют повышенные требования к квалификации работников и стимулируют ее рост. Главная функция производственных отношений — создание благоприятных условий для роста производительных сил. Пока она выполняется эффективно, общественная система не вызывает нареканий, ее развитие носит эволюционный характер. Когда же она устаревает и начинает тормозить развитие производства, возникает общественная потребность в переходе к новому его способу, или новой *общественно-экономической формации*.

В современной научной литературе историческая ограниченность и конкретные недостатки этой теории проанализированы столь детально, что подробно останавливаться на них не стоит. В данном контексте важно лишь показать, что для исследования содержания посткоммунистических процессов категории *капитализм* и *социализм* не пригодны.

Прежде всего замечу, что понятие социализм имеет, по меньшей мере, три совершенно разных смысла[1], которые условно можно назвать *социал-демократическим* ("западный социализм"), *формационным* ("научный социализм") и *мифологическим* ("реальный социализм").

В социал-демократическом контексте социализм понимается не как общественная система, а скорее как набор позитивных социальных качеств, в той или иной степени присущих большинству современных обществ. Суть этих качеств — в минимизации эксплуатации и угнетения человека человеком, ориентации на относительное социальное равенство, социальную справедливость и свободное развитие человеческой личности. Социал-демократическая трактовка социализма, по существу,

[1] Социализм // Российская социологическая энциклопедия. М.: Норма-Инфра-М, 1998. С. 480.

основана на идее континуума социалистичности или, как теперь принято говорить, *"социальности"* обществ. Критериями этого качества являются:

1) *демократический тип государственной власти*, аппарат которой выполняет преимущественно административные функции по поручению общества и под его контролем;

2) *общественная собственность* на землю, природные ресурсы и "основные высоты экономики", сочетающаяся с широким развитием мелкого и среднего предпринимательства; индикативное планирование значительной части производства; высокая доля национального дохода, перераспределяемого через государственный бюджет;

3) *отношения социального партнерства* между трудом, капиталом и государством, относительно справедливое распределение доходов; умеренная социально-экономическая дифференциация общества, отсутствие крайних форм нищеты;

4) ускоренное развитие таких форм *общественного потребления*, как образование, наука, культура, спорт, здравоохранение, рекреация, выращивание и воспитание детей, обеспечиваюшее постоянное повышение человеческого потенциала общества;

5) безусловное превалирование *культурных механизмов интеграции* общества над мобилизационными и репрессивными; равноправный диалог общества с властью через развитые гражданские структуры, широкие права и свободы человека.

Понимаемый таким образом социализм не противопоставляется капитализму, а развивается в рамках последнего, характеризуя его социальное качество. Советское общество, при всех его недостатках, обладало довольно высоким уровнем социальности, весьма ценившейся его гражданами. Однако этот уровень был существенно ниже, чем в таких капиталистических странах, как Германия, Швеция, Норвегия, Канада и др. Уровень же социальности современного российского общества намного ниже, чем советского. Поэтому в стратегической перспективе ему следует двигаться в сторону усиления, а не изживания своих социалистических качеств. Немаловажно, что социал-демократические ценности, отвечающие идеалам гуманности, более других соответствуют российскому менталитету. Не случайно в последние годы возникло научное направление, развивающее идеи "нового социализма" как постиндустриального общества, преодолевающего ограниченность

рыночной цивилизации и создающего культурные основы для гармоничного и свободного развития личности[1].

В рамках марксистского учения понятие социализм имеет другое значение, оно используется для обозначения первой фазы экономической формации, закономерно сменяющей исчерпавший свои ресурсы капитализм[2]. Применительно к исследованию посткоммунистических трансформаций такое понимание социализма еще менее пригодно, чем социал-демократическое. Во-первых, история не подтвердила прогноза классиков марксизма о том, что в обозримом будущем на смену капитализму придет более зрелая коммунистическая формация, первой фазой которой будет социализм. Во-вторых, что не менее важно, в рамках марксистской теории переход от социализма к капитализму может рассматриваться только как разрушительный, социально *деградационный процесс*. Это значит, что говорить о переходе от социализма к капитализму имеют право лишь те ученые, которые, во-первых, стоят на марксистских позициях и, во-вторых, рассматривают трансформацию бывших "социалистических" обществ как однонаправленную деградацию. Но столь одностороннее понимание современных трансформационных процессов свойственно лишь наиболее консервативным ученым, в целом оно не выдерживает критики.

Что касается общественного строя, фактически сложившегося в странах "реального социализма", то по отношению к нему тезис о переходе к капитализму, на первый взгляд, может быть применен. Однако в данном контексте слово *социализм* играет роль не научного понятия, а скорее условного термина, лишь запутывающего фактическое положение вещей. Дело в том, что в действительности страны "второго мира" не были социалистическими ни в социал-демократическом, ни в формационном смысле этого слова. Их обществам были свойственны в лучшем случае два из пяти названных выше качеств демократического социализма, да и то с очень серьезными оговорками — государственная (вместо общественной) собственность на средства производства и сравнительно развитая, но жестко сегрегированная сфера общественного потребления. В формационной же теории для "реального социализма" вообще нельзя найти адекватного места, потому что нет достаточных оснований рассматривать общества советского типа в качестве представителей ни более высокой, ни более низкой по сравнению с капитализмом формации. Это значит, что общественные системы этого типа не представляли самостоятельной общественной формации[1].

Таким образом, посткоммунистические процессы не вписываются в теорию общественно-экономических формаций: они протекают в рамках широко понимаемой капиталистической формации, которая доминирует в современном мире. Следовательно, изучение этих процессов требует иных методологических подходов, оставляющих достаточную свободу для выявления их реального содержания и механизмов. Посмотрим, отвечают ли этим требованиям теории модернизации и постмодернизации.

4.4. Модернизационная парадигма социетального пространства

Понятие модернизация имеет два смысла: широкий и узкий. В первом смысле она означает достижения современности, т.е. широкий комплекс социальных, политических, экономических и культурных процессов. К таким процессам относятся индустриализация, урбанизация, бюрократизация, демократизация, ускоренное развитие образования и науки и др. Модернизация широко понимаемой культуры обычно связывается с расширением прав и свобод человека, повышением качества жизни, рационализацией общественных отношений,

[1] О "новом социализме" см., напр.: Социализм в перспективе постиндустриализма / Под ред. Е.А. Самарской. М.: Эдиториал УРСС, 1999; *Воейков М.И.* Споры о социализме. М.: Экономическая демократия, 2001; *Глинчикова А.Г.* Капитализм, социализм, индустриальное общество: к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 36—53; *Курашвили Б.П.* Куда идет Россия? Оценка советской истории, альтернативы развития. Проблемы нового социализма. М.: Прометей, 1994.

[2] *Бовин А.Е.* Социализм // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 629—633.

[1] Вопрос о социальной сущности обществ советского типа служит предметом ожесточенных дискуссий и в России, и в странах ЦВЕ. Часть ученых считает такие общества тоталитарной разновидностью государственного капитализма, другая часть использует понятия государственного социализма или "обществ переходного периода", третья настаивает на том, что советские системы не обладали родовыми признаками ни капитализма, ни социализма, образуя совершенно особый тип обществ.

Не менее противоречивы позиции ученых по отношению к социализму и его перспективам. Так, либерально ориентированные обществоведы решительно отрицают его достоинства и считают движение к социализму тупиком. Напротив, по мнению социал-демократов, наиболее реальную альтернативу запутавшемуся в противоречиях капитализму представляет новый социализм.

распространением индивидуальных целей и мотиваций, ростом ценности самостоятельности, независимости, ответственности, развитием гражданского общества. В более узком смысле понятие *модернизация* используется для описания усилий отсталых и слаборазвитых стран, направленных на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны[1].

Можно без преувеличения сказать, что главным содержанием российской истории за последние триста лет была модернизация именно в этом узком смысле. Однако завершить ее, т. е. достичь современности хотя бы по главным направлениям, ни царской, ни советской России не удалось[2]. В российском обществе и сейчас современные черты сочетаются с традиционными, причем трудно сказать, какие из них доминируют. Так что задача модернизации в принципе продолжает быть актуальной. Однако в рассматриваемом контексте важен другой вопрос, а именно, пригодна ли парадигма модернизационных теорий для изучения посткоммунистических трансформаций.

Исследованию феномена модернизации в целом и конкретных модернизационных процессов посвящена огромная литература. Создано целое семейство теорий, стремящихся осмыслить логику развития человеческих обществ с помощью представления об универсальных типических стадиях развития культуры, через которые они проходят. Чаще всего такие стадии обозначаются двумя группами сходных понятий. Это либо *традиционное, современное и постсовременное* (вариант: постэкономическое), либо *доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное* (информационное) общество. Причем различные социологические концепции часто вкладывают в эти понятия неодинаковое содержание. Наиболее детальный критический анализ классических и новых теорий модернизации выполнен П. Штомпкой. Отдавая должное их важной роли в познании закономерностей общественного развития, он отмечает, что эти теории успели пережить сначала мощный расцвет, затем период резкой и справедливой критики и, наконец, реанимацию в форме современных постмодернизационных теорий[3].

Обобщая главные направления критики этих теорий, П. Штомпка относит к наиболее слабым их сторонам:

[1] *Штомпка П.* Социология социальных изменений. Ч. II. Гл. 9. Теории модернизации, старые и новые. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 170—171.

[2] *Шелохаев В.В.* Модернизационные процессы в России: общее и особенное // Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь. М.: Республика, 2001. С. 209—213.

[3] *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 173—185.

идею безусловной прогрессивности общественного развития как однонаправленного движения от менее к более рациональным и эффективным формам самоорганизации;

акцент на универсальные черты современных обществ, в то время как доминирующей тенденцией мирового развития является усиление качественных различий между разными национальными государствами;

необоснованное принятие модели наиболее развитых западных обществ за образец для всего остального мира;

отсутствие эмпирических подтверждений и сомнительность реального существования самого феномена модернизации как целостного процесса;

отсутствие разработанных представлений о социальных механизмах модернизации обществ и, наконец,

тот факт, что практические попытки модернизации обществ Третьего мира в большинстве случаев привели к социальной дезорганизации и хаосу[1].

Под влиянием столь серьезной критики авторы *немодернизационных* концепций видоизменили и смягчили ряд ключевых положений исходной теории. Так, представление об унифицированном процессе модернизации было заменено картиной более разнообразного и многоликого процесса, участники которого — современные общества — различаются темпами, способами и механизмами модернизации. Теории неомодернизации отказались от утверждения о существовании общей конечной цели исторических изменений, а также об их необратимом характере. Модернизация стала рассматриваться как исторически ограниченный процесс, узаконивающий такие институты и ценности, которые обеспечивают выживание и устойчивое развитие обществ в современном мире. Это демократия, рынок, образование, рациональное администрирование, самодисциплина, трудовая этика и др.[2]

Тем не менее позиции этой теории существенно пошатнулись. В.А. Ядов видит одну из причин этого в том, что теория модернизация не учитывает решающей роли, приобретаемой в настоящее время *факторами субъектности*, а именно "способность социальных субъектов (от рядовых граждан до национальных правительств и международных акторов современной истории) реагировать на внутренние (в рамках данных обществ) и внешние (со стороны миросистемы) вызовы, упреждать или сдерживать нежелательные и опасные тенденции

[1] *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 290—291.

[2] Там же. С. 292.

природных, социальных, экономических, политических сдвигов и содействовать желательным"[1].

Историки не без основания рассматривают *модернизацию* в качестве главного вектора развития России на протяжении последних веков, включая советский и постсоветский периоды. В широкой временной перспективе такой взгляд представляется достаточно обоснованным, хотя и в этом случае приходится отмечать особый характер российской модернизации. Не случайно для ее обозначения ученые используют такие понятия, как *консервативная*, *рецедивирующая*, *запаздывающая* или *модернизация вдогонку*[2]. При этом очевидные отклонения российских процессов от классических моделей модернизации объясняют национальной и исторической спецификой, как правило, не ставя вопроса о том, насколько научный аппарат данной теории применим к российской реальности.

Для изучения посткоммунистических процессов в России и странах ЦВЕ концепции модернизации используются весьма широко. По мнению В.А. Ядова, модернизация — это сейчас наиболее употребляемое понятие, обозначающее социально-экономические и социокультурные процессы, происходящие в российском обществе[3]. Причем это понятие трактуется в контексте либо завершения перехода от традиционного общества к современному, либо начала перехода от современного к постсовременному обществу.

Однако подход к посткоммунистическим трансформационным процессам как к особому типу модернизации не отражает их реального содержания. Конечно, бывшие "страны социализма" стоят перед особенно острым модернизационным вызовом эпохи. Однако задача исследователей — познание не должного, а сущего. Между тем анализ результатов реформ показывает, что направления действительных перемен часто не соответствуют ни векторам желаемых или декларируемых правящими кругами реформ, ни реальным вызовам современности. Игнорирование этого очевидного

[1] Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 11.

[2] См.: *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998; *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина, ресурс человечества? М.: Эдиториал УРСС, 1999; *Попова И.М., Кунявский М.А.* Запаздывающая модернизация: сравнительный анализ России и Украины // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 20—37.

[3] *Ядов В.А.* Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 383.

факта порождает *презумпцию модернизационной направленности* социальных преобразований независимо от их действительного содержания и результатов.

В апреле 2001 года состоялось заседание круглого стола на тему "Модернизационный вызов современности и российские альтернативы"[1]. Оно показало, что взгляды ученых на соотношение процессов модернизации и посткоммунистической трансформации России очень противоречивы. Одни (например, В.В. Ивантер) считают, что модернизация России уже завершена и эта проблема потеряла актуальность[2], другие (Л.М. Григорьев, В.Г. Федотова) утверждают, что развитие постсоветской России представляло собой не модернизацию, а демодернизацию[3], третьи полагают, что страна по-прежнему стоит перед модернизационным вызовом, и пытаются обосновать тот вариант модернизации, который ей наиболее подойдет[4] (А.А. Яковлев, А.Е. Городецкий и др.), четвертые (В.П. Гутник, Ю.В. Яковец, Б.Ф. Славин) настаивают на том, что главная задача России — вестернизироваться и перейти на постиндустриальную стадию развития. Выступая одним из последних, Б.Ф. Славин сказал, что, прослушав многие интересные выступления участников круглого стола, он "так и не понял, куда движется современный мир, и куда в этом мире идем мы"[5]. На мой взгляд, все это свидетельствует о том, что модернизация (какой бы смысл ни вкладывался в это понятие) и посткоммунистическая трансфор-

[1] Материалы этого круглого стола опубликованы в: Мир России. 2001. № 4. С. 3—58.

[2] *Ивантер В.В.*: "...мы уже модернизацию прошли, все уже свершилось ... Уверяю вас, что здания у нас те же, но все вокруг совершенно другое и по-другому. Мы прошли модернизацию, мы ее совершили, причем совершили радикальным образом ...Я думаю, что никакого модернизационного вызова для России нет. И мы давно уже модернизированы". Там же. С. 8.

[3] *Григорьев Л.М.*: «В нынешние 1990-е годы не было никакой "ельцинско-гайдаровской модернизации..." Неизбежным результатом гайдаровско-ельцинской "модернизации" стал достойный занесения в книгу рекордов Гиннеса небывалый для мирного времени обвальный кризис... По сути дела это была политика антимодернизации, отбросившая Россию на несколько десятилетий назад». *Федотова В.Г.*: "Итогом гайдаровско-ельцинского преобразования стала демодернизация, отбрасывание страны в феодализм". Там же. С. 5, 10, 12.

[4] *Яковлев А.А.* "Модернизации не было, но она нужна. В последней четверти XX в. в мире в рамках процессов глобализации произошли очень большие изменения. Собственно говоря, сама трансформация в значительной мере была обусловлена неспособностью советской административно-командной системы обеспечить очередную модернизацию, вывести страну на новый уровень технологического развития, который соответствовал бы вызовам глобального рынка. За последние десять лет эти вызовы стали еще острее". Там же. С. 16.

[5] Там же. С. 51.

мация обществ — это принципиально разные процессы, для исследования которых требуются разные парадигмы.

Разумеется, у модернизационных и посткоммунистических процессов есть общие составляющие. Однако на практике трансформация большинства посткоммунистических обществ, по крайней мере на первых этапах, сопровождается не созиданием, а разрушением, в том числе в области культуры. Об этом свидетельствуют свертывание высокотехнологических производств, кризис науки и образования, депрофессионализация ценных кадров, утечка лучших умов за рубеж, ухудшение качества жизни и условий развития личности, возвращение многих общественных групп к традиционному образу жизни, широкое распространение неправового поведения, коррупции, нелегальщины и преступности, разрушение общественной морали. В ряде посткоммунистических стран социальная трансформация сопровождается обострением межнациональных конфликтов, перерастающим в затяжные войны. В этих условиях вряд ли уместно идентифицировать содержание современных трансформационных процессов с их модернизационной составляющей. Еще менее обоснованными представляются попытки вписать эти процессы в концепцию перехода от индустриализма к постиндустриализму, характерного для наиболее развитых стран Запада[1].

Использовать понятия, предлагаемые теориями модернизации, постмодернизации и постиндустриализма, при изучении трансформации посткоммунистических стран целесообразно лишь для оценки *социокультурных итогов* этого процесса, выражающихся в повышении или снижении степени современности обществ. Для изучения же его иных итогов, а также социальных механизмов и движущих сил данные теории не годятся.

4.5. Современные подходы к изучению посткоммунистических трансформаций

По мере того как несоответствие классических социологических теорий практике посткоммунистических трансформаций становилось все более очевидным, дилеммы

[1] В России "в настоящее время отсутствуют условия не только для расширенного, но даже для простого воспроизводства научного и технологического потенциала... Поэтому в среднесрочной перспективе (до середины следующего десятилетия) следует ожидать сохранение негативных тенденций его сокращения" // Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия. Социально-экономические аспекты развития. М.: Наука, 2001. С. 627.

"социализм — капитализм" и "традиционное — современное общество" стали уступать место более конкретным категориям. Наибольшую популярность завоевали такие формулы, как "переход от плановой экономики к рыночной" (или "от плана к рынку") и "переход от тоталитаризма (авторитаризма) к демократии". Но эти формулы также недостаточно точны. Так, говорить о тоталитаризме в СССР и странах Восточной Европы справедливо лишь по отношению к сталинскому периоду. Один из главных творцов теории тоталитаризма З. Бжезинский выделяет три фазы "отхода от коммунистического тоталитаризма": коммунистический авторитаризм, посткоммунистический авторитаризм и посткоммунистический плюрализм[1]. Польский ученый А. Валицкий следующим образом определяет разницу между тоталитаризмом и авторитаризмом: "*Авторитаризм* ограничивает сферы своего влияния, удовлетворяется внешним подчинением, не стремится к созданию "нового человека", соглашается с формулой, позволяющей делать все, что не запрещено; *тоталитаризм* же запрещает все, на что нет специального разрешения"[2]. Если принять это определение, то режим Брежнева нужно признать разлагающимся авторитаризмом, а современную Россию — незрелой и неустойчивой демократией, неспособной противостоять возрождению авторитаризма.

Так же неоднозначно обстоит дело и с "переходом к рынку". Факт движения большинства посткоммунистических стран в этом направлении не вызывает сомнения. Но если странам Восточной и Центральной Европы в результате реформ удалось создать относительно цивилизованный конкурентный рынок, то в России возник коррумпированный рынок, операции на котором лишь внешне носят рыночный характер. Большинство экономических отношений базируется не на равноправной конкуренции рыночных агентов, регулируемой правовыми нормами, а на использовании политического, административного, экономического и социального капиталов акторов. Газеты и телевидение ежедневно информируют россиян о крупных экономических сделках, носящих

[1] Дискуссии о социализме в Польше // Системы советского типа в Восточной Европе. Осмысление опыта четырех десятилетий. М: РАН, ИНИОН, 2000. С. 116.

[2] *Walicki A.* Zrosumiec przrszlosc // Zdanie. Krakow, 1990. N. 213. S. 4. Цит. по: Дискуссии о социализме в Польше // Системы советского типа в Восточной Европе. Осмысление опыта четырех десятилетий. М: РАН, ИНИОН, 2000. С. 117.

явно коррупционный характер и наносящих огромный ущерб обществу. По данным сравнительных исследований ООН, по уровню развития коррупции Россия занимает второе место в мире. Между тем отношения коррупции представляют прямую противоположность рыночным отношениям. Хотя развитие российского рынка продвинулось достаточно далеко, он носит не конкурентный, а скорее монопольный характер. Не будучи им открытым, ни правовым, он не может справиться с ролью главного механизма развития экономики.

Из сказанного в этой главе следует, что классические социологические теории не описывают, да и не могут описать типологическое пространство посткоммунистических процессов, которые имеют *принципиально новое* содержание. Познать это содержание науке еще предстоит, и первая задача на этом пути — идентификация (конструирование) того типологического пространства, в котором фактически протекают эти процессы.

Рекомендуемая литература

1. *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.
2. *Воейков М.И.* Споры о социализме. М.: Экономическая демократия, 2001.
3. *Дискуссия* о социализме в Польше // Системы советского типа в Восточной Европе. Осмысление опыта четырех десятилетий. М.: РАН, ИНИОН, 2000.
4. *Курашвили Б.П.* Куда идет Россия? Оценка советской истории, альтернативы развития. Проблемы нового социализма. М.: Прометей, 1994.
5. Модернизационный вызов современности и российские альтернативы. Материалы круглого стола // Мир России. 2001. № 4. С. 3—58.
6. *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина, ресурс человечества? М.: Эдиториал УРСС, 1999.
7. *Попова И.М., Кунявский М.А.* Запаздывающая модернизация: сравнительный анализ России и Украины // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 20—37.
8. Социализм в перспективе постиндустриализма. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
9. *Страны* Центрально-Восточной Европы и Европейской части постсоветского пространства в 1999 г. М.: МОНФ, 2000.
10. *Шелохаев В.В.* Модернизационные процессы в России: Общее и особенное // Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь. М.: Республика, 2002. С. 209—213.
11. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. Ч. II. Гл. 9. Теории модернизации, старые и новые. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 170—183.
12. *Ядов В.А.* А все же Россию умом понять можно // Россия: трансформирующееся общество. Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 10—20.
13. *Balcerowicz L.* Socialism, Capitalism, Transformation, CEU Press. P. 166—185.
14. *Machonin P.* Social Transformation and Modernization. To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries. Praha, 1997.

Глава пятая

ПРОСТРАНСТВО ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

5.1. Экзистенциональные проблемы посткоммунистических обществ

Мировая социалистическая система составляла пусть не самую развитую, но весьма крупную и влиятельную часть человечества. Масштаб этой системы в сочетании с фактом владения атомным и водородным оружием обеспечивал ее членам довольно высокий уровень национальной безопасности. Одним из важнейших результатов ее распада стало то, что каждая входившая в нее страна оказалась наедине с резко поляризованным и динамичным мировым сообществом, основанным на жесткой состязательности. Многие бывшие коммунистические страны потеряли не только прикрывавший их общий "политический зонтик", но и геополитическую идентификацию, так как они не входили в состав ни общности стран "золотого миллиарда", ни общности стран зависимого развития. Если республики Средней Азии легко идентифицировались с "третьим миром", то странам Центральной Европы и Прибалтики, а также славянским республикам бывшего Советского Союза пришлось искать новый геополитический статус.

Практически перед всеми посткоммунистическими странами встала экзистенциональная[1] задача выживания и устойчивого развития в принципиально новых условиях. Суть этой новизны состояла, во-первых, в резком сокращении ресурсов и соответственном снижении веса и влияния отдельных стран по сравнению с весом и влиянием Социалистической системы, во-

[1] Экзистенциональная — жизненно важная, касающаяся самого существования социального субъекта, вопроса быть ему или не быть.

вторых, в необходимости прямого и тесного включения в глобальные процессы, усилении зависимости от внешних факторов.

Выйдя на международные рынки финансов, труда, товаров и инвестиций, новые независимые страны столкнулись с жесткой конкуренцией и крайней трудностью нахождения надежных устойчивых "ниш". Их экономики стали жертвой экспансии транснациональных корпораций, "подминающих под себя" национальные государства, ощутили непрерывный рост требований к качеству продукции и экологическим условиям производства, а главное — познали на собственном опыте глубину экономической, политической и социальной дифференциации мирового сообщества. Дело в том, что граница между наиболее развитыми странами Запада и остальной частью человечества с течением времени все углубляется: богатые страны богатеют, а бедные беднеют. Для того чтобы удержаться хотя бы в середине шкалы социально-экономического развития, посткоммунистические страны должны изыскивать пути повышения своей жизнеспособности и конкурентоспособности, ускорения и интенсификации своего развития как участников глобальных процессов. В противном случае им придется смириться со статусом сырьевых придатков стран "золотого миллиарда". Иными словами, из равноправных *субъектов* процесса мирового развития превратиться в его маловлиятельных *объектов*.

Практически все посткоммунистические страны находятся перед одной экзистенциональной задачей — оправиться от пережитого стресса, выжить в принципиально новых условиях, прочно встать на ноги, включиться в мировую систему в качестве самостоятельных мегаагентов, обеспечить эффективное развитие экономики и обрести геополитический статус, надежно обеспечивающий национальную безопасность. Хотя в принципе для всех стран эта задача едина, как объективные условия и возможности ее решения, так и установки правящих элит в разных странах существенно различаются. Каждая независимая страна решает эту задачу по-своему, исходя из своих возможностей, ресурсов, традиций и представлений. Тем не менее сходство исходного пункта и единство экзистенциональной цели трансформации посткоммунистических обществ обусловливают некоторые конкретные задачи, которые предстоит решить если не всем, то большинству из них. Они сводятся к следующему.

Общественные системы советского типа формировали (а в советских республиках успели сформировать) специфический тип личности, не только объективно отчужденной от

собственности и власти, но и субъективно безразличной к собственному труду и его результатам. Признание *тотального отчуждения* человека основной причиной системного кризиса советской системы — краеугольный камень социокультурной концепции посткоммунистических трансформаций, развиваемой Н.И. Лапиным. Целевым индикатором трансформации здесь выступает сужение пространства отчуждения и расширение пространства свободы, "когда каждый гражданин становится хозяином своей жизни, когда от его личных действий, не нарушающих установленные законом ограничения, зависит уровень и качество жизни его самого и его семьи"[1].

Ю.А. Левада, на протяжении многих лет исследующий основные черты и особенности советского, а затем постсоветского человека, относит к ним: ограниченность притязаний, долготерпение и приспособляемость к обстоятельствам, сочетающиеся с вынужденным двоемыслием и лукавством. Такой человек априорно не доверяет власти, безразличен к ее политике, не склонен к открытому отстаиванию своих интересов и предпочитает тихий саботаж не соответствующих его интересам властных решений[2]. Сознание этого человека несет отпечаток многовекового рабства, проявляющийся в низком самоуважении, пренебрежении к законам, вороватости, склонности работать спустя рукава, готовности к подчинению силе, подхалимажу, клиентелизму и проч. Конечно, названные черты были и остаются характерными не для всех граждан бывшего СССР, но для значительной их части.

Решать крупные общественные задачи с опорой на такой "человеческий материал" чрезвычайно трудно. Не случайно Ян Щепаньский вспоминает слова Г. Спенсера о том, что из рассыпающихся кирпичей невозможно выстроить прочный дом — для него необходимы крепкие кирпичи, так же, как для прочного общества необходимы хорошие граждане[3]. Значит, наиболее сложной, но жизненно важной стратегической задачей посткоммунистических обществ является постепенное, но настойчивое пробуждение у массы угнетенных, неуверенных в своем будушем людей здоровых потребностей, собственного достоинства, достижительных ценностей, гражданской активности и ответственности. Иными словами, их превращение из покорных

[1] *Лапин Н.И.* Пути России. Институт философии РАН. М., 2000. С. 9—10.

[2] *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию. М.: ВЦИОМ, МШПИ, 2000. С. 467—549

[3] Цит. по: *Щепаньский Я.* От диагноза к действиям. // Системы советского типа в Восточной Европе. Осмысление опыта четырех десятилетий. М., 2000. С. 143.

государевой воле подданных в свободных, самостоятельных и ответственных граждан. Реформирование посткоммунистических обществ, ставящих перед собою задачу выживания в сегодняшнем быстроразвивающемся мире, должно быть подчинено этой стратегической цели. Но изменение доминирующего социокультурного типа личности — процесс очень длительный, требующий смены нескольких поколений. Актуальной же и реально выполнимой задачей является формирование институциональных и социально-экономических условий, содействующих объективному и субъективному освобождению людей, расширению области их индивидуальной свободы, росту экономической и гражданской активности, а также правопослушания и ответственности. Это положение служит исходным пунктом социологической теории трансформации свободы в переходных обществах, разработанной М.А. Шабановой. Ее комплексное междисциплинарное исследование отвечает, в частности, на вопрос о том, как социетальная трансформация российского общества отразилась на индивидуальной свободе его граждан, в каких отношениях и в какой мере они почувствовали себя более, а в какой — менее свободными, чем прежде, и, следовательно, насколько успешно это общество смогло решить свою экзистенциональную проблему[1].

Движение в этом направлении предполагает соответствующее преобразование социальной структуры посткоммунистических обществ, большинство из которых сейчас расколоты на два противостоящих "социальных мира" — властную элиту и эксплуатируемый народ[2]. В этих социально поляризованных обществах отсутствует развитый средний класс, представители которого в западных странах рассматриваются в качестве наиболее активных и эффективных социальных акторов. Чтобы преодолеть тотальное отчуждение большинства индивидов от власти и общества, необходимо дать им действительную возможность почувствовать себя свободными равноправными гражданами, живущими не за счет вспомоществований патерналистского государства, а за счет справедливого вознаграждения собственного рационально организованного и качественного труда.

[1] *Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000.

[2] Под эксплуатацией здесь, согласно Дж. Роемеру, понимается возможность извлечения определенными группами выгоды через доступ к избыточным социальным благам в ущерб другим группам, включенным в совместную деятельность (*Roemer J.E.* General Theory of Exploitation and Class. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1982).

Но как решить эту задачу на практике? Как известно, социальные классы, слои и группы возникают не в результате указов, а эволюционным путем, причем конкретные направления их эволюции определяются, в первую очередь, институциональной структурой общества. В современных условиях наиболее эффективны такие институты, которые, с одной стороны, обеспечивают свободное развитие и самореализацию личности социальных акторов, а с другой — достаточно жестко ограничивают их негативную, неправовую свободу, т.е. возможности достижения личных целей за счет нарушения прав и свобод других граждан. Реально гарантировать свободу и безопасность граждан могут только *правовое* общество и *правовое* государство. Не случайно непосредственной целью реформ, давших толчок посткоммунистическим трансформациям, было повышение эффективности институциональной структуры обществ советского типа.

Движение в названных направлениях является *объективным условием* выживания и устойчивого развития новых независимых обществ в современном мире. Однако это отнюдь не значит, что все они или хотя бы большинство из них движутся именно в эту сторону. Реальные векторы трансформации новых независимых стран в решающей степени зависят от интересов, установок и поведения их элит. Те страны, политические элиты которых, несмотря на все трудности, находят возможность реализовать эффективные социально-инновационные стратегии (Венгрия, Чехия, Польша, Словения, Эстония), по-видимому, сумеют занять достойное место в миросообществе. Те, чьи элиты предпочитают сохранять полуфеодальную поляризацию общества, когда основную массу населения составляют вассалы, мало отличающиеся от рабов (как в некоторых республиках Средней Азии), присоединятся к "третьему миру" и потеряют перспективу успешного инновационного развития. Что же касается России, то она принадлежит к большой группе стран, перспективы дальнейшего развития которых пока недостаточно ясны. До распада "мировой социалистической системы" и СССР они имели высокий индекс развития человеческого потенциала и занимали верхние места в группе среднеразвитых стран. Многие из них и сейчас обладают значительным потенциалом развития, однако их правящие элиты до сих пор не сумели найти эффективных стратегий преодоления переходного кризиса.

Из сказанного видно, что очерченные выше направления развития отражают не фактические тенденции посткоммунистической трансформации рассматриваемой группы стран, а

лишь желательные тенденции, способные обеспечить достижение экзистенциональных целей. Действительная трансформация многих обществ происходит в иных направлениях — в частности, в сторону авторитаризации власти, ограничения прав и свобод человека, криминализации общественных отношений, углубления межнациональных конфликтов, территориальной дезинтеграции государств. Тем не менее структура социетального пространства, наиболее соответствующего задачам отслеживания *реальных* траекторий изучаемых стран, на наш взгляд, должна задаваться именно *нормативными* направлениями трансформации, поскольку это позволяет оценивать эффективность происходящих сдвигов с наиболее важной экзистенциональной точки зрения.

Объективные задачи трансформаций посткоммунистических стран разделяются на два типа. Задачи первого типа направлены на совершенствование их *общественного устройства*[1], а второго — на повышение *человеческого потенциала*, или социально значимых качеств граждан. Анализ научной литературы подтверждает, что внимание исследователей трансформационных процессов концентрируется в основном на анализе изменений именно этих характеристик[2].

5.2. Преобразование основных сторон общественного устройства

Социетальный тип общественного устройства представляет макрохарактеристику нации-государства как целостной системы. Это устройство имеет две проекции: институциональную и социально-групповую (социальную в узком смысле)[3]. Институциональная и социальная структуры представля-

[1] Понятие «общественное устройство» используется в этой работе как синоним широко понимаемой социальной структуры, в которую включаются как социально-групповая (в т.ч. классовая), так и институциональная структура общества.

[2] Одной из наиболее полных и разносторонних подборок материалов по этим вопросам являются десять опубликованных к настоящему времени сборников трудов международного междисциплинарного симпозиума "Куда идет Россия?.." (М.: МВШСЭН и Интерцентр, 1993—2003), ежегодно проводимого Московской высшей школой социальных и экономических наук с участием широкого круга высококвалифицированных социологов, экономистов, политологов, правоведов, культурологов и специалистов иного профиля.

[3] В дальнейшем в соответствии со сложившейся традицией, а также для простоты изложения я буду называть эту проекцию не социально-групповой, а просто социальной.

ют собой разные, но неразрывно связанные стороны общественного устройства. Если институциональная структура отражает систему правил игры, регулирующих жизнедеятельность данного общества, то социальная структура характеризует способ организации игроков, т.е. социальных акторов, использующих институциональные правила для реализации своих целей и ценностей. В основном эти акторы вынуждены играть согласно установленным правилам. Однако институциональные нормы, ограничивая свободу акторов, нередко приходят в противоречие с их интересами. Поэтому взаимодействия акторов с нормами носят довольно напряженный характер. Когда у акторов возникает возможность действовать вопреки невыгодным правилам, они обычно ее используют. А это случается тем чаще, чем менее ясны и системны правила и чем слабее контролируется их выполнение, что характерно для периодов больших перемен. Следует подчеркнуть и то обстоятельство, что социальная активность акторов оказывает обратное влияние на действующие правила игры, служит движущей силой их трансформации, приспособления к интересам индивидов, организаций и групп.

Эффективность институциональных систем. Совокупность базовых институтов служит своего рода скелетом общественного устройства, поэтому в последние годы институциональное направление экономических, социологических и политологических исследований получило широкое развитие. По определению крупнейшего специалиста в этой области лауреата Нобелевской премии Д. Норта, общественные «институты — это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющие взаимодействия между людьми. ... Иными словами, институты — это "правила игры" в обществе или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»[1]. Особенность социологической трактовки институтов состоит в акцентации их значения для организации системы социальных ролей и статусов[2].

Исходя из этого понимания, социальный институт можно определить как целостный устойчивый комплекс формальных и неформальных "правил игры", т.е. принципов, норм, установок,

[1] *Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое введение // Thesis/ Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2. С. 73.

[2] Институт социальный // Современная западная социология. Словарь. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. С. 117.

способов контроля, поощрений и санкций, регулирующих системы ролей и статусов, образцы поведения и типы социальных практик в различных сферах человеческой деятельности.

Совокупность действующих в обществе институтов выполняет очень важные социальные функции, особую роль среди которых играют стабилизирующая, адаптационная, инновационная и интеграционная функции.

Стабилизирующая функция институтов состоит в стимулировании устойчивого, сбалансированного и эффективного функционирования всех сфер общества путем направления деятельности социальных акторов (индивидов, организаций и групп) в русло общенациональных интересов.

Адаптационная функция выражается в повышении способности общества конструктивно и своевременно отвечать на глобальные вызовы миросистемы, изменение геополитических и экономических условий, природные и социальные катаклизмы.

Инновационная функция институтов проявляется в создании благоприятных условий для всех видов общественно полезной инновационной деятельности, включая проведение требуемых общественных реформ, при одновременном создании заслонов непродуманным, авантюристическим и своекорыстным действиям правящей элиты.

Наконец, *интеграционная функция* общественных институтов заключается, с одной стороны, в социализации молодых поколений, трансляции им укорененных в национальной культуре норм, ценностей, образцов поведения, обеспечивающей непрерывность исторического развития, а с другой стороны, в содействии культурной интеграции разных социальных групп и слоев.

В конечном счете совокупность общественных институтов ответственна за доминирование *эффективных* (или хотя бы социально приемлемых) *форм активности* социальных акторов. Чтобы успешно выполнять эту функцию, институты должны поощрять и стимулировать конструктивную, важную и нужную обществу активность, одновременно пресекая и наказывая деструктивные формы деятельности и поведения людей.

Качество социальных структур. Изменение общественных институтов служит прямым и непосредственным результатом как реформ, так и спонтанных общественных трансформаций. Но само по себе оно является скорее *внешним* проявлением социетальных трансформаций. Более глубокий (но и более косвенный) результат этих процессов — изменение социальной структуры общества. Трансформация институциональной и социальной структур представляет, в сущности, единый процесс, в конечном счете способный вести к измене-

нию социетального типа общества. Вместе с тем каждая из этих структур имеет свои особенности. Институциональная структура расположена ближе к поверхности общественной жизни, она более прозрачна и доступна внешнему управлению. В то же время ее изменение, как правило, не является самоцелью — это скорее инструмент достижения более глубинных конечных целей реформ.

В качестве таковых — независимо от того, осознается ли это участниками процесса, — выступают сдвиги в социальной структуре общества. Эта латентная и менее прозрачная характеристика недоступна прямому регулированию. В периоды социальной стабильности эволюционные сдвиги в социальной структуре служат слабо управляемым следствием *функционирования* институциональных систем. Глубокое же изменение, а тем более крутая ломка социальной структуры, как правило, являются результатом соответствующего *преобразования* базовых *институтов* (либо с помощью радикальных реформ, либо революционным путем).

Институциональные преобразования служат единственным способом добиться желательных сдвигов в социальной структуре общества, и в то же время каждое заметное изменение базовых институтов неизбежно влечет сдвиги в этой структуре. В этом смысле институциональную структуру можно условно назвать ведущей, а социальную — ведомой. Это не значит, что первая структура приоритетна по отношению ко второй. С точки зрения социальных итогов трансформации положение скорее обратное. В глазах общества наиболее значимыми критериями эффективности социальных преобразований служат, в первую очередь, сдвиги в социальной структуре, например, расширение или сужение области индивидуальной свободы, сглаживание или усиление социальных различий, исчезновение прежних и возникновение новых общественных групп и пр.

5.3. Изменение человеческого потенциала

Наиболее глубокие и долгосрочные результаты трансформационных процессов выражаются в социокультурных сдвигах, изменяющих человеческий потенциал развития обществ. Повышение или снижение этого потенциала служит самым фундаментальным критерием того, ведут ли осуществляемые преобразования к расцвету и обновлению общества или

вызывают его упадок и деградацию. Уровень человеческого потенциала системно дополняет структурные характеристики общества. В научной литературе этот феномен выступает под разными названиями, в частности, как потенциал развития, жизненный, человеческий, деятельностный, динамический, культурный или интеллектуальный потенциал. Исследованием этого индикатора занимаются специализированные институты, в том числе под эгидой ООН[1].

Под *человеческим потенциалом* имеется в виду целостная социетальная характеристика, отражающая важнейший фактор жизнеспособности общества, — его готовность и способность к саморазвитию, к активному ответу на множественные вызовы современности. Эта обобщающая характеристика охватывает как характер национальной культуры, так и личностные качества составляющих общество индивидов.

Важными характеристиками человеческого потенциала являются: численность и социально-демографическая структура населения, состояние здоровья и долголетие граждан; характер их правового и ценностного сознания, потребностей, интересов; уровень образования и квалификации, жизненная активность; развитость правового сознания, нравственности, морали; прочность семейно-брачных уз, качество воспитания детей и пр. Короче говоря, речь идет о социальном качестве доминирующих типов человеческой личности, во многом определяющем положение соответствующих обществ в миросистеме.

В качестве же факторов, определяющих уровень человеческого потенциала разных обществ, выступают: характер и содержание общественного труда, степень интеллектуализации производства, доля наукоемких технологий, состояние науки, образования, культуры, искусства, благосостояние и качество жизни граждан, количество и использование их свободного времени, насыщенность образа жизни.

Динамика человеческого потенциала трансформирующихся обществ позволяет судить о том, носят ли осуществляемые структурные преобразования и реформы прогрессивный характер или, напротив, ведут к деградации. Подчеркивая важность этого независимого, внешнего по отношению к структурным характеристикам критерия оценки реформ, Павел Махонин отмечает, что *глубинный смысл* "бегства" стран бывшего "второго мира" от государственного социализма не ограничивается революционными или реформистскими изменениями

[1] См., напр.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М.: UNDP, 1999.

отдельных институтов и социальной структуры. "Только позитивное развитие культурного уровня жизни в целом [или, что то же, *человеческого потенциала обществ. — Т.З.*] — со всеми соответствующими гуманизирующими эффектами — может служить достаточным *критерием эффективности трансформации* институциональных и социальных (экономических и политических) структур"[1]. Анализ сдвигов в человеческом потенциале посткоммунистических обществ, по существу, означает соотнесение итогов трансформационных процессов с общепринятыми критериями модернизации, о целесообразности использования которых для оценки принципиальных итогов реформ говорилось в предыдущей главе.

5.4. Методологические подходы к системному изучению трансформационных процессов

Взаимосвязанный анализ динамики трех обобщающих индикаторов: эффективности *институциональных систем*, качества *социальных структур* и уровня *человеческого потенциала* обеспечивает достаточно полное представление как о социальных траекториях каждого из посткоммунистических обществ, так и об особенностях трансформации всего бывшего Второго мира. Следовательно, изучаемые нами процессы можно адекватно вписать в социетальное типологическое пространство, координатные оси которого задаются континуумами названных индикаторов. Конкретные значения этих индикаторов, характерные для каждого посткоммунистического общества, определяют его место в этом пространстве, а соответственно и принадлежность к тому или иному социетальному типу.

Очевидно, что оси сконструированного пространства посткоммунистических трансформаций не являются независимыми друг от друга, так как институциональная система в известной мере предопределяет социальную структуру обществ, а обе эти структурных характеристики влияют на уровень и динамику человеческого потенциала и сами зависят от него. Значит, координатные оси конструируемого пространства не ортогональны, а пересекаются под острыми углами, формируя своего рода трехгранную призму, внутри которой перемещаются посткоммунистические общества.

[1] *Machonin P.* Social Transformation and Modernization. To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries. Praha, 1997.

Вместе с тем связи между координатными осями интересующего нас пространства не являются особенно жесткими. Они реализуются не "здесь и сейчас", а лишь в тенденции, в конечном счете, применительно к крупным территориально-государственным общностям и длительным периодам времени. Главным фактором, ослабляющим эти связи, являются существенные различия в скорости изменения соответствующих индикаторов. Так, реконструкция институциональных систем происходит намного быстрее, чем трансформация социальной структуры. Отсюда возможность существенных разрывов между этими элементами общественного устройства, особенно в периоды институциональных реформ. Что касается человеческого потенциала, то он хоть и зависит от общественного устройства, но отнюдь не является его функцией. Отражая особенности национального сознания, свойственные ему нормы и ценности, традиционные способы поведения, человеческий потенциал общества обладает намного большей инерцией, чем социальная структура, не говоря уже об институтах. Заметные сдвиги в сознании, поведении, а, тем более в социальном качестве миллионов людей, наблюдаются лишь на крутых поворотах истории, да и то обычно уже между поколениями. Человеческий потенциал каждого общества несет в себе огромное историческое наследие, придающее ему значение самостоятельного критерия оценки и сравнения разных обществ.

В современной научной литературе итоги посткоммунистических трансформационных процессов обычно оцениваются с помощью либо институциональных, либо социоструктурных, либо социально-культурных критериев. Системный анализ, одновременно учитывающий все три типа этих одинаково важных критериев, осуществляется крайне редко[1]. А в случаях, когда речь идет об изменениях, относящихся к разным макрохарактеристикам общества, редко прослеживаются механизмы их связей друг с другом. Это объясняется прежде всего отсутствием достаточно разработанной методологии системного изучения социальных процессов. Наряду с этим действуют и политико-идеологические факторы. В частности, преимущественный акцент на оценке институциональных сдвигов позволяет пред-

[1] Примерами такого подхода могут служить работы: *Заславская Т.И.* О смысле и предварительных итогах российской трансформации // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 390—397; *Шабанова М.А.* Три оси трансформационного пространства и свобода // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. Гл. 8. С. 126—141.

ставителям власти и обслуживающей ее науки говорить об успехах реформ, игнорируя деградационные тенденции в социальной структуре общества, социальном качестве и массовом поведении населения. Напротив, оппозиционные партии и критически мыслящие ученые часто ограничиваются негативной оценкой социальных итогов реформ, не уделяя достаточного внимания становлению новых общественных институтов. Такая практика затрудняет, если не исключает, диалог между учеными, придерживающимися разных идеологических взглядов, которые как бы не слышат друг друга, не хотят сопоставлять и совместно обсуждать свои выводы.

5.5. Трехмерное пространство посткоммунистических процессов

В заключение рассмотрим, как предлагаемые координатные оси посткоммунистического трансформационного пространства соотносятся с базовыми характеристиками обществ, используемыми в классических социологических и антропологических теориях. Названные теории рассматривают человеческое общество как целостный комплекс трех базисных сущностей, в качестве каковых выступают: а) совокупность индивидов (население), б) их взаимные, т.е. социальные отношения, в) исторически созданная ими культура[1]. Представим названные характеристики в качестве вершин треугольника, верхней вершине которого соответствует система общественных отношений, левой вершине — население как совокупность индивидов и личностей, а правой — материальная и духовная культура общества (см. рис. 5.1).

Естественно предположить, что стороны треугольника отражают характеристики, связывающие соответствующие вершины. В силу этого в нашем случае *левая сторона* треугольника символизирует область взаимодействия общественных отношений и их живых носителей — индивидов (граждан). Как известно, эту функцию выполняет *социальная структура* общества. *Правую сторону*, соединяющую общественные отношения и культуру, можно интерпретировать как *институциональную структуру* общества, поскольку каждый общественный институт покоится на глубоком социокультурном основании. Наконец, *основание* треугольника, отражающее синтез населения и культуры, можно с полным основанием трактовать как *человеческий потенциал* общества. Таким образом, совокупность сторон треугольника отражает не что иное, как набор тех макрохарактеристик, целесообразность рассмотрения которых в качестве осей социетального посткоммунистического пространства обоснована выше.

[1] См. об этом: *Machonin P.* Social Transformation and Modernization. To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries. Praha, 1997. P. 19—21.

Рис. 5.1. «Социетальный треугольник»

Из математики известно, что группы характеристик, образуемые совокупностями, с одной стороны, вершин, а с другой — сторон треугольника, несут тождественную информацию, т.е. представляют разные способы описания единого объекта. Это справедливо и по отношению к представленному на схеме "социетальному треугольнику", выступающему в качестве модели общества. Каждая из этих триад (вершины и стороны) содержит необходимые и достаточные критерии типологизации обществ и анализа их динамики. Выбор же той или иной триады зависит от конкретных задач исследования. Для изучения посткоммунистистических процессов лучше подходит группа характеристик, соответствующих *сторонам* треугольника.

Подведем итог: институциональная система, социальная структура и человеческий потенциал представляют собой те макрохарактеристики обществ, на совершенствование которых должны быть направлены реформы. Можно утверждать, что динамика этих характеристик отражает системный результат преобразования посткоммунистических обществ. Однако для того чтобы сконструировать требуемое типологическое про-

странство, простого перечня этих характеристик недостаточно. Необходимо раскрыть их социальное содержание, определить нормативные векторы их динамики и конкретные критерии ее оценки, а также построить операциональные шкалы, отражающие гипотетические континуумы состояний каждой из осей конструируемого пространства. Рассмотрению этих вопросов посвящены следующие три главы пособия.

Рекомендуемая литература

1. *Заславская Т.И.* Постиндустриализм и социальная реальность России // *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.

2. *Лапин Н.И.* Пути России. М.: Институт философии РАН, 2000.

3. *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию. М.: ВЦИОМ, МШПИ, 2000. С. 467—549.

4. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.

5. *Шабанова М.А.* Современный трансформационный процесс в контексте свободы: синтез макро-и микроподходов // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003, глава 7. С. 110—126.

6. *Machonin P.* Social Transformation and Modernization. To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries. Praha, 1997. P. 19—21.

7. *Roemer J.E.* General Theory of Exploitation and Class. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1982.

8. *Stark D., Bruszt L.* Postsocialist Pathways. Cambridge University Press, 1998. Part 1. P. 15—48.

Глава шестая

ВЕКТОР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

6.1. Строение и функционирование социальных институтов

В предыдущей главе был обоснован состав социетальных характеристик, принципиальное изменение которых означает типологическое преобразование общества. Задача данной главы — конкретизировать представление о сущности и критериях оценки первой из предложенных характеристик — эффективности национальных институциональных систем. Это предполагает выработку конкретного представления как о содержании рассматриваемого понятия, так и о континууме его состояний. В связи с этим необходимо более конкретно рассмотреть понятие *общественный институт*, описать внутреннее строение институтов, осветить различные подходы к изучению формируемой ими системы, выделить ядерные, или базовые институты, предложить критерии оценки эффективности институциональных систем и решить некоторые другие вопросы.

Хотя институциональное направление экономических, социологических и политологических исследований в последние годы получило широкое развитие, содержание понятия *социальный институт* все еще остается довольно размытым. В научной литературе встречаются как минимум четыре понимания этого термина. Согласно первому, под институтом понимается совокупность *формальных организаций*, удовлетворяющих определенную общественную потребность. Например, говоря об институте образования, имеют в виду Министерство образования с его региональными и муниципальными управлениями, школы, профессиональные училища, техникумы, университеты, курсы повышения квалификации и пр. К

социологии такое определение института практически не имеет отношения. Согласно второму пониманию институты представляют собой совокупность установленных в соответствующих сферах *правил игры* и действующих согласно этим правилам *социальных субъектов*, в первую очередь — организационных структур[1]. Третье понимание переносит акцент на результаты функционирования института, отождествляя это понятие с "относительно устойчивыми типами и формами *социальной практики*, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социально организованного общества"[2].

Наконец, согласно четвертому определению, представляющемуся наиболее перспективным, институт — это "устойчивый *комплекс* формальных и неформальных *правил, принципов, норм, установок*, регулирующих различные сферы человеческой деятельности"[3]. Придерживающийся этой точки зрения лауреат Нобелевской премии Д. Норт ограничивает содержание понятия "институт" *реальными правилами игры и контролем их соблюдения.* Преимущество такого подхода состоит в четком разделении и противопоставлении понятий *институт* и *организация.* Организации рассматриваются здесь как субъекты, в целом играющие по институциональным правилам, но вместе с тем обладающие определенной свободой выбора своего поведения. Причем степень их подчинения правилам зависит от строгости институционального контроля[4].

Внутреннее устройство социального института, регулирующего конкретную область общественной жизни, включает четыре взаимосвязанных элемента (рис. 6.1). Первый — это система формальных административно-правовых норм и правил, устанавливаемых и регламентируемых государственными органами. Второй элемент института — неформальные правила, нормы и образцы поведения, укорененные в культуре общества. Третий его элемент — механизм административно-правового контроля выполнения формально установленных

[1] "Институты — это нормативы и правила, механизмы, обеспечивающие реализацию права, и организации" // Доклад о мировом развитии 2002 года. Создание институциональных основ рыночной экономики / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2002. С. 6.

[2] Социальный институт // Социология. Словарь-справочник. М.: Наука, 1990. Т. 1. С. 157.

[3] Институт социальный // Современная западная социология. Словарь. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. С. 117.

[4] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. Предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Начала, 1997. С. 19—20.

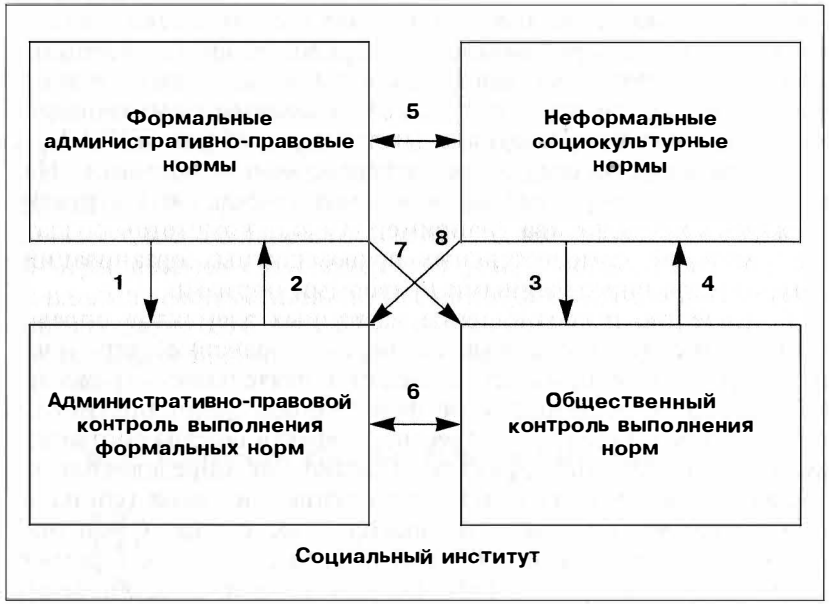

Рис. 6.1. Структура социального института как системы «правил игры»

норм, а четвертый — общественный контроль выполнения формальных и неформальных правил игры[1].

На рис. 6.1 показаны многосторонние отношения, связывающие эти элементы в целостную систему. Связь 1 характеризует правовое регулирование механизмов государственного контроля (например, действий налоговой инспекции или контрольно-ревизионных управлений). Связь 2 отражает влияние результатов этого контроля на совершенствование правовых норм (к примеру, того же налогообложения). Связь 3 показывает, что механизмы социального и культурного контроля поведения социальных субъектов регулируются определенными культурными нормами. Связь 4 отражает влияние общественного (или гражданского) контроля социокультурных норм на их динамику. Связь 5 характеризует степень соответствия или несоответствия, а также взаимодополнения формальных и социокультурных норм, регулирующих поведение людей. Связь 6 отражает аналогичные отношения между механизмами правового и гражданского контроля. В частности, она показы-

[1] Соотношение понятий "институт" и "механизм контроля" детально анализируется в книге: *Клейнер Г.Б.* Эволюция системы экономических институтов России. М., 2003. С. 10—12.

вает, насколько граждане готовы сотрудничать с государством в борьбе с правонарушениями, например, помогать милиции в розыске преступников, выступать в качестве свидетелей и пр. Связь 7 свидетельствует о том, что механизмы функционирования формального контроля (например, работы ГИБДД), в свою очередь, регулируются неформальными нормами. Наконец, связь 8 отражает тот факт, что деятельность структур гражданского общества (например, Союза комитетов солдатских матерей, самодеятельных правозащитных организаций) регулируется определенными правовыми нормами.

Качество и соотношение названных элементов определяет те институциональные (социально-правовые) ограничения, в рамках которых осуществляется деятельность граждан[1]. Общественно значимый итог функционирования институтов проявляется в характере (качестве, эффективности) соответствующих социальных практик. Однако он определяется не только правилами игры, но и поведением игроков (социальных акторов), которым эти правила адресованы. Последние располагают не только свободой выбора поведения в рамках институциональных условий, но и возможностью обратного воздействия на установленную систему ограничений, а также ее обхода или нарушения.

Социальные институты чрезвычайно многообразны: они дифференцируются по своей значимости для общества, полноте и системности формально-правовых норм, типам и эффективности социокультурных правил, соотношению явного и теневого поведения в данной сфере; эффективности механизмов внедрения и контроля установленных норм, принуждения субъектов к их выполнению. В зависимости от этих качеств социальные институты можно разделить на базовые (ядерные) и второстепенные (периферийные); высоко и слабо формализованные; контролируемые преимущественно правовыми или теневыми и криминальными механизмами; только становящиеся, зрелые и отживающие.

Социальные институты организуют и направляют жизнедеятельность общества, оказывая огромное влияние на происходящие в нем преобразования. Однако общественные функции институтов, особенно в периоды интенсивных преобразований, нередко выполняются некомплексно, некачественно, а иногда не выполняются вовсе. Дедовщина, царящая в армейских частях, массовая коррупция госаппарата, финансовые пирамиды, организованная преступность, проституция,

[1] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 26.

наркобизнес, будучи де-факто приняты обществом, входят в его повседневную жизнь, распространяются вширь и вглубь и, наконец, превращаются в институты, удовлетворяющие потребности конкретных социальных групп в ущерб остальной части обшества. В большинстве посткоммунистических стран действует много теневых институтов, лишь часть которых исследована учеными и известна правоохранительным органам. Да и в социально здоровых институтах конструктивные правила игры обычно сосуществуют с устаревшими, дисфункциональными, деструктивными нормами. В связи с этим рассмотрим понятие *качества общественных институтов*, критерии его оценки и определяющие его факторы.

6.2. Качество социальных институтов

Институциональная структура общества представляет собой важнейшее поле взаимодействия власти и общества. Здесь постоянно идет видимая и невидимая борьба между властными структурами, которые стремятся направить деятельность людей в русло, отвечающее интересам общества (или его правящего класса), и множеством социальных субъектов, преследующих частные интересы и в случае необходимости изыскивающих пути обхода или саботажа установленных правил. Итоги этой борьбы во многом определяют фактическое качество институционализированных правил игры, прежде всего их современность и эффективность. Чтобы конкретизировать эти понятия, рассмотрим подробнее внутреннее строение общественного института и каждый из его элементов.

Каркас каждого социального института составляют формально-правовые нормы, зафиксированные в законах, подзаконных актах и других правовых документах. Полнота, непротиворечивость и легитимность этих норм, их справедливость в глазах общества служат важными критериями социального качества и эффективности института. Между тем в переходных обществах принимаемые властью законы нередко выражают интересы не общества, а отдельных высокостатусных групп и в силу этого носят неправовой характер, т.е. являются нелегитимными[1]. Кроме того, контроль соблюдения законов и дру-

[1] Подробнее о соотношении закона, права и социальных практик см.: *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* К проблеме институциализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // Мир России. 2002. № 2. С. 3—39.

гих юридических норм часто бывает неэффективным. Коррумпированность органов контроля и правосудия, практика избирательного применения законов и норм к разным физическим и юридическим лицам, произвол в области определения наказаний за нарушение установленных норм резко снижают действенность институтов.

Вторым элементом социального института служат социокультурные нормы, регулирующие поведение социальных акторов в соответствующих сферах общества. Соблюдение этих норм контролируется культурными механизмами — общественным мнением, моральными оценками, встречным поведением окружающих. Действенность этих форм контроля определяется уровнем правосознания и общественной активности граждан, степенью их терпимости (нетерпимости) к неправовым и противоправным действиям других людей. В разных обществах этот показатель колеблется от полного неприятия, резкого и открытого осуждения нарушителей принятых норм большинством окружающих до относительного безразличия, конформизма, стремления не вмешиваться "в чужие дела". Если преобладание реакций первого типа способствует становлению правового общества, то распространение второго ведет к укоренению в национальной культуре неправовых форм поведения, как это происходит в современной России.

Реальное функционирование общественных институтов проявляется в социальных практиках, воплощающих формально-правовые и культурные нормы в жизнь. Устойчивое ядро жизнедеятельности каждого общества составляют *институционализированные* практики, отличающиеся наибольшей социальной значимостью, массовостью и устойчивостью. Менее же распространенные, спорадические и недостаточно освоенные практики, равно как практики, противоречащие принятым в данном обществе нормам, представляют периферию общественной жизнедеятельности и не инкорпорируются в институты.

Эффективность общественных институтов во многом зависит, во-первых, от степени соответствия *формально-правовых* норм неформальным *социокультурным* нормам, во-вторых, от того, насколько реальные *практики* соответствуют формальным и неформальным *нормам.* Граждане стабильных устойчиво развивающихся обществ воспринимают государственные законы и нормы как обязательные и в основном справедливые и реализуют их в своих повседневных практиках. Со временем под влиянием разных общественных перемен отдельные практики начинают отклоняться от установленных норм. В таких

случаях государство либо ужесточает институциональный контроль за выполнением правил, либо оказывается перед необходимостью скорректировать эти правила, сблизив их с культурными представлениями, реальным поведением или открытыми требованиями граждан.

Что касается большинства посткоммунистических стран, то там дело обстоит иначе. Разложение прежних институциональных систем здесь значительно опережает становление новых. В результате возникает ситуация *аномии*, т.е. слабости, неполноты, неустойчивости, расплывчатости, противоречивости норм, поддерживаемых авторитетом государства и общества, снижения их реальной значимости[1]. В результате социальные практики начинают существенно расходиться с действующими правовыми нормами. Ситуация обостряется тем, что социокультурные нормы также подвергаются размыванию. Старые советские ценности отвергаются и осмеиваются, а новые либерально-демократические, хотя и пропагандируются, но не проникают в гущу общества и не интериоризируются большинством граждан. В результате ослабляется неформальный контроль общества за соответствием действий социальных субъектов правовым и культурным нормам[2]. Сказанное свидетельствует о том, что общества, переживающие социетальную трансформацию, неизбежно проходят через этап резкого снижения качества большинства институтов. Вопрос в том, насколько быстро каждому из них удается преодолеть правовой кризис, а в дальнейшем и существенно повысить качество общественных институтов.

6.3. Институциональные структуры и системы

В основе институциональной оси типологического трансформационного пространства лежит качество не какого-то отдельного, пусть даже самого важного института, а совокупности институтов данного общества. Последнюю можно

[1] *Аномия* (франц. anomie — отсутствие закона, организации) — философско-социологическое понятие, используемое для обозначения состояния общества, при котором отсутствие или неустойчивость регулируюших отношения между индивидами и обществом императивов и правил приводит к тому, что большинство населения оказывается "вне" общества, вступая в конфронтацию с ним". См.: Социология: Энциклопедия. Минск: Книжный дом, 2003. С. 53.

[2] Эта проблема широко и многосторонне освещена в сборнике трудов международного симпозиума "Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики" (М.: МВШСЭН, 2001).

рассматривать: 1) как институциональную *проекцию* общественного устройства, или широко понимаемой социальной структуры, 2) как разновидность социального *поля*, 3) как специфическую *систему*. Поскольку эти подходы дополняют друг друга, их сочетание позволяет представить изучаемый феномен более объемно.

Структурный подход привлекает внимание к внутреннему устройству совокупности институтов. Он позволяет выделить макроинституты, регулирующие такие крупные сферы общества, как экономика, политика, культура, семья, а внутри каждого из них — отдельные институты первого, второго и последующих уровней. Этот подход полезен при эмпирическом изучении механизмов функционирования институтов, исследовании их связей и взаимодействий. Вместе с тем выделять относительно обособленные и самодостаточные институты (например, такие, как рынок труда, высшее образование, суд присяжных, реклама) чаще всего можно только условно. Попытки выстроить "объективную" многоуровневую *институциональную структуру* общества обычно не удаются в связи с невозможностью удовлетворить минимальные требования раздельности и целостности элементов. Основные трудности возникают на низших уровнях институциональной структуры, где различные институты особенно тесно переплетаются друг с другом.

Сращивание и взаимопроникновение институтов — не досадная случайность, а жизненно важное условие существования общества, обеспечивающее "сплошное" заполнение нормативного пространства. Отсюда правомерность подхода, предлагающего рассматривать совокупность действующих в обществе институтов как специфическое *институциональное поле*. Теоретически этот подход представляется перспективным, но подходы к эмпирическому изучению реальности с позиций методологии социальных полей и сетей пока еще разработаны слабо.

Системный подход подчеркивает, в первую очередь, взаимосвязанность и взаимопроникновение институтов каждого общества. Рассматривая множество формально установленных или де-факто принятых в обществе правил и норм как единое целое, этот подход приковывает внимание исследователя к качеству не столько отдельных институтов, сколько целостных институциональных систем. Это особенно важно при международных сравнениях, а также при динамических сравнениях общественного устройства конкретных стран в разные моменты времени.

Другая особенность рассматриваемого подхода состоит в возможности разделения элементов институциональных систем на ядерные и периферические. Общепризнано, что социетальные типы обществ определяются небольшой группой базовых институтов, по образу и подобию которых строится вся периферия институциональной системы. Общая эффективность этой системы, ее способность отвечать на внешние и внутренние вызовы, обеспечивать устойчивое развитие общества в постоянно меняющихся условиях зависит, в первую очередь, от характера институтов, составляющих ее ядро. Представление о ядре институциональной системы, включающем небольшое число наиболее значимых институтов, облегчает исследование и сравнение национальных институциональных систем.

Ядра таких систем, как правило, обладают высокой устойчивостью и воспроизводятся в течение исторически длительных сроков, что придает им сходство с генетическими матрицами организмов. Отсюда предлагаемое некоторыми авторами использование терминов "социальный генотип"[1] и "институциональная матрица" общества[2].

Какие же институты и на каких основаниях можно рассматривать в качестве базовых, формирующих институциональные генотипы? По этому вопросу между учеными имеется только частичное согласие. Общепризнанным можно считать основополагающий характер двух институтов макроуровня: а) политической власти и б) собственности, предопределяющей распределение экономических ресурсов. Причем конкретное содержание даже названных институтов разные авторы понимают не одинаково. Относительно других элементов институционального генотипа расхождения гораздо сильнее. Например, В.М. Сергеев и Н.И. Бирюков относят к ядру институциональных систем современных обществ, помимо власти и собственности, институты науки и образования, а также СМИ[3]. С.Г. Кирдина выделяет 13 базовых институтов, которые обеспечивают, по ее мнению, взаимосвязанное функционирование экономической, политической и идеологической сфер общества[4]. С точки зрения же развиваемой мной концеп-

[1] *Майминас Е.З.* О русском генотипе // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: Интерцентр и МВШСЭН, 1996. С. 292—299.

[2] *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000.

[3] *Сергеев В.М., Бирюков Н.И.* В чем секрет "современного" общества? //Политические исследования. 1998. № 2. С. 52—63.

[4] Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000. С. 117, 125 и 165.

ции ядро (социетальный генотип) институциональной системы общества включает те институты, от которых зависит качество ее функционирования как целого. Чтобы определить их состав, посмотрим, какие институты отвечают за выполнение главных функций институциональной системы общества.

Обеспечение эффективного, сбалансированного, социально устойчивого функционирования общества путем соответствующего направления деятельности социальных акторов (стабилизация общественного развития) осуществляется, в первую очередь, институтами законодательной, исполнительной и судебной власти.

Способность общества своевременно и конструктивно адаптироваться к вызовам внешней среды обеспечивается институтами собственности и аллокации ресурсов, а также исполнительной власти.

За поддержание высокого социально-инновационного потенциала общества ответственны институты образования и науки, гражданского общества, а также прав и свобод человека, поскольку к творческой инновационной деятельности чаще оказываются способны свободные люди, обладающие гражданскими правами.

Культурная интеграция общества — формирование общих ценностей, норм и образцов поведения, их трансляция молодым поколениям, решение национальных и межконфессиональных конфликтов — является функцией, в первую очередь, институтов семьи, образования и гражданского общества.

Таким образом, за нормальное функционирование современных обществ ответственны, в первую очередь, институты власти, собственности, гражданского общества, прав и свобод человека, а также семьи, науки, образования. Все эти институты одинаково важны, но их роль в определении *социетального типа* того или иного общества не одинакова. Наибольшее влияние на этот тип оказывает качество четырех базовых институтов, а именно: а) степень легитимности, демократичности и эффективности *власти*, б) структура, развитость, легитимность и защищенность *собственности*, в) многообразие и зрелость структур *гражданского общества*, г) широта и надежность *прав и свобод человека*.

Как известно, власть и собственность присутствуют в большинстве классификаций базовых социальных институтов. Но, на мой взгляд, их необходимо дополнить двумя "не общепринятыми" институтами, крайне важными для понимания со-

временного трансформационного процесса в России. Ибо одной и той же конфигурации власти и собственности могут отвечать принципиально различные качества структур гражданского общества и прав человека. Можно сильно укрепить исполнительную власть или быстро либерализировать отношения собственности, но сделать это за счет ущемления экономических и политических прав граждан — на основе правил игры, унаследованных от административно-командной системы. Именно поэтому так важно *одновременное* совершенствование всех этих базовых институтов.

6.4. Концепция "институционального разума"

До сих пор речь шла о составе и функциях базовых общественных институтов, но для конструирования координатной оси трансформационного типологического пространства этого недостаточно. В ее основе должно лежать представление о *социальном качестве* национальных институциональных систем. Между тем разные функции институтов могут выполняться с неодинаковой эффективностью. Что же может служить обобщенным критерием их качества? В литературе называются такие критерии, как степень удовлетворения жизненных потребностей общества, темпы экономического развития, динамика социальных неравенств и др. Но одни из них слишком расплывчаты, другие — узки, а третьи относятся скорее к иным осям исследуемого пространства.

В этом плане интересна упоминавшаяся выше работа В.М. Сергеева и Н.И. Бирюкова, вызвавшая в свое время живую дискуссию[1]. По мнению авторов, "подлинно современные" общества отличаются от полутрадиционных, в первую очередь, уровнем *адаптационных способностей*, т.е. умением быстро и эффективно реагировать на изменение любых элементов внешней среды — от природных до политических.

Авторы выделяют три ступени таких способностей. Низшая характерна для обществ, способных жить лишь в специфических нишах и потому исторически обреченных на гибель. На средней ступени находится большинство ныне существующих обществ, которые более-менее эффективно приспосабли-

[1] *Сергеев В.М., Бирюков Н.И.* В чем секрет "современного" общества? // Политические исследования. 1998. № 2. С. 52—63.

ваются к меняющейся среде, изменяя с этой целью собственное устройство. На высшей ступени находится узкая группа "подлинно современных" обществ, способных отвечать на внешние вызовы не приспособлением к новым обстоятельствам, а активным преобразованием *внешней среды* (включая и остальные общества), ее приспособлением к своим потребностям[1].

По мнению Сергеева и Бирюкова, место и роль "подлинно современных" обществ в мировом сообществе уместно сравнить с местом человека в мире животных. Ведь даже самые развитые животные вынуждены приспосабливаться к внешней среде, в то время как человек, наоборот, приспосабливает среду к своим потребностям. Используя эту аналогию, авторы отмечают, что в развитии как биологических, так и социальных систем на определенном этапе происходит структурный скачок, заключающийся в переходе от простейшего реагирующего механизма к механизму, обеспечивающему целенаправленное изменение среды. В биологическом мире такой скачок обеспечивается возникновением человеческого мозга, а в социальном — формированием *конфигурации институтов*, выполняющей аналогичные функции применительно к обществу. Чтобы адекватно реагировать на непредвиденные природные, экономические и политические вызовы, институциональная система общества должна достигнуть высокого уровня сложности. Отсюда следует вывод, что главным критерием качества институциональных систем (и главной целью их совершенствования) является повышение *адаптационных способностей* обществ.

Действительно, этот критерий можно с достаточным основанием положить в основу оценки качества институциональных сдвигов. Во-первых, он носит социетальный характер, разделяя общества на крупные типы, существенно различающиеся уровнем, темпами и перспективами развития. Во-вторых, он обобщает многие направления институционального развития и потому содержательно емок. В-третьих, он представляет особую важность именно для посткоммунистических обществ, отказывающихся от прежних автаркических практик и в силу этого вынужденных резко повысить уровень адаптивности к вызовам глобальной среды.

Опираясь на исторический опыт Запада, Сергеев и Бирюков называют шесть институтов, составляющих, по их мнению, *институциональный разум* подлинно современных обществ. Это: представительная демократия (парламент); рациональная бюрократия (исполнительная власть); независимая судебная власть, рыночные финансово-экономические институты; свободная академическая и университетская наука; свободные СМИ.

Свободную науку эти авторы рассматривают как "собственно мозг" общества, генерирующий технологические и социальные новации, включая выработку новых правил игры, новых способов самоорганизации общества, взаимодействия с природной и внешнеполитической средой. Широкое же распространение знаний и информации, обеспечиваемое свободными, не контролируемыми капиталом и/или властью СМИ, повышает эффективность функционирования всей системы.

Легко видеть, что конфигурация институтов, формирующих "институциональный разум", близка к составу институтов, качество которых, как было показано, определяет эффективность институциональных систем.

Следует отметить, что эффект "высокой современности" достигается, по мнению цитируемых авторов, лишь в условиях одновременного функционирования *всех* элементов "институционального мозга" общества. "Если по тем или иным причинам общество, вступившее на путь модернизации, внедряет базисные институты современности лишь частично (выборочно) или формально (когда институты создаются, но ведущие принципы их работы отрицаются), то попытка модернизации обречена на провал"[1]. В подтверждение этой идеи указывается, что в обществе, где нет свободной науки, бессмысленно подчинять экономику принципу прибыли: она вырождается в чистое ростовщичество, поскольку накопления не инвестируются в производство, а технологии топчутся на месте. Непродуктивно и введение представительной демократии в обществе, где не действуют независимые от власти рыночные регуляторы экономики — в этом случае возникает коррупция. Надо признать, что практика посткоммунистических стран подтверждает эти закономерности.

Взаимно поддерживая друг друга, элементы "институционального разума" должны тем не менее быть организационно независимыми, что предохраняет их деятельность от привходящих влияний и интересов, чаще всего связанных с кор-

[1] Ярким примером этого может служить англо-американская акция по "усмирению" Ирака в апреле 2003 года.

[1] *Сергеев В.М., Бирюков Н.И.* В чем секрет "современного общества? // Политические исследования. 1998. № 2. С. 60.

рупцией. Соединение, а тем более сращивание ключевых институтов ведет к крайне негативным последствиям[1]. В частности, характерное для советской системы и сохранившееся в современной России доминирование исполнительной власти над представительной и судебной составляет основу господства бюрократии, придает ей сословный характер, сковывает социальные и интеллектуальные силы общества, открывает путь политическому авторитаризму.

6.5. О разных типах "институционального разума"

Изложенная концепция базируется на латентном предположении о том, что разнообразие существующих в разных странах институциональных систем можно — по крайней мере, теоретически — представить в виде некоторого континуума, отражающего способность соответствующих обществ адаптироваться к изменениям внешней среды и даже целенаправленно изменять ее в своих интересах. В принципе такой континуум мог бы служить основой институциональной оси социетального пространства.

Но есть ли достаточно оснований рассматривать конкретную конфигурацию ядерных институтов, сформировавшуюся в высокоразвитых западных обществах как модель "институционального разума", единую для всех современных обществ? А может быть, в обществах с существенно иной культурой, например, в Китае или России, функции такого "разума" могут выполнять какие-то иные конфигурации институтов?

Для России и связанных с нею стран этот вопрос особенно важен. Опыт реформ 1990-х годов показывает, что очень высокая инерционность институциональных систем российско-советского типа делает "импорт" западных институтов

[1] "Так, экспансия рынка в западных странах происходит уже после того, как остальные сферы — политика, семья, наука, средства массовой информации, приобрели достаточную степень автономии относительно друг друга. Вообще говоря, именно степень дифференциации и обособления этих и ряда других сфер и является общепризнанным критерием современного (modern) и, следовательно, "сложного" общества. В России же экспансия рынка началась еще до того, как произошло обособление сфер, ведь этот процесс тормозился тоталитаризмом Партии / Государства. Поэтому в постсоветской среде экспансия рынка происходит особенно быстро и приобретает особенно уродливые формы". См.: *Олейник А.* Тоталитаризм рынка?// Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2003. № 2 (28). С. 34 (или: www.nz-online.ru).

практически невозможным. На междисциплинарном симпозиуме "Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики"[1] (январь 2002 г.) этой проблеме было уделено большое внимание. В частности, отмечалось, что на этапе разрушения формальных институтов советского типа, обусловленной им временной аномии, преобладания неформальных отношений и связей, траектории институциональных изменений в России и странах Центральной и Восточной Европы подчинялись общим закономерностям. Когда же этот этап закончился, пути разных стран начали расходиться. «В странах ЦВЕ обратное пришествие формальных регуляторов вело к сужению зоны неформальных отношений и постепенной утрате их экономиками специфически "переходных" характеристик... В России же вживление новых формальных регуляторов приводило к совершенно иному, неожиданному результату — еще большей активизации "нестандартных" поведенческих моделей[2] и непрерывному расширению их репертуара»[3]. Анализируя это явление, Р.И.Капелюшников пришел к важному выводу о том, что формально-правовые нормы либерального типа, попадая в российскую среду, меняются до неузнаваемости в связи с "прорастанием неформальными отношениями и личными связями... Дело обстоит так, как если бы они подвергались мутации и в результате становились неспособными выполнять свое предназначение — служить общезначимыми правилами игры"[4].

Факт несовместимости большинства успешно функционирующих на Западе либерально-демократических институтов с российскими социальными и культурными традициями сегодня, пожалуй, можно считать общепризнанным. О нем пишут историки, экономисты, политологи, социологи, культурологи. Но чем он объясняется? Р.И. Капелюшников считает, что российская экономика так и не зажила по новым понятным и обязательным для всех правилам прежде всего из-за отсутствия эффективных публичных *механизмов контроля* за соблюдением законов и контрактов. Решение проблемы он видит в создании (или значительном усилении) работоспособных механизмов *принудительного внедрения* (англ. — enforcement)

[1] См.: Куда идет Россия?.. // Формальные институты и реальные практики / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002.

[2] Под нестандартными автор имеет в виду неформальные, преимущественно теневые, нередко неправовые практики.

[3] *Капелюшников Р.И.* Институциональная природа переходных экономик: Российский опыт // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. М.: МВШСЭН, 2001. С. 91.

[4] Там же. С. 91—92.

рыночных институтов в российскую экономику [а возможно, и демократических институтов — в политическую жизнь страны. — *Т.З.*][1].

Принципиально иной взгляд на перспективную траекторию институционального развития России представлен в разработанной О.Э. Бессоновой концепции *раздаточной экономики* как отличной от рыночной альтернативы хозяйственного развития, органически присущей России. На большом историческом материале она показывает, что на протяжении многих веков и до последнего времени России был свойствен раздаточный тип экономики, не менее жизнеспособный, чем рыночный, но имеющий собственные законы развития. С точки зрения этого автора, неудача российских реформ была обусловлена тем, что декларируемые их авторами цели вступили в противоречие с объективной природой хозяйственной системы России. Реформировать советскую экономику было необходимо, но цель реформ следовало ограничить совершенствованием исторически сложившейся в России раздаточной экономики в формах, качественно отличающихся от "планового социализма" XX века[2].

Действительно, более чем десятилетний опыт внедрения либерально-демократических институтов показал, что особенности истории, культуры и социальной структуры России и других обществ подобного типа практически не оставляют шансов на формирование той конфигурации институтов, которая рассматривается Сергеевым и Бирюковым в качестве "институционального разума". От попыток механического переноса состава и устройства западных институтов на постсоветские страны, несомненно, следует отказаться, поскольку в течение ближайших десятилетий здесь, скорее всего, будет наблюдаться рост авторитаризма как центральной, так и региональных властей, безусловно, сохранится "связка" власти с крупной квазигосударственной и частной собственностью. Вряд ли придется говорить и о свободной науке, интенсивно развивающейся системе образования и свободных СМИ. Но значит ли это, что Россия фатально обречена на растущее отставание от Запада?

[1] «В противоположность собственно "правилам игры" механизмы enforcement'а практически не поддаются импортированию. Их редко удается заимствовать в готовом виде, а приходится так или иначе отстраивать своими силами, из подручного материала» // *Р. Капелюшников.* Где начало того конца?.. (К вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 7, 149.

[2] См.: *Бессонова О.Э.* Раздаток. Институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999.

Чтобы ответить на этот вопрос, вернемся к исходному пункту концепции "институционального разума", согласно которой успешное выживание современных обществ в динамичной среде зависит от способности их институциональных систем выполнять функции "общественного мозга". В этой связи возникает вопрос: возможен ли в принципе *другой* (условно говоря, "не западный") *тип "институционального разума"*? Иными словами, имеются ли у постсоветских стран, а также у многочисленных стран Азии, Латинской Америки, Африки, обладающих институциональными системами *незападного* типа, достаточные ресурсы конкурентоспособности с Западом? Готового ответа на этот вопрос пока нет[1].

Эта проблема требует исследования, которое, во-первых, даст толчок теоретическому поиску конфигурации институтов, способной выполнять функции "институционального разума" в обществах незападного типа; во-вторых, позволит целенаправленно ориентировать дальнейшие реформы на повышение отзывчивости посткоммунистических обществ к вызовам внешней среды и, в-третьих, покажет, способны ли в принципе авторитарно-этатистские общества конкурировать с либеральными, и при каких условиях. Положительный ответ на последний вопрос позволит уточнить и конкретизировать цели реформ, разработать эффективную стратегию их реализации. Отрицательный же ответ, при всей его горечи, будет содействовать более трезвой оценке места России в мировом сообществе, преодолению мифической веры в присущий ей статус великой державы.

6.6. Изменение качества институциональной системы России за годы реформ

Представление об институциональной оси трансформационного пространства позволяет оценивать результаты осуществленных реформ с точки зрения того, каким посткоммунистические странам удалось продвинуться вверх, какие ос-

[1] С.Г. Кирдиной в научный оборот введено понятие западного и восточного типов институциональных матриц как двух принципиально разных исторически устойчивых и постоянно воспроизводящихся систем базовых институтов. По мысли автора, тип институциональной матрицы определяет исторические пути эволюции соответствующих обществ. Однако вопрос о конкурентоспособности этих типов матриц в работе практически не ставится. См.: *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.

тались примерно на том же уровне, а какие сдвинулись вниз. Здесь возможны разные методологические подходы. В научной литературе чаще всего встречается взаимосвязанная оценка изменений, с одной стороны, качества самих институтов (как правил игры), а с другой — регулируемых ими сфер жизнедеятельности — экономики, политической жизни, социальной структуры, культуры[1]. Задача этой главы — оценка динамики именно *правил игры*, регулирующих поведение россиян, причем не в каких-то отдельных сферах, а в масштабе всего общества. К решению этой задачи можно подойти со стороны изменения: а) типообразующих характеристик самой институциональной системы и б) уровня и качества выполнения присущих ей функций. Используем оба эти подхода. Прежде всего посмотрим, как изменились за последние 10—15 лет основные характеристики институциональной системы России:

а) уровень либеральности и демократизма общественных отношений, широта гарантируемых прав и свобод человека. Тот факт, что институциональная система России заметно либерализировалась и демократизировалась, вряд ли вызывает сомнения. Сломлена тоталитарно-политическая и административно-командная система, разрешены частная собственность и частное предпринимательство. Выборы стали проводиться на альтернативной основе. Произошла территориальная децентрализация управления, возникла многопартийная политическая система. В основном реализуются свободы слова, печати, вероисповедания. Гражданам предоставлено право самостоятельно решать: работать ли им, вести домашнее хозяйство или быть рантье. Они получили право на забастовки, у них появилась возможность платного образования, пользоваться платными медицинскими услугами, ездить за рубеж в качестве туристов, на работу или учебу или выехать на постоянное жительство.

Под влиянием новых правил игры россияне стали более самостоятельными, они чаще, чем прежде, рассчитывают на собственные силы. Правда, для многих из них либерализация институциональной системы обернулась утратой важных прав советского времени (гарантированного права на занятость и

[1] См., напр.: Десять лет после августа // Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации. М.: Фонд "Либеральная миссия", 2002; Стратегия для России: Повестка дня для Президента. М.: Вагриус, 2000; *Осипов Г.В.* Новый этап реформирования России: от грозящей катастрофы к процветанию (социально-экономическая экспертиза курса реформирования) // Общество и экономика. 1999. № 3—4. С. 62—78; *Заславская Т.И.* О смысле и предварительных итогах российской трансформации // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации. М.: МВШСЭН, 2003. С. 390—397.

своевременную оплату труда, относительно стабильных потребительских цен, значительной части бесплатных медицинских услуг и бесплатного образования и др.)[1]. Однако позитивные сдвиги в этом направлении значительно перевешивают негативные;

б) полнота и непротиворечивость формально-правового пространства (системы действующих законов, подзаконных и административных норм). Проделана значительная работа по формированию нового, либерально-демократического правового пространства. Приняты не только новая Конституция, но и многие сотни законов, в том числе целый ряд кодексов: гражданский, административный, трудовой, уголовный, уголовно-процессуальный и др. Важность этой работы трудно переоценить. Однако российское правовое пространство, формируемое вновь принимаемыми или сохраняющими свою силу законами, подзаконными нормами и административными установлениями, все еще остается далеко не полным и нередко противоречивым. Сохраняющиеся "белые пятна" открывают широкие возможности для неправовых и в то же время ненаказуемых действий.

Примерами реалий современного российского социума, не нашедших адекватного отражения в законодательстве, могут служить одностороннее доминирование исполнительной власти над представительной и судебной властями, широкое использование "телефонного права", нецелевое расходование государственных средств, оказание следственными органами физического воздействия на подозреваемых и многое другое. Кроме того, новые законы, указы, постановления нередко противоречат ранее принятым и не отмененным нормам, в том числе конституционного уровня. Особенно массовым явлением стало отклонение региональных норм от федеральных[2]. Одновременное действие разных норм по одним и тем же вопросам позволяет чиновникам и судьям выбирать ту норму, которую выгоднее применить в каждом случае. Это порождает коррупцию и ведет к безнаказанному нарушению принципа правового государства: "Единый закон для всех";

в) соответствие юридических норм реальным условиям жизнедеятельности субъектов, их легитимность и выполнимость. Важнейшим критерием оценки формирующегося пра-

[1] *Шабанова М.А.* Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3. С. 78—104.

[2] Так, 30% актов законодательной и исполнительной власти, принятых в российских регионах, противоречат Конституции РФ. См.: *Автономов В.С.* Недорого ценю я громкие права... // Истоки. Вып. 4. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 7.

вового пространства служит легитимность новых законов и норм, их восприятие обществом как справедливых, отвечающих национальным интересам России, а не только ее правящей верхушки. Когда новые правовые нормы воспринимаются обществом как легитимные, они реализуются в массовых практиках и способствуют изменению институтов в нужном направлении. Те же нормы, которые оцениваются гражданами как необоснованные, несправедливые, как правило, отторгаются, саботируются, обходятся, извращаются.

К сожалению, 1990-е годы характеризовались принятием многих нелегитимных решений в эгоистических интересах властных элит. Известный российский криминолог В.В. Лунеев считает, что именно это обстоятельство сделало возможными "беспрецедентный ваучерный обман всего населения страны при разделе общенародной собственности, массовый обман государством около 100 млн. вкладчиков Сбербанка, не менее массовый обман коммерческими кредитными учреждениями-пирамидами более 30 млн. вкладчиков и акционеров, а также криминальную и полукриминальную приватизацию"[1]. Принятие важных государственных решений, исходя из личных, семейных и групповых интересов законодателей, привело к быстрой трансляции неправовых практик с макроуровня на мезо- и микроуровни общества[2]. После кризиса 1998 года наметилось движение в сторону легитимизации федерального и регионального законодательства и — в меньшей степени — административных норм и правил. Однако высокая коррумпированность исполнительной и законодательной власти делает это движение трудным и медленным:

г) эффективность государственного контроля выполнения и принудительного вменения правовых норм. Немаловажным фактором эффективности институтов служит система государственного контроля исполнения законов и норм, а также принуждения социальных акторов к их выполнению. В настоящее время это одно из самых слабых мест институциональной системы России. Контроль государства за соблюдением законов неэффективен, а часто просто отсутствует. Высоко коррумпированные органы правосудия не в состоянии выполнять свои

[1] *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. Ч. II. Гл. 8. Корыстная преступность. М.: Норма, 1997. С. 238 (подробнее о корыстной и экономической преступности в СССР и современной России см.: Там же. С. 239—279).

[2] *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 13.

общественные функции[1]. Если мелкий криминал наказывается подчас довольно жестоко, то крупные и крупнейшие преступления , как правило, остаются безнаказанными[2];

д) преимущественно модернизационная или консервативная направленность социокультурных норм, эффективность контроля их выполнения. Эффективность национальной институциональной системы зависит и от культурных характеристик общества, прежде всего от соотношения инновационно и консервативно настроенных групп, а также от качества социокультурных норм, регулирующих поведение населения. Важно также, разделяются ли эти нормы большинством общества или действуют лишь в пределах отдельных — социальных, поколенческих, национальных, конфессиональных — групп.

Как отмечалось выше, основная часть российского общества настроена довольно консервативно. Экономической системе, основанной на частной собственности и рыночных отношениях, отдают предпочтение только 33% опрошенных, в то время как 52% высказываются за государственное планирование и регулирование экономики[3]. Демократию по образцу западных стран поддерживают 26% граждан, а политическую систему советского типа — 42% (нынешнюю политическую систему России одобряют всего 11%)[4]. Немногим больше четверти россиян (27%) считают, что для решения стоящих перед Россией проблем необходимо обеспечить независимость всех ветвей власти, в то время как три пятых предпочитают "сосредоточение всей полноты власти в одних руках"[5]. Как видим, соотношение инновационно или консервативно настроенных россиян составляет примерно 3 : 5 при 2 не имеющих определенного мнения. Причем первая группа объединяет преимущественно верхнюю, а вторая и третья — нижнюю часть общества. Отсюда — глухое сопротивление наиболее массовых групп (крестьян, рабочих, мелких служащих, пенсионеров) практическому освоению новых законов и правил;

е) общая эффективность институциональных регуляторов социальной активности. По мнению большинства экспертов,

[1] *Пашин С.А.* Человек в российском правовом пространстве // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней трансформационного процесса. М.: МШСЭН, Интерцентр, 2001. С. 157—166; *Романов А.К.* Судебная реформа в России: ее акторы и их проблемы. Там же. С. 148—157.

[2] Этот факт вряд ли требует доказательств. Ограничимся примерами гибели "Курска", разорения Автоваза и Аэрофлота, продажи всего Тихоокеанского флота по цене металлолома.

[3] Общественное мнение. М.: ВЦИОМ. Декабрь 2000. С. 83.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 68.

продвижение России в сторону либерализации и демократизации общественных институтов столь существенно, что возврат к прежней системе уже невозможен. Некоторую тревогу вызывает лишь то, что в последние годы на всех уровнях власти все чаще и шире воспроизводятся в новых формах административно-командные правила игры. По мнению Ю.А. Левады, ключевым словом для обозначения этой опасной тенденции служит *имитация*, постепенно охватывающая все сферы общества. «Имитация означает использование формы, вывески, слов, лишенных реального содержания. Поэтому в одно и то же время можно имитировать какие-то либеральные перемены и отказ от них в пользу государственной монополии, соблюдение демократических принципов и стремление к авторитаризму, уважение к правовым институтам и сохранение "телефонного права..." — при довольно малых изменениях в реальном положении "друйфующего" государственного корабля»[1]. В политической сфере имитируются демократические выборы, многопартийность, разделение властей, в экономической — содействие мелкому предпринимательству и конкурентному рынку, в культурной — свобода СМИ, забота власти о науке и образовании и пр.

Не менее опасной тенденцией, а возможно, другой стороной той же имитации служит расхождение ключевых социальных практик с законами и юридическими нормами. Как показывают исследования, в России идет процесс стихийной, неуправляемой *институционализации неправовых* (как теневых, так и явных, открытых) *практик*, угрожающий обществу криминальным перерождением базовых институтов[2]. Это ставит под вопрос не только результативность, но и дальнейшую судьбу либеральных реформ в России[3].

[1] *Левада Ю.А.* Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображенпй о ходе российских трансформаций // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003.

[2] Укажем лишь некоторые источники, посвященные этой проблеме: Pro et Contra. Зима. 1999. Теневые отношения (статьи В.В. Радаева, Р.В. Рывкиной, С.Ю. Павленко); *Клямкин И.М., Тимофеев Л.М.* Теневое обшество. М.: РГГУ, 2000; Кто и куда стремится вести Россию? Макро-, мезо- и микроакторы трансформационного процесса. М.: МВШСЭН, 2001 (статьи С.Ю. Барсуковой, Р.И. Капелюшникова, Р.М. Нуреева, С.А. Пашина, М.А. Шабановой); *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Обшественные науки и современность. 2001. № 5. С. 5—24; *Радаев В.* Деформализация правил игры и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики. 2001. № 6. С. 60—79; *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 3—17.

[3] Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002.

6.7. Динамика выполнения основных функций институтов

Второй из обозначенных выше подходов к оценке результатов институциональных реформ концентрирует внимание исследователей на изменении качества выполнения социетальных функций институциональной системы. Посмотрим, как изменились российские институты, отвечающие за выполнение каждой из таких функций, названных в главе 5.

Как отмечалось, *адаптационная* функция институциональных систем связана со способностью общества конструктивно и своевременно отвечать на внешние и внутренние вызовы, перестраивать собственную структуру в соответствии с новыми условиями. Требуемая для этого подвижность и реактивность обеспечивается, в первую очередь, такими институтами, как внешняя политика, демократически избираемый и рационально действующий парламент, включенный в мировую систему национальный рынок, государственное регулирование стратегических высот экономики.

Практически во всех этих направлениях можно зафиксировать продвижение вперед. Страна открылась мировому сообществу, отказалась от политического противостояния США и другим развитым капиталистическим странам, приняла на себя международные обязательства, способствующие ее интеграции в мировое сообщество. Выборы органов представительной власти формально приняли демократический характер. Возникла отсутствовавшая прежде конкуренция за места в федеральном и региональных парламентах. Правда, одновременно были освоены технологии манипулирования общественным мнением, подкупа электората, массового использования компрометирующих материалов, силового вытеснения и устранения соперников.

Намного более открытой стала российская экономика: на территории России рубль свободно конвертируется в иностранные валюты; разрешены деятельность иностранных фирм и совместных предприятий, приобретение иностранцами акций российских предприятий, хранение средств россиян в иностранных банках. В несколько раз возрос оборот внешней торговли России, а соответственно, и зависимость ее экономики от мирового рынка, приспособление структуры производства к его потребностям. Однако условия и последовательность этапов открытия экономики Западу не были продуманы с точки зрения экономической безопасности России, поэтому результаты новой внеш-

ней политики оказались довольно плачевными. Значительная часть отечественных предприятий, не выдержав конкуренции с высокотехнологичными зарубежными фирмами, была закрыта. Структура национального производства перестроилась в сторону расширения не наукоемких, а сырьевых отраслей, наименее эффективных в экономическом и экологическом отношениях. В целом, однако, способность России успешно и эффективно отвечать на современные глобальные вызовы скорее уменьшилась, чем возросла.

Стабилизирующая (воспроизводственная) функция институтов выражается в установлении и реализации правил игры, действуя по которым социальные акторы могут обеспечить устойчивое и сбалансированное развитие общества. Главная роль в осуществлении этой функции принадлежит институтам исполнительной власти, правосудия, гражданского общества, прав и свобод человека. Переломным моментом здесь, разумеется, стала ликвидация монопольной власти КПСС и КГБ. Прекратились политические репрессии, исчез парализующий людей страх перед властью. Они стали более самостоятельно оценивать ее интересы, мотивы и действия, протестовать против нарушения своих прав. В стране постепенно формируются некоторые структуры гражданского общества: политические партии, ассоциации, фонды, НГО, социальные движения и др., хотя заметного влияния на жизнь общества они пока не оказывают. Демократические права и свободы граждан формально расширились, но их практическая реализация часто становится предметом борьбы между властью и заинтересованными группами граждан[1]. По данным одного исследования, 43% трудоспособных граждан крупного российского города считают, что в результате реформ их индивидуальные права и свободы расширились, а 55% придерживаются противоположного мнения[2].

В целом осуществленные к настоящему времени реформы, по мнению большинства ученых, не обеспечили надежной стабильности российского общества[3]. Это связано с тем, что

[1] Об остроте этой борьбы свидетельствуют хотя бы недавние события в Воронеже, где резкое повышение квартирной платы, не компенсируемое ростом оплаты труда, вывело на улицы и площади города десятки тысяч возмущенных граждан.

[2] *Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000. С. 235.

[3] Это хорошо видно из широкой дискуссии, занявшей центральное место в работе междисциплинарного симпозима "Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации", труды которого опубликованы в одноименной книге (М.: МВШСЭН, 2003).

не достигнута главная цель институциональных преобразований — изменение социальной природы власти, выражающееся не в формальном освоении либерально-демократических процедур, а прежде всего в социальной, политической и культурной интеграции общества, формировании единых общенациональных целей и ценностей, а также ясно понимаемой гражданами ориентации власти на их достижение.

Хотя руль управления Россией и перешел от генерального секретаря КПСС к Президенту РФ, *природа* власти осталась прежней, сближения власти с обществом не произошло, на смену советской бюрократической системе пришла еще более бюрократическая: доля чиновников в занятом населении, по сравнению с советским временем, существенно увеличилась, а главное — многократно усилилась их роль в формировании наиболее важных экономических и политических практик[1]. Решение проблем организаций и граждан в громадной степени зависит от соизволения чиновников, в основе которого — личная корысть. Чиновники представляют господствующее сословие, социально и культурно противопоставленное гражданскому обществу. В его глазах простой человек со всеми его притязаниями и проблемами по-прежнему имеет чрезвычайно низкую "цену".

Одно из проявлений этого — широкое распространение коррупции и преступности, неспособность государства обеспечить личную безопасность своих граждан. В том же ряду находятся и проблемы непрекращающейся войны в Чечне, переполнения регионов России не имеющими законного статуса мигрантами, разрушение основных фондов жилищно-коммунального комплекса, деградация армии, устойчивая и быстрая депопуляция северных и восточных районов. Все названные проблемы больно бьют по множеству людей, но не привлекают должного внимания власти. В этих условиях вряд ли возможно говорить о том, что Россия вступила в период посткризисной стабилизации.

За выполнение *инновационной* функции, стимулирование технического, организационного, экономического и социального прогресса общества ответственны институты конкурентного рынка, науки и высшего образования, культуры, средств массовой информации. К сожалению, ни в одном из названных на-

[1] *Данилов В.П.* Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999. С. 20.

правлений заметный прогресс пока не достигнут. Хотя развитие рыночных отношений продвинулось достаточно далеко, российский рынок носит не конкурентный, а скорее монополистический характер. Он не является ни открытым, ни правовым и поэтому не выполняет функций внутреннего механизма развития экономики. Раздел большей части общественного богатства между правящей элитой и верхушкой криминального мира еще более углубил отчуждение россиян от собственности и выполняемого труда. Олигархическая приватизация привела к разрушению многих отраслей крупного производства, стагнации мелкого и среднего предпринимательства, кризису инвестиций, огромному спаду производства, разворовыванию ценных природных ресурсов, незаконному вывозу капиталов на Запад. Обнищавшее российское государство оказалось практически приватизированным, с одной стороны, олигархами, а с другой — чиновниками. В результате оно не может реализовать сильную и независимую социально-экономическую политику, способную вывести Россию из кризиса.

Углубляется дифференциация инновационного и традиционного секторов экономики. Если крупные корпорации и фирмы осваивают методы современного менеджмента и эффективно организуют производство, то средний и мелкий бизнес развивается крайне медленно. Значительная часть сделок осуществляется на основе бартера; возрождаются доиндустриальные формы труда; квалифицированные кадры депрофессионализируются.

Фундаментальная наука, многие области которой составляли российскую национальную гордость, практически переведена на "самофинансирование", исключающее возможность даже простого воспроизводства. Лишенные доступа к современным исследовательским технологиям, новейшим приборам, дорогим материалам, оставшиеся в России ученые не столько живут, сколько доживают, а перспективная научная молодежь при первой возможности уезжает на Запад. Наиболее квалифицированные преподаватели университетов также не держатся за свою работу. Часть из них организует собственный бизнес, другая ищет работу в фирмах, третья эмигрирует из страны. В столь тяжелом положении наука и образование не находились даже в годы войны. У правительства, поглощенного решением сиюминутных проблем, нет программы научно-технического и социально-экономического прогресса на будущее.

Функция *социальной интеграции* общества реализуется институтами во-первых, семьи, школы, культуры, СМИ, во-вторых, межнациональных и межконфессиональных отношений.

Семья переживает тяжелый кризис: увеличилось число разводов, незарегистрированных и неустойчивых сожительств, доля холостяков и незамужних. Рождаемость далеко не покрывает уровня смертности. В несколько раз участились случаи отказа матерей от рожденных детей. Хотя детские дома переполнены, около 2 млн. безнадзорных детей и подростков (родители которых чаще всего алкоголики), по существу, живут просто на улице. Много подростков отсеиваются из старших классов школы, а часть детей бросает учебу уже после 7—8-го классов. В военкоматах впервые после 1920-х годов появились призывники, не умеющие читать и писать. Что касается средств массовых коммуникаций, то вместо посильного распространения культуры они обрушивают на молодежь низкопробную массовую культуру Запада.

На функционирование второй группы институтов решающее влияние оказал распад "советской империи". Бывшие союзные республики, обретя независимость, унаследовали от СССР имперский тип отношений с национальными меньшинствами. В частности, Федеральному центру России пока так и не удалось достигнуть сбалансированного распределения прав и обязанностей с субъектами федерации. Межнациональные и межконфессиональные противоречия еще более обострились, и "мятежные" народы удерживаются в составе России (равно как Грузии, Молдавии, Азербайджана) силовыми методами. Культурные контакты России с прежними "собратьями" по Советскому Союзу сведены к минимуму. В целом в социальном и культурном планах современное российское общество расколото значительно глубже, чем Советский Союз.

Таким образом, несмотря на ясно выраженное стремление сформировать более эффективную и современную институциональную систему, Россия пока не смогла это сделать. Декларировавшиеся либерально-демократические цели реформ реализованы лишь частично. В политике их потеснили авторитаристские, а в экономике — олигархические цели и интересы, что девальвировало реформы в глазах россиян. К тому же реформы затормозились на полпути, далеко не достигнув цели.

Общепризнанным итогом реформ является необратимое разрушение советской институциональной системы. Пути назад нет. Но формирование новых либерально-демократических институтов, составляющих базу правового государства, находится на начальной стадии. Современная институциональная система России носит переходный характер и вряд ли является более эффективной, чем советская. Тем не менее, из этого не следует делать вывод, что проведенные реформы были не нужны или бесполезны. Ведь у советской системы не

было будущего — впереди давно уже маячила неизбежная реформация. Современная же институциональная система прошла значительную часть пути к намеченной цели. Многие ее элементы резко отличаются от советских прототипов в лучшую сторону. Но принципиального повышения качества национальной институциональной системы как целого можно ожидать лишь при условии согласования и интеграции всех ее элементов на новом уровне. А до этого пока еще далеко.

Рекомендуемая литература

1. *Заславская Т.И.* Социальные результаты реформ и задачи социальной политики // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 3—14 и др.

2. *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 5—24.

3. *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // Мир России. 2002. № 2. С. 3—39.

4. *Капелюшников Р.И.* Институциональная природа переходных экономик: Российский опыт // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М.: МВШСЭН, 2001. С. 89—98.

5. *Майминас Е.З.* Институциональные корни и особенности институциональных кризисов в России // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Интерцентр и МВШСЭН, 1999. С. 167—177.

6. *Пашин С.А.* Человек в российском правовом пространстве // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней трансформационного процесса. М.: МВШСЭН, Интерцентр, 2001. С. 157—166.

7. *Радаев В.В.* О социальных компромиссах и теневой экономике // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999. С. 206—214.

8. *Романов А.К.* Судебная реформа в России: ее акторы и их проблемы // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней трансформационного процесса. М.: МВШСЭН, Интерцентр, 2001. С. 148—157.

9. *Сергеев В.М., Бирюков Н.И.* В чем секрет "современного" общества? // Политические исследования. 1998. № 3. С. 52—63.

10. *Шабанова М.А.* Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3. С.78—104.

11. *Elster J., Offe C., Preuss U.K.* Institutional Design in Postcommunist Societies. Cambridge University Press, 1998. Introduction.

12. *Graham Thomas E., J.R.* Russia's Decline and Uncertain Recovery. Carnegie Endowment for International Peace. Washington. 2002. P. 11—72.

Глава седьмая

ВЕКТОР СОЦИОСТРУКТУРНЫХ СДВИГОВ

7.1. Общая функция социальной структуры общества

Как было показано, институциональные системы разных обществ можно представить в виде однонаправленного континуума, к одному из полюсов которого тяготеют отсталые, а к другому — высокоразвитые и динамичные общества. В основе такого континуума лежит критерий полноты и качества тех институтов, которые позволяют обществам эффективно адаптироваться к изменению внутренних и внешних условий, обеспечивают их активность и жизнеспособность. Но каким образом институциональная система общества решает стоящие перед ней задачи? Какие *действия* совершают социальные акторы для получения нужного результата и в какой форме реализуется сам этот результат?

Важнейший вклад институциональной системы в функционирование общества состоит в создании такой системы *социальных ролей и статусов*, которая обеспечивает достаточно высокие темпы социально-экономического и культурного развития, а следовательно, сохранение и укрепление статуса страны в мировом сообществе.

Институциональное поле, регулирующее все стороны жизнедеятельности общества через целостную систему норм, правил и форм контроля, одновременно формирует и все множество социальных ролей и статусов, реально и потенциально существующих в данном обществе. Так, в странах со слаборазвитыми институтами науки и образования труд ученых и преподавателей не пользуется спросом, условия их деятельности неблагоприятны, социальный статус невысок. Обратной стороной такой ситуации служит менее качественное, по сравне-

нию со странами, где наука в почете, исполнение исследователями и педагогами предписанных им ролей.

Этот пример показывает, что институциональная система конкретного общества не только формирует специфическую структуру социальных ролей и статусов, но и влияет на нормативное содержание ролей и качество их исполнения, определяемое национальными правилами и нормами. Поэтому внешне аналогичные роли (скажем, судьи, коммерсанта, врача, учителя) в российском, английском или китайском обществе несут разную социальную нагрузку. Образно говоря, институциональная система — это своеобразная "модельная форма" данного общества, еще не заполненная "живым материалом", система правил игры, ролей и статусов, рассматриваемая независимо от субъектов, которым она предназначена. Особенности же субъектов, "заполняющих" эту форму, представлены социальной структурой общества[1].

В основных чертах эта структура определяется системой социальных ролей и статусов, порожденной институциональной моделью общества, в чем выражается связь обеих структур. Однако полного совпадения между ними нет, потому что социальные роли, как правило, не навязываются субъектам, а разбираются и выполняются ими на основе свободного выбора. В результате одни институционализированные роли остаются невостребованными, т.е. фактически отвергаются; содержание других приспосабливается к интересам и возможностям социальных субъектов; третьи, пользующиеся повышенным спросом, распределяются на конкурентной основе[2]. Это оказывает существенное влияние на уровень и характер выполнения соответствующих ролей.

Не менее важное направление взаимодействия рассматриваемых структур связано с тем, что социальные акторы могут целенаправленно корректировать, модернизировать или реформировать институты, а значит, и задаваемые ими системы ролей и статусов. Люди обладают способностью проектировать, внедрять и практически осваивать новые важные и привлекательные для них социальные роли и статусы. Таким образом, институциональный и социально-групповой компо-

[1] Термин *социальная структура* употребляется здесь в узком смысле. Он обозначает *социально-групповой аспект* общественного устройства, в отличие от социальной структуры в широком смысле, включающей и его институциональный аспект.

[2] В данном случае имеется в виду конкуренция в широком смысле, когда принимается во внимание не только человеческий, но и социальный капитал участников.

ненты общественного устройства играют одинаково важную и активную роль в функционировании и развитии общества.

Чтобы лучше уяснить соотношение между ними, сделаем мысленный эксперимент. Представим, что институциональная система (со свойственной ей структурой ролей и статусов) жестко определена, так что общественное устройство может совершенствоваться только за счет улучшения социальной структуры. Какая структура в этом случае окажется оптимальной? Какому главному требованию она должна отвечать? (Заметим, что при такой постановке вопроса предметом оценки должны служить не элементы и связи социальных структур, а их *целостные модели*, различающиеся своей эффективностью.)

Если согласно метафоре большой командной игры социальные институты интерпретируются как *правила игры и нормы контроля* за их соблюдением, то социальная структура общества отражает *способ организации команды*. Ее наиболее общая функция состоит в таком распределении акторов между типами ролей и статусов, которое позволяет максимизировать общий результат их деятельности в условиях действующих правил игры.

Какой же способ организации "национальной команды" можно оценить как наиболее эффективный? По-видимому, тот, при котором каждый игрок имеет возможность максимально развить и использовать свои личные способности и другие ресурсы. Одни люди имеют способности к управленческой деятельности, другие — к предпринимательской, третьи — к педагогической, научной или какой-то иной. Существенно различаются и их экономические, социальные и культурные ресурсы. Для получения оптимального результата важно, чтобы каждый игрок играл ту роль, в которой он может лучше себя проявить, а вся команда действовала слаженно и эффективно. Успешное развитие общества предполагает не только правильную расстановку акторов, но и возможность их достаточно быстрого перемещения между социальными позициями в зависимости как от их собственных интересов, так и от меняющихся потребностей общества. Особенно важна подобная динамичность в условиях переходных, трансформирующихся обществ с характерной для них изменчивостью правил игры.

Итак, главным качеством социальной структуры общества является способность обеспечивать такое распределение социальных акторов между ролями и статусами (равно как ролей и статусов между индивидами), которое обеспечивает наибольший эффект совокупной деятельности. Данное качество

сходно с известным принципом социализма "От каждого — по способностям, каждому — по его труду", к сожалению, не реализовавшемуся на практике. Но этот принцип относится лишь к одному типу ресурсов, которыми располагают индивиды, — их личным способностям. Социальная же структура общества выстраивается с учетом всех типов имеющихся в распоряжении акторов ресурсов.

Однако для того чтобы сравнивать и оценивать качество социальных структур разных обществ или одного общества на разных этапах, этот критерий является слишком общим. Здесь требуются более конкретные соображения, опирающиеся прежде всего на знание функций, выполняемых социальной структурой в развитии каждого общества.

7.2. Конкретные функции социальной структуры

Конкретные функции социальной структуры общества заключаются в следующем.

Во-первых, она более или менее стабильно закрепляет крупные сферы жизнедеятельности за столь же крупными категориями социальных субъектов, воспроизводящимися преимущественно на собственной основе (такими как крестьяне, индустриальные рабочие, массовая интеллигенция, чиновники, ученые, военные, и др.). Стабильная социальная структура способствует трансляции от поколения к поколению необходимых для соответствующих видов деятельности знаний, навыков, способов поведения, образов жизни, тем самым легитимируя разделение труда, составляющее основу любого общества.

Во-вторых, эта структура обеспечивает соответствие между сложностью, ответственностью и качеством выполнения социальных ролей, с одной стороны, и уровнем социальных статусов исполняющих эти роли субъектов — с другой. Наличие этого соответствия стимулирует деятельность субъектов, связанную с повышением образования и квалификации, освоением более сложных видов труда, улучшением качества работы.

В-третьих, относительно открытая социальная структура общества обеспечивает возможность социальной мобильности, т.е. перемещения индивидов между ролями и статусами, создает условия для восходящей карьеры, перехода в более высокие престижные слои. Это открывает возможность лучшего

удовлетворения личных потребностей и самореализации индивидов и одновременно делает общество более динамичным, повышает его способность отвечать на новые вызовы.

В-четвертых, восприятие большинством граждан социальной структуры общества как относительно справедливой и легитимной содействует культурной интеграции, развитию социальной терпимости, партнерских отношений между группами и слоями, формированию общих норм-ценностей, единого языка. Социальная же интеграция общества, в противоположность расколу и поляризации классов, слоев и групп, способствует устойчивости социально-политической системы и ее эффективной работе.

Таким образом, оптимальная социальная структура общества призвана обеспечивать:

а) относительное равенство возможностей или жизненных шансов граждан реализовать свои способности;

б) меритократический принцип распределения доходов, материальных и социальных благ, поощряющий более сложные, ответственные и эффективные виды деятельности;

в) относительную свободу личного выбора индивидами траекторий движения в социальном пространстве, свидетельством которой служит достаточно интенсивная профессиональная, должностная и территориальная мобильность, в том числе восходящая мобильность представителей нижних и средних слоев;

г) достаточную свободу акторов в выполнении социальных ролей, возможность реализации их творческих замыслов, во всяком случае в более сложных областях деятельности.

Обладающая такими качествами структура потенциально содействует как оптимальному распределению ролей и статусов между индивидами и группами, так и более эффективному выполнению сложных и общественно значимых ролей. Одним из индикаторов этих качеств может служить персональный состав верхних и нижних слоев общества. Если вверх поднимаются преимущественно одаренные, компетентные, деятельные и творческие личности, а в низах остаются люди с ограниченными способностями, низким уровнем образования, безразличным отношением к труду, склонностью к пьянству и другим социальным порокам, то это говорит о функциональности социальной структуры. Если же высшие позиции занимают ловкие и беспринципные люди, не гнушающиеся ни аморальными, ни противоправными методами карьерного продвижения, в то время как профессионалы и специалисты

занимают нижние ступени общественной иерархии, то это значит, что социальная структура дисфункциональна и тормозит развитие общества.

Социальная структура большинства обществ далека от идеала: как правило, она закрепляет отношения неравенства, позволяющие правящим классам дискриминировать и притеснять нижестоящие классы и группы. Поэтому действительным предметом оценки должно служить *соотношение* или *степень выраженности* позитивных функций и негативных последствий сравниваемых социальных структур.

7.3. Классовый подход к изучению социальной структуры

Социальная структура общества многомерна, что проявляется в наличии у нее целого ряда частных проекций: экономической, политической, демографической, культурной, этнической, региональной, поселенческой и др[1]. Это практически не позволяет исследовать и оценивать социальную структуру современных обществ с учетом всех ее измерений. Ученым приходится либо ограничиваться изучением ее отдельных проекций, либо выделять из их пестроты главную ось или становой хребет, отражающий ключевые социальные неравенства.

Наибольшее признание получили два способа выделения *главного среза* социальной структуры — классовый и стратификационный. Это — альтернативные и в то же время дополняющие друг друга методы оценки социальных неравенств, характер и содержание которых определяют *социетальные типы обществ*. Прежде чем обосновать конкретный подход к построению социоструктурной оси посткоммунистического пространства, определим, какой из этих методов больше соответствует стоящей задаче.

Суть *классового подхода* к социальной структуре состоит в выделении крупных общественных групп, взаимоотношения и взаимодействия которых составляют "жизненный нерв" деятельности общества и определяют его развитие. "Самая классовая" из современных общественных теорий — марксизм рассматривает классы как реальные общности, представляющие собой мощные социальные силы. Как правило, они экономически, а часто и политически, противопоставлены друг другу через отношения принуждения и эксплуатации, имеют разные, часто противоположные интересы и способны бороться за их реализацию, в том числе путем радикального изменения общественного устройства.

Согласно известному определению В.И. Ленина, классами называются "большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства"[1]. Марксистская теория различает потенциальные, еще только становящиеся «*классы в себе*» и успевшие сформироваться, зрелые «*классы для себя*». Если первые отличаются рыхлостью, слабой идентификацией своих представителей, политической незрелостью, то вторые обладают общим мировоззрением, хорошо осознают свои интересы и способны сознательно их отстаивать, в том числе революционным путем.

Особенностями классового подхода в марксистской традиции являются, во-первых, привязка социальных неравенств, прежде всего к системе экономических отношений, во-вторых, акцент на антагонистический характер отношений между классами, предполагающий угнетение, эксплуатацию, протест и борьбу. Правда, советские идеологи настаивали на том, что в социалистических обществах классы связаны дружественными отношениями и обмениваются результатами своей деятельности на справедливой основе, но это явно не соответствовало действительности. На самом деле правящая номенклатура представляла собой класс, политически подавлявший и экономически эксплуатировавший остальную часть общества.

В XX веке теория общественных классов модифицировалась многими видными социологами, включая М. Вебера, П. Бурдье, Д. Голдторпа, Р. Дарендорфа, Ф. Паркина, М. Фуко,

[1] Подробнее об организационно-управленческой, этнодемографической, социально-территориальной, профессионально-должностной, социально-трудовой, семейно-хозяйственной подструктурах общества, а также о логике перехода от частных подструктур к единой экономико-социологической структуре см.: *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991. Гл. 12—19. С. 258—396.

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. С. 15.

Г. Маршалла, Э. Райта, и др. Чаще всего марксистское понимание классов подвергалось критике в связи с сужением понятия социальной структуры, преуменьшением значимости правовых, политических и культурных аспектов дифференциации обществ, недооценкой внутриклассовых социальных различий, невниманием к межклассовым и внеклассовым элементам социальной структуры, например, мелкой буржуазии, бюрократии, военным и др.

Одним из основных направлений модернизации теории общественных классов стало расширение критериев их выделения за счет различий в трудовой ситуации, жизненных шансах, квалификации, образовании и др. Во внимание стали приниматься не только уже сформировавшиеся структуры, но и структуры формирующиеся, системы социального *действия*; не только текущее положение индивидов (групп) на разных позициях, но и "потенциал" этих позиций — перспективы социального продвижения, которые они "обещают"[1]. Соответственно росло число выделяемых классов, усложнялось представление об их отношениях, суть которых перестала сводиться к антагонизму[2]. В результате многочисленных улучшений и дополнений классовая теория становилась более многогранной, она точнее и конкретнее отражала сложную социальную реальность. Однако при этом нередко терялись целостность и интеллектуальный пафос теории Маркса. Вместе с водой нередко выплескивался ребенок.

В последнее время предпринимаются интересные попытки оживить классовую теорию и применить ее новые версии к анализу посткоммунистических обществ[3]. Например, В.И. Ильин предлагает модернизировать структуралистскую парадигму путем разведения, с одной стороны, классовых *позиций*, а с другой — придерживающихся их *индивидов*. Он считает, что, фигурально выражаясь, классовая позиция человека — это не "кожа", а только "одежда", которую в принципе можно сменить. При таком подходе единицей анализа становится не индивид, а

[1] О классах как динамичных социальных образованиях см.: *Goldtorpe J.H.* Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford, 1980; *Stewart A., Prandy K., Blacburn R.* Social Stratification and Occupations. London: Macmillian, 1980.

[2] Подробнее см.: *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996. Гл. 4—6.

[3] Проблемы обновления классовой теории и ее использования применительно к современности детально и глубоко анализируются в книге: Классовое общество. Теория и эмпирические реалии / Под ред. С. Макеева. Киев: Институт социологии НАН, 2003.

классовое поле, рассматриваемое, во-первых, как поле возможностей, во-вторых, как силовое поле, навязывающее попавшим в него индивидам определенную логику поведения. Границы между классовыми полями прочерчиваются, по мнению В. Ильина, во-первых, наличием или отсутствием капитала и, во-вторых, его характером. Социально-классовое пространство современного российского общества разделяется по этим критериям на четыре сегмента: 1) поле рабочего класса (отсутствие капитала), 2) поле буржуазии (экономический капитал), 3) поле традиционного среднего класса (квалификационный капитал) и 4) поле нового среднего класса (сочетание квалификационного и экономического капиталов). Составляющие общество индивиды могут испытывать влияние как одного, так и нескольких классовых полей, а также перемещаться между разными полями[1]. Предлагаемый автором подход к исследованию социально-классовой структуры представляется достаточно перспективным, но нуждается в дальнейшем обосновании и конкретизации.

Украинский социолог О. Куценко считает, что актуальность и объяснительная сила концепта класса и классового анализа в современной науке остаются высокими. Причем острота классовых проблем, связанных с социальным расколом труда и капитала, смещается из наиболее развитых стран-лидеров мирового развития к периферийным регионам, к которым относится большинство постсоветских стран.

В основе разрабатываемой Куценко концепции классовых отношений лежит представление о *деятельностно-структурной, самовоспроизводящейся природе социального мира.* Классы, по ее мнению, — это социальные силы, возникающие из неравно распределенных в обществе структурных ресурсов. С течением времени они приобретают устойчивость, консистентность и способность активно влиять на общество. В соответствии с этим подходом классы определяются как динамические характеристики социального пространства, "сгустки" его структурно-деятельностных потенциалов, определяющие векторы возможных движений в обществе"[2]. Классовая структура общества, как правило, порождает отношения отчуждения и *эксплуатации*. Под последними этот автор понимает возможность извлечения выгоды, получаемой одними группа-

[1] *Ильин В.И.* Методологические проблемы анализа классовой структуры // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С. 266—268.

[2] См.: *Куценко О.Д.* Общество неравных. Міністерство освіти України, Харківський національний університет, Харків, 2000. С. 281.

ми через доступ к избыточным социальным благам в ущерб другим группам, включенным в совместную деятельность[1].

Ослабление формально-институциональных систем постсоветских обществ, сочетающееся с активизацией неформальных отношений, стимулирует расширение практик эксплуатации. Причем ее ресурсами становятся не только собственность на средства производства, но и власть, контроль (особенно над процессами перераспределения благ), особые знания и умения, культурное и иное посредничество, ресурсы неформальных социальных сетей и просто человеческих качеств.

Эмпирическая часть исследования О. Куценко посвящена многостороннему изучению социальных и классовых неравенств в украинском обществе. В поле ее внимания находятся отношения власти, собственности, занятости и профессий в современном украинском обществе, рассматриваемые через призму разных теоретических подходов к изучению классовых отношений (Дж. Голдторпа, П. Бурдье и др.). В итоге он приходит к выводу, что постсоветская трансформация Украины выявила и *углубила раскол общества* по линии социального отчуждения и социально-экономической эксплуатации. В настоящее время этот раскол институционализируется в формах специфических классовых практик и является основанием формирования классовой системы украинского общества[2]. Думается, что этот вывод может быть распространен и на Россию.

7.4. Стратификационный подход к изучению социальной структуры

Понятие социальной стратификации, в отличие от классовой структуры, не привязано к конкретной сфере общества. Оно относится к положению индивидов и групп на шкале иерархических статусов в экономической, политической, социальной и культурной областях. Причем теории социальной стратификации рассматривают систему общественных неравенств скорее как непрерывную, чем как дискретную, что позволяет использовать более дифференцированные шкалы[1].

[1] *Куценко О.Д.* Общество неравных. С. 283.

[2] *Куценко О.В.* Расколотое общество? Социальные эффекты институциональных изменений // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 278.

В научном плане классовая и стратификационная теории отражают разные видения одного и того же явления, взаимно дополняя и одновременно составляя альтернативу друг другу. Концепция общественных классов дает лучшие результаты при анализе антагонистических обществ с четко выраженной поляризацией верхов и низов, сложившимися классами "для себя", интенсивной классовой борьбой. Теория же социальной стратификации имеет преимущества при изучении обществ с более размытой и латентной структурой, где классовые антагонизмы не являются главным, определяющим фактором общественной жизни.

Однозначно ответить на вопрос о том, какая из этих концепций более соответствует условиям России и других посткоммунистических стран, нелегко. Дело в том, что поляризация российского общества достигла крайне высокого уровня. Его верхи и низы *антагонистически* противостоят друг другу, что признается даже близкими к власти учеными[2]. Новая верхушка общества приобрела достаточную стабильность и специфическое самосознание, закрылась для пришельцев извне, что позволяет рассматривать ее как правящий класс "для себя". Однако средние и нижние слои общества не интегрированы ни в социальном, ни в культурном планах. Они растеряны, плохо ориентируются в меняющейся действительности, не всегда осознают свои интересы и не готовы коллективно за них бороться. В связи с этим классовая борьба между верхами и низами общества не только не является острой, но практически не получила развития. Новые классы, за исключением элиты, не успели сформироваться, не обрели классового самосознания, не стали классами "для себя". В таких обществах, где прежняя структура разрушена, а новая находится в стадии становления, стратификационный подход к анализу социальных неравенств имеет преимущество перед классовым, ведь он применим к любому обществу, независимо от его со-

[1] Детальный анализ классических и современных теорий стратификации, ее сущности и социальных функций, особенностей в советском и российском обществах дан в: *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация: Учебное пособие для вузов. М.: Наука, 1995; *Шкаратан О.И.* Тип общества, тип социальных отношений. О современной России // Мир России. 2000. № 2. С. 63—108.

[2] См., напр.: К вопросу о стратегии развития государства на период до 2010 года. Материалы, подготовленные рабочей группой под руководством члена президиума Государственного совета РФ В.И. Ишаева. М., 2000. С. 6—7.

стояния. Не случайно в современной социологии решительно преобладает именно этот подход[1].

Классические и современные стратификационные теории (Б. Барбер, К. Дэвис, У. Мур, Т. Парсонс, И. Селени, Д. Трейман и др.) рассматривают в качестве основного критерия социальной дифференциации общества тот совокупный капитал, которым располагают индивиды и группы. Он складывается из нескольких видов капитала, набор которых в наиболее полном варианте включает:

а) *политический (административный, бюрократический)* капитал, выражающийся в объеме и значимости властных и управленческих полномочий, уровне принимаемых решений;

б) *экономический капитал*, измеряемый масштабами собственности, владения и распоряжения материальными ресурсами, контроля над финансовыми потоками, уровнем личных доходов и семейного благосостояния;

в) *социальный капитал*, измеряемый широтой, прочностью и престижностью социальных связей субъектов, уровнем их включенности в общественные структуры, социальные и информационные сети, богатством и насыщенностью образа жизни;

г) *культурный капитал*, отражающий качество воспитания, уровень образования, профессионализма, эрудиции, ценность жизненного опыта субъектов.

Представители страт, занимающих близкие места в социальной иерархии, обычно обладают более или менее сходными жизненными шансами и стилями жизни, а иногда и некоторой коллективной идентичностью, отличающей их от других общественных групп. Что касается социального престижа, то он концентрированно отражает ценностный аспект ранее названных качеств. Не случайно само понятие *социальный статус* нередко определяется как позиция в общественно признаваемой иерархии *чести, престижа и социального достоинства.* Важной интегральной характеристикой социального статуса служит и самооценка индивидами своего положения на иерархической стратификационной шкале.

[1] См., напр.: *Ильин В.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917—1996: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар, 1996; Трансформация социальной структуры и стратификации российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: ИС РАН, 1996. *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999. С. 9—59; Социальное расслоение и социальная мобильность / Под ред. З.Т. Голенковой. М.: Наука, 1999; *Заславская Т.И.* Об изменении критериев социальной стратификации российского общества // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1995. С. 209—216.

7.5. Индикаторы качества социальной структуры

Круг индикаторов, предлагаемых современной социологией для сравнения социальных структур разных обществ, (или одного общества на разных этапах), довольно широк. Назовем наиболее важные индикаторы, позволяющие оценивать эффективность этих структур в определенном выше смысле.

1. *Целостность стратификационного пространства общества* как необходимая предпосылка конкурентности восходящей социальной мобильности. Конкурентные механизмы играют роль своеобразного сита, пропускающего в верхние страты общества в первую очередь индивидов, проявляющих наибольшие способности, знания, волю, энергию. Тем самым они, с одной стороны, стимулируют максимальное использование человеческого потенциала, а с другой — обеспечивают требуемое качество индивидов, претендующих на более важные роли в обществе. Параллельное сосуществование в одном обществе нескольких или многих независимых друг от друга систем стратификации разрушает такие механизмы. Оно позволяет людям повышать социальный статус не за счет дополнительных усилий, а путем простого перемещения из менее в более "выгодные" структуры (например, из сельского хозяйства в промышленность или из реального сектора экономики в сферу коммерции и финансов). В такой ситуации первостепенную значимость приобретают родственные и социальные связи, личные и семейные материальные ресурсы, умение вовремя "подсуетиться" и т.п., что ведет к снижению качества верхних слоев общества.

2. *Сопоставимое участие экономических, политических, социальных и культурных ресурсов в формировании социальных статусов индивидов.* Гражданам обществ со сбалансированной моделью стратификации предлагается широкий выбор стратегий социального продвижения. Возможность достичь высокого статуса здесь имеют не только те, кто преуспевает в служебной карьере и личном обогащении, но и люди, активно расширяющие свои знания, повышающие образование и квалификацию, увеличивающие социальный капитал, осваивающие новые стили жизни. Напротив, гипертрофированная роль одного-двух типов капитала в стратификации общества дезориентирует личные интересы людей, упрощает их ценностные ориентации, искажает механизмы формирования общественного престижа, ведет к упадку таких важных сфер общественной жизни, как культура, образование, медицина, наука и др.

3. *Умеренные масштабы и относительный характер депривации и эксплуатации низших слоев общества.* Индикатором этого качества служит малая доля граждан, испытывающих абсолютную бедность, т.е. стоящих перед проблемой выживания. Проблема бедности существует почти во всех странах, включая и наиболее развитые, но там она не является ключевой. Бедные составляют не более 10%, причем они не голодают, не мерзнут, не сидят без света, получают элементарную медицинскую помощь, иными словами, их базовые потребности удовлетворяются, пусть и на сравнительно низком уровне. В отсталых странах, напротив, преобладает абсолютная бедность, требующая сосредоточения всех усилий людей на физическом выживании. При широком распространении абсолютной бедности значительная часть (30—50%) граждан фактически исключаются из общественной жизни, обрекаются на примитивный образ жизни, минимизацию потребностей. Возникает и воспроизводится *культура бедности,* противостоящая культуре средних слоев и тормозящая развитие общества. Все это ведет к недоиспользованию значительной части человеческого потенциала общества.

4. *Оптимальная степень дифференциации социальных статусов.* Слишком слабая дифференциация статусов верхних и нижних страт не обеспечивает достаточных стимулов к восходящей социальной мобильности, а слишком сильная создает высокую социальную напряженность, раскалывает общество на противостоящие страты, порождает отчуждение и конфликты.

Важно также, чтобы повышение социальных статусов от страты к страте было относительно равномерным, без больших скачков, что свидетельствует о социальной целостности общества. Особенно нежелателен резкий отрыв статуса верхушки общества от средних слоев, репрезентирующих массовые группы[1].

5. *Минимальная зависимость социальных статусов от таких качеств индивидов, которые отражают изначальное неравенство их жизненных шансов,* — пола, возраста, состояния здоровья, национальности, социального происхождения, места рождения и др.[2] Ведь притеснение, дискриминация любых групп, выделяемых по независящим от них признакам, неизбежно влечет потерю обществом части имеющегося потенциала развития — знаний, умений, интеллекта, способностей. Не

[1] Обычно к верхушке относят 9-ю и 10-ю ступени 10-балльной социальной шкалы, а к средним слоям —5—8 ступени.

[2] Такие качества принято называть прескриптивными (англ. — prescriptive), или предписанными.

говоря о том, как это сказывается на положении представителей депривируемых групп. Оценить названное качество социальной структуры можно с помощью данных о том, как при переходе от нижних страт к верхним изменяется доля женщин, пожилых людей, представителей тех или иных наций, выходцев из села, инвалидов и др.

6. Трудно измеримым, но важным индикатором качества социальной структуры служит *относительная сбалансированность ее зависимости от объективных (системных) и субъективных (личностных) факторов.* К первым относятся прежде всего институциональные и экономические условия, ограничивающие выбор индивидуальных стратегий, ко вторым — качества, отражающие конкурентоспособность социальных акторов в борьбе за более высокие и престижные статусы. Преобладание системных факторов стратификации свидетельствует о недостаточном уровне свободы, вынужденном выборе жизненных стратегий значительной частью граждан. Чрезмерный же перекос в сторону личностных факторов может быть следствием слабости институтов, регулирующих социальную мобильность, стихийного характера общественного развития, ситуации смутного времени.

7. *Принадлежность основной массы граждан к средним слоям общества.* Занимая не самое высокое, но относительно благоприятное положение в обществе, представители средних слоев обладают реальной возможностью выбора и реализации жизненных стратегий, соответствующих их личным целям и ценностям. В силу этого они, как правило, отличаются высокой активностью, эффективно наращивают и используют разные типы личных ресурсов. Рост численности средних слоев, повышение уровня и устойчивости их статуса, наличие у них специфического самосознания превращают первоначально гетерогенное социальное образование в целостный средний класс, выполняющий ряд ответственных социальных функций, главные из которых:

а) *посредническая* — деятельность представителей средних слоев обеспечивает постоянные, надежные и социально стабильные (партнерские) связи между верхами и низами общества;

б) *динамическая* — средние слои служат основным источником обновления элиты, на их представителей приходится большая часть восходящей социальной мобильности;

в) *стабилизирующая* — как массивной части общества, в целом удовлетворенной своим положением и не заинтересованной в резких общественных переменах;

г) *культурная* — как носителя новых стилей жизни, перенимаемых другими слоями, а также основного источника новых идей в технике, экономике и других сферах жизни;

д) *представительская* — в качестве группы, наиболее адекватно выражающей интересы данного общества и характеризующей его лицо[1].

8. *Динамизм социальной стратификации*, ее способность откликаться на изменение потребностей общества, равно как приспосабливаться к сдвигам в составе, качестве и интересах граждан. Одним из проявлений данного качества служит открытость средних и верхних страт для способных и энергичных выходцев из низов, обеспечивающая достаточно интенсивную вертикальную мобильность, преобладание восходящих социальных перемещений над нисходящими, а также тенденцию к постепенному расширению средних и верхних слоев общества за счет соответствующего сжатия нижних[2].

9. Наконец, для нормального функционирования общества важна *легитимность социальной стратификации*, т.е. признание большинством общества оправданности и справедливости существующих социальных неравенств[3]. Относительное согласие по этому вопросу обеспечивает социальную устойчивость и культурную интеграцию общества. Напротив, убежденность значительной части граждан в нелегитимности сложившейся стратификации разделяет и противопоставляет социальные слои, обостряет социальные противоречия, снижает конструктивную энергию общества.

[1] Подробнее см.: *Заславская Т.И., Громова Р.Г.* К вопросу о среднем классе российского общества // Мир России. 1998. № 4. С. 3—22; *Заславская Т.И.* Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5—22.

[2] Рассматриваемой проблеме посвящена многочисленная литература. См., напр.: Средний класс в современном российском обществе / Под ред. *М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой, А.Ю. Чепуренко.* М.: РНИСиНП, РОССПЭН, 1999; *Беляева Л.А.* Социальная стратификация и средний класс в России. М.: Academia, 2001; Средний класс в России: количественные и качественные оценки / Авт. коллектив под рук. *Т.М. Малевой.* М.: ТЕИС, 2000.

[3] Вопросы о том, что такое социальная справедливость, есть ли она в России и что в этом направлении делается в других государствах, подробно рассматриваются в работах: *Бинштok Ф.И., Ермакова Л.И.* и др. Проблемы социальной справедливости в зеркале современной экономической теории. М.: УРСС, 2002; Справедливые и несправедливые неравенства в современной России / Ред.-сост. Р.В. Рывкина. М.: Референдум, 2003.

7.6. Механизмы изменения социальной структуры

Очевидно, что общества, социальная структура которых обладает описанными выше чертами, имеют лучшие предпосылки развития, чем те, чья структура страдает явными недостатками. Но что остается делать этим последним? Может ли общество целенаправленно совершенствовать свою социальную структуру? Поддается ли она методам прямого управления? Чтобы ответить на этот вопрос, надо охарактеризовать механизмы изменения социальной структуры.

Если не принимать во внимание революции, то наиболее существенные и глубокие сдвиги в социальной структуре происходят под влиянием институциональных реформ, в первую очередь преобразования институтов власти и собственности. Так, в результате коллективизации сельского хозяйства в СССР был уничтожен класс единоличных крестьян, на базе которого возник класс колхозников, обладавший существенно иными социальными качествами. Приватизация государственной собственности и развитие рынка в России привели к возникновению слоя частных предпринимателей, а реформирование системы власти и административного управления — к превращению бюрократии в привилегированное правящее сословие.

Другим источником изменения социальной структуры является стабильное функционирование тех институтов, которые призваны совершенствовать качество человеческих ресурсов общества. Так, эффективное функционирование института образования ведет к постоянному и весьма заметному росту доли высокообразованных граждан, как правило, пополняющих средние слои. Развитие новых сельскохозяйственных технологий сокращает численность крестьян и фермеров, одновременно содействуя повышению их профессионализма и квалификации. Широкая компьютеризация всех видов деятельности и распространение Интернета породили в наиболее развитых обществах социальные группы, располагающие совершенно новыми типами ресурсов. Результатом этого переворота стали существенная трансформация прежней модели стратификации общества, размывание четких граней между элементами социальной структуры, повышение роли неформальных социальных сетей и др. Со временем этого следует ждать и в России.

Третий источник изменений социальной структуры — спонтанные действия социальных акторов, осуществляемые вне институциональных норм и правил, а иногда и вопреки этим нормам. Особое значение этот механизм приобретает там

и тогда, где и когда базовые институты не сформированы, не полны или расшатаны, а институциональный контроль легитимности социальных действий неэффективен. Именно таким путем формируется большинство теневых и криминальных структур, широко представленных в современной России.

Фактические сдвиги в социальной структуре трансформирующихся обществ являются результатом одновременного действия всех описанных механизмов. Развитие социальной структуры здесь носит преимущественно эволюционный, спонтанный характер и слабо поддается управлению. Однако это не исключает возможности косвенного воздействия на эту структуру, содействующего направлению соответствующих процессов в нужное русло. Эффективная политика такого регулирования предполагает, во-первых, научную экспертизу проектов институциональных реформ с точки зрения их вероятного воздействия на социальную структуру общества; во-вторых, изучение спонтанных сдвигов в социальной структуре, происходящих под влиянием эволюционных факторов и действий индивидуальных акторов; в-третьих, правовой контроль за теми видами деятельности индивидов и групп, которые оказывают существенное влияние на изменение социальной структуры общества.

7.7. Динамика социальной структуры России: ожидания и реальность[1]

Реформы 1990-х годов разрушили советскую модель стратификации, а новая ее модель окончательно не сложилась[2]. В настоящее время в России действует две крупные и относительно независимые стратификационные системы. В государственном секторе до сих пор сохраняется сословно-корпоративная система ролей и статусов, базирующаяся на социальной дифференциации, задаваемой традиционными институтами. Речь идет об исторически сложившихся различиях между городом и селом, малыми и крупными городами, разными регионами страны, отраслями экономики, ступенями должностной иерархии. В отличие от этого в частном секторе формируется система стратификации, в основе которой — позиции субъектов в структуре отношений собственности и на рынке труда. Каждая из этих крупных стратификационных систем распадается на подсистемы, функционирующие в конкретных регионах, отраслях народного хозяйства, органах управления и пр. Параллельное существование и относительная независимость большого числа стратификационных систем делают возможным существенное повышение дохода и статуса индивидов и групп за счет перемещения из одной системы в другую, без повышения сложности и тяжести труда. Тем самым тормозится становление меритократической системы вознаграждения труда в масштабе общества.

При этом значительная часть граждан фактически выпадает из системы социальной стратификации, поскольку неопределенность и неустойчивость статуса препятствует их надежному отнесению к какой-либо из существующих страт. В качестве примера можно назвать группы тех, кто фактически заняты в теневой сфере, а формально являются безработными; квалифицированных специалистов, месяцами не получающих зарплаты и находящихся на грани бедности; представителей теневого и криминального бизнеса, формальный статус которых не имеет отношения к их реальной деятельности, и др.

По сравнению с советским временем структура стратификационного пространства России существенно изменилась. Административно-должностной фактор заметно потеснен экономическими критериями: главным фактором социальной стратификации стал уровень доходов и материального благосостояния. Однако стратификационное пространство не стало ни многомерным, ни сбалансированным. Решающую роль играют в значительной мере сросшиеся друг с другом оси *богатства* и *власти*. Положение на этих осях служит универсальным критерием статуса и успеха, в то время как социальные и культурные факторы играют очень малую роль. Если в западных обществах фиксируется тенденция к повышению роли высших, *постматериальных* ценностей, связанных с духовным развитием личности, то в России они вытесняются первичными, более примитивными ценностями — такими, как выживание, личная безопасность, минимальная материальная обеспе-

[1] О сдвигах в социальной структуре Польши и Чехии см.: *Domanski H.* The Recomposition of Social Stratification in Poland // Polish Sociological Review. 1994. N 4; *Machonin P., Tucek M. A* Historical Comparison of Social Structure in the Czech Republic in the years 1984 and 1993. Czech Sociological Review. 1994. N 2.

[2] Подробнее об этом см.: *Тихонова Н.Е.* На пути к новой стратификации российского общества // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 24—37; *Заславская Т.И.* Трансформация социальной структуры российского общества // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 11—21; *Заславская Т.И.* Социальная структура России: главные направления перемен // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С. 168—176.

ченность. Уровень образования и квалификации, профессионализм, личные способности, качественный труд в распределении социальных статусов играют второстепенную роль.

Разительно увеличилась дифференциация доходов. В начале 1980-х годов денежные доходы 20% наиболее обеспеченных советских семей превышали доходы 20% наиболее бедных немногим более чем в 2 раза. В современной России то же соотношение составляет 7—9 раз, что соответствует уровню отсталых стран Африки. Децильный коэффициент неравенства (соотношение доходов 10% самых богатых и самых бедных семей) в 1998—2000 г. составлял около 14 раз[1]. По экспертным оценкам, разрыв в доходах полярных социальных групп в 1998 году составлял 30 раз[2]. Особенно резко вырос разрыв между массовыми слоями россиян и верхушкой общества, овладевшей основными политическими и экономическими ресурсами и превратившейся в олигархию[3]. Не случайно 32% россиян, опрошенных по репрезентативной национальной выборке, из четырех предложенных им на выбор геометрических моделей стратификации назвали наиболее похожей на российскую ситуацию ту, где верхушка общества резко отделена от остальной его части[4].

Развитие рыночных отношений постепенно вытесняет административные и сословные методы регулирования социально-иерархических отношений. В России и других посткоммунистических странах формируются новые классы, характерные для капиталистических обществ. Но, во-первых, новое

[1] *Курьеров В.Г.* Обзор экономической ситуации в России // ЭКО. 2002. № 8. С. 44.

[2] *Рывкина Р.В., Косалс Я.Л.* Социология перехода к рынку в России. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 290; *Тихонова Н.Е.* На пути к новой стратификации российского общества // Общественные науки и современность, 1998. № 3. С. 24—37; Трансформация социальной структуры и стратификации российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: ИС РАН, 1996.

[3] См.: *Пихоя Р.Г.* От номенклатуры к олигархии. Функционально-социальная группа на пути к сословию // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 68—81; *Паппе Я.Ш.* Олигархи // Экономическая хроника 1992—2000. М.: ГУ ВШЭ, 2000; *Чирикова А.Е.* Лидеры российского предпринимательства : менталитет, смыслы, ценности. М.: Институт социологии РАН, 1997; *Крыштановская О.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 1996. Гл. VIII. С. 269—294 ; The Transformation of East-European Economic Elites: Hungary, Yugoslavia, and Bulgaria. Center for Public Affairs Studies. Editor: Gyorgy Lenguel. BUES Department of Sociology. 1996.

[4] *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999. С. 63.

классовое неравенство определяется в первую очередь положением социальных субъектов во властно-административной структуре. Во-вторых, по сравнению с советским временем усилилась роль прескриптивных факторов стратификации. От рыночных реформ сильнее всего пострадали пожилые люди и старики, инвалиды, женщины, жители моноотраслевых поселений и сельской "глубинки", некоторые национальные меньшинства, дети-сироты (многие из которых имеют живых родителей).

Для более благополучной и активной части граждан первая половина 1990-х годов ознаменовалась расширением возможностей восходящей мобильности: общественное мнение россиян отметило заметно возросшие шансы разбогатеть и сделать карьеру. Однако существенное повышение социального статуса меньшинства не компенсировало снижения статуса большинства. К тому же со второй половины 1990-х годов верхние страты начали закрываться, и восходящая социальная мобильность нижних и средних слоев резко уменьшилась. В настоящее время большинство граждан России считают свое общество расколотым на всевластную привилегированную верхушку и обедневший бесправный народ.

К моменту распада СССР доля бедных составляла в нем 18%. В результате неправовой приватизации государственного имущества и ослабления государственного контроля за легитимностью финансовых операций произошла социально-экономическая поляризация общества. В руках социальных акторов, разворовавших или "скупивших" государственное добро за гроши, сконцентрировались гигантские состояния, а 30—35% семей оказались за чертой бедности. Еще четверть семей находятся на грани этой черты. Средняя заработная плата работника российской промышленности в 5—7 раз отстает от уровня европейских пособий по безработице. Сформировалась специфическая культура бедности, воспроизводящаяся в молодых поколениях[1]. Между тем доля заработной платы работников в стоимости конечной продукции России втрое ниже, чем в США. Сказанное свидетельствует о том, что новый пра-

[1] Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. Научные доклады. М.: Московский Центр Карнеги, 1998. Вып. 24; *Тапилина В.С.* Социально-экономические неравенства: причины богатства и бедности // Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Под ред. Т.И. Заславской, З.И. Калугиной. Новосибирск: Наука, Сибирское предприятие РАН, 1999. С. 385—398; Преодоление (Материалы международной весенней школы "Социальные эксклюзии в переходном обществе: пути преодоления")/ Под ред. Ф.М. Бородкина. Новосибирск: СИБ-НОВО-ЦЕНТР, 2000; *Тихонова Н.Е.* Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.

вящий класс лишь декларирует либерально-демократические ценности, в действительности жестоко эксплуатируя все общество[1].

И хотя основная часть россиян как-то приспособилась к новым условиям (причем, по данным ВЦИОМ, с 1999 по 2002 г. доля приспособившихся увеличилась с 66 до 85%), специальные исследования показывают, что в большинстве случаев адаптация носит *вынужденный,* а не добровольный характер; она происходит на базе *нисходящей* мобильности и ведет к *сужению* индивидуальной свободы. Иными словами, большая часть населения привыкает к худшим условиям, те же, кому это не удается, вынуждены с этим смириться[2].

В конце 1990-х годов уровень недовольства россиян своим положением был довольно высок, но это недовольство носило преимущественно пассивный характер и почти не проявлялось в действиях[3]. Это связано с тем, что большинство россиян пока не ощущают себя свободными суверенными индивидами. Соответственно слабо развито гражданское общество, не способное противостоять самовластию элит[4]. В последние годы, особенно после прихода к власти В.В. Путина, уровень социального недовольства россиян стал заметно снижаться.

Серединная часть советского общества, в основном представленная интеллигенцией, составляла 30—35% населения. В современной России аналогичную роль играют разные группы бизнес-слоя, высокие профессионалы, среднее звено бюрократии и военных, на которые приходится 15—20% населения. По сравнению с советской интеллигенцией эти социальные образования отличаются большей активностью и дееспособностью, однако для выполнения социальных функций "классических" средних классов уровень их развития недостаточен[5].

[1] *Львов Д.С.* Экономический манифест. Будущее российской экономики. М.: Экономика, 2000. С. 23.

[2] О динамике социальной стратификации и социальной адаптации в контексте свободы-несвободы см.: *Шабанова М.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000. Гл. 6, 11.

[3] *Левада Ю.А.* Человек недовольный: протест и терпение // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993—2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 489—507; *Кинсбурский А.В.* Социальное недовольство и потенциал протеста // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 92—96.

[4] "Самовластие — синоним не беззакония, а власти, наделенной по закону практически неограниченными полномочиями". См.: *Межуев В.М.* Традиция самовластия в современной России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, Интерцентр, 2000. С. 81—92.

[5] Подробнее см.: *Заславская Т.И., Громова Р.Г.* К вопросу о "среднем классе" российского общества // Мир России. 1998. № 4.

Попытка подвести общий итог изменений, происшедших в социальной структуре России под влиянием институциональных реформ, показывает, что негативные сдвиги резко преобладали над позитивными. В результате осуществленных реформ эффективность этой структуры, ее способность интегрировать общество, стимулировать конструктивную активность граждан существенно снизилась. Резко усилившийся социальный разрыв между элитой и массовыми группами, в нормальных условиях составляющими ее социальную базу, увеличил отчуждение общества от власти, усилил его социальную и политическую инертность, безразличие к общенациональным проблемам, неспособность к мобилизации для решения общих задач. В ряде других постсоветских стран дело обстоит еще хуже[1].

Рекомендуемая литература

1. *Беляева Л.А.* Динамика социальной стратификации в период реформ // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 1996. С. 243—253.

2. *Голенкова З.Т.* Основные тенденции трансформации социальных неравенств // Россия: Трансформирующееся общество. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 90—103.

3. *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского обществав // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 22—33.

4. *Гордон Л.А.* Социально-экономические права человека: содержание, особенности, значение для России // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 5—14.

5. *Заславская Т.И.* Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5—23; *Она же.* Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. С. 370—400.

6. *Заславская Т.И., Громова Р.Г.* К вопросу о "среднем классе" российского общества // Мир России. 1998. № 4. С. 3—22. Или: *За-*

[1] В частности, исследование социальной структуры украинского общества привело О.Д. Куценко к выводу о том, что "становящаяся форма украинского общества" не является "альтернативой советскому прошлому, поскольку "достраивание" системы неравенств, характерных для плюралистических индустриальных обществ, соединяется здесь с воспроизведением и трансформацией неравенств, традиционных для обществ советского типа, а также с расширением новых неравенств". См.: *Куценко О.Д.* Деятельностно-структурный потенциал трансформационного процесса. К разработке концепции классообразования. Харьков: ХНУ, 2001. С. 31.

славская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. С. 468—494.

7. *Куценко О.Д.* Общество неравных. Харьков: Харьковский национальный университет, 2000.

8. *Пихоя Р.Г.* От номенклатуры к олигархии. Функционально-социальная группа на пути к сословию // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 68—81.

9. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Наука, 1995.

10. *Средний* класс в России: количественные и качественные оценки / Авт. коллектив под рук. Т.М. Малевой. Бюро экон. анализа. М.: ТЕИС, 2000.

11. *Тихонова Н.Е.* На пути к новой стратификации российского общества // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 24—37.

12. *Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000. Гл. 6. Разд. 5. Динамика социальной стратификации в контексте свободы. С. 160—174.

13. *Шкаратан О.И.* Тип общества, тип социальных отношений. О современной России // Мир России. 2000. № 2. С. 63—108.

14. *Domanski H.* The Recomposition of Social Stratification in Poland. Polish Sociological Review. 1994. N 4.

15. *Machonin P., Tucek M.* A Historical Comparison of Social Structure in the Czech Republic in the years 1984 and 1993. Czech Sociological Review. 1994. N 2.

Глава восьмая

ВЕКТОР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА

8.1. Человеческий потенциал как решающий фактор жизнеспособности общества

Чтобы не находиться в состоянии застоя или упадка, а динамично развиваться, общество должно обладать движущей силой, складывающейся из социальных действий составляющих его групп. Теоретики Римского клуба еще в 1970-х годах пришли к выводу, что успех или крах экономического, социального и культурного развития наций, в конечном счете, определяется уровнем их человеческого потенциала и эффективностью его реализации. Действительно, этот прогноз подтвердился. По свидетельству ученых, "конец XX века ознаменовался резким изменением системы ценностей, целевых ориентиров и критериев общественного прогресса. На первое место вышли факторы, определяющие условия жизнедеятельности человека, качество его жизни. В настоящее время человеческий потенциал признается главной составляющей национального богатства и основной движущей силой экономического роста"[1]. Согласно новейшим методикам расчета, около $^2/_3$ национального богатства 92 стран мира определяют затраты на развитие человеческого капитала[2].

Основной потенциал любого государства заключается в его гражданах, роль же институционального устройства и социальной структуры состоит в содействии развитию и раскрытию этого потенциала. Как известно, исход командной игры зависит, в первую очередь, от количества, квалификации и активности игроков, от того, насколько хорошо они знают и

[1] Россия 2015. Оптимистический сценарий. М.: Институт экономики РАН, ММВБ. 1999. С. 57.

[2] Вопросы статистики. 1999. № 2. С. 31.

умеют использовать установленные правила, достаточно ли сыгранны, чтобы побеждать в коллективной борьбе. Соответственно, для выживания и устойчивого развития обществ в международной конкурентной среде важны общая численность населения, сбалансированность поколений и гендеров, уровень образования, квалификации, профессионализма, а также личной свободы граждан, степень социальной и культурной интеграции общества. В первом приближении совокупность названных качеств можно рассматривать как основу *третьего измерения* социетального трансформационного пространства — человеческого потенциала обществ.

В 1990-х годах процессы глобализации общественного развития, сочетающиеся с углублением дифференциации мирового сообщества, привлекли внимание ученых к проблеме жизнеспособности наций. Необходимость изучения этого нового, еще отсутствовавшего в научных словарях понятия диктовалась растущей потребностью в прогнозировании дальнейшего развития человечества. Исследователи стремились понять, почему, под влиянием каких факторов общества так называемого золотого миллиарда вступают в постиндустриальную эру, все сильнее отрываясь от остальной части мира, в то время как большинство других государств топчется на месте, если не деградирует. В 1992 году в Люксембурге был основан Международный институт, специальной целью которого стало изучение факторов жизнеспособности наций. Сотрудники института совместно с национальными учеными начали конкретно исследовать политические и социально-экономические ситуации, складывающиеся в наиболее проблемных обществах, доводить итоги этой работы до международных организаций[1].

Жизнеспособность — это комплексная характеристика, отражающая способность общества (нации, государства) адекватно отвечать на внешние и внутренние вызовы и, в конечном счете, определяющая его положение в миросистеме. Уровень жизнеспособности характеризует сравнительную роль и влиятельность членов мирового сообщества, а его динамика служит обобщенным критерием эффективности развития соответствующих стран.

[1] В 1996 году по инициативе этого института в Москве была организована международная конференция по проблемам безопасности и жизнеспособности России, где видные политологи, экономисты, социологи, правоведы обменялись мнениями по этим вопросам. См.: Жизнеспособность России. Материалы научной конференции. М.: Academia, 1996.

Человеческий потенциал — это лишь один из факторов жизнеспособности наций, действующий наряду с их экономическим, геополитическим и историко-культурным потенциалом.

Экономический потенциал общества определяется, в первую очередь, масштабом национального богатства, элементами которого служат следующие виды капитала: а) природно-ресурсный (земельные, водные, лесные, ископаемые и др. ресурсы); б) производственный (заводы, фабрики, сельскохозяйственные предприятия, транспорт и пр.); в) научно-технический (преобладающие технологии и ноу-хау); г) инфраструктурный (производственная, транспортная, коммуникационная, жилищно-коммунальная, социальная, информационная инфраструктуры).

Геополитический потенциал национального общества определяется участием и влиянием государства в престижных международных организациях, ролью в принятии важных международных решений, в свою очередь зависящей от экономической и военной мощи страны.

Историко-культурный потенциал нации отражает общечеловеческую значимость ее исторического опыта, ее "вклад" в историю человечества, общую мощь национальной культуры (как материальной, так и духовной), уровень развития науки, образования, культуры, искусства. Зависит он и от характера (конструктивности) укорененных в национальной культуре ценностей, потребностей, интересов, а также правовых и нравственных норм.

Наконец, *человеческий потенциал* характеризует качество национального общества как субъекта социального воспроизводства и развития. Именно его уровень оказывает решающее влияние на жизнеспособность и динамику общества, в то время как остальные факторы характеризуют либо *условия* формирования человеческого потенциала, либо *результаты* его реализации. Человеческий потенциал увязывает факторы жизнеспособности нации воедино, обеспечивая целостность этого феномена, в то время как другие виды потенциалов реализуются через его посредство (см. рис. 8.1).

В обществах, человеческий потенциал которых не возрастает (или деградирует), возникает порочный круг: выйти на траекторию прогрессивного развития здесь можно только ценой огромных слаженных усилий всех групп и слоев. Ослабленное же, усталое и культурно расколотое общество, как пра-

Рис. 8.1. Факторы жизнеспособности нации

вило, оказывается не в состоянии мобилизовать требующиеся для этого социальные силы.

8.2. Сущность человеческого потенциала

Понятие *человеческий потенциал* находится в стадии формирования, поэтому его определения многообразны. Пожалуй, наиболее обобщающим является определение, согласно которому "человеческий потенциал страны — это *совокупность физических и духовных сил граждан*, которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей — как инструментальных, так и экзистенциальных, включая расширение самих потенций человека и возможность его самореализации"[1].

Хотя наукой уже осознана необходимость изучения человеческого потенциала, процесс его исследования лишь начинается. В современной науке этот термин обозначает "скорее программно заданный объект анализа и практических усилий, чем объект научного изучения и научно обоснованных оценок"[2]. Большинство авторов, исследующих этот феномен, ограничива-

[1] *Вишневский А.Г.* Человеческий потенциал. Рукопись, 1999.

[2] *Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г.* Концепция человеческого потенциала: основные положения // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 2.

ются перечнем его элементов или обоснованием методологических принципов, на основе которых его следует конструировать.

Обобщая высказывания разных ученых о сущности и особенностях человеческого потенциала, можно выделить следующие важные соображения:

- Представление о человеческом потенциале сомасштабно, в первую очередь, государству-нации. Оно неприменимо ни к индивиду, ни к малой группе, но вполне осмысленно по отношению к "большим" социальным системам — странам, народам, государствам, сословиям или классам, крупным регионам или мегаполисам[1].
- Человеческий потенциал крупной социальной общности не является суммой потенциалов или реальных возможностей отдельных личностей. Это не интеграция личностных потенциалов, а некоторая другая сущность, в значительно меньшей мере определяемая психологическими и индивидуально-личностными факторами. Этот феномен *социален* и по происхождению, и по проявлениям[2].
- "Понятие человеческий потенциал концентрирует внимание не на достигнутом уровне развития общества, а в первую очередь на присущем ему внутреннем *динамизме*, *способности к саморазвитию*, усилению своей роли в мировом сообществе. Тем самым центр тяжести переносится с оценки фактически реализовавшейся ситуации на вероятность ее изменения... Человеческий потенциал — это *проблема перспективы*, оценки возможностей человеческого развития и управления"[3].
- Человеческий потенциал неразрывно и двусторонне связан с деятельностью, которая, с одной стороны, лежит в основе его формирования, а с другой — служит формой его реализации. По мнению В.Ж. Келле, в процессе формирования человеческого потенциала "создаются условия, предпосылки, основания, на которых «*произрастает*» человек с его способностями к действию. Здесь движение идет от общества, его компонентов к человеку. Когда же возникает проблема *реализации* человеческого потенциала, движение идет в обратном направлении — от человека к обществу. Ак-

[1] Там же. С. 4.

[2] *Солнцева Б.Г., Смолян Г.Л.* Человеческий потенциал: размышления о смысле понятия // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 69.

[3] Там же. С. 69.

цент делается не на анализе условий, а на человеческой активности, самовыражении человека, проявлении его способностей, уровня его знаний и умений, культуре, психологии, личностных качествах"[1].

С учетом этих соображений под *человеческим потенциалом* следует понимать *фактор жизнеспособности общества* (страны, государства), *интегрально характеризующий его человеческие ресурсы как субъекта собственного воспроизводства и развития.*

Понятие *человеческий потенциал* употребляется в абсолютном и относительном смыслах. В первом случае оно характеризует абсолютную мощь страны с учетом численности ее населения (у Китая уровень такой мощи огромен, а у Голландии — очень мал). Согласно второму смыслу это понятие отражает уровень цивилизационного развития обществ или свойственное им социальное качество (которое у Голландии весьма высоко, а у Китая пока еще низко). Оба показателя по-своему важны, но если абсолютный человеческий потенциал отражает латентную силу и влияние страны в мировом сообществе, то относительный потенциал оценивает скорее ее динамизм, современность, способность к ускоренному развитию. Поскольку решающее влияние на выживание и устойчивое развитие обществ и государств оказывает качественная сторона данного феномена, основное внимание ученых сосредоточивается именно на ней.

8.3. Компоненты человеческого потенциала

Понятие *человеческий потенциал* можно использовать и для межстрановых сравнений, и для оценки социальной динамики отдельных обществ. Но для этого требуется операционализировать это понятие, выделив его компоненты. Имеющаяся научная литература содержит довольно расплывчатые представления о структуре человеческого потенциала: каких только компонентов к нему не относят. Даже в работах, непосредственно посвященных этому феномену, можно обнаружить много разных трактовок его структуры, за которыми легко просматриваются различия в понимании самой его сущности.

[1] *Келле В.Ж.* Человеческий потенциал и человеческая деятельность // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

А.Г. Вишневский считает элементами человеческого потенциала: демографический и жизненный потенциал страны, уровень благосостояния и образованности ее населения, а также доминирующие у него цели и ценности[1].

По мнению О.И. Генисаретского и его соавторов, суть этого понятия составляют: здоровье населения, его готовность к семейной жизни и воспитанию детей, знания и квалификация, адаптация к социальной инфраструктуре общества, культурно-ценностные ориентации, психологическая компетентность[2].

Г.Б. Солнцева и Г.Л. Смолян выделяют в качестве компонентов данного феномена потенциал духовного развития общества; информационный, технологический и образовательный потенциал, а также доминирующую мотивацию деятельности[3].

И.С. Маслова трактует это понятие скорее в социально-экономическом смысле. По ее мнению, основу его составляют: экономико-культурный потенциал, трудовой потенциал и занятость, социально-психологическая жизнеспособность нации, подготовленность граждан к социально-экономическим преобразованиям. Подчеркивает она и важность социокультурной интеграции общества, т.е. близости ценностных установок, интересов, традиций и ожиданий разных общественных групп и слоев[4].

Из сказанного видно, что хотя в понимании разных ученых состав компонентов человеческого потенциала не одинаков, смысловое ядро этого понятия является сходным. Это позволяет сформировать более полное и упорядоченное представление о структуре данного феномена, сведя ее к четырем взаимосвязанным, но относительно самостоятельным элементам. В качестве таковых выступают социально-демографический, социально-экономический, социокультурный и деятельностный потенциалы.

Социально-демографический потенциал страны измеряется сбалансированностью возрастно-половой структуры населе-

[1] *Вишневский А.Г.* Человеческий потенциал. Жизненный потенциал в отличие от демографического учитывает не только численность и состав, но и ожидаемую продолжительность жизни населения, определяемую структурой смертности.

[2] *Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г.* Указ. соч. С. 9.

[3] *Солнцева Б.Г., Смолян Г.Л.* Указ. соч. С. 60.

[4] *Маслова И.С.* Человеческий потенциал // Россия 2015: Оптимистический сценарий. М.: Институт экономики РАН, 1999. С. 57—70.

ния, средней продолжительностью ожидаемой жизни мужчин и женщин, прочностью института семьи, соотношением брачности и разводимости, рождаемости и смертности, качеством национального генофонда, долей внебрачных, безнадзорных и лишенных родительского воспитания детей. Наряду с этим данный индикатор фиксирует состояние физического и психического здоровья, уровень и качество базового образования населения.

Социально-экономический потенциал общества отражает уровень и структуру занятости населения, квалификацию и профессионализм работников, востребованность трудовых и интеллектуальных ресурсов граждан. Сюда же следует отнести показатели качества жизни населения: уровень благосостояния и реальных доходов семей, доступность социальных благ и услуг, жизненные шансы различных групп и слоев, гарантированность прав и свобод человека, социальную защищенность людей.

Социокультурный потенциал государства отражает уровень образования населения и особенности национального менталитета, влияющие на развитие общества. Это прежде всего характер нормативно-ценностного сознания, особенности политических убеждений и верований, уровень морали и нравственности, типы мотивационного комплекса и способы поведения людей. Здесь важны соотношение ценностей свободы, самостоятельности и независимости или, напротив, покоя и защищенности; готовности к личной ответственности и риску или патернализма; ориентаций на личный успех или на коллективное выживание. Социальный аспект этого потенциала представлен такими характеристиками, как степень культурной интеграции разных групп и слоев, способность индивидов и личностей к эффективному взаимодействию для достижения общих целей.

Как отмечает Н.И. Лапин, "в противовес представлениям о прогрессе как движении к некоторому конечному результату, находящемуся вне самого процесса движения ... в новейших теориях прогресс трактуется как потенциальная способность субъекта, а не как конечное достижение. Конкретнее — как способность свободного субъекта выходить за собственные пределы, прорываться через сдерживающие трудности, "переступать границу", т.е. способность к самотрансцедентности"[1].

[1] *Лапин Н.И.* Пути России. М.: Институт философии РАН, 2000. С. 22—23.

Деятельностный потенциал характеризует именно эту способность общества или нации. Она выражается в активности, энергии и деловых качествах социальных акторов (индивидов, организаций и групп), преобладании инновационных или традиционных форм мышления и способов деятельности, а также объективных возможностях граждан свободно реализовать свои социальные и творческие потенции, вести активную, здоровую, полноценную жизнь. Последнее качество обеспечивается эффективной социальной организацией общества, в частности, развитостью горизонтальных гражданских структур.

Внешними индикаторами реализации *деятельностного потенциала* общества служат масштабы, структура, развитость социальной, политической, предпринимательской и других видов социально-инновационной активности населения, его социальное настроение и способность к мобилизации. Конкретные проявления этих качеств — инициативное развитие "третьего сектора" (негосударственных некоммерческих организаций), венчурных производств, гражданских структур, дополнительное или пожизненное обучение, разные формы повышения квалификации, изучение иностранных языков, овладение наукоемкими, информационными и интеллектуальными технологиями.

Деятельностный компонент человеческого потенциала играет особую роль в обеспечении жизнеспособности общества. Испытывая на себе существенное влияние демографических, социально-экономических и социокультурных условий, он вместе с тем служит решающим фактором практической реализации соответствующих потенциалов.

Все компоненты человеческого потенциала связаны, поскольку представляют разные стороны общей характеристики — *качества макросубъекта общественного развития*. Однако взаимосвязь не исключает существенных различий в развитости отдельных компонентов. Иногда такие различия даже закономерны. Например, высокий демографический потенциал обществ с высокой рождаемостью населения, как правило, сочетается со сравнительно низким социально-экономическим и социокультурным потенциалом. Резко снизившийся в последние годы социально-экономический потенциал России пришел в противоречие с высоким уровнем ее социокультурного потенциала. Однако объективная связь компонентов человеческого потенциала обусловливает тенденцию к выравниванию их уровня. В частности, длительные экономические трудности России

негативно влияют на состояние системы образования, ведут к депрофессионализации квалифицированных кадров, а также к утечке умов на Запад. Поэтому задачами социальной политики являются не только общий рост человеческого потенциала нации, но и гармонизация его структуры.

8.4. Оценка человеческого потенциала СССР

Чтобы оценить изменения, происшедшие в человеческом потенциале России в результате распада СССР и последовавших институциональных реформ, следует охарактеризовать его исходное состояние в конце 1980-х годов.

Социально-демографический компонент человеческого потенциала СССР был достаточно высоким в силу того, что его население составляло около 290 млн. человек. Наряду с огромностью территории, изобилием природных ресурсов и наличием ядерного оружия это было немаловажным фактором, обеспечившим Советскому Союза статус Великой державы. Вместе с тем советское общество отличалось серьезным дисбалансом населения по полу, связанным с долгосрочными последствиями войны и повышенной смертностью мужчин в мирное время. Последняя объяснялась высокой долей вредных и опасных производств, на которых были заняты преимущественно мужчины, плохо поставленной охраной труда, широким распространением пьянства, невысоким качеством медицинских услуг и традиционно низкой в России ценностью человеческой жизни. Советское общество отличалось не очень высоким уровнем здоровья граждан, меньшей, чем в развитых странах, продолжительностью жизни, низкой рождаемостью и ухудшающимся качеством генофонда.

Социально-экономический компонент человеческого потенциала СССР находился на среднем уровне. Советская экономика предъявляла значительный спрос на квалифицированные кадры, что стимулировало расширение сферы образования. Однако уровень технологий и качество продукции резко дифференцировались по отраслям производства — от передовой космической промышленности и вполне современного ВПК до отсталого сельского хозяйства. Едва ли не главную мощь страны составляла огромная армия, оснащенная самым современным оружием, включая атомное и водородное. Поддержание военного паритета с США требовало от общества огромных усилий: в середине 1980-х годов на содержание военно-промышленного комплекса Россия тратила примерно треть своего валового внутреннего продукта.

Потребительский аспект социально-экономического компонента человеческого потенциала был представлен непропорционально низким по отношению к ВВП, но средним по международным стандартам и относительно выровненным уровнем реальных доходов населения. Граждане СССР пользовались значительными социальными гарантиями: безработицы в большинстве регионов не было, бездомных — мало; представителям массовых групп были доступны дошкольное воспитание детей, среднее образование, простейшая медицинская помощь и недорогие формы организованного отдыха. "Узким местом" народного потребления оставался дефицит жилья и качественных товаров, правда, с некоторой позитивной динамикой. Но и уровень потребностей населения был сравнительно невысок. Поэтому, по данным сравнительного международного исследования, в конце 1970-х годов советские люди оценивали качество жизни в своей стране в среднем на "4", в то время как американцы — всего на "3"[1], а удовлетворенность своей работой у тех и других была почти одинаковой. Хотя это объяснялось, главным образом, разным уровнем развития потребностей, хорошее социальное настроение населения играло позитивную роль в развитии страны.

Социокультурный компонент человеческого потенциала СССР был достаточно высоким. В 1988 году в населении СССР доля лиц с высшим образованием и студентов была всего в 1,5 раза меньше, чем в ФРГ, но в 3 раза меньше, чем в США[2]. Однако советская фундаментальная, а частично и прикладная наука уступала только американской, причем во многих областях знания советские ученые были впереди[3]. Уровень образования граждан СССР в основном соответствовал требованиям индустриального производства, а качество обучения в советских средних и многих высших учебных заведениях оценивалось ме-

[1] *Шляпентох В.Э.* Советский Союз – нормальное тоталитарное общество. Опыт объективного анализа // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 119.

[2] Системные проблемы России. Путь в XX век. М.: Экономика, 1999. С. 305.

[3] См., напр.: *Варшавский А.Е., Сироткин О.С.* Гл. 9. Научно-технический потенциал // Путь в XXI век: Стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М.: Экономика, 1999. С. 345—348.

ждународными экспертами как высокое. Хорошо известны выдающиеся достижения советской культуры, искусства и спорта.

Вместе с тем характерными чертами советских людей были патерналистский тип сознания, слабая ценность самостоятельности, независимости и личной ответственности. Большинство проявляло слабый интерес к новациям, самоорганизации, самоуправлению, отчужденно воспринимало разные начинания власти и "общественные инициативы". Наученные горьким историческим опытом, люди предпочитали приспосабливаться к тяжелым обстоятельствам жизни, не вступая в активную борьбу за их преодоление и не пытаясь самостоятельно решать проблемы.

Интеграция советского общества обеспечивалась не столько культурными механизмами, сколько административно-идеологическим принуждением, обеспечивавшим концентрацию громадных сил для реализации различных "проектов века". Однако быстрый распад СССР показал ненадежность этого механизма. К факторам, снижавшим социокультурный потенциал страны, следует также отнести сравнительно низкое место труда в национальной системе ценностей, слабые деловые качества россиян, неуважение к действующим законам и юридическим нормам, терпимость к противоправному поведению других.

Развитие *деятельностного компонента* человеческого потенциала СССР существенно сдерживалось как названными особенностями культуры, так и социальной системой, не содержавшей внутренних стимулов к новациям, поиску новых путей решения сложных технических и социальных проблем. Конструктивная личная и групповая инициатива не находила институциональной поддержки и нередко наказывалась. В первые послевоенные годы это компенсировалось внутренней мобилизацией граждан, восстанавливавших свою страну из руин и веривших, что они строят справедливое общество. Однако с годами проявления личной инициативы становились все более редкими, новые начинания возникали лишь под давлением сверху и часто наталкивались на сопротивление людей.

Наиболее же активная и обладавшая требуемыми экономическими и квалификационными ресурсами часть советских граждан искала выхода из этого положения в развитии теневых экономических отношений, которые к середине 1980-х годов, можно сказать, расцвели пышным цветом. Особо широкое распространение они получили в южных районах страны.

Быстро расширявшийся теневой сектор экономики стал своего рода инкубатором первых российских капиталов.

При среднем уровне социально-демографического, социально-экономического и социокультурного потенциалов несоразмерно низкий уровень деятельностного потенциала служил "камнем преткновения" советского общества. Поэтому важнейшей задачей перестройки и последовавших за ней реформ было создание условий для более эффективного использования имевшегося человеческого потенциала и повышения его деятельностного компонента. Посмотрим, удалось ли России решить эту важную задачу.

8.5. Оценка уровня и динамики человеческого потенциала России

Социально-демографический компонент человеческого потенциала российского общества изменился в неблагоприятную сторону. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин снизилась с 65 лет с 1987 до 57,5 года в 1994 году. Особенно резкое снижение продолжительности жизни и мужчин, и женщин наблюдалось с 1992 года, причем сильнее всего повысилась смертность населения трудоспособного возраста. Так, в 1994 году мужчины 35—45 лет умирали в 2 раза, а женщины — в 1,6 раза чаще, чем в 1991 году. И без того огромный разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин, уже в 1987 году составивший 10 лет, увеличился до 13—14 лет. С середины 1990-х годов смертность россиян стала снижаться, но достигнуть ее дореформенного уровня не удалось. В 2000 году ожидаемая продолжительность жизни мужчин составила 58,9 года, а женщин — 73, 2 года[1].

С 1988 до 2000 года число родившихся в стране детей снизилось в 1,8 раза, а число умерших возросло на 25%. Снижение рождаемости и рост смертности привели к тому, что относительная стабилизация численности населения России сменилась режимом депопуляции (на уровне 2,8 промилле в год)[2], временно

[1] Россия в цифрах. М.: Госкомстат РФ, 2001. С. 72; Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2000. С. 103, 111.

[2] Рассчитано по: Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2000. С.7, 52, а также: Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация / Под ред. Н.М. Римашевской. М.: ИСЭПН, 2002. С. 10.

и частично компенсируемой миграционным притоком из стран СНГ. Сложившийся режим воспроизводства населения России, по мнению демографов, сочетает европейскую рождаемость с африканской смертностью[1]. В настоящее время на долю России приходится менее 2,5% мирового населения. За 1992—2001 годы за счет естественной убыли ее население сократилось на 7,8 млн. человек, а с учетом положительного сальдо миграции из стран СНГ — на 4,6 млн. человек, причем, по оценкам демографов, в дальнейшем этот процесс будет скорее усиливаться[2].

В сложном положении находится институт семьи, снижаются показатели брачности населения. В 1990—1998 годах число первых браков снизилось на 36%, а повторных — на 30%. Среди населения фертильного возраста существенно возросла доля одиночек. Коэффициент суммарной брачности для первых браков в 1996 году был почти вдвое ниже, чем в 1989 году. Одна из причин этого связана с распространением незарегистрированных сожительств, вытесняющих часть официально регистрируемых браков[3].

Доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака, за десятилетний период увеличилась в 2 раза и достигла 27%. В том числе 15% детей были зарегистрированы по заявлению одной матери, т.е., как правило, не признаны отцами, что неизбежно отразится на их социализации[4]. Все больше детей воспитываются в детских домах, несмотря на наличие родителей. По данным Генеральной прокуратуры РФ, численность беспризорных детей, которые не имеют постоянного места жительства и не учатся, достигла 2 млн. человек. "По мнению экспертов, это постоянно разрастающийся слой общества, являющийся серьезной угрозой национальной безопасности страны. Главная причина появления беспризорников — ситуация в семье (жестокость, насилие, садизм, пьянство родителей)"[5]. Большинство беспризорных детей рано приобщаются к преступному миру и практически лишаются шансов на легитимное включение в общество.

[1] Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация / Под ред. Н.М. Римашевской. М.: ИСЭПН, 2002. С. 14.

[2] Подробнее об этих тенденциях см.: Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация / Под ред. Н.М. Римашевской. М.: ИСЭПН, 2002. С. 10; Демографический и трудовой потенциал населения России // Современные проблемы России. Путь в XXI век. М.: Экономика, 1999. С. 279—301.

[3] Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2000. С. 50—51.

[4] Там же. С. 60—61.

[5] Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация / Под ред. Н.М. Римашевской. С. 10.

Не лучше обстоят дела со здоровьем населения. Расходы государственного бюджета России на здравоохранение составляют 3% ВВП против 8—10% в развитых европейских странах и 14% в США. Развал системы государственного здравоохранения при экономической и территориальной недоступности для большинства населения платных медицинских услуг в совокупности со многими другими факторами подрывает физическое и психическое здоровье нации. Заметно растет заболеваемость населения[1]. По данным медиков, от одних и тех же заболеваний россияне умирают на 5—13 лет раньше, чем граждане США. Более половины взрослых граждан России нуждаются в психиатрической помощи, а по числу самоубийств страна в конце 1990-х годов занимала одно из первых мест в мире. Таким образом, социально-биологическая основа человеческого потенциала России основательно подорвана, и для оздоровления ее населения потребуется немалое время.

Социально-экономический компонент человеческого потенциала России в результате трудностей переходного периода также потерпел серьезный ущерб. Во-первых, демографические сдвиги вызвали снижение трудового потенциала страны. По расчетам демографов, "если бы в 1995 году возрастные уровни российской смертности соответствовали западным, смертность мужчин в возрасте 20—65 лет привела бы к потере 3,2 млн. человеко-лет трудовой активности. Фактические же потери составили 12,9 млн. человеко-лет, то есть в 4 раза выше"[2].

Во-вторых, в условиях переходного периода трудовой потенциал общества стал хуже использоваться. До 75% промышленных предприятий остановились или резко сократили производство, многие из них разрушены или разворованы. Душевой объем ВВП России в 1999 году составил 58% по отношению к 1990 году, в том числе в промышленности — 48%. Усилилось отставание России от Запада. В 1990 году СССР отставал от стран Европейского союза по душевому объему ВВП в 1,7 раза, а современная Россия отстает от него в 3,5 раза[3]. Инвестиции в реальную сферу экономики крайне низки, технический прогресс практически остановлен, основные фонды морально и физически устарели, большая часть российского частного капитала хранится и используется за рубежом.

[1] Регионы России 2000. Статистический сборник. М.: И.С, 2001. С. 238.

[2] *Вишневский А.Г., Васин С.А., Зайончковская Ж.А.* Демографический и трудовой потенциал населения России // Современные проблемы России. Путь в XXI век. Гл. 7. М.: Экономика,1999. С. 304.

[3] Там же. С. 4, 20—22.

Все это отразилось на масштабах, структуре и эффективности трудовой деятельности населения. Количество рабочих мест сократилось, причем неравномерность этого процесса привела к возникновению многочисленных очагов застойной безработицы, способствующей социальной деградации населения. Часть ликвидированных рабочих мест действительно была излишней, неэффективной. Но многие ликвидированные предприятия работали, по российским меркам, хорошо и устойчиво, их продукция пользовалась спросом, они составляли базу существования миллионов людей. Экономически и социально не обоснованное сокращение производства вызвало рост безработицы с 5% экономически активного населения в 1992 году до 13,3% в 1998-м и 10,5% в 2000 году. При этом средний срок поиска работы возрос с 5,7 до 9,1 месяца, а доля тех, кто не имеет работы более года, увеличилась с 18 до 38%[1].

Многим специалистам и рабочим пришлось изменить занятия и профессии на менее квалифицированные, но лучше оплачиваемые. Таким образом, существенная часть трудового потенциала общества в новых условиях оказалась невостребованной, ненужной. Значительное расширение производства продуктов питания в личных подсобных хозяйствах и на садовых участках способствовало архаизации структуры занятости и содержания общественного труда. Важным фактором снижения социально-экономического потенциала страны стало обнищание значительной части населения, о котором говорилось в предыдущей главе, а также низкий уровень его экономической и правовой защищенности[2].

В ***социокультурном компоненте*** человеческого потенциала России, институциональную базу которого составляют наука, образование и культура, произошли противоречивые изменения, однако негативные тенденции их динамики также преобладали над позитивными. В 2000 году срок обязательного обучения школьников был снижен с 11 до 9 лет, так что полное среднее образование перестало быть обязательным. В не-

[1] Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация / Под ред. Н.М. Римашевской. С. 94.

[2] *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 3—17; *Четвернина Т., Ломоносова С.* Социальная защищенность наемных работников в новом частном секторе: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2001. № 9. С. 101—112; *Белозерова С.* Социальные аспекты трансформации трудовых отношений в промышленности // Человек и труд. 2001. № 9. С. 65—68; *Бочаров В.Ю.* Институционализация договорных трудовых отношений на предприятиях // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 63—68 и др.

сколько раз увеличился отсев учащихся из всех классов школы. В 1990-х годах даже неполное среднее образование, названное теперь *основным*, получила меньшая часть соответствующей возрастной когорты, чем в 1980-х годах[1]. По данным Минобразования РФ, около 2 млн. детей школьного возраста не учатся и не работают, т.е. не проходят этапа нормальной социализации[2].

Ситуация в высшем образовании противоречива. Количественные показатели его развития растут. Увеличиваются общее число вузов, выпуск студентов и аспирантов, количество защищаемых диссертаций. Среди преподавателей растет доля профессоров и доцентов. Быстро развивается сектор негосударственных вузов, численность преподавательских кадров которых за последние пять лет увеличилась более чем в 4 раза[3]. Выделилась и набирает силу группа "элитарных" университетов, дающих студентам современные знания и возможность продолжить образование за рубежом. Структура подготавливаемых ими специалистов сближается со структурой профессий, пользующихся спросом на рынке труда.

Но есть и противоположно направленные тенденции. Во-первых, высшее образование становится все менее доступным для детей рабочих, крестьян, мелких служащих и специалистов бюджетной сферы. В связи с этим социальный состав студентов смещается в сторону среднего и особенно верхнего слоев, составляющих не более четверти общества. Во-вторых, при существующем размере стипендий большинство студентов вынуждены работать, что отрицательно сказывается на качестве учебы. В-третьих, материально обеспеченная часть молодежи все чаще отдает предпочтение платной форме высшего образования. Между тем, по оценкам преподавателей, студенты, выбирающие платное образование, как правило, не мотивированы к учебе и полагают, что за их деньги вузы *обязаны* выдать дипломы, независимо от их академических успехов. В-четвертых, низкая оплата преподавательского труда вынуждает большинство профессоров и доцентов совмещать работу в нескольких вузах. В итоге возникает своего рода неявное соглашение преподавателей и студентов о "взаимной амнистии", согласно которому недоста-

[1] *Константиновский Д.Л.* Институт образования и социальное неравенство // Россия: Трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 151.

[2] Положение молодежи в Российской Федерации. Доклад Государственного комитета по делам молодежи Правительству Российской Федерации. М., 1996. С. 37.

[3] Наука России в цифрах. 2000. Статистический сборник. М., 2000. С. 19—23.

точное усердие учащихся "уравновешивается" низким качеством преподавания. В конечном счете, это ведет к девальвации образования.

Наука получает из федерального бюджета (в постоянных ценах) в 10 раз меньше средств, чем в 1991 году, и в 15—18 раз меньше, чем в 1985 году[1]. Число ежегодно патентуемых в России открытий снизилось с 200 тыс. в конце 1980-х годов до 25 тыс. в 1996 году. По оценкам зарубежных экспертов, средний российский ученый обеспечен исследовательским оборудованием в 80 раз хуже американского, научной литературой — в 100 раз хуже, а средний цитат-индекс наших ученых в 14 раз ниже, чем у американских коллег. Неудивительно, что в 1992—1995 годах из страны ежегодно эмигрировали в среднем 2,2 тыс. ученых, в последние годы уезжают 1,1—1,4 тыс. чел. в год[2]. По оценкам Совета Европы, за счет одного этого фактора Россия ежегодно теряет десятки миллиардов долларов. Между тем эмиграция за рубеж составляет всего десятую часть тех ученых, которые покидают сферу российской науки — остальные 9/10 находят лучше оплачиваемую работу в других отраслях. В целом в 1990—2000 годах численность научных сотрудников в России снизилась с 2,8 до 1,2 млн. человек, а их вклад в мировую науку сократился в десятки раз.

Социально-культурный потенциал общества отражает не только профессионально-квалификационные и инновационные качества населения. Большое значение имеют и такие социально значимые качества менталитета граждан, как нормы, ценности, мотивации, правовое сознание, верования, мораль. В силу высокой инерционности культуры эти качества не могли существенно измениться за какие-нибудь 10—15 лет. "Архетипические особенности русской ментальности, отсутствие традиций гражданского действия, коренящиеся в малоизменяющейся на протяжении веков структуре отношений между деспотической властью и обществом"[3] не исчезли. То же самое можно сказать и о правовом нигилизме.

Интересны данные об отношении российских граждан к понятию "гражданское общество". По данным Фонда общественного мнения, на вопрос о том, знают ли они, что такое гражданское общество: "да, слышали" ответили 16%; что-то слышали об этом — 28%; слышат об этом впервые — 40%; затруднились ответить — 16%. Согласно подсчетам А. Ослона, в общей сложности всего 22% дали ответ, который согласуется с изначальным понятием "гражданское общество"[1].

Тем не менее социологи и психологи отмечают достаточно выраженную тенденцию к индивидуализации ценностей, ослаблению патерналистских установок, росту ориентаций на собственные силы, рационализации поведения. Результатом этих тенденций является рост значимости индивидуальной ответственности и самостоятельности, постепенно начинающий размывать все еще сильный патерналистский синдром[2].

Г.Г. Дилигенский выделяет три типа возникающего в России индивидуализма. Первый из них носит *вынужденный* характер. Он отражает распространение индивидуалистических практик и соответствующих им установок, несмотря на то что для значительной части россиян индивидуалистические ценности остаются неприемлемыми. Второй — условно говоря, *конструктивный* тип индивидуализма, особенно важный для успеха либеральных реформ, сопряжен с проявлением личной инициативы, в том числе смелой, а иногда и рискованной. Третий, принципиально новый индивидуализм, назван автором *ненормативным,* или *асоциальным.* Характерный преимущественно для молодых поколений, он отличается высокой автономностью личности по отношению к социуму и его институтам. Носители этого типа индивидуализма, хотя и вынуждены считаться с общественными нормами, но более или менее осознанно противопоставляют им собственные правила. Их ценностные ориентации вербализуются понятием свободы, фактически толкуемым в смысле анархической *воли*[3]. Тенденция к анархизации российского общества, возникшая в результате либеральных реформ, фиксируется и изучается рядом ученых[4].

Необходимым компонентом эффективной гражданской культуры служит социальная ответственность акторов. Однако существенное усиление этого качества у россиян не отмечено. Пока их "социальная ответственность ограничена рамками профессиональной деятельности и не распространяется за ее пределы — на проблемы общества. Даже наиболее преданные своему делу и высоко оценивающие его социальное значение

[1] Наука России в цифрах. 2000. Статистический сборник. С. 44.

[2] Наука России в цифрах. С. 40.

[3] *Дилигенский Г.Г.* К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 413.

[1] См.: Власть и гражданское общество в современной России: перспективы взаимодействия // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12. С. 75—78.

[2] *Дилигенский Г.Г.* К проблеме социального актора в России. С. 414.

[3] Там же. С. 413—414.

[4] См., напр.: *Панарин А.С., Покровский Н.Е., Уткин А.И., Федотова В.Г.* Анархия и порядок в посткоммунистической России // На перепутье. Новые вехи. М., 1999. С. 114—154.

специалисты высказывают убеждение, что решение этих проблем относится исключительно к компетенции профессиональных политиков и чиновников"[1].

Динамика ***деятельностного компонента*** человеческого потенциала России в рассматриваемый период также характеризовалась противоречивыми тенденциями. Первая из них отражала зависимость дееспособности общества от его демографических, социальных, экономических и культурных характеристик. Преимущественно негативная динамика соответствующих компонентов человеческого потенциала не могла не оказать отрицательного влияния на деятельностный потенциал и инновационную энергию общества. Усталость, напряжение, раздражение, страх перед будущим, характерные для эмоционального состояния большинства россиян в период реформ, не способствовали росту энергии и инновационной активности[2].

Однако приватизация государственной собственности, либерализация экономики, демократизация политической сферы сняли путы, сдерживавшие социальную активность наиболее дееспособной части россиян. Многие получили возможность приобрести перспективные профессии, сделать невозможную прежде карьеру, поехать учиться или работать за рубеж, осуществить разные политические инициативы, создать собственное дело, заняться индивидуальной трудовой деятельностью, расширить личные подсобные хозяйства. Более молодые, образованные и инициативные россияне энергично включились в новые виды деятельности, часто связанные с немалым риском, и добились существенных результатов.

Либерально-демократические реформы уже к середине 1990-х годов привели к заметному росту предпринимательской активности. Так, за период 1993—1997 годов доля бизнес-слоя в занятом населении России возросла с 14 до 21%. Кризис 1998 года так ударил по мелкому и среднему предпринимательству, что оно восстанавливалось несколько лет. Тем не менее по сравнению с советским временем деловой и трудовой потенциал экономически активных россиян существенно вырос. Это подтверждается интенсивным развитием рыночной экономики, формированием ее инфраструктуры, развитием международных торговых связей российских предпринимателей, расширением ареала деятельности крупных финансово-промышленных групп. Заметно активизировалась инициативная деятельность в

[1] *Дилигенский Г.Г.* К проблеме социального актора в России. С. 413.

[2] Данные о динамике социального настроения россиян публикуются в журнале "Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены в России", издаваемом раз в два месяца ВЦИОМом (ныне ВЦИОМ — А).

политической, социальной и культурной сферах. По данным М. Слободской, президента Института проблем гражданского общества, в настоящее время в стране действует 300 тыс. неправительственных организаций. За последние годы произошла заметная профессионализация их деятельности. Создано около миллиона рабочих мест — это те, кто получает в НПО зарплату. По оценке же И. Бунича, реально в стране существуют не 300 тыс., а всего 100 тыс. неправительственных организаций[1].

Сказанное относится преимущественно к 30—40% россиян, имевшим достаточные ресурсы для включения в деловую деятельность и адаптировавшимся к новым правилам игры. Что касается остальных россиян, то, несмотря на сохранение прежних ценностей, большинству из них пришлось повысить трудовую активность, чтобы выжить в новых условиях, сохранить и повысить свой статус. Люди стали интенсивнее трудиться, чаще совмещать несколько работ, браться за дополнительные приработки, выращивать больше продукции в личных хозяйствах. Хотя сдвиги в установках и фактической деятельности этой более инертной части общества носили в значительной мере вынужденный характер, объективно они содействовали повышению деятельностного потенциала общества[2].

Ко всему этому надо добавить, что 2002—2003 годы ознаменовались самыми высокими показателями социального настроения населения за период реформ[3]. Социологи связывают

[1] См.: Власть и гражданское общество в современной России: перспективы взаимодействия // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12. С. 75—78.

[2] По данным социологических исследований, основная часть респондентов трудоспособного возраста (более 80%) признают, что сегодня чаще, чем до реформ, им приходится рассчитывать на свои силы, а не на помощь или гарантии извне. Однако этот массовый рост самостоятельности пока не привел к росту индивидуальной свободы, являясь в большинстве случаев не добровольным, а вынужденным (57 против 25%). В новых условиях уровень индивидуальной свободы у весьма значительной части населения не увеличился, а уменьшился. В сельской местности и небольших городах эта часть особо велика — 68—73%. Даже в крупнейшем городе российской провинции она достигает почти половины (47% против 18% повысивших уровень своей свободы). См.: *Шабанова М.А.* Индивидуальная и социетальная свободы в реформируемой России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, Интерцентр, 2000. С. 399—410.

[3] Речь идет о таких показателях, как оценка экономического положения страны и своей семьи; "запас прочности", т. е. отношение суммы позиций "жить можно" и "можно терпеть" к позиции "терпеть невозможно"; соотношение позитивных и негативных оценок настроения респондентов в последние дни; а также уровень их политического и экономического оптимизма. (См.: ВЦИОМ. Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2003. № 2. С. 3—4).

это, во-первых, с устойчиво высоким — на уровне 70—75% — общественным доверием к В.В. Путину (сочетающимся с довольно критической оценкой его практических мер), во-вторых, с начавшимся подъемом российской экономики. Согласно официальным данным, в 1999—2001 годах ВВП России рос в среднем на 5—6% в год, а в 2002 г. увеличился на 4,5%. Хотя эти показатели не столь значительны (особенно с учетом качества статистики), повышение социального настроения общества свидетельствует о том, что люди его ощутили. Исправнее выплачиваются зарплата и пенсии, ожили некоторые промышленные предприятия, расширилось строительство, уменьшилась безработица. Все это вселяет надежду и поднимает дух народа, тем самым способствуя росту его деятельностного потенциала.

Таким образом, динамика человеческого потенциала России формируется под влиянием многих позитивных и негативных процессов. Ее интегральная оценка во многом зависит от того, какое значение придавать каждому из процессов. Поэтому в литературе можно встретить противоположные оценки сдвигов в человеческом потенциале России. Оптимисты обращают больше внимания на те 30—40% россиян, энергия которых существенно возросла и нашла достойное применение, пессимисты же отмечают в первую очередь негативные изменения, происшедшие в социально-демографической и социально-экономической сферах, а значит, и в деятельностном потенциале остальных 60—70% россиян.

О том, какая сторона этого спора ближе к истине, позволяют судить данные о динамике индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) России, рассчитываемые в рамках Программы развития ООН. Последние десять лет, согласно этой программе, исчисляются и сравниваются ИРЧП 175 стран мира, включая Россию. Хотя методика расчета ИРЧП не сложна[1], результаты ее использования дают широкую и относительно надежную картину "человеческого измерения" современного мира.

В 1992 году ИРЧП России составлял 0,849, что было свидетельством ее принадлежности к странам с высоким человеческим потенциалом (максимальное значение этого индекса —

[1] Индекс развития человеческого потенциала различных обществ исчисляется Программой развития ООН как производный показатель трех наиболее важных индикаторов, характеризующих развитие человека с разных сторон. Это: продолжительность предстоящей жизни, достигнутый образовательный уровень и уровень благосостояния взрослого населения (каждый из которых представлен соответствующими расчетными индексами). Подробнее см.: Россия 2015: Оптимистический сценарий. М., 1999. С. 58—59.

0,915 имеет Канада). К 1997 году ИРЧП России снизился до 0,767[1], в результате чего страна опустилась с 30-го на 75-е место, передвинувшись, согласно классификации ООН, из группы индустриально *развитых* стран в группу стран со *средним* уровнем развития. К 2000 году этот показатель еще немного снизился, составив 0,76. При этом в отдельных регионах страны он колебался от 0,63 (Тыва) до 0,86 (Москва)[2]. Обращает внимание несбалансированность структуры ИРЧП России. Если индекс образованности ее населения в 1997—1998 годах составлял 0,92, то индекс ожидаемой продолжительности жизни — всего 0,70, а индекс материальной обеспеченности граждан — 0,66—0,68[3]. По мнению В.Ж. Келле, из докладов Программы развития ООН следует, что социальное развитие России (и большинства других государств СНГ) пока характеризуется тенденциями, обратными мировым: "Если в большинстве стран, включая даже слаборазвитые, средний доход и уровень образования растут.., а продолжительность жизни увеличивается, то в России... эти показатели имеют обратный знак"[4].

* * *

Представленные в этом разделе курса материалы и соображения позволяют сделать два важных вывода.

Первый. *Социетальное типологическое пространство*, координатными осями которого являются: а) способность институциональной системы общества обеспечивать высокую эффективность действующих правил игры и постоянно приспосабливать их к вызовам современности; б) способность социально-групповой структуры общества содействовать раскрытию творческих сил всех типов социальных акторов, улучшению условий их физического и духовного развития; в) уровень человеческого потенциала как непосредственный индикатор динамизма и конкурентоспособности обществ в их борьбе за выживание и устойчивое развитие *вполне подходит для исследования посткоммунистических трансформационных процессов.* Анализ движения

[1] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М.: UNDP, 1999.

[2] Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ. Роль государства в экономическом росте/ Под ред. С.Н. Бобылева. М.: Весь Мир, 2003.

[3] Россия 2015: Оптимистический сценарий. М., 1999. С. 60.

[4] *Келле В.Ж.* Человеческий потенциал и человеческая деятельность // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 64—65.

обществ в этом пространстве позволяет достаточно полно и надежно судить как об особенностях траекторий каждого из них в отдельности, так и об общих результатах трансформации бывшей "мировой социалистической системы".

Второй. Процессы трансформации российского общества, протекавшие в последние 10—15 лет, не содействовали улучшению его положения в социетальном типологическом пространстве. Хотя по сравнению с советским временем общественное устройство и человеческий потенциал страны претерпели глубокие изменения, место России в мировом сообществе XXI века, ее позиции в конкурентной борьбе с другими странами стали значительно слабее, чем прежде.

Почему же посткоммунистическая трансформация России, протекающая так трудно и мучительно для общества, не приводит к тем результатам, на которые рассчитывали (или которые декларировали) реформаторы? На этот вопрос существует много ответов. Один из них заключается в том, что правящий слой нашего общества осуществляет реформы, не принимая во внимание *социального механизма*, объективно, независимо от воли отдельных людей управляющего развитием трансформационного процесса. Между тем такой механизм существует. Анализу строения, принципа действия, национальных особенностей, а также методов регулирования этого механизма посвящен следующий раздел курса.

Рекомендуемая литература

1. *Вишневский А.Г., Васин С.А., Зайончковская Ж.А.* Демографический и трудовой потенциал населения России // Системные проблемы России. Путь в XXI век. Гл. 7. М.: Экономика, 1999. С. 299—306.

2. *Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г.* Концепция человеческого потенциала: основные положения // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Ред. И.Т. Фролов. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 7—21.

3. *Дилигенский Г.Г.* К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общей ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 410—418.

4. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М.: UNDP, 1999.

5. *Забродин Ю.М.* Кадровый потенциал российской экономики и проблемы развития человеческих ресурсов // Общество и экономика. 1997. № 7—8. С. 73—93.

6. *Келле В.Ж.* Человеческий потенциал и человеческая деятельность // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Ред. И.Т. Фролов. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 62—72.

7. *Маслова И.С.* Человеческий потенциал // В кн.: Россия 2015: Оптимистический сценарий. М., 1999. С. 57—70.

8. Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация / Под ред. Н.М. Римашевской. М.: ИСЭПН РАН, 2002.

9. *Солнцева Б.Г., Смолян Г.Л.* Человеческий потенциал: размышления о смысле понятия // Человеческий потенциал: Опыт комплексного подхода / Ред. И.Т. Фролов. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 55—61.

РАЗДЕЛ III

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Глава девятая

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ

9.1. Постановка проблемы

До сих пор мы говорили, главным образом, о *содержании перемен* в посткоммунстических странах. Были выделены те характеристики обществ, которые претерпели наиболее глубокие изменения, определены критерии оценки происшедших в них сдвигов, проанализированы их результаты. Показано, что осуществленные в последние 10—15 лет институциональные реформы вызвали глубокие типологические изменения соответствующих обществ. Однако в большинстве случаев это были совсем не те изменения, ради которых начинались реформы и на которые рассчитывали широкие массы граждан. Результаты оказались не только намного худшими, чем ожидалось, но и в значительной степени неожиданными.

Преобразование большинства посткоммунистических обществ, включая российское, произошло в соответствии с замечательным афоризмом В.С. Черномырдина: "Хотели как лучше, а получилось, как *всегда*". Слово "всегда" в этом контексте подчеркивает, что отклонение реального результата

предпринимаемых "сверху" действий от замыслов социальных субъектов является не досадной случайностью, а регулярно повторяющейся закономерностью. И дело здесь не в особенностях субъектов — их недостаточном опыте, квалификации, широте мышления и пр. Подлинная причина этой закономерности в том, что крупномасштабные преобразования и процессы отнюдь не являются прямым результатом соответствующих решений "первых лиц" и их окружения. В действительности эти решения играют роль лишь первого толчка к развертыванию массовых социальных процессов, подобно тому как случайно сброшенный камень может вызвать снежную лавину.

В основе трансформационных процессов, на первый взгляд, стимулируемых импульсами сверху, лежит огромное множество взаимодействий социальных субъектов среднего и низшего уровней. Каждый из них стремится реализовать свои интересы в рамках той свободы выбора, которую оставляют ему ресурсные, институциональные и культурные ограничения. Характер и результаты этих взаимодействий определяются, с одной стороны, особенностями общественного устройства (институциональной и социальной структурами обществ), а с другой — социальными действиями, предпринимаемыми социальными акторами на всех уровнях общественной иерархии. Система социальных взаимодействий субъектов, включенная в рамки системы ограничений, свойственной данному обществу и, в свою очередь их изменяющая, как раз и представляет собой *социальный механизм* соответствующего процесса.

Для того чтобы результаты реформ были близки к поставленным перед ними целям, политическая и интеллектуальная элиты должны хорошо понимать устройство сложного социального механизма, потенциально способного как воплощать их замыслы, так и вести к противоположным результатам. В противном случае реформаторские меры приведут в лучшем случае не к планировавшемуся результату, а в худшем — вызовут социальный взрыв. К сожалению, большинство реформаторов не принимают этого во внимание и стремятся побыстрее "сделать как лучше", в итоге же задуманные реформы срываются.

Главы этого раздела курса посвящены анализу *социального механизма посткоммунистических процессов* на примере России. В них показывается, под влиянием каких *общественных сил*, в результате взаимодействий каких *социальных акторов*, в условиях каких институциональных и социоструктурных

ограничений российское общество постепенно меняет свое качество, а в конечном счете, и свой *социетальный тип*. Но прежде чем говорить о названном механизме, следует уточнить тип самого процесса социальных преобразований, протекающего в России начиная со второй половины 1980-х годов, поскольку мнения по этому вопросу далеко не единодушны.

9.2. Революция или кризисная эволюция?

Цели и содержание современных социальных преобразований в России на разных этапах трактовались по-разному. Вначале говорилось только о необходимости *ускорения темпов экономического развития* страны. Позже речь зашла о глубокой *перестройке общества,* затрагивавшей всю советскую систему. Затем под влиянием благоприятных перемен и благодаря возникшей гласности значительная часть интеллигенции с энтузиазмом заговорила о назревающей *демократической антиноменклатурной революции*. После распада СССР наиболее употребительным обозначением происходивших в России перемен стали *реформы* (часто с добавлением*: радикальные)*. Когда же период активных институциональных реформ сменился ожесточенной борьбой разных элит за власть и собственность и процесс социальных преобразований стал малоконтролируемым, на первое место вышли два понятия, лучше других отражавшие новую реальность: *трансформация* и (или) *переход* от посттоталитаризма к демократии и от плановой экономики к рынку.

Однако оба эти понятия относятся лишь к последнему этапу преобразований и недостаточны для того, чтобы дать общее определение тому макропроцессу, который начался с ускорения экономического развития и в конечном счете привел к глубокому типологическому изменению общества. В научной литературе представлены, как минимум, три представления об этом процессе.

Согласно первому, в начале 1990-х годов в России произошла Великая социальная революция, направившая общество по принципиально новому пути. Этим и объясняются те противоречия и трудности, с которыми сталкивается сейчас наше общество: это общая черта всех *постреволюционных* периодов.

Второе представление исходит из исторической ретроспективы, охватывающей весь советский период. В этом контексте реформы 1990-х годов рассматриваются как завершение антисоциалистического (по социальной сути — буржуазного) *переворота*, начатого Сталиным на переломе 1920—1930-х годов, но не доведенного до логического конца — наделения номенклатуры частной собственностью.

Согласно третьему, наиболее распространенному представлению, в 1989—1990 годах в Советском Союзе и ряде стран Центральной и Восточной Европы назревала народно-демократическая революция, направленная против власти номенклатуры. Однако в силу многих причин она не состоялась, в результате чего революционный подъем сменился реформами "сверху" в интересах слегка обновившейся номенклатуры.

Представление о том, что же произошло в России в последние годы — революция, реформы или контрреволюция, — оказывает существенное влияние на оценки не только нашего недавнего прошлого, но и современной общественной ситуации. Действительно ли Россия пережила революцию, и если да, то когда и какую? Какие социальные силы противостояли друг другу в политической и революционной борьбе? Кто победил в ней и кто проиграл? Какие новые силы пришли к власти и в чьих интересах ее использовали?

Сторонники *революционной концепции* утверждают, что в начале 1990-х годов в России произошла буржуазная либерально-демократическая революция, направленная против авторитарно-бюрократического режима, тормозившего модернизацию общества. Лидеры демократов во главе с Ельциным и Гайдаром отстранили от власти КПСС, демократизировали политическую систему, пресекли многие направления деятельности КГБ, осуществили приватизацию государственной собственности и создали институциональные условия для развития конкурентного рынка.

По мнению В.А. Мау — наиболее яркого представителя этой группы ученых, рассматриваемые события обладали рядом особенностей, характерных для революций. К ним относятся: 1) системный характер, глубина и радикальность изменения базовых институтов собственности и власти; 2) обусловленность преобразований преимущественно внутренними противоречиями данного общества, в силу чего вместе с разрушением государства обрушились и казавшиеся незыблемыми ценности; 3) слабость политической власти и отсутствие общественного согласия по базовым проблемам, целям и ценностям; 4) неспособность власти консолидировать общество

для "мирного" осуществления системных преобразований, резкое усиление стихийности социальных процессов[1].

Цитируя высказывание Робеспьера: "*Конституцией революции является соотношение социальных сил*" (курсив мой. — *Т.З.*), В.А. Мау подчеркивает, что перераспределение собственности, составлявшее фокус российских реформ, фактически носило силовой характер[2]. Е.Г. Ясин полагает, что "по своему значению, по глубине ломки социальных отношений, пронизавших все слои общества, революция [начала 1990-х годов — *Т.З.*] была для России более существенна и несравненно более плодотворна, чем Октябрьская 1917 года"[3]. Е.Т. Гайдар и В.А. Мау называют эту революцию Великой, потому что она, во-первых, реализовалась в условиях резкого ослабления государства, утраты им власти над экономикой и, во-вторых, прошла "весь цикл, все фазы"[4]. В рамках этой концепции современный процесс преимущественно стихийных общественных преобразований трактуется как естественное последействие революции.

С тем, что в последние десять лет Россия пережила революцию, на первый взгляд, согласны многие ученые[5]. Но у большинства из них внешнее согласие с этой точкой зрения сочетается с серьезными оговорками. Так, М.А. Краснов указывает на такие особенности революции 1990-х годов, как отсутствие у нее субъекта и движущих сил, размытость точки отсчета или момента ее свершения (21 августа 1991 г., 2 января 1992 г., 21 сентября или 3 октября 1993 г.?), а также вторичность и маргинальность содержания по отношению к глобальным процессам. Л.М. Алексеева отмечает, что подлинную

[1] *Мау В.* Экономика и революция: уроки истории // Вопросы экономики. 2001. №1. С. 124—137; *Он же.* Экономика переходного периода. Введение. М.: ИЭППП, 1999. С. 10—13.

[2] Там же. С. 31—36.

[3] Десять лет после августа: Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации. М.: Фонд "Либеральная миссия", 2002. С. 137—138.

[4] В. Мау понимает революцию как "механизм системной трансформации в условиях слабого государства, т.е. государства, не контролирующего социальные и экономические процессы. Для экономиста слабость государства заключается в том, что оно не способно ни собирать налоги на уровне бюджетных обязательств, ни сократить бюджетные обязательства до уровня сбора налогов. Отсюда — бесконечные инфляционные процессы, политическая нестабильность и перераспределение собственности ради покупки политической поддержки". См.: Десять лет после августа: Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации. М.: Фонд "Либеральная миссия", 2002. С. 38, 47.

[5] Среди них — Л.М. Алексеева, М.А. Краснов, И.М. Клямкин, А.А. Нещадин, Ю.А. Рыжов, А.С. Ципко и др.

революцию пережили лишь несколько крупнейших центров страны, в то время как в сотнях городов, поселков и деревень не произошло ничего существенного. По мнению А.А. Нещадина, "события десятилетней давности тяжело назвать революцией, поскольку они в значительной степени были спровоцированы", и в действительности "очевидно, речь идет о путче и антипутче, которые затронули Москву"[1]. Интересно и признание Е.Г. Ясина о том, что "революция фактически реализовалась в форме реформ"[2], в то время как вопрос состоит именно в том, пережила ли Россия социальную революцию или только реформы сверху.

Концепции Великой российской революции 1991—1993 годов можно противопоставить целый ряд возражений. Во-первых, новая элита, возглавившая российское общество в начале 1990-х годов, на три четверти состояла из прежней номенклатуры (в то время как в странах ЦВЕ к власти пришли оппозиционные социальные силы). Во-вторых, в России, в отличие от стран ЦВЕ, массовые общественные движения не получили большого развития. Поэтому на протяжении всего периода главным субъектом социальных преобразований оставалась верховная власть[3]. В-третьих, как справедливо отмечает И.М. Клямкин, в других революциях на радикальной фазе решались проблемы большинства, а у нас этот вопрос не решался вообще и не решен до сих пор[4]. В-четвертых, масштабы по-

[1] Десять лет после августа: Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации. М.: Фонд "Либеральная миссия", 2002, С. 54—55.

[2] Там же.С. 137.

[3] По мнению Л.Ф. Шевцовой, в России речь шла "о системно ограниченной революционности, которая не привела к изменению сущности власти: власть до сих пор остается в рамках традиционно русской парадигмы моносубъектности ... продолжает оставаться самовоспроизводяшейся величиной". (См.: Десять лет после августа // Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации. М.: Фонд "Либеральная миссия", 2002. С. 126—127.)

[4] См.: Десять лет после августа: Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации. М.: Фонд "Либеральная миссия", 2002. С. 46.

Убедительным представляется и следующее соображение И.М. Клямкина: "Великие революции: и английская, и французская, и русская 1917 года — выдвигали новые проекты исторического развития, открывали новые коридоры возможностей если не в мировом, то, по крайней мере, в региональном масштабе. Английская революция привнесла принцип экономической свободы, французская — принцип свободы политической, Октябрьская революция — глобальную идею коммунизма... в этом ряду исторических проектов наша недавняя революция выглядит достаточно вторичной, маргинальной, поскольку она реализовывала уже известные в мире принципы и пыталась приспособить к ним Россию..."

литического насилия в России начала 1990-х были весьма ограничены даже в сравнении с "бархатными" революциями в ЦВЕ. Наконец, не поддается рациональному объяснению тот факт, что Великая социальная революция могла остаться практически не замеченной народом страны, где она совершилась.

Сторонники второго представления исходят из того, что к концу 1930-х годов партийная бюрократия овладела всеми рычагами власти и управления государством, фактически получив статус правящего класса. Но благоденствие ее представителей не было устойчивым, так как гарантировавшие его аппаратные должности было очень легко потерять. Это усугублялось жесткостью сталинской вертикали, ставившей чиновников любого уровня в полную зависимость от вышестоящих начальников.

В течение следующего полувека крепнувшая и расширявшаяся советская номенклатура все сильнее ощущала несоответствие между масштабами своей власти и неустойчивостью личного положения. В середине 1980-х годов более молодой, образованный, прагматичный и неудовлетворенный сложившимся положением эшелон партийно-комсомольской номенклатуры инициировал общественное движение за *перестройку* советского общества, предусмотрительно "взяв в долю" экономически предприимчивую и политически активную часть среднего класса. Обновленная номенклатура стремительно провела откровенно противоправную приватизацию государственной собственности, тем самым окончательно утвердив себя в статусе правящего класса, сосредоточившего в своих руках все политические и экономические ресурсы[1].

Понятно, что описанные события не соответствуют понятию *революция*. Вряд ли они подходят и под используемое время от времени понятие *контрреволюция* хотя бы потому, что отделены от Октябрьской революции слишком долгим периодом времени. Правильнее считать, что современное поколение стало свидетелем и участником завершения длившегося около 60 лет антисоциалистического "*разворота*" власти, а вслед за ней — и всего общества. Последний этап этого процесса был направлен на окончательное искоренение тех элементов социализма в организации и идеологии общества, ко-

[1] *Данилов В.П.* Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 1999. С. 11—28.

торые давно были помехой деятельности обуржуазившейся "коммунистической" номенклатуры.

Наиболее соответствующей реальности представляется концепция, согласно которой в конце 1980-х годов в СССР назревала народно-демократическая революция, направленная против власти номенклатуры. Ее цель виделась в замене авторитарно-бюрократического общественного устройства либерально-демократическим. Движущей силой поднимавшейся революционной волны был "средний класс" советского общества, представленный хорошо образованной, квалифицированной, но социально и политически ущемленной и не удовлетворенной своим положением интеллигенцией. Ее лозунгом было совершенствование социализма, придание ему демократического лица, расширение прав и свобод человека, повышение благосостояния народа.

Революционно настроенной части общества противостояла политическая номенклатура, опиравшаяся на партийно-государственную бюрократию. Демократические силы общества, едва освободившегося от тоталитаризма, были слабы, организационно и идейно разобщены. Они не имели ни политической программы, ни навыков политической борьбы, ни существенного политического влияния. Многоопытная номенклатура, в руках которой находились все значимые ресурсы общества, легко оттеснила демократов от ведущих позиций и предотвратила социальную революцию снизу. Вместо этого общественная энергия была направлена на проведение радикальных (буржуазных по социальному содержанию) реформ 1992—1993 годов.

Начиная же с середины 1990-х годов Россия вступила в *постреформенный* период, суть которого состоит, с одной стороны, в завершении формирования и практическом внедрении в жизнь новых правил игры, а с другой — в весьма непростой, а нередко остроконфликтной адаптации разных социальных субъектов (индивидов, организаций и групп) к новой институциональной среде. Реализация этих функций связана с громадным расширением и типологической диверсификацией акторов, участвующих в трансформационном процессе, множественность и неуправляемость взаимодействий которых придает этому процессу преимущественно стихийный характер.

Общий вывод из сказанного заключается в том, что в 1990-х годах в России происходила не революция, а эволюция, однако в основе ее лежало не столько постепенное восходящее *развитие*, сколько цепочка сменявших друг друга кризисов. Исходный подъем демократических и национально-освободитель-

ных движений завершился *распадом СССР*. Радикальные экономические реформы фактически вылились в ограбление общества горсткой достаточно случайных людей. В дальнейшем в связи с отсутствием у правящей элиты продуманной стратегии и политической воли началась стихийная трансформация общества, которая привела к резкому ослаблению государства и растущей криминализации общества. Причем каждый из этих этапов углублял кризисное положение России. С избранием нового Президента РФ и последовавшей частичной сменой Правительства деятельность элит на законодательном уровне несколько оживилась. Однако заметных либерально-демократических сдвигов в реальной жизни страны не произошло.

9.3. Переход или трансформация?

Как уже говорилось, современный этап социальных преобразований в России чаще всего обозначают понятиями *трансформация* или *переход*. Нередко они рассматриваются как синонимы, хотя в действительности их содержание различно. Понятие *переход* предполагает наличие субъекта, знающего конечную цель движения и пользующегося доверием тех, кого он ведет в избранном направлении. Метафорически переход можно сравнить с переправой через спокойно текущую реку, когда видно желательное место причала и есть нужные плавучие средства. Управление же трансформационным процессом сходно с движением лодки по неизвестной реке, богатой водоворотами и перекатами. В таких условиях направление движения практически не зависит от кормчего, а его главная задача — не дать лодке перевернуться, минимизировать удары и потери и, в конце концов, пристать к какому-то берегу. Применительно к обществу переход предполагает существование, во-первых, сильной власти, руководствующейся конкретной идеей, а во-вторых, авторитетной команды, преследующей ясную и реалистичную цель, опирающейся на обоснованную программу действий и пользующейся широкой поддержкой граждан. Причем цели этой команды должны соответствовать интересам общества, а программа — имеющимся у него возможностям.

Между тем в современной России ни одно из этих условий не выполняется. Здесь нет политической партии или общественного движения, программа которых пользовалась бы массовой поддержкой граждан. Отсутствует разделяемое активным

большинством представление о желательном устройстве общества. До сих пор ведутся ожесточенные споры о путях выведения страны из кризиса. А тем временем в экономике и политической сфере продолжаются разрушительные процессы, справиться с которыми власть явно не в состоянии (война в Чечне, криминализация общества, институциализация коррупции, развал армии, кризисное положение Севера и Дальнего Востока, кризис науки и образования и пр.). Выдвигаемые Президентом РФ задачи в целом носят конструктивный характер, но скудость государственного бюджета не позволяет подкреплять их решение соответствующими средствами, и потому на практике они чаще всего не реализуются. Все это не дает оснований говорить о *целенаправленном переходе* России к более эффективному и современному типу общества.

К действительно происходящему в стране процессу более применимо понятие *спонтанной трансформации* общественного устройства, ни генеральное направление, ни конечные результаты которого не предрешены. Этот тип преобразовательных процессов более сложен и менее изучен, чем целенаправленное реформирование обществ, сохраняющих социетальную идентичность. Лежащие в его основе социальные механизмы и движущие силы более многообразны, чем при социальных переходах (транзитах) под руководством общепризнанных лидеров.

Под *социальной трансформацией* понимается обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью постепенное, не связанное со сменой правящей элиты, но в то же время радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы, или социетального типа общества. К главным отличительным особенностям трансформации следует отнести:

1) постепенность и относительно мирный характер протекания;

2) направленность на изменение не отдельных частных сторон, а сущностных черт, определяющих социетальный тип общества;

3) принципиальную зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения массовых общественных групп;

4) слабую управляемость и предсказуемость процесса, важную роль стихийных факторов развития, непредрешенность итогов;

5) неизбежность, длительность и глубину аномии, обусловленной опережающим разложением старых общественных институтов по сравнению с созданием новых.

Таким образом, концепция *трансформации* подчеркивает зависимость общественных сдвигов от действий не только верхнего, но также среднего и базового слоев общества, представители которых действуют в условиях не вполне сформированной и нежесткой институциональной среды, исходя из собственных интересов. Движущими силами трансформационных процессов являются, с одной стороны, правящие элиты с примыкающей к ним бюрократией, а с другой — социально зрелые, экономически и политически активные представители массовых общественных групп, в первую очередь средних слоев. Отсюда — зависимость результатов этих процессов от того, как управленческие меры *верхов* воспринимаются *массовыми слоями* общества. В значительной степени *спонтанный* характер социетальной трансформации общества исключает характерную для "перехода" *презумпцию* движения в заранее заданном направлении — результаты трансформации трудно предсказуемы. Хотя проблема стратегических ориентиров власти и в этом случае остается достаточно актуальной, однако на первый план выдвигается другая задача — сохранение социальной стабильности.

Трансформационные процессы охватывают все уровни общественной вертикали: общенациональный, региональный, локальный, групповой и индивидуальный. При этом по мере спуска на "нижние этажи" подконтрольность этих процессов центральной власти снижается. Возникают несогласованности и расхождения в понимании конкретных вопросов. Установки властного Центра нередко наталкиваются на прямое противодействие региональных и местных общностей и элит, сопротивление конкретных организаций и граждан. Свидетельством этого может служить многообразие общественных ситуаций, сложившихся в разных, в том числе непосредственно соседствующих друг с другом, регионах страны. Все это затрудняет управление рассматриваемыми процессами, осложняет контроль и прогнозирование их результатов. Чтобы лучше справляться с этими трудностями, важно иметь адекватное представление о социальных механизмах трансформационных процессов.

9.4. Категория "социальный механизм процесса"

Изучение социальных механизмов является одним из наиболее актуальных направлений современных социальных исследований. Под социальным механизмом общественного

процесса имеется в виду устойчивая система взаимодействий социальных акторов разных типов и уровней, конечным результатом которых служит удовлетворение определенной общественной потребности. Функционирование социальных механизмов регулируется, с одной стороны, соответствующими общественными институтами (формальными и неформальными правилами игры), а с другой — социальным статусом и культурными особенностями акторов: органов управления, организаций, групп, индивидов (т. е. интересами и возможностями игроков).

Идея механизмов социальных процессов базируется на предположении о том, что совокупность определяющих эти процессы явлений, факторов и зависимостей образует некий целостный феномен, исследование устройства которого позволяет глубже разобраться в изучаемых закономерностях[1]. Перспективность категории *социальный механизм* подтверждается тем, что она используется широким кругом обществоведов, причем в последние годы стала одним из базовых элементов методологии ряда социологических школ[2]. Анализ практики употребления этой категории разными авторами позволяет выделить основные черты обозначаемого ею феномена.

Основная особенность социальных механизмов состоит в их способности регулировать общественные процессы. Последняя объясняется особой значимостью, силой и устойчивостью тех социальных связей, которые обусловливают их системность. Поскольку в механизмах социальных процессов сосуществуют

---

[1] Более подробная аргументация актуальности изучения социальных механизмов процессов дана в статье: *Заславская Т.И.* Социальный механизм трансформации российского общества // *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. С. 152—170. Или: Социологический журнал. 1995. № 3. С. 5—21.

[2] *Заславская Т.И.* Изучение механизмов социальных процессов (1981—1985) // Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999. С. 71—89; *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991. С. 76—83; Социальный механизм экономической реформы: Методология и опыт экономико-социологического исследования / Под ред. Р.В. Рывкиной. Новосибирск: ИЭиОПП, 1990; *Косалс Л.Я.* Социальный механизм инновационных процессов. Новосибирск: Наука, 1989; *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 3—22; *Соколова Г.Н.* Экономическая социология: Учебник. Минск, 2001. С. 53—57; *Якуба Е.А.* Социология. Харьков, 1998.

элементы, принадлежащие прошлому и настоящему, они отличаются высокой инерционностью, и их обновление всегда является лишь частичным. Кроме того, в них сосуществуют феномены, как сознательно создаваемые для достижения определенных целей, так и развивающиеся естественноисторическим путем. Первые конституируются в процессе социальных преобразований, вторые же возникают спонтанно в ходе общественной эволюции и меняются под влиянием внутренних трансформаций[1].

Характер социальных механизмов, действующих в разных обществах, определяется особенностями их институциональной структуры, а также функциональными потребностями обществ в воспроизводстве сложившихся отношений (поддержании стабильности) или в определенных социальных изменениях. Следует иметь в виду, что чем более общий характер носит социальный процесс, тем сложнее и многограннее регулирующий его механизм и тем сложнее его конкретизировать. Поэтому предлагаемую ниже аналитическую схему социального механизма трансформационного процесса в России надо рассматривать лишь как первое приближение к истинному строению этого феномена.

9.5. Социальный механизм трансформационного процесса

Такие понятия, как "социальный механизм развития экономики" или "социальный механизм трансформационного процесса", представляют научную абстракцию, поскольку в действительности подобные процессы регулируются множеством более конкретных механизмов. Тем не менее применение рассматриваемой категории к социальной трансформации общества оправдывается возможностью представить процесс, определяющий будущие судьбы России, как некоторую целостность, охватывающую как управленческие воздействия власти, так и спонтанные действия разных общественно-политических сил. Напомню в этой связи, что под социальным механизмом трансформационного процесса имеется в виду устойчивая система взаимодействий социальных акторов разных

[1] *Косалс Л.Я.; Рывкина Р.В.* Роль социальных механизмов в ускорении социально-экономического развития // Изв. СО АН СССР. Сер. "Экономика и прикладная социология". 1986. № 12. Вып. 3.

типов и уровней, способствующая фундаментальному изменению общественного устройства. Взаимодействия, формирующие эту систему, регулируются, с одной стороны, базовыми институтами общества, а с другой — социальной структурой и культурными особенностями акторов — индивидов и групп. Представленная ниже аналитическая схема раскрывает строение и принципы функционирования социального механизма трансформационного процесса (рис. 9.1). Она показывает, каким образом действия социальных акторов разных уровней меняют макроструктуру общества и как ее изменение оказывает обратное воздействие на жизнь и деятельность этих акторов.

Крупные блоки механизма. Рассмотрим содержание четырех показанных на схеме блоков: А, Б, В и Г.

Блок А отражает важнейшие *характеристики* трансформирующихся обществ как целостных систем. Рассматриваемый в статике, он дает целостное описание состояния конкретного общества в определенный момент времени, а анализируемый в динамике, показывает происходящие в обществе сдвиги. Это позволяет назвать данный блок *социетальным,* или *результативным.*

Блок Б отражает массовые трансформационные процессы, изменяющие базовые *социальные практики,* через которые реализуются общественные институты. Примерами могут служить процессы становления рынка труда, развития рыночной инфраструктуры, формирования фермерства, превращения бывших директоров предприятий из наемных менеджеров в собственников, распространения и институционализации коррупции и др. В изучаемом механизме этот блок занимает особое место, поскольку на входе в него находятся действия *акторов разных уровней*, а на выходе — *макрохарактеристики* общества. Выражаясь высоким стилем, можно сказать, что он "скрывает в себе тайну" преображения индивидуальных и групповых социальных действий в макропроцессы, причем сам по себе выглядит "черным ящиком", содержание которого неизвестно. Выяснить его суть — значит понять конкретный механизм "переработки" индивидуальных и коллективных социальных действий в макропроцессы. В этом смысле данный блок можно назвать *переходным.*

Блок В показывает, *каким образом* изменяются социальные практики общества. Его содержанием служат взаимосвязанные виды трансформационной активности социальных акторов. Понятие *трансформационная активность* охватывает

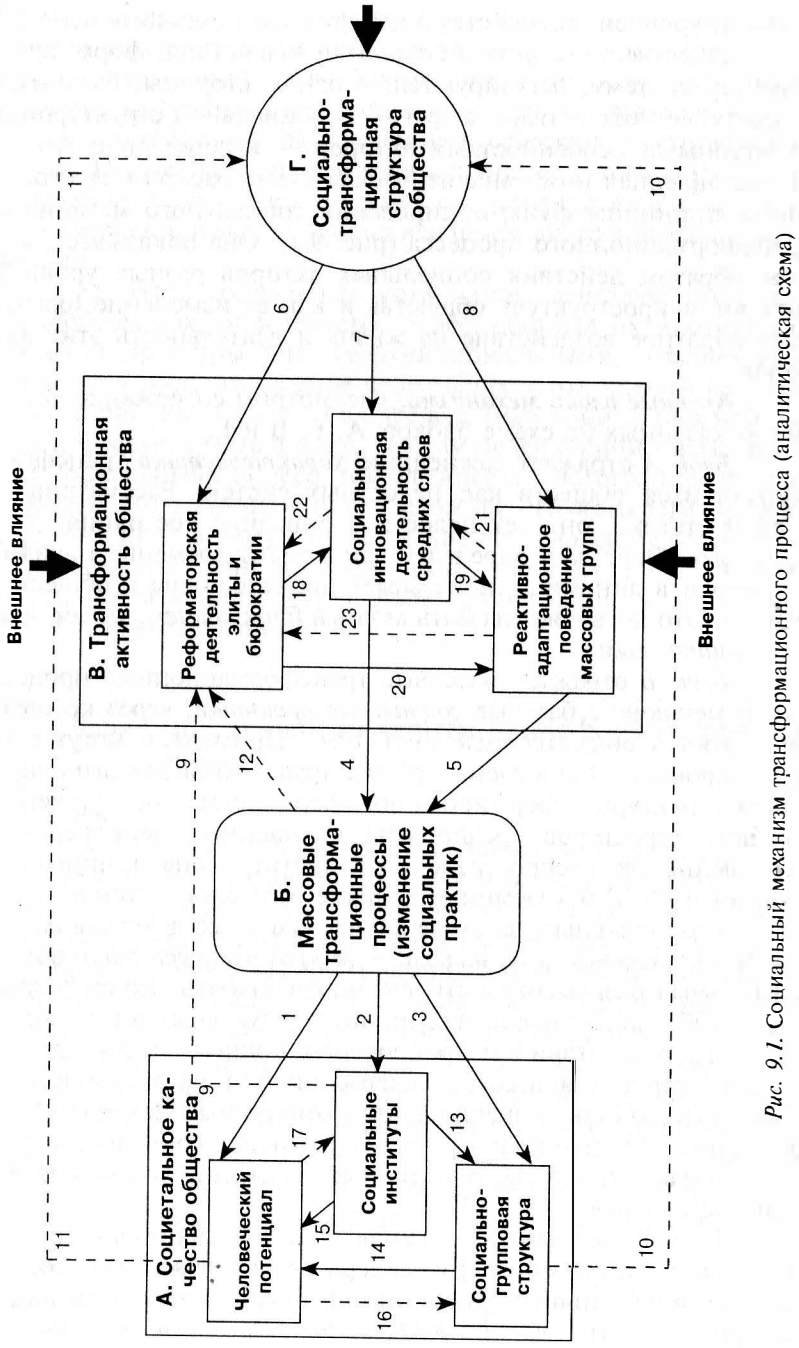

Рис. 9.1. Социальный механизм трансформационного процесса (аналитическая схема)

всю совокупность таких действий социальных акторов разного уровня и разного типа (индивидов, организаций и групп), которые либо непосредственно вызывают, либо косвенно влекут за собой значимые сдвиги в базовых социальных практиках. Этот блок, составляющий "сердце" изучаемого механизма, можно назвать *деятельностным*, или *собственно механизмом*.

Наконец, *блок Г* отражает структуру (состав, отношения, взаимосвязи) макросубъектов трансформационных процессов. Он отвечает на вопрос о том, какие культурно-политические силы в конечном счете "несут ответственность" за изменение социетального типа общества. Этот блок естественно назвать *субъектным*.

Связи между блоками механизма. Функционирование изучаемого механизма обеспечивается прямыми и обратными связями, во-первых, между его крупными блоками, во-вторых, между элементами каждого блока. Остановимся на связях первого типа.

Прямые связи направлены от субъектного к деятельностному и результативному блокам схемы. Связи 1, 2 и 3 (Б → А) отражают тот факт, что в основе изменения социетальных характеристик общества лежит своего рода "клубок" переплетающихся процессов изменения массовых социальных практик. Эти процессы одновременно влияют на преобразование общественных институтов, изменение социальной структуры и динамику человеческого потенциала.

Связи 4 и 5 (В → Б) показывают, что главным и непосредственным фактором изменения повседневных социальных практик, в конечном счете, ведущего к трансформации общества, служит активность не столько элиты и верхнего слоя, сколько среднего, базового и нижнего слоев, составляющих основную часть общества.

Наконец, связи 6, 7 и 8 (Г → В) отражают влияние трансформационной структуры общества на содержание, направления и конкретные способы инновационной активности граждан. Содержание этих связей очевидно: каково социальное качество субъектов трансформационной активности, какими ресурсами они располагают, каковы их интересы и возможности — таковы, при прочих равных условиях, избираемые ими способы деятельности и поведения.

Обратные связи (от результативного к деятельностному и субъектному блокам) придают изучаемому социальному механизму относительную замкнутость, отражающую его воспро-

изводственный характер. Число таких связей невелико, но они достаточно значимы. Связь 9 (А → В) отражает сдерживающее влияние действующих базовых институтов на преобразовательную и управленческую деятельность правящего слоя. Это влияние реализуется, главным образом, через правовую регламентацию деятельности соответствующих государственных органов, четкое определение их прав, полномочий, обязанностей и ответственности, а также через государственный и общественный контроль соблюдения этих условий. В демократическом обществе даже лица, занимающие высшие государственные посты, лишены возможности ставить эксперименты на обществе, делая все, что им придет в голову. Предохранение общества от недостаточно компетентных, а иногда и взбалмошных реформаторов — одна из важных функций институциональной системы. Когда же эта система "разболтана", как в настоящее время в России, даже самые сильные ограничения (вплоть до конституционных) в ряде случаев совершенно не действуют.

Связи 10 и 11 (А → Г) фиксируют обратную зависимость трансформационной структуры от социальной структуры и человеческого потенциала общества. Первая отражает тот факт, что общественные классы, слои и группы имеют не только разные интересы, но и принципиально разную возможность влиять на ход трансформационного процесса. Не случайно реформаторской деятельностью занимается в основном правящий политический класс, практическими социальными новациями — преимущественно средние слои общества, в то время как базовый и нижний слои реализуют свои интересы, главным образом, через выбор стратегий реактивно-адаптационного поведения. Не менее очевидна и зависимость трансформационной структуры от человеческого потенциала общества, т.е. от образованности, квалификации, дееспособности, менталитета и других социальных качеств граждан.

Связь 12 (Б → В) отражает обратное влияние массовых трансформационных процессов на реформаторскую деятельность властных структур в плане их информирования о ходе исполнения решений, достигнутых результатах, необходимости коррекции принимаемых мер и исправления ошибок.

Таково самое общее представление о строении и принципах действия социального механизма трансформации посткоммунистических обществ. Рассмотрим содержание его блоков более конкретно.

Социетальное качество общества (блок А)

Социетальный блок состоит из трех элементов, первый из которых представляет систему базовых институтов общества, второй — его социально-групповую структуру, а третий — человеческий потенциал. В целом он достаточно полно отражает типологическое качество изучаемых обществ. Содержание элементов этого блока подробно рассмотрено в предыдущем разделе курса, поэтому здесь можно ограничиться описанием их связей.

Связь 13 фиксирует то обстоятельство, что институциональная система и социально-групповая структура общества представляют разные срезы целостного общественного устройства. Причем институты в этой паре играют роль *ведущего*, а социальная структура — *ведомого*.

Человеческий потенциал служит обобщающим показателем личностного фактора развития общества. Важными факторами его динамики служат трансформация общественных институтов, особенно социального профиля, и преобразование социальной структуры общества (связи 14 и 15). Так, демократический тип социальной структуры обеспечивает возможность эффективной самореализации представителей не только элитных, но и массовых слоев, что способствует росту человеческого потенциала общества. Напротив, сильная социальная поляризация, а тем более раскол верхних и нижних слоев ограничивают возможности развития значительной части граждан, ведут к стагнации или снижению человеческого потенциала общества.

Наблюдается и обратная зависимость общественного устройства от уровня человеческого потенциала. Так, повышение образования и квалификации работников, изменение характера общественного труда, освоение новых технологий, интериоризация гражданами либерально-демократических ценностей, в конечном счете, способствуют переходу обществ с индустриальной ступени развития на постиндустриальную, которая предполагает иную конфигурацию институтов и иную социальную структуру. Напротив, снижение человеческого потенциала, характерное для современной России, ведет к замедлению развития общества, распространению бедности, свертыванию науки и образования, культурной деградации общества, развитию теневых институтов, росту преступности. Под влиянием этих процессов социальная структура приобретает уродливый характер, общественные институты рушатся и общество попадает во власть стихийных процессов (связи 16 и 17).

Взаимодействие акторов и структур (блок Б)

Эволюционный механизм изменения социальных практик связан с тем, что процесс общественного развития меняет внешние условия жизнедеятельности людей и вызывает соответствующие социокультурные сдвиги. То и другое стимулирует появление новых способов поведения, которые противоречат традиции и потому первоначально отторгаются большинством населения. Постепенно становится ясно, что эти способы более эффективны, и те, кто их реализует, достигают большего жизненного успеха, в результате они распространяются шире. В течение какого-то времени старая и новая социальные практики находятся во временном равновесии, сосуществуя и конкурируя друг с другом. Возникает состояние аномии, т.е. размытости норм поведения в данной сфере. Постепенно новые более эффективные практики начинают доминировать и со временем окончательно вытесняют прежние. Тем самым завершается соответствующий этап преобразования социального института[1].

Радикальное реформирование общественного устройства становится фактором резкого ускорения, углубления и интенсификации изменений как административно-правовых норм, регулирующих базовые институты общества, так и лежащих в их основе социальных практик. В условиях фундаментальных общественных сдвигов главной задачей большинства населения становится выживание. Традиционные способы активности, выработанные применительно к прежним условиям, часто становятся неэффективными. Это побуждает социальных акторов искать новые более эффективные стратегии. Часть из них закрепляется в социальных практиках, а другая часть не приживается, исчезает.

Целенаправленные реформы существенно ускоряют естественную эволюцию социальных практик, равно как и социальную дифференциацию общества. Группы, успешно реализующие новые эффективные стратегии поведения, оказываются в выигрыше. Проигрывают же в первую очередь те, кто, несмотря на серьезное изменение социальной среды, продолжает придерживаться традиционного поведения. Проведение институциональных реформ предполагает внимательное отслеживание их

[1] Подробнее о социальном механизме становления новых социальных практик см.: *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // Мир России. 2002. № 2. С. 3—38.

результатов через изменение социальных практик. Модернизация последних свидетельствует о том, что общество движется в правильном направлении, сохранение же прежних практик (не говоря об их деградации) показывает, что цель реформ не достигнута. Отклонение их фактических результатов от декларируемых целей, возникновение непредвиденных социальных последствий, рост недовольства массовых групп нередко вынуждают правящую элиту корректировать свою стратегию, менять приоритеты и способы действия (связь 12).

Трансформационная активность общества (блок В)

Блок В репрезентирует реформаторскую и управленческую деятельность верхних слоев общества, социально-инновационную деятельность представителей средних слоев, а также реактивно-адаптационное поведение массовых общественных групп и слоев, составляющих основную часть населения. Совокупность этих взаимосвязанных типов действий социальных акторов представляет *трансформационную активность*, которая оказывает решающее влияние на преобразование общественного устройства.

Понятие "трансформационная активность", рассматриваемое в максимально широком смысле, охватывает все социально значимые действия, отражающие реакции индивидов, организаций и групп на изменение институциональных условий их жизнедеятельности, статусов, прав и возможностей и, в свою очередь, меняющие эти условия. В более узком смысле к трансформационной активности можно отнести социальные действия, носящие инновационный характер, т. е. отклоняющиеся от институциональных традиций. Содержание показанных на схеме прямых и обратных связей между разными типами трансформационной активности (18—23) подробно анализируется в следующей главе, поэтому здесь останавливаться на нем не буду.

Движущие силы трансформации общества (блок Г)

Блок Г представлен всего одним элементом — *социально-трансформационной структурой* общества, хотя в действительности он имеет сложное внутреннее строение. Описанию этого строения посвящены два последних раздела книги.

Социально-трансформационная структура общества представляет собой сложную систему взаимодействующих

субъектов трансформационной активности. Ее элементами являются крупные социальные общности, называемые *культурно-политическими силами*. Изучение этой структуры позволяет понять, кто в конечном счете "несет ответственность" за изменение общественного устройства. Она показывает, какие социальные силы — осознанно или бессознательно — содействуют обновлению и модернизации общества, а какие — его стагнации и деградации; каковы их внутренняя структура и интересы, какими ресурсами они располагают и как добиваются своих целей.

Трансформационная структура отражает системное качество общества, особо значимое в периоды крутых перемен, а именно — его дееспособность как субъекта самореформирования и саморазвития. Эффективность этой структуры определяется соотношением социальных сил, способствующих либо углублению и закреплению либерально-демократических преобразований, либо сохранению и возрождению институтов советского типа, либо расшатыванию институциональной системы как таковой. Меру этого качества можно назвать *инновационно-реформаторским потенциалом общества*, повышение которого служит одной из важных задач посткоммунистических преобразований.

Культурно-политические силы, формирующие трансформационную структуру общества, охватывают не только политически активные, но и сравнительно пассивные консервативно-периферийные группы. В этом смысле понятие трансформационной структуры общества латентно противостоит точке зрения о том, что чуть ли не единственными субъектами трансформационных процессов служат элитные и субэлитные группы. Хотя отрицать их значимость невозможно, прерогативой этих групп являются лишь некоторые, хотя и важные, виды трансформационной активности.

Воздействие внешних сил и факторов

До сих пор мы рассматривали строение и способ функционирования социального механизма посткоммунистических процессов с позиций отдельного общества, без учета влияния, оказываемого на его развитие глобальными процессами и международными отношениями. Между тем воздействие внешних сил и факторов на трансформацию посткоммунистических обществ достаточно сильно.

Во-первых, все национально-государственные общности активно конкурируют за выгодные и престижные роли, политическое влияние в мировом сообществе, участие в решении глобальных проблем. Стремление посткоммунистических обществ укрепить и повысить свой геополитический статус существенно влияет на их внутреннюю политику. Особенно ясно это видно на примере стран, претендующих на вступление в НАТО, но влияние этого фактора достаточно ощутимо и в России. Чтобы подтвердить демократический характер проводимых реформ, посткоммунистические страны вынуждены брать на себя трудновыполнимые международные обязательства, нередко оказывающие негативное влияние на их внутреннее развитие[1].

Во-вторых, большинству этих стран не удается решать свои внутренние проблемы без зарубежной финансовой помощи. Отсюда — возрастающая экономическая зависимость от Мирового банка, различных международных фондов, а также правительств наиболее богатых стран, навязывающих странам-должникам тяжелые финансовые условия. К тому же, чем дальше продвигается развитие рыночных отношений, тем большее влияние на экономику стран "второго мира" оказывает состояние мирового валютного рынка, а также международных рынков товаров, услуг, инвестиций, финансов и пр.

В-третьих, в последние 15—20 лет во многих странах Запада сложились крупные и очень активные диаспоры бывших советских граждан, связанные тесными узами с бизнес-миром бывшей родины. Экономические и финансовые связи российского делового мира, во-первых, с представителями зарубежных диаспор и, во-вторых, с бывшими коллегами, а ныне партнерами из новых независимых стран являются важным элементом механизма функционирования современной экономики России.

Есть и другие линии зависимости трансформационных процессов от глобальных и международных факторов. Стоит упомянуть, например, о весьма серьезном влиянии западных СМИ на информированность россиян. Большое значение имеет и международный туризм, широкое распространение которого серьезно влияет на оценочные суждения, интересы, запросы и потребительское поведение многих граждан постсоветских стран.

В свете сказанного выстраиваемую схему социального механизма трансформации следует дополнить, как минимум,

[1] Наиболее современный пример — те условия, на которые вынуждена согласиться Россия, чтобы быть принятой в ВТО.

тремя направлениями влияния мирового сообщества. На схеме они показаны жирными стрелками, направленными к ее элементам "извне". Первая из них отражает влияние мировой политической и экономической ситуации на формирование стратегии реформ и текущую деятельность реформаторов. Вторая показывает, что состав социальных акторов трансформационного процесса включает, наряду с гражданами и организациями данной страны, зарубежных социальных субъектов — от отдельных граждан до международных корпораций. Третья стрелка фиксирует зависимость трансформационного поведения россиян от их знакомства с образом и качеством жизни за рубежом. Результаты такого знакомства могут быть самыми разными: от становления достижительных ценностей и активизации экономической деятельности до эмиграции из России. Остальные элементы социального механизма трансформации испытывают скорее опосредованное влияние внешних факторов.

Ограниченность описанной схемы социального механизма проявляется в том, что в качестве объекта трансформации рассматривается все национальное общество, без выделения его территориальных частей. Такой подход элиминирует проблемы, связанные с федерализмом, разделением полномочий между Центром и регионами, межнациональными конфликтами, отношениями регионов-доноров и реципиентов, села и города. Частично компенсировать это упрощение можно путем учета данного фактора при изучении территориального аспекта трансформационной структуры общества (например, путем выделения в ее составе центральной и региональных элит).

9.6. Заключительные соображения

Итак, мы коротко описали устройство и принципы функционирования того социального механизма, который инициирует, направляет и поддерживает процесс социетальной трансформации общества. Задача дальнейшей части курса — рассмотреть конкретное содержание каждого элемента этого механизма и каждое связывающее эти элементы отношение. Применительно к результативному блоку А эта задача уже решена (см. главы 5—8). Рассмотрение этого блока до того, как введено и обосновано более широкое понятие *социальный механизм трансформационного процесса*, на первый взгляд,

представляет логическую инверсию. На самом же деле это сделано потому, что в изучаемом механизме блок А занимает *особое место*: содержащиеся в нем характеристики обеспечивают комплексное описание общества как целого, позволяя определить его социетальный тип. Соответственно, динамика этих характеристик показывает, *какие качества* общества, *в какую сторону* и *насколько* изменились за исследуемый период времени, отражает характер социетальной трансформации общества. Таким образом, блок А, в отличие от остальных блоков, имеет двоякую природу, с одной стороны, участвуя в функционировании механизма в качестве его *части* (фактора, ограничителя), а с другой — отражая *результаты* его работы.

В следующих главах книги дается конкретное описание содержания блоков Б, В и Г, а также связывающих их отношений. Логика дальнейшего изложения базируется на принципе постепенного углубления и конкретизации ставящихся и обсуждаемых вопросов. Первый из них касается *процессов и механизмов,* качественно меняющих социетальные характеристики, определяющие типологическую принадлежность обществ. Краткий ответ (см. рис. 9.1) гласит, что социетальные сдвиги являются обобщенным следствием множества частных массовых процессов, отражающих трансформацию базовых социальных практик. Но *что это* за процессы и *как* они изменяют практики? На этот вопрос отвечают две следующие главы.

Легко видеть, что рассмотренная концепция социального механизма посткоммунистических преобразований описывает закономерности преимущественно эволюционного развития. Она непригодна для анализа революций, но достаточно полно отражает особенности трансформационных процессов, протекающих в большинстве постсоветских и восточноевропейских обществ. Главная черта этой концепции — стремление исследовать названный механизм как *целостный* феномен, все элементы которого взаимосвязаны и взаимозависимы. Такой подход позволяет ставить вопрос о типологии и социальном качестве механизмов, регулирующих процессы трансформации, перехода или реформ, протекающих в разных обществах. Есть основания полагать, что эти механизмы различаются не столько составом элементов и связей (большинство из которых носит общий характер для всей группы посткоммунистических стран), сколько их конкретным содержанием, качеством, эффективностью. Причем, если характеристики большей части *элементов* механизма во многом определяются предысторией соответствующих обществ, то специфика *связей* между элементами отражает осо-

бенности их современного вида, прежде всего применительно к прямым и обратным связям между типами трансформационной активности.

Подытоживая сказанное, можно отметить, что категория социальный механизм трансформационных процессов может выполнять ряд важных методологических функций. Ее использование:

— обеспечивает *целостное* видение одного из главных исторических процессов современности, приковывая внимание к социальному качеству лежащего в его основе механизма;

— позволяет выявить "белые пятна" и нестыковки в изучении трансформационных процессов, сформулировать новые задачи, способствующие углублению научных знаний в данной области;

— дает возможность более наглядно представить сложившееся в этой области разделение труда, стимулирует междисциплинарные исследования трансформационных процессов;

— помогает придать более системный и целенаправленный характер международным сравнениям трансформационных процессов.

Рекомендуемая литература

1. *Гельман В.Я.* "Transition" по-русски: концепции переходного периода // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 64—81.

2. *Данилов В.П.* Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 1999. С. 11—28.

3. Итоги и перспективы современной российской революции // Десять лет после августа: Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации. М.: Фонд "Либеральная миссия", 2002. С. 31—61. См. также: Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 5—27.

4. *Заславская Т.И.* Изучение механизмов социальных процессов (1981—1985) // Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Под ред. Т.И. Заславской, З.И. Калугиной. Новосибирск: Наука, 1999. С. 71—89;

5. *Заславская Т.И.* Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 5—21.

6. *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 3—22.

7. *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // Мир России. 2002. № 2. С. 3—38.

8. *Мау В.* Экономика и революция: уроки истории // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 124—137.

9. Социальный механизм экономической реформы: методология и опыт экономико-социологического исследования / Под ред. Р.В. Рывкиной. Новосибирск: ИЭиОПП, 1990.

10. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 367—389.

11. *Bauman Z.* A Post-modern Revolution. In: J. Frentzel-Zagorska (ed.) / From One Party State to Democracy. Amsterdam, 1993. P. 3—19.

12. *Ray L.* The rectifying revolution? Organizational futures in the new Eastern Europe. In : Organization. Vol. 2 (3/4). 1995.

Глава десятая

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ: ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ АСПЕКТ

10.1. Трансформация институтов и изменение практик

Как показано выше, связь между *деятельностным* блоком социального механизма В и *результативным* блоком А (см. схему 9.1) опосредуется *переходным* блоком Б. В содержательном плане это означает, что действия социальных акторов (индивидов, организаций и групп) изменяют структурные *макро*характеристики общества не непосредственно, а через процессы изменения множества разнообразных социальных практик.

Понятием *социальные практики* обозначаются устойчивые системы взаимосвязанного и взаимно ориентированного ролевого поведения индивидов, организаций и групп, имеющие массовое распространение и укорененные в социокультурных нормах. Устойчивые социальные практики представляют собой не что иное, как конкретные *формы существования* и функционирования общественных *институтов*. С институтами они соотносятся как форма с содержанием или как явление с сущностью, что предопределяет характер их связи. Конкретной формой реализации каждого социального института служит совокупность соответствующих практик. Но институты, как всякая сущность, глубже и устойчивее своих форм; поэтому конкретные практики могут в определенных пределах меняться, не затрагивая сущности институтов. Кроме того, далеко не все практики носят институциональный характер: часть из них являются новыми, становящимися, другая часть — теневыми, отклоняющимися от формально-правовых и/или социокультурных норм. О качественном преобразовании общественного института можно говорить там и

тогда, где и когда имеет место реальное изменение совокупности социальных практик, в которых реализуется данный институт. Поэтому преобразовать общественный институт «росчерком пера» даже самых высоких должностных лиц невозможно. Действенным этот "росчерк" становится лишь в тех случаях, когда он помогает инициировать инновационные процессы, ведущие к изменению массовых социальных практик.

Например, вытеснение института централизованного распределения рабочей силы институтом рынка труда предполагает возникновение новых способов поиска работы и замещения вакантных рабочих мест, изменение содержания отношений найма и методов их оформления, иные формы социальных гарантий от разных форм риска, новые формы оплаты труда, способы разрешения трудовых конфликтов и пр.

Аналогично обстоит дело с формированием института конкурентного товарного рынка. Его функционирование обеспечивается взаимно ориентированным поведением множества социально-профессиональных групп — коммерсантов, предпринимателей-"челноков", наемных продавцов, администраторов рынков, ярмарок, бирж, налоговых инспекторов, работников милиции, рэкетиров и пр. Оно предполагает возникновение новых практик закупки, распределения и поставки товаров, становление новых видов торговли, развитие цивилизованной конкуренции, рыночной инфраструктуры и др.

Вопрос, на который нам надо ответить, — как совокупность массовых практик, формирующих реальную жизнь российского общества, соотносится с формально установленными и предположительно действующими законами и нормами? Ведь примерное совпадение практик с законами свидетельствует не только об относительном правовом благополучии, но и об управляемости общества, возможности воздействовать на его развитие с помощью соответствующих законов и норм. Существенное же расхождение тех и других есть признак глубокого неблагополучия общества и неопределенности его будущего.

Относительная независимость социальных практик от изменения формально-правовой надстройки объясняется двумя главными причинами. Во-первых, устанавливаемые сверху правила игры (законы и административные нормы) оставляют достаточно широкую свободу выбора моделей поведения низовых акторов. Во-вторых, в условиях слабого государственного контроля, характерного для большинства посткоммунистических обществ, имеется немало возможностей безнаказанного нарушения юридических норм. Накапливающиеся сдвиги в

"низовых" практиках постепенно ведут к качественной трансформации самих институтов. Таким образом, наряду с целенаправленным реформированием институтов "сверху" осуществляется их спонтанное изменение "снизу". Это значит, что преобразование институциональной структуры общества представляет собой не юридический или административный, а в первую очередь, социально-культурный процесс, внешним проявлением которого служит качественное изменение массовых социальных практик. Следовательно, главным критерием оценки результатов институциональных реформ служит изменение общественных практик.

Отмечу в этой связи, что сама необходимость реформ была понята и признана обществом потому, что большинство экономических практик к середине 1980-х годов приняло совершенно неэффективный, деградационный характер. Рабочие и крестьяне, не заинтересованные в результатах труда, работали спустя рукава. Хозяйственные связи, устанавливаемые из Центра без достаточного знания местных условий, часто оказывались нерациональными. Повсеместно господствовала погоня за "валом", т.е. за количеством продукции в ущерб ее качеству. В результате производилась настолько некачественная продукция, что потреблять ее отказывались даже сами производители. Качество советской одежды, обуви, бытовой техники, лекарств было на порядок ниже импортных товаров. Очковтирательство, приписки, потемкинские деревни, мелкое и крупное воровство превратились в повседневные практики, возникшие "снизу" в ответ на неадекватность установленных "сверху" правил игры, и культурно не осуждались.

Напротив, попытки внедрения технических, а тем более социальных новшеств требовали многолетней борьбы с бюрократией, а нередко угрожали инициаторам тюрьмой и даже физической гибелью. В этих условиях большинство граждан начинали ощущать бессмысленность и бесперспективность собственной жизни, понимать, что сложившееся устройство общества сковывает их инициативу и свободу, не позволяет реализовать свои способности, добиться достойного статуса, прожить осмысленную и интересную жизнь. Не имея возможности изменить общественную систему, очень многие находили выход в отказе от активной деятельности прежде всего через злоупотребление алкоголем. В итоге институциональная система общества еще больше расшатывалась и становилась все менее эффективной.

Но если подлинной причиной реформ была осознанная властью и обществом необходимость рационализации социальных практик, то, значит, и судить об их результатах следует по тому же критерию. Стали ли граждане России более свободными, расширились ли их возможности реализовать свои цели и ценности? Улучшилось ли их отношение к труду? Больше ли они дорожат рабочими местами? Повысилось ли качество труда работников, а соответственно — и отечественной продукции? Меньше ли стало воровства? Кому удается сделать более удачную карьеру — более одаренным, образованным, квалифицированным работникам или тем, кто умеет более ловко мошенничать, располагает большими силовыми, социальными и экономическими ресурсами? Свертывается ли теневой сектор хозяйства, становится ли экономика более прозрачной? Усиливается ли обратная связь между властью и обществом, их взаимопонимание и взаимодействие? Ответ на эти и подобные вопросы позволяет наиболее справедливо судить о результатах происходящих в обществе сдвигов.

Таким образом, социальные институты изменяются одновременно "сверху" и "снизу". Механизм их реформирования властью достаточно очевиден. Это принятие новых законов и других юридических норм, их доведение до общества, контроль их выполнения и осуществление санкций в отношении тех, кто их нарушает. Механизм же изменения институтов снизу более сложен[1]. Связь между устанавливаемыми властью формально-правовыми нормами и фактически реализующимися социальными практиками опосредуется рядом факторов. Главные из них следующие:

1) социальное *качество юридических норм*, то есть их достаточная полнота, отсутствие внутренних противоречий, практическая выполнимость в сложившихся условиях и степень соответствия интересам тех акторов, которым они адресованы;

2) *легитимность* формально-правовых норм, иными словами, их соответствие не только законам, но и социокультурным нормам, представлениям социальных акторов о справедливости, а также о том, как обычно поступают и как следует поступать в тех или иных ситуациях[2];

[1] Конкретное описание социального механизма распространения и институционализации новых социальных практик содержится в статье: *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* К проблеме институционализации неправововых социальных практик в России // Мир России. 2002. № 2. С. 3—38.

[2] "...легитимность закона означает положительное отношение к нему членов общества, поддержку его как гражданами, так и юридическими лицами. И наоборот, отрицательное отношение людей к закону, его неприятие означает, что закон не легитимен". См.: *Лившиц Р.З.* О легитимности закона // Теория права: новые идеи. Вып. 4. М., 1995. С. 18—26.

3) *порядок контроля* за выполнением законов и норм, эффективность которого зависит как от его организации, так и от квалификации, честности или коррумпированности контролирующих чиновников;

4) мера *осведомленности социальных акторов* о формально-правовых нормах, регулирующих разные виды их деятельности и поведения.

Для демократических правовых государств характерно выполнение всех этих условий. Поэтому большинство социальных практик носит там законный характер, действия же, связанные с умышленным нарушением законов, такие, как хищения, убийства, терроризм, и пр., как правило, осознаются самими акторами как криминальные.

В трансформирующихся обществах складывается иная ситуация. Прежде всего, система общественных институтов, служащая объектом преобразований, по определению не может отвечать требованиям полноты, системности и непротиворечивости. Больше того, некоторые ее нормы заведомо невыполнимы и служат лишь декларацией намерений. Ярким примером этого служит пункт Трудового кодекса РФ 2002 года о том, что уровень минимальной зарплаты работников не может быть ниже прожиточного минимума, в то время как в действительности он в два с лишним раза ниже последнего. Между тем установление правовых норм, которые в принципе не могут быть выполнены, подрывает саму идею обязательности выполнения законов.

Значительная часть новых правовых норм, рассчитанных на радикальную либерализацию общества, не соответствует приоритетам и ожиданиям россиян. Это относится, например, к подготавливаемым и частично принятым законам о страховой медицине, накопительном пенсионном обеспечении, преимущественно платном высшем образовании, полной оплате потребителями услуг жилищно-коммунального хозяйства и др. Не вызывает сомнения тот факт, что попытки практической реализации этих законов встретят сопротивление населения.

Между тем контроль выполнения законов и норм поставлен из рук вон плохо. Большинство выполняющих контрольные функции органов власти глубоко коррумпировано. Результаты же действительно серьезных проверок (выполняемых, в частности, Счетной палатой ГД РФ) даже в случае сообщения о них через СМИ не привлекают внимания правоохранительных органов и ложатся на полку без всяких последствий.

Наконец, весьма невысок уровень правовой грамотности россиян: подавляющее большинство из них слабо осведомлены о правовых нормах, призванных регулировать их поведение. Так, основных положений Трудового кодекса практически не знает значительная часть работников и мелких работодателей. Большинство граждан узнают о действующих законах и своих правах не из формальных документов или специальных брошюр, а из собственного опыта, случайно пойманных сообщений СМИ, общения с друзьями, коллегами и соседями, а также от работников правоохранительных органов. Широко распространено мнение о том, что "закон — сам по себе, а жизнь — сама по себе", или "люди, придумывающие законы, просто не знают реальной жизни, поэтому выполнять эти законы не обязательно".

Такая ситуация резко снижает управляемость трансформационных процессов. Во многих сферах общественной жизни возникают массовые практики, противоречащие нормам закона. Расширяясь и закрепляясь в массовом опыте, они постепенно становятся частью новых общественных институтов, обусловливая их "мутацию" и перерождение по сравнению с внедряемыми зарубежными образцами[1]. В политической сфере такие тенденции проявляются в распространении неправовых технологий выборов, силовой монополизации СМИ государством, непрозрачности для общества действий правящей элиты, беспринципном манипулировании общественным мнением. В экономике — в становлении институтов "крыши", "отката" и пр., приватизации сферы организованного насилия, возникновении устойчивых механизмов обмена властных полномочий на деньги, а денег — на требуемые решения властей. В юридической сфере имеют место односторонняя зависимость правосудия от исполнительной власти, практика избирательного применения закона, практическая ненаказуемость крупной преступности, а в целом — глубокое падение авторитета закона[2]. Постоянное воспроизведение названных феноменов сви-

[1] *Капелюшников Р.И.* Институциональная природа переходных экономик: российский опыт // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 89—97.

[2] См., напр.: *Волков В.В.* От преступных группировок — к региональным бизнес-группам // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С.108—120; *Он же.* Силовое предпринимательство в современной России // Социологические исследования. 1999. №1. С. 56—65; *Делягин М., Шахрай С.* Коррупция в системе государственного управления России: значение, причины и механизмы искоренения // Стратегия для России: Повестка дня для Президента-2000. М.: Вагриус, 2000. С. 163—204; *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 3—17; *Лунеев В.В.* Криминальность политической и правящей элиты // Преступность XX века.

детельствует об их системном характере и дает основания полагать, что в их основе лежат особые механизмы, изучение которых имеет практическое и теоретическое значение.

10.2. Сущность, стимулы и ограничения трансформационной активности

Сущность трансформационной активности. Трансформационная активность служит более или менее продуманной реакцией социальных субъектов на изменение условий игры, нередко — результатом рационального взвешивания и выбора одной из возможных стратегий. Иррациональные (аффективно-эмоциональные или подражательные) реакции на реформы и их последствия, конечно, тоже имеют место, но их влияние на преобразование институциональной системы общества носит опосредованный характер и является значимым только в тех случаях, когда они приобретают массовый характер.

Конкретные типы трансформационной активности различаются целеполаганием и мотивацией акторов. С этой точки зрения, можно выделить, с одной стороны, активность, сознательно направленную на изменение тех или иных общественных практик в интересах соответствующих индивидов и групп, а с другой — более узкие и прагматические действия, возможные институциональные последствия которых обычно не осознаются и не планируются акторами. Примером своеобразной "минусовой" трансформационной активности может служить отказ социальных субъектов от защиты своих законных интересов и прав, когда они безосновательно ущемляются[1].

Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1997. С. 330—354; *Латов Ю.В.* Право силы вместо силы права, или экономика рэкета // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001. С. 492—545; *Радаев В.В.* Легализация российского бизнеса как институциональная проблема // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 95—108; *Скобликов П.А.* Взыскание долгов и криминал. М., 1999; *Скобликов П.А.* О мерах по предупреждению функционирования в России "теневой" юстиции // Государство и право. 2002. № 2. С. 50—59 и др.

[1] *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Проблема институционализации неправовых практик в сфере труда // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 137—147; *Шабанова М.А.* "Неправовая свобода" и самозащитное поведение населения // Регион: экономика и социология. 2000. № 1. С. 114—129 и др.

Трансформационная активность социальных акторов амбивалентна по отношению к социальному прогрессу (направления которого к тому же не всегда очевидны), равно как и к морали, и к праву. Она охватывает любые виды трансформационной деятельности и поведения, включая те, которые с общественной точки зрения носят вредный или деструктивный характер. В целом *трансформационную активность* можно определить как совокупность таких социально-инновативных действий, которые, будучи относительно рациональным ответом акторов на вызываемое реформами изменение условий жизнедеятельности, существенно меняют базовые социальные практики.

Ограничения трансформационной активности. Трансформационная активность социальных акторов — индивидов, организаций и групп — мотивируется преимущественно их собственными (личными, семейными, корпоративными, локальными и др.) интересами. Следуя этим интересам, они одновременно вносят еле заметные изменения в общественное устройство, которые, умножаясь на численность акторов и продлеваясь на долгие годы, могут в конце концов привести к изменению социетальных характеристик и даже типа общества.

Однако поведение социальных акторов, независимо от их типов и статусов, реализуется в рамках достаточно жестких структурных ограничений, роль которых в трансформации общественных практик не меньше, чем инициативных действий свободных акторов. Если понимать социальные практики как устойчивые системы ролевого поведения индивидов, организаций и групп, то можно зафиксировать как минимум три определяющих или ограничивающих это поведение фактора.

Первый — это сложившаяся институциональная система, задающая правила игры в каждой сфере. Конечно, социальный субъект может действовать и вопреки законам, административным и культурным нормам, но даже в кардинально меняющихся нестабильных обществах такое поведение может встречать сопротивление окружающих и, в конечном счете, наказываться.

Вторым фактором, ограничивающим свободу трансформационной активности граждан, является социальная структура общества. Место в этой структуре во многом определяет ресурсные возможности акторов, а значит, и доступные им типы активности.

Третий фактор — социальное качество самих акторов, определяемое демографическими и социокультурными характеристиками. Это молодость или старость, энергичность или

усталость, оптимизм или уныние, высокий профессионализм или отсутствие профессии, правопослушность или беззаботное отношение к закону и многое другое. Эти качества оказывают влияние на трансформационную активность как индивидов, так и общества в целом.

Разные концепции делают основной акцент либо на зависимости трансформационных процессов от деятельности социальных акторов, более или менее свободно выбирающих стратегии своего поведения, либо на влиянии структурных факторов, ограничивающих индивидуальный выбор поведения и тем самым направляюших трансформацию общества в определено заданное русло.

Поскольку каждый из этих подходов содержит некоторое рациональное зерно, в последнее время многие социологи пытаются их комбинировать, используя структурно-деятельностный подход к изучаемым процессам. В развиваемой мною концепции акцентируется, в первую очередь, *деятельностный* фактор социальных преобразований, структурные же факторы рассматриваются как, с одной стороны, ограничения, а с другой — результаты трансформационной активности субъектов. Поэтому ее можно отнести к деятельностно-структурному направлению[1].

10.3. Формы трансформационной активности: деятельность и поведение

Человеческая активность проявляется в разных формах, главные из которых — действия, поступки, деятельность и поведение. Одноразовые *действия* и *поступки* обычно выступают в качестве элементов более сложных и длительных форм активности — деятельности и поведения.

Деятельность — одно из фундаментальных понятий науки о человеке. Наиболее употребительным является определение деятельности как "специфической формы отношения человека к окружающему миру и самому себе, выражающейся в целесообразном изменении и преобразовании мира и человеческого сознания. Деятельность — это процесс, включающий цель, средства и результат. Ее типы и формы различаются по субъекту, объекту, функциям и целям"[1]. Деятельность отвечает на вопрос, что и какими средствами делается (производится, модернизируется, разрушается).

Другая форма социальной активности — *поведение* — непосредственно направлена не на преобразование окружающего мира, а на поддержание жизненно значимых связей субъектов с внешней средой, приспособление к ее особенностям и требованиям, в том числе — на организацию эффективного взаимодействия с другими субъектами.

Поведение отличается от суммы разрозненных поступков и действий наличием определенной последовательности, линии или стратегии, направленной на достижение соответствующего эффекта. Поведенческие стратегии реализуются через устойчивые системы действий, чаще всего имеющие целью либо налаживание и поддержание нормального взаимодействия субъектов со своим социальным окружением и другими элементами среды, либо укрепление и повышение статуса субъектов в межличностных отношениях. Характеристики поведения чаще всего отвечают на вопросы, как, почему, какими путями, на базе каких отношений осуществляется то или иное действие.

Не всякое человеческое поведение социально. Специалисты утверждают, что поведение приобретает социальный смысл, только когда оно "... непосредственно или опосредствованно включено в обшение с другими людьми, находится в связи с их действиями, поступками, их последовательностью, или же когда оно направлено на определенные социальные объекты, например, социальные институты, организации, обшности. При этом речь может идти лишь об осмысленном поведении, о реализации в действиях и поступках таких связей и взаимоотношений, в которых субъект поведения участвует как разумное существо, относящееся к своим действиям достаточно осознанно"[2].

Основные различия между деятельностью и поведением состоят в следуюшем:

1) Деятельность всегда носит *целенаправленный* характер, причем ее цель осознается субъектом. Поведение же может

[1] Этапы становления и подробное обоснование этой концепции представлены в книге: *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.

[1] Деятельность // Российская социологическая энциклопедия. М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. С. 119.

[2] Российская социологическая энциклопедия. М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. С. 382—386.

быть как целевым и осознанным, так и аффективным, *иррациональным.* Оно может вести не к улучшению, а к ухудшению отношений субъекта с окружающей средой. Причем мотивы поведения могут оставаться латентными и не всегда осознаваться субъектом.

2) Деятельность является *продуктивной*, т.е. сопровождается видимым результатом (вспаханным полем, написанной книгой, обученными студентами, показанным спектаклем), в то время как многие типы поведения не ведут к таким результатам.

3) Деятельность всегда носит *общественный характер*: она опирается на результаты предшествующей деятельности одних людей, осуществляется совместно с другими и создает предпосылки для последующей деятельности третьих. Поведение более индивидуализировано, оно зависит от условий социализации и личностных особенностей каждого человека, что, впрочем, не исключает и не снижает важности коллективных форм поведения.

Трансформационное поведение — один из важных видов социального поведения. Максимально широко его можно определить как совокупность поступков и действий, отражающих личностные позиции и реакции индивидов на вызываемые реформами сдвиги в институциональной среде (прежде всего в базовых институтах и практиках), а также на изменение их собственных статусов, прав и возможностей. В более узком смысле к этой категории относятся лишь те способы поведения, которые отклоняются от сложившихся институциональных традиций. Дело в том, что конкретное поведение людей, как правило, содержит две составляющие: консервативную, следующую сложившимся традициям и служащую воспроизводству прежних институтов, и инновационную, ставящую под сомнение или отрицающую эти институты. Трансформация общества связана, главным образом, с поведением второго типа. Трансформационное поведение, как правило, концентрируется в экономической, политической и социальной сферах.

В этом более узком смысле трансформационным можно назвать инновативное экономическое и политическое поведение, являющееся рациональным ответом социальных субъектов на обусловленное институциональными реформами изменение условий жизнедеятельности и оказывающее обратное влияние на трансформацию общества. Главная функция этого поведения состоит в систематическом, хотя и малозаметном, изменении ключевых социальных практик.

Представляя разные типы активности, деятельность и поведение вместе с тем тесно связаны. В трансформационной активности социальных субъектов эти формы тесно переплетаются. Не случайно *социальное поведение* иногда определяется как "*внешнее проявление деятельности*, в котором выявляется конкретная позиция человека, его установка"[1]. Содержание, способы и качество деятельности очень часто служат характеристиками поведения субъектов. Поэтому социология изучает не конкретное содержание деятельности людей, а прежде всего ее поведенческие аспекты.

Трансформационное поведение трудно отделимо от трансформационной деятельности. Например, реформаторская деятельность элит выражается в разработке и легитимации новых законов, организации их внедрения в практику. Но конкретные направления и эффективность этой *деятельности* в огромной мере зависят от *поведения* реформаторов, в частности, от того, руководствуются ли они общественными или собственными интересами; поддаются ли на всякого рода соблазны, угрозы, шантаж, расхищают ли доверенные им государственные средства и пр. Что касается предпринимателей, то их деятельность и поведение вообще нельзя понять друг без друга. Очевидно, к примеру, что инвестиционное поведение представляет определенную сторону инвестиционной деятельности. То же самое можно сказать и об активности бизнесменов на рынках ценных бумаг или в сфере внешней торговли. Но в аналитическом плане разделять эти понятия полезно хотя бы потому, что многие виды трансформационного поведения непосредственно с деятельностью не связаны.

Чтобы проследить механизм превращения индивидуальных действий акторов в массовые социальные процессы, рассмотрим содержание и взаимодействие разных типов трансформационной активности. Схема (см. рис. 10.1) конкретизирует *деятельностный блок* исходной схемы социального механизма (рис. 9.1). Центральное место на ней занимают четыре типа трансформационной активности: реформаторский, политико-управленческий, социально-инновационный и реактивно-адаптационный. Эти типы существенно различаются своим содержанием и функциями в трансформационном процессе, но при этом достаточно тесно связаны, что позволяет рассматривать

[1] Российская социологическая энциклопедия. С. 384.

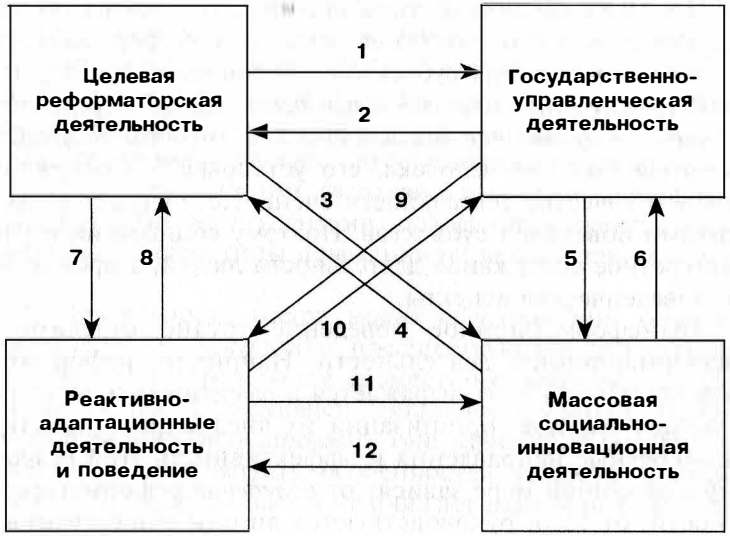

Рис. 10.1. Взаимодействие основных типов трансформационной активности

трансформационную активность общества как целостный феномен. В этой главе рассматриваются содержание и связи тех типов этой активности, социальная значимость которых связана, в первую очередь, с их деятельностным компонентом.

Напомню, что факторами и ограничителями интересующих нас типов активности служат трансформационная структура общества и система базовых институтов, а ее основным результатом является изменение социальных практик. Чтобы охарактеризовать механизм трансформационной активности россиян, необходимо раскрыть, во-первых, *нормативное,* или функциональное содержание основных видов соответствующей *деятельности* и, во-вторых, особенности их содержания в России, определяемые спецификой *поведения* акторов. В этой главе основное внимание уделяется нормативному аспекту проблемы, поэтому описание соответствующих типов трансформационной активности может выглядеть слишком обобщенно и сухо. Чтобы читатель имел возможность конкретизировать сообщаемые ниже сведения применительно к современной России, отсылаю его к постраничным примечаниям и литературным источникам, указанным в конце главы.

10.4. Реформаторская деятельность[1]

Отличительные черты этого вида деятельности — осознанная направленность на комплексное преобразование базовых институтов общества, крупномасштабность и ответственность. Главная ее цель, а значит, и функция состоит в формировании новой системы правил игры, способной направить активность общества в более эффективное русло. При либеральном направлении реформ это достигается расширением институциональных рамок конструктивной деятельности организаций и граждан с одновременным ужесточением ограничений и санкций в отношении деструктивных действий. Решающим условием успеха служит способность реформаторов, во-первых, руководствоваться общественными, а не своими частными интересами и, во-вторых, отличать конструктивные направления социальной деятельности от деструктивных.

Начальный этап реформаторской деятельности носит чисто интеллектуальный характер: это анализ сложившейся ситуации, обоснование целей реформ и разработка стратегии их достижения. На этом этапе определяется, ради чего будут проводиться реформы, к каким результатам они могут и должны привести, с какими рисками связано их проведение и на какие социальные силы они будут опираться.

Затем разрабатывается общий проект реформ с выделением принципиальных этапов. Причем, если 10 лет назад серьезно обсуждался вопрос, можно ли перестроить общественную систему за 500 дней, то современные политики понимают, что речь идет о многих годах. Тем не менее при отсутствии общей стратегии с ясным обоснованием целей и средств о системных реформах не приходится говорить. Нормотворческая деятельность правящих элит в этом случае носит беспорядочный и противоречивый характер и способна лишь лихорадить общество.

За обоснованием общей стратегии следуют разработка конкретных *проектов* преобразования *отдельных* институтов, их обсуждение в профессиональных аудиториях, проверка в пробных экспериментах в разных регионах и отраслях эконо-

[1] О конкретных реалиях реформаторской деятельности в России 1990-х годов см., напр.: *Афанасьев Ю.А.* Опасная Россия. М., 2001. С. 288—341; *Гайдар Е.Т.* Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996; Управление социально-экономическим развитием России. Концепции, цели, механизмы. М.: Экономика, 2002; *Здравомыслов А.Г.* Проблема социализации современной элиты — выработка нового курса // Социология российского кризиса. М.: Наука, 1999. С. 67—87.

мики. Субъектом этого этапа реформаторской деятельности обычно является группа (команда) профессиональных управленцев, имеющая достаточно стабильный состав, общие политические взгляды и ценности, а также пользующаяся поддержкой руководителей государства[1]. Чтобы успешно выполнять свои функции, члены такой команды должны обладать не только высоким профессионализмом, но и ответственностью, способностью к принятию и последовательному выполнению коллективных решений. Важные предпосылки успеха — наличие авторитетного лидера, четкое разделение функций, организованность, взаимное доверие членов команды друг к другу и относительное постоянство ее состава. Что касается отношений реформаторов с обществом, то легитимность принимаемых ими решений в огромной мере зависит от их личной порядочности, уважения к закону и общественному мнению. В реальной жизни этот идеальный тип реформаторов не встречается, но он может служить эталоном для оценки деятельности конкретных команд в данной стране и в данное время.

За утверждением общей стратегии преобразования базовых институтов следует формально-правовое оформление новых правил игры (собственно реформы). Это подготовка законодательных актов, их легитимация представительной властью, привязка к условиям конкретных республик, регионов и отраслей экономики. Состав реформаторской команды на этом этапе значительно расширяется за счет представителей депутатского корпуса, верхушки бюрократии, экспертов и пр.

Последний и решающий этап реформаторской деятельности — внедрение новых правовых норм в социальную практику, т.е. процесс действительного преобразования институтов. В тех случаях, когда предлагаемые реформы затрагивают глубинные слои общественной жизни, этот этап может длиться годами и даже десятилетиями, к тому же со слабопредсказуемым результатом[2]. Ведь если новые правила игры оказываются недостаточно продуманными, неполными или если они противоречат интересам тех, кому предлагается по ним играть, то, скорее всего, они будут игнорироваться или извращаться[3].

[1] В принципе примерами таких команд могли служить правительства Е.Т. Гайдара и С.В. Кириенко.

[2] Так, практическая реализация великих реформ Александра II заняла более двух десятилетий, столыпинские реформы осуществлялись около 10 лет и, вопреки замыслам своего автора, стали одной из причин революций 1917 г.

[3] Для обозначения такой ситуации А.М. Никулин, изучающий реформирование аграрно-промышленного комплекса России, предложил достаточно выразительный термин — "социальное оборотничество" (от слова *оборотень*).

Собственно реформаторская деятельность дополняется разными видами обеспечивающей активности. Главные из них: идеологическое сопровождение реформ в целях расширения их социальной базы; переподготовка государственных служащих в Центре и на местах; экономический и социологический мониторинг хода и результатов реформ; защита социально ослабленных групп, не способных приспособиться к новым условиям, и др.

Большой интерес в этом отношении представляет опыт Людвига Эрхарда, успешно реализовавшего в послевоенной Германии программу перехода от принудительно направляемого хозяйства к рыночному. "Психологический поход", получивший в Германии название "душевного массажа", Эрхард рассматривал как необходимый метод экономической политики. По собственному признанию, иногда он "посвящал многие месяцы тому, чтобы добиться правильного понимания населением экономического положения и целей экономической политики"[1], постоянно разъяснял населению на конкретных жизненных примерах внутрѐнние законы рыночного хозяйства, будь то антикартельная политика или взаимосвязи между ростом цен и заработной платы или что-то еще ("...я буквально изъездил всю страну, чтобы разъяснить эти элементарные истины даже самым простодушным людям"). И, разумеется, он постоянно следил за реакцией населения на различные явления хозяйственной жизни, учитывая эту реакцию в своей политико-экономической деятельности.

Но одного только убеждения-разъяснения, разумеется, не достаточно: "Мало смысла обращаться к людям с призывами, если они склонны думать, что от них требуются жертвы лишь в угоду данному министру или правительству... Нужно апеллировать к представлению о выгоде и к личному интересу хозяйствующего человека"[2]. Одно дело, когда люди "знают, за что они терпят все эти невзгоды и лишения" и постепенно начинают ощущать на себе положительное воздействие выздоравливающей экономики. Другое дело, когда они не знают, ради чего страдают, когда отечественная экономика продолжает разрушаться и становиться все более примитивной, а ее воздействие на жизнь людей — все менее благоприятным. На этапе внедрения новых правил игры реформаторская активность элиты пра-

[1] *Эрхард Л.* Благосостояние для всех: Репринт. воспроизведение / Пер. с нем. М.: Дело, 2001. С. 254.

[2] Там же. С. 224.

ктически полностью сливается с управленческой деятельностью бюрократии.

Исторически большая часть российских реформ осуществлялась методом проб и ошибок. Им были свойственны как минимум две негативных черты. Во-первых, раскол правящих элит и ожесточенная борьба их группировок, разрушающая любые модернизационные программы. Во-вторых, раскол власти и общества, непонимание правящими кругами ни интересов народа, ни сильнейшей зависимости итогов реформ от его поведения. Отношения власти с обществом традиционно носили характер социального противостояния, а не взаимного уважения и партнерства. В результате реакция рядовых россиян на модернизационные реформы часто оказывалась не конструктивной. Обычно игра велась по принципу, кто из "партнеров" — государство или общество — силой или обманом принудит другого к выполнению своей воли[1]. Не выпали из этого ряда и реформы 1990-х годов, проводившиеся, по мнению многих историков, теми же "большевистскими" методами, вопреки интересам массовых групп населения. Результатом этого неудачного опыта стала последовавшая за реформами стихийная трансформация институциональной системы России в крайне нежелательном направлении.

10.5. Государственно-управленческая деятельность[2]

Основная функция этой деятельности в трансформационном процессе состоит в обеспечении столь необходимой в период реформ политической и экономической стабильности, а также возможно более эффективного функционирования новых и старых институтов. Обладание политической властью, как и тесное с ней сотрудничество, обеспечивает бюрократии возможность распоряжения государственными ресурсами, шедрое финансирование из бюджета и внебюджетных фондов, гарантированную поддержку государственных силовых структур и многие другие блага. В содержании государственно-управленческой деятельности можно выделить четыре основных направления:

1) *Политическое*, связанное прежде всего с борьбой за удержание, укрепление и легитимизацию статуса находящегося у власти клана (семейства партии). Сюда можно отнести: организацию электоральных кампаний, создание и поддержку очередных "партий власти", контроль парламентских фракций, формирование популярного имиджа политических лидеров, дискредитацию оппозиции и пр.

2) *Инфраструктурное*: выстраивание исполнительной вертикали, подбор и расстановка управленческих кадров, контроль исполнения принятых решений, борьба с экономической и уголовной преступностью.

3) *Экономическое,* которое включает: управление государственным сектором экономики, регулирование условий деятельности частных предприятий и фирм, контроль основных материально-финансовых потоков, распределение бюджетных средств, а также государственных заказов, лицензий и льгот.

4) *Социальное*, реализующее связь власти с обществом: отслеживание и анализ внутренней ситуации, оценка остроты общественных проблем и конфликтов, принятие мер к их разрешению, организация защиты социально слабых групп общества.

Чтобы выполнять эти функции, государственные служащие должны обладать высокой квалификацией, знать социальные реалии России и регионов, уважать законы, отделять служебные обязанности от личных интересов, иметь определенную устойчивость по отношению к коррупции, т.е. обладать теми чертами, которые свойственны *рациональной* бюрократии западного типа, но не характерны для бюрократии *сословной*, веками господствовавшей в нашей стране. В этом состоит одна из главных проблем современных российских реформ. Преобладание бюрократии сословного типа негативно сказывается на качестве управления государством, где элементы национальной стратегии теряются в кучах сиюминутных проблем. Корыстной бюрократии, ставшей привилегированным сословием, выгодна ситуация если не совсем смутного, то хотя бы смутноватого времени. Дело в том, что непрозрачность управленческой деятельности позволяет чиновникам использовать властные позиции для реализации

[1] Об историческом опыте взаимодействия российской власти с обществом в период реформ см.: Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. (Статьи *В.В. Шелохаева, А.В. Гордона, С.Ю. Тютюкина, А.П. Корелина, В.Т. Логинова* и др.)

[2] Подробнее см., напр.: Управление социально-экономическим развитием России. Концепции, цели, механизмы. М.: Экономика, 2002. С. 299—321.

собственных интересов, например, через широко распространенное в России и фактически ненаказуемое "нецелевое расходование бюджетных средств"[1].

10.6. Взаимодействие реформаторской и управленческой деятельности

Принципиальная ориентация политической элиты на институциональные реформы ничуть не снижает актуальности текущего государственного управления обществом. На самом верху эти виды деятельности приходится совмещать в значительной мере одним и тем же людям. Между тем их соотношение конфликтно. Действительно, важной предпосылкой, если не обязательным условием, успеха реформ служит относительная стабильность общества, обеспечиваемая решением повседневных проблем. Однако любые серьезные реформы неизбежно расшатывают стабильность общества и осложняют текущее управление. Тем более что новые правила игры часто не соответствуют конкретным условиям, возможностям и интересам их исполнителей на местах и потому воспринимаются там как нелепость. Не случайно региональные и городские чиновники обычно оказывают сопротивление реформам, откладывая в долгий ящик их проведение в жизнь или намеренно искажая их смысл.

Объективное и трудно преодолимое противоречие между необходимостью реформирования институтов и потребностью в социальной стабильности усугубляется, когда объектом изменения становятся сами *основы* социальной системы, в рамках которой действуют и реформаторы, и управленцы. Как свидетельствует исторический опыт, серьезные преобразования общественных институтов сталкиваются с сопротивлением не только среднего звена бюрократии, но и части самого

[1] Неисчерпаемый материал по этой проблеме содержится в серии трудов симпозиума МВШСЭН "Куда идет Россия?..". См., в частности: *Озерная М.* Российская бюрократия как перпетуум-мобиле реформ // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 358—364; *Поляков Л.В.* Российский авторитарный синдром: анамнез и эпикриз // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 173—182; *Гаман-Голутвина О.В.* Бюрократия или олигархия? // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 162—173. *Романов А.К.* Судебная реформа в России: ее акторы и их проблемы // Куда идет Россия?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней трансформационного процесса. М.: МВШСЭН, 2002. С. 148—157, а также многие другие статьи.

правящего класса, раскалывающегося на сторонников и противников реформ. Связанное с этим разрушение общенационального нормативно-ценностного пространства способно отбросить общество на десятилетия назад. Однако если реформы имеют успех, то временное усложнение текущего управления в дальнейшем компенсируется облегчением деятельности бюрократического аппарата в связи с укреплением и легитимизацией государственной власти.

На схеме (рис. 10.1) влияние реформаторской деятельности политиков на текущее управление страной представлено связью 1, связь же 2 отражает обратную зависимость реформаторов от чиновников, в первую очередь, от их сопротивления реформам и саботажа.

10.7. Массовая социально-инновационная деятельность

Новые правила игры, устанавливаемые в ходе реформ, *стимулируют* преобразование социальных практик, но сами по себе их не меняют. Действительное изменение практик является результатом социально-инновационной деятельности групп, занятых непосредственным производством материальных, социальных или культурных благ. Частично воплощая в жизнь, корректируя, улучшая, а частично отвергая замыслы реформаторов, эти группы вносят в трансформационный процесс творческий стохастический элемент. Спектр индивидуальных и коллективных "поисковых" стратегий социально-инновационной активности очень широк и многообразен. Поэтому сила и конструктивность деятельностного отклика общества на изменение правил игры, соответствие этого отклика ожиданиям реформаторов служит важнейшим индикатором успеха или провала реформ[1].

Инновационная активность мелких и средних предпринимателей, специалистов, служащих, рабочих, крестьян способствует преобразованию "социальной ткани" общества через два главных механизма. Первый из них — это создание и налаживание работы *новых типов социальных организаций* в разных сферах жизнедеятельности общества. Это могут быть частные фирмы, учебные заведения, банки, биржи, консорци-

[1] Значительный интерес в этом контексте представляет работа: *Косалс Л.Я.* Социальный механизм инновационных процессов. Новосибирск: Наука, 1989.

умы, корпорации, кооперативы, органы самоуправления, партии, общественные движения и пр. Однажды возникнув, они развертывают новые типы социальной деятельности, строят новые типы отношений.

Другой механизм связан с формированием *новых практик* в рамках *традиционных* организаций и институтов. Главным направлением такой деятельности служит создание и использование новых наукоемких технологий и формирование на этой основе национальной инновационной системы[1]. Другими примерами могут служить распространение самостоятельного обеспечения семей продуктами питания за счет садовых и приусадебных участков, теневые выплаты части заработной платы официально оформленным работникам, деформализация многих видов экономических отношений и др.[2] Хотя поисковая социальная деятельность массовых акторов сама по себе не носит реформаторского характера, она нередко существенно изменяет действующие правила игры и служит одной из движущих сил действительного преобразования институтов.

Можно назвать четыре сферы преимущественной реализации социально-инновационной деятельности. Первой служит *хозяйственное предпринимательство*, прежде всего в частном, но также и в государственном секторе экономики. Дело в том, что в современных условиях директора и менеджеры государственных предприятий вынуждены решать множество нетрадиционных задач, принимать нестандартные решения, искать новые формы экономических отношений с государством, смежниками и собственными работниками. Тем самым они участвуют в формировании новых социально-экономических практик[3].

Второе направление социально-инновационной активности — это преобразование институтов *социальной сферы*: труда и занятости, социальной защиты, здравоохранения,

[1] Новая экономика — шанс для России / *Кузьминов Я.И., Яковлев А.А., Гохберг Л.М.* [и др.]: Препринт. М.: ГУ ВШЭ, 2003; *Васин В.А., Миндели Л.Э.* Национальная инновационная система: предпосылки и механизмы функционирования. М.: Центр исследований и статистики науки, 2002.

[2] *Радаев В.В.* Новый институциональный подход и деформализация правил российской экономики. Препринт. М.: ГУ ВШЭ, 2002; *Он же.* Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998.

[3] Эта проблема достаточно полно освещена в работе: *Латов Ю.В., Черемисина Т.П.* Откуда пошел российский бизнес или как возникла "экономика физических лиц" // Экономические субъекты постсоветской России (Институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001. С. 294—341.

образования, науки, культуры[1]. Одним из примеров подобной деятельности служит инновационное движение в сфере образования, направленное на расширение типов учебных заведений и видов образования, обновление форм и методов обучения, в частности, внедрение дистанционного обучения через Интернет и т.п.

Третьей сферой рассматриваемой деятельности служит апробация *новых форм самоуправления и самоорганизации граждан*, формирование структур гражданского общества. Речь идет о профессиональных ассоциациях, политических партиях, общественных движениях, церковных общинах, частных и общественных фондах, органах местного самоуправления, а также сетевых структурах, объединяющих эти организации[2]. Со знаком "минус" к этому списку нужно прибавить вновь создаваемые теневые и криминальные структуры: религиозные секты, отряды боевиков, банды террористов, организованные преступные группы.

Наконец, четвертая сфера — *обновление идеологии и культуры*. Сюда можно отнести создание и деятельность независимых средств массовой информации, организацию дискуссионных клубов по важным проблемам, формирование компетентного общественного мнения, пропаганду конструктивных социальных ценностей и др. Не меньшее значение имеет деятельность, направленная на нравственное воспитание и поддержание духовной культуры граждан. Однако к этой же сфере относятся и такие "новации", как дезинформация общества по поводу происходящих событий, манипулирование общественным мнением, заполнение эфирного времени образцами низкопробной массовой культуры и т.п.

В этой связи надо еще раз подчеркнуть, что большая часть социальных новшеств не имеет имманентно позитивного или негативного знака. Часть из них представляется скорее прогрессивной, другая часть — деструктивной, а третья — полезной в одних отношениях, но вредной в других. Одним из

[1] См.: Социальная политика в постсоциалистическом обществе. Задачи, противоречия, механизмы. М.: Наука, 2001. (Гл. 7—10 посвящены проблемам реформирования системы образования, здравоохранения, социальной поддержки населения, жилищного сектора). С. 322—469.

[2] См., напр.: Гражданское общество // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4; Власть и гражданское общество в современной России: перспективы взаимодействия // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12. С. 75—78; Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития. М.: ООО "Северо-Принт", 2001; *Бодрова О.* Министра обороны — к матерям. Новая газета. № 11. 13—16 февраля. 2003. С. 6 [О комитетах солдатских матерей] и др.

примеров такой противоречивости может служить развитие теневого сектора экономики, который лишает государства большей части налогов, но, по оценкам экспертов, дает более половины ВВП России. Другой пример — развитие гигантских промышленно-финансовых корпораций, которые успешно отстаивают национальные интересы на мировых рынках, но одновременно монополизируют внутренний рынок со всеми вытекающими негативными последствиями. Третий пример — развитие частной медицины, обеспечивающей лучшее качество услуг, но не доступной большинству россиян. Оценка социальных новшеств по черно-белой шкале осложняется и тем, что полный спектр их последствий выявляется лишь по прошествии времени, причем и тогда их оценка во многом зависит от субъективных факторов. А главное — содержание трансформационного процесса определяется *всей* совокупностью сдвигов в базовых институтах общества, независимо от их плюсов и минусов.

Структура социально-инновационной деятельности в России в настоящее время диспропорциональна. Относительно сильнее развито предпринимательство, основательно обновлены институты информационной сферы. Намного меньше конструктивных новаций наблюдается в социальной сфере. Еще слабее развито гражданское общество и почти не видно крупных идейных новаций. Внутри хозяйственной сферы большинство новаций приходится на финансово-коммерческую сферу, занятую перераспределением доходов, в то время как сфера производства лишь начинает выходить из стагнации.

Уровень развития мелкого и среднего предпринимательства в России ниже, чем в странах Западной, Центральной и Восточной Европы. Так, в конце 1990-х годов на десять тысяч человек в Германии приходилось 370 малых предприятий, в Японии — 500, США — 740, Франции — 350, Польше — 420, Болгарии — 380, Венгрии — 460. В России же до кризиса 1998 года этот показатель составлял 56, а после кризиса опустился до 36[1]. Мелкое и среднее предпринимательство в России — зона высокого риска. Состав частных предпринимателей неустойчив, значительная часть их разоряется, и им на смену приходят другие. Социокультурные характеристики представителей российского бизнеса свидетельствуют о том, что у большинства из них отсутствуют долгосрочные стратегии, слабо

[1] *Смирнов С.А.* Малое предпринимательство: Общественная поддержка и содействие развитию. М.: ТОО "Контур", 1999. С. 14.

развито правовое сознание, ненадежна деловая мораль, низок уровень взаимного доверия партнеров[1].

Уровень легитимности инновационной деятельности в России заметно ниже, чем в европейских странах. Значительная часть предпринимательской активности направлена не на рост производства, а на личное обогащение. Определенную роль здесь играют как национальный характер и специфическая культура России, так и объективные условия реформ. К субъективным факторам можно отнести в целом невысокие трудовые и деловые качества россиян, сниженный уровень массовой морали, слабую действенность общественного мнения. Но главная причина недостаточного развития инновационной активности россиян — вялость и неэффективность реформаторской деятельности правящей элиты.

10.8. Взаимодействие разных типов трансформационной деятельности

Реформаторская, управленческая и массовая инновационная деятельность не просто дополняют друг друга, а интенсивно взаимодействуют, составляя части единого целого. Решения реформаторов точно претворяются в жизнь лишь в тех случаях, когда они учитывают положение и интересы массовых групп социальных акторов. Чем сильнее власть отдалена от народа, тем труднее ей добиваться адекватного воплощения своих замыслов и намерений в жизнь. В авторитарных обществах гражданам приходится подчиняться велениям власти, но их скрытое сопротивление нередко сводит эффективность ее действий к нулю.

С этой точки зрения наиболее важно соотношение четырех типов реакций массовых групп на реформаторскую деятельность властей:

1) *позитивный деятельностный отклик* на появление новых прав, свобод, стимулов и возможностей, сочетающийся с субъективным принятием устанавливаемых властью ограничений (пример — легальное мелкое предпринимательство);

2) *игнорирование* стимулируемых властью форм и направлений активности, продолжение традиционных практик (на-

[1] *Радаев В.В.* Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998.

пример, отказ новой российской буржуазии от инвестирования средств в реальную экономику, невозможность задействовать земельный рынок из-за отсутствия спроса на земельные участки и пр.);

3) *активное неприятие* внедряемых правил и норм, поиск и апробация способов их обхода, спонтанное формирование практик, не предусмотренных формальными правилами игры (пример — разнообразные методы уклонения от налогов);

4) *инициация* выгодных массовым группам *новых практик* путем использования неполноты или противоречивости законов, а также слабости институционального контроля. Конструктивная, легитимная часть таких практик становится творческим вкладом граждан в трансформационный процесс, а "теневая", полулегальная, неправовая обычно имеет отрицательный знак. Но в том и другом случае такие практики усиливают спонтанность трансформационных процессов.

Чтобы лучше разобраться в этом вопросе, уточним содержание связей между разными типами трансформационной активности, показанными на рис. 10.1. Стрелки 3 и 4 отражают связи между трансформационной активностью политического класса и деятельностью инновационно ориентированной части общества. Прямое воздействие реформаторских мер на социально-инновационную деятельность акторов среднего уровня (стрелка 3) выражается в изменении ее нормативных условий, возможностей и ограничений. Специфический тип той же связи — приспособление устанавливаемых властью правил игры к интересам конкретного бизнеса, обусловленное их сращиванием друг с другом. Обратное влияние массовой инновационной деятельности на действия реформаторов (стрелка 4) осуществляется через разные механизмы. Один из них — лоббистское давление соответствующих групп на органы власти, другой — информирование властных структур работниками СМИ, аналитиками, учеными о позитивных и негативных реакциях инновационных групп на изменение правил игры.

Следующие две стрелки фиксируют связи между текущей управленческой деятельностью властей и инновационной активностью массовых групп. Влияние решений региональных и местных органов власти на социально-инновационную деятельность организаций и индивидов (стрелка 5) реализуется несколькими путями. Таковы, например, правовой и финансовый контроль деятельности частных фирм, административный контроль учреждений социальной сферы и гражданского

общества, распределение бюджетных средств, льгот, лицензий и пр. Обратное влияние инициативных групп и отдельных новаторов на управленческие структуры общества (стрелка 6) хотя и слабее, но тоже достаточно ощутимо. Хотя бюрократия всегда была и остается главной социальной силой России, бизнес не без успеха влияет на нее в сторону принятие выгодных для него решений. В результате государственное управление и контроль нередко замещаются обменом властных полномочий бюрократии на экономические ресурсы бизнеса. Новаторы же, не располагающие достаточными экономическими и социальными ресурсами, в борьбе с бюрократией не имеют каких-либо перспектив.

Итак, мы охарактеризовали основные типы трансформационной *деятельности* с акцентом на их нормативное или *функциональное* содержание, которое, за небольшим исключением, характерно для большинства посткоммунистических стран. Что же касается российской специфики, то она проявляется прежде всего в *поведенческом* аспекте трансформационной активности, который анализируется в следующей главе.

Рекомендуемая литература

1. *Вельтер Ф., Обыденная Т., Чепуренко А.* Занятость, малый бизнес и рынки труда в России // Занятость,малый бизнес и рынки труда в России и в Молдавии. М.: РНИСиНП, 2000.

2. *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1993.

3. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М., 1998.

4. *Гурков И.Б.* Инновационное развитие и конкурентоспособность. Очерки развития российских предприятий. М.: ТЕИС, 2003.

5. *Заславская Т.И.* Инновационно-реформаторский потенциал России и проблемы гражданского общества // Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. С. 494—503.

6. *Здравомыслов А.Г.* Интересы, действия, препятствия // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней трансформационного процесса. М.: МВШСЭН, 2001. С. 98—107.

7. *Косалс Л.Я.* Социальный механизм инновационных процессов. Новосибирск: Наука, 1989.

8. *Лацис О.Р.* Монополия власти: борьба "за" и "против" на рубеже веков // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 279—283.

9. *Левада Ю.А.* Элита и "массы" в процессах трансформации // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней трансформационного процесса. М.: МВШСЭН, 2001. С. 279—283.

10. Социальная политика в постсоциалистическом обществе: Задачи, противоречия, механизмы. М.: Наука, 2001. С. 322—469.

11. Управление социально-экономическим развитием России. Концепции, цели, механихмы. М.: Экономика. 2002.

12. *Чирикова А.Е.* Рецентрализация и феномен губернаторской власти // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 51—54.

13. Экономические субъекты постсоветской России (Институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001. С. 294—341.

14. *Эрхард Л.* Благосостояние для всех: Репринтное воспроизведение / Пер. с нем. М.: Дело, 2001.

Глава одиннадцатая

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ: ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

11.1. Роль поведенческого фактора в трансформации посткоммунистических обществ

В предыдущей главе мы рассмотрели социальный механизм преобразования общественных институтов, связанный с трансформационной активностью общества. При этом внимание концентрировалось, прежде всего, на строении и принципах функционирования этого механизма, содержании его элементов и связей. Для большинства посткоммунистических обществ эти характеристики являются сходными, так что схема социального механизма трансформационного процесса (рис. 9.1) в принципе приложима к каждому из них. Универсальность этой схемы объясняется тем, что в ней акцентирован в первую очередь деятельностный аспект трансформационной активности, относительно безразличный к национальным различиям. И реформаторская, и управленческая, и социально-инновационная деятельность реализуется и определенным образом взаимодействует во всех посткоммунистических обществах. Однако возникает законный вопрос: если социальные механизмы трансформации этих обществ достаточно сходны, то почему результаты их функционирования оказались совершенно различными? Ведь речь идет не только о разных темпах движения, но и о принципиально разной направленности преобразований, формировании типологически разных обществ.

В первом приближении ситуацию, складывающуюся в рассматриваемой группе стран, можно охарактеризовать сле-

дующим образом. В наиболее развитых странах бывшей советской империи — Чехии, Венгрии, Польше, Словении и Словакии к власти пришли контрэлиты, ранее составлявшие внутреннюю оппозицию коммунистам. Поддержка со стороны большинства населения позволила им провести достаточно глубокие реформы и существенно продвинуться в сторону либерализации и демократизации общественных отношений. Правда, они, как и остальные страны, натолкнулись на серьезные социально-экономические трудности: сокращение объемов производства в начале 90-х годов на 20—25%, повышение потребительских цен в 1991—1997 годах (от 3 раз в Польше до 14 раз в Словении), рост социального недовольства населения и прочее. Так что сейчас большинство ученых в этих странах относятся к проведенным реформам критически. Однако по сравнению с другими посткоммунистическими странами их результаты можно назвать блестящими.

В России, Украине, Болгарии, Румынии, Молдове и некоторых других странах власть перешла к реформаторскому крылу прежней партийно-комсомольской номенклатуры. Поскольку консервативная часть номенклатуры здесь также сохранила сильные позиции, реформы натолкнулись на мощное сопротивление, не получили ожидавшейся поддержки общества и в итоге не были завершены. Правящие слои общества переключились на раздел власти и собственности. Однако массовая инновационная деятельность, инициированная первым циклом реформ, не затухла и по инерции продолжалась. Результатом стал спонтанный, слабо управляемый трансформационный процесс, направление и результаты которого определяются борьбой разнонаправленных социально-политических сил. Такая траектория развития привела к падению производства в 2—2,5 раза и росту потребительских цен во многие тысячи раз (в 1997 г в России они превышали уровень в 1990 года в 6,3 тысячи раз, в Казахстане — в 52 тыс. раз, а в Украине — в 119 тыс. раз). По общему признанию, негативные результаты здесь перевесили выигрыш от реформ.

В ряде других стран СНГ политические, административные и силовые элиты вообще не были заинтересованы в либерализации и демократизации общественных отношений. Они стремились лишь овладеть государственной собственностью и укрепить собственное положение путем авторитаризации власти. По этому пути пошли не только Туркмения и

Азербайджан, по сути превратившиеся в полуфеодальные монархии, но и другие страны Средней Азии[1].

Особое место занимает Белоруссия, правящие круги которой стремятся по возможности сохранить основы советской системы. В результате власть приобретает авторитарный характер, страна изолируется от мирового сообщества, а ее экономика топчется на месте. Описанные различия носят принципиальный характер. Чем же они объясняются, если исходное состояние базовых институтов и социальные механизмы их трансформации были сходными?

11.2. Поведенческий аспект трансформационной активности

Прежде всего, отметим, что социальные институты рассматриваемых стран — от советско-феодальных республик Средний Азии до советско-либеральных стран Прибалтики и Центральной Европы — были хотя и однотипными, но далеко не идентичными, так как их граждане были воспитаны в духе совершенно разных национальных культур.

Что касается социальных механизмов трансформации, то общими для них были лишь строение и принципы функционирования. Конкретное же содержание их элементов и связей, а соответственно и результаты трансформационных процессов, в каждой стране имели свою специфику. Погруженность общественных институтов в национальную культуру обусловливает их способность сопротивляться реформам, содействуя воспроизводству привычных образцов поведения массовых акторов. Национальные нормы и ценности меняются медленно, причем наибольшей инерционностью обладают те из них, которые включены в структуру базовых социальных институтов. Чем теснее тот или иной институт связан с сущностными характеристиками общества, чем он ближе к его социальному генотипу, тем устойчивее модели регулируемого им поведения. Чтобы понять специфику механизма социальных преобразований в той или иной стране (включая Россию), необходимо исследо-

[1] См.: *Богомолов О.Т.* Реформы в зеркале международных сравнений. М.: Экономика, 1998; Проблемы социальной политики в странах СНГ / Под ред. К.И. Микульского. М.: Отделение экономики РАН, 2001; Социокультурные трансформации второй половины XX века в странах Центральной и Восточной Европы / Отв. ред. Н.В. Коровицина. М.: Институт славяноведения, РАН, 2002.

вать не столько деятельностный, сколько поведенческий аспект трансформационной активности ее граждан.

Исследование социального поведения — одно из наиболее развитых направлений современной российской социологии. И это естественно: ведь без изучения массовых образцов поведения и формируемых ими общественных практик нельзя проникнуть в суть происходящих процессов, понять их социальные механизмы. От особенностей поведения зависит качество социальной активности граждан, которое в решающей мере определяет результаты трансформации общества.

Анализ социального поведения предполагает, с одной стороны, изучение культурных характеристик — ценностей, потребностей, интересов, мотиваций и стратегий акторов, а с другой — системы внешних ограничений, навязывающих им определенные способы поведения, независимо от их выбора.

Исследования социального поведения ведутся применительно к определенным сферам общества и их сегментам, к конкретным социальным слоям и группам или к специфическим социальным проблемам. К первому направлению относятся исследования поведения в крупных сферах общества — экономике, политике, праве, культуре[1], а на более конкретном уровне — исследования трудового, предпринимательского, потребительского, инвестиционного, сберегательного, образовательного, электорального и иных видов поведения[2].

Второе направление представлено комплексными исследования социального поведения отдельных социальных групп:

[1] См., напр.: *Заславская Т.И.* Экономическое развитие и экономическое поведение // ЭКО. 1980. № 3. С. 15—33; *Фальцман В.К.* Экономическое поведение. Ч. 1 и 2. М.: Дело, 1996; Российская повседневность и политическая культура / Под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСЭПН, 1996; *Пашин С.А.* Человек в российском правовом пространстве // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней трансформационного процесса / Под ред. Т.И. Заславской. М : МВШСЭН, 2001. С. 157—167 и др.

[2] См., напр.: *Волков В.В.* Силовое предпринимательство в современной России // Социологические исследования 1999. № 1. С. 56—65; *Радаев В.* Деформализация правил игры и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики. 2001. № 6. С. 60—79; *Темницкий А.Л.* Рыночные стратегии трудового поведения наемных работников // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А.Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 417—429; *Майоров С.* Челноки // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 414—422; *Балабанова Е.С.* Потребление и сбережения домохозяйств // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001. С. 194—220; *Седов Л.А.* Материалы к анализу электорального поведения граждан России // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 1996. № 5; *Орешкин Д.Б.* География электоральной культуры и цельность России // Политические исследования. 2001. № 1. С. 73—93 и др.

средних слоев, правящей элиты, горожан, селян, молодежи, пенсионеров, безработных и других, включая представителей социального дна[1].

Наконец, к третьему типу можно отнести исследования типов поведения, которые имеют "сквозной" характер как по отношению к сферам (и сегментам) общества, так и по отношению к социальным группам. Таковы, например, исследования инновационного, адаптационного, отклоняющегося, миграционного, мобильного, протестного, самозащитного и других видов поведения[2].

К этому типу относится и трансформационное поведение. Будучи в той или иной степени свойственно всем обще-

[1] См., напр.: *Дискин И.Е., Авраамова Е.М.* Адаптация населения и элит (институциональные предпосылки) // Общественные науки и современность.1997. № 1. С. 24—33; Средний класс как социальный актор: действительность и потенции // *Дилигенский Г.Г.* Люди среднего класса. М.: Институт Фонда "Общественное мнение", 2002. С. 229—248; *Черемисина Т.П.* Реструктуризация собственности как форма адаптации "красных директоров" к рынку // Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2000. С. 39—54; *Демин А.Н., Попова И.П.* Способы адаптации безработных в трудной жизненной ситуации // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 36—45; *Кудрявцева М.О.* Драматургия попрошайничества: социологическое описание повседневной практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 3 (15). С. 73—91; *Соловьева З.Р.* Реабилитация бездомных: исследование "ночлежки" // Там же. С. 92—108; *Дилигенский Г.Г.* Российский горожанин конца девяностых: генезис постсоветского сознания (социально-психологическое исследование). М.: ИМЭМО, 1998; *Штейнберг И.Е.* Реальная практика стратегий выживания сельской семьи: сетевые ресурсы // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, М., 2002. С. 183—189; *Константиновский Д.Л., Хохлушкина Ф.А.* Формирование социального поведения молодежи в сфере образования: 1960—2000 годы // Социологический журнал. 1998. № 3—4. С. 22—42 и др.

[2] См., напр.: *Авраамова Е., Логинов Д.* Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 3. С. 13—17; *Гордон Л.А.* Социальная адаптация в современных условиях // Социологические исследования. 1994. № 8—9. С. 3—15; *Левада Ю.А.* Варианты адаптивного поведения // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2002. № 1. С. 7—13; *Гурков И.Б.* Инновационное развитие и конкурентоспособность. Очерки развития российских предприятий. М.: ТЕИС, 2003; *Медынский В.Г.* Инновационное предпринимательство. М., 1997; Теневые отношения // Pro et Contra. Зима 1999 (статьи *Радаева В., Рывкиной Р., Косалса Л., Павленко С.* и др.); Социальное расслоение и социальная мобильность / Под ред. З.Т. Голенковой. М.: Наука, 1999; *Ильин В.И.* Власть и уголь: Шахтерское движение Воркуты: 1989—1998 годы. Сыктывкарский гос. ун-т, 1998; *Кинсбурский А.В., Топалов М.Н.* Два условия роста массовой протестной активности // Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Academia, 2002. С. 272—279; *Ракитский Б.В.* Самозащита трудящихся в обществе. Трудовая демократия. Вып. 25. М.: ИППС, 1999; *Шабанова М.А.* "Неправовая свобода" и самозащитное поведение населения // Регион: экономика и социология. 2000. № 1. С. 114—129 и др.

ственным группам и реализуясь во всех сферах общества, оно выделяется из других типов поведения по критерию тесной связи с трансформационным процессом[1].

В последние годы растет число исследований, где органически увязываются изменения на разных уровнях трансформационного процесса (макро-, мезо-, микро-) и делается акцент на изучении целостных поведенческих практик (прежде всего, в сферах экономики, политики, права). Анализ происходящих здесь сдвигов позволяет более надежно судить о социальной эффективности трансформации[2].

11.3. Критерии типологизации трансформационного поведения

Как уже отмечалось, преобразование общественных институтов, проявляющееся в изменении массовых практик, представляет собой социокультурный процесс. Повседневное поведение миллионов людей, стремящихся приспособиться к меняющимся институциональным условиям, найти свое место в новой структуре общества, во многом решает судьбу реформ.

Изучать трансформационное поведение социальных субъектов можно на разных уровнях. Первый составляют индивидуальные поведенческие стратегии, второй — типы стратегий, практикуемых разными категориями или группами населения, а третий — целостные социальные практики, в которых участвуют много взаимодействующих групп. Здесь мы ограничимся анализом массовых индивидуальных поведенческих стратегий, оказывающих влияние на трансформационный процесс. Исследования, в которых единицами наблюдения являются индивиды и семьи, классифицируемые по способам поведения, распространены достаточно широко. Состав выделяемых по этому признаку групп в каждой сфере жизнедеятельности специфичен. С точки зрения исследуемой нами проблемы, основной интерес представляют поведенческие стратегии, выделяемые в зависимости, с одной стороны, от функций по отношению к *акторам*, а с другой — от последствий для *общества.*

В основу первой из этих классификаций естественно положить цели, мотивы и способы реализации поведенческих стратегий. По совокупности этих признаков можно выделить четыре крупных класса стратегий: 1) достижительные, 2) адаптационные, 3) регрессивные и 4) разрушительные.

Наиболее распространенная цель *достижительных* стратегий — повышение индивидуального и семейного статуса, мотивируемое стремлением к росту благосостояния, профессиональному продвижению, политической карьере, улучшению качества и образа жизни, росту социального престижа. Акторы, выбирающие такие стратегии, используют возможности, права и свободы, как формально открываемые реформами, так и обусловленные их косвенными последствиями (например, неполнотой и несовершенством законов, временной бесконтрольностью определенных сфер деятельности и проч.). Обладая большой энергией и амбициозностью, акторы такого типа часто играют роль "локомотивов" социальных преобразований.

В основе *адаптационных* стратегий лежит стремление к социальному выживанию, сохранению прежнего или хотя бы минимально приемлемого социального статуса. Реализация таких стратегий может способствовать как повышению, так и снижению эффективности общественных практик. Но их важная позитивная функция состоит в повышении приспособленности людей к сложным условиям преобразующегося общества. Адаптационные процессы ведут к снижению социального напряжения, улучшению социального настроения и тем самым облегчают дальнейшие общественные преобразования.

Регрессивные стратегии, как правило, отражают стремление субъектов социально или хотя бы физически выжить, а нередко — просто забыться и уйти от жизненных трудностей, пусть и ценой социальной эксклюзии, потери минимального статуса, социальных связей и идентичности. Поведение такого типа ведет к нисходящей социальной мобильности, вплоть до опускания на дно.

---

[1] См., напр.: *Заславская Т.И.* Поведение массовых общественных групп как фактор трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 6.С. 13—18; *Шабанова М.А.* Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3. С. 78—104; *Косалс Л. Я.* Между хаосом и социальным порядком // Pro et Contra. 1999.Т. 4. № 1. С. 40—54 и др.

[2] Целостное описание относительно частных социальных практик можно найти в статьях: *Титов В.Н.* Вещевой рынок как социальный институт // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 20—35; *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // Мир России. 2002. № 2. С. 3—38. Более широкая, обобщенная картина поведения россиян в меняющемся обществе представлена в коллективных монографиях: Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М., 2001; Россия, которую мы обретаем. Труды Новосибирской экономико-социологической школы / Под ред. Т.И. Заславской, З.И. Калугиной. Новосибирск: Наука, 2002.

Наконец, *разрушительные* стратегии носят агрессивный, асоциальный характер. Как правило, они направлены против других, но иногда и против себя. Подобное поведение чаще всего не ограничивается ни правовыми, ни моральными нормами. В одних случаях оно мотивируется жаждой наживы и власти, в других — оживляющимися в трудные времена ксенофобиями (антисемитизмом, ненавистью к чеченцам или "черным", а с их стороны — к русским и другим славянам), в третьих — отчаяньем от неспособности приспособиться к новым условиям жизни. Не исключен и такой мотив, как зависть и ненависть обнищавших людей к новым богачам, а заодно и к среднему классу, стремление "восстановить справедливость", в том числе путем уничтожения или разграбления чужой собственности.

С точки зрения функций трансформационного поведения индивидов и групп по отношению к *обществу* достаточно выделить три класса стратегий: в основном конструктивные, в основном деструктивные и неоднозначные. Поскольку регрессивные и разрушительные стратегии всегда носят деструктивный характер, из теоретически возможных 12 типов поведенческих стратегий реальных референтов имеют лишь 8. Кратко охарактеризуем их содержание.

11.4. Функциональные типы трансформационного поведения

1. *Достижительные стратегии конструктивного типа* выполняют позитивные функции как по отношению к субъектам (индивидам и семьям), так и по отношению к обществу. Поэтому они наиболее желательны. Эмпирическими референтами таких стратегий могут служить:

а) использование новых институциональных, экономических и информационных возможностей для повышения образования и квалификации, приобретения пользующихся спросом профессий, активной реализации личных способностей в деловой сфере, более интенсивного и сложного труда на рабочем месте[1];

[1] В 1990-е гг. наблюдался настоящий образовательный бум: численность студентов дневных отделений *только государственных* высших и средних специальных учебных заведений в расчете на 10 000 населения за вторую половину 1990-х гг. выросла почти на треть; прием студентов за это пятилетие увеличился на 30% // Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991—2000 гг.). М.: ТЕИС, 2002. С. 37.

б) активный поиск работы, обеспечивающей возможность более полной реализации личностного, трудового и интеллектуального потенциала[1];

в) восходящая трудовая и социальная мобильность, профессионально обоснованное должностное продвижение, одновременно расширяющее как права, так и сферу ответственности работников;

г) занятие легитимным частным предпринимательством или индивидуальной трудовой деятельностью, совмещение труда по найму с личным бизнесом;

д) легитимное повышение личных доходов как за счет роста заработной платы, так и путем депонирования средств в банки и вложения в ценные бумаги, участия в легальных финансовых и коммерческих операциях, сдачи в аренду личной недвижимости и проч.[2];

е) освоение новых потребительских практик, обогащение образа жизни, обновление стиля жизни.

2. Существенно иное, если не противоположное содержание имеют *достижительные стратегии деструктивного типа*, исходящие из того, что привлекательная личная цель оправдывает любые нелегитимные средства. Поведение этого типа удовлетворяет интересы акторов и нередко способствует повышению их статуса, но его массовое распространение означает деградацию общества. В наибольшей степени это относится к криминальному варианту подобных стратегий, реализуемому бандитами и их пособниками. Другими примерами могут служить: использование чиновными временщиками краткого пребывания в органах власти для быстрого обогащения, взяточничество и мздоимство чиновников; "нецелевое расходование" бюджетных средств и иностранных кредитов (фактически, их расхищение); предоставление "своим людям" льгот, лицензий, освобождения от налогов в обмен на ответные действия того же рода. К этому типу относятся и такие распространенные в России деяния, как организация финан-

[1] О творческо-инновационной мотивации и ценностных ориентациях менеджеров и специалистов-"рыночников" см., напр.: *Дилигенский Г.Г.* Люди среднего класса. М.: Институт Фонда "Общественное мнение", 2002. С. 166—186.

[2] Хотя статистика доходов, не связанных с занятостью (доходов от собственности, от процентов на вклады, от сдачи в аренду движимого и недвижимого имущества и т.п.), крайне ненадежна, она свидетельствует о заметном увеличении удельного веса этой статьи в бюджетах семей. Если в 1992 г. доходы от собственности составляли 1% всех денежных доходов, то в 1999 г. — свыше 7% // Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991—2000 гг.). М.: ТЕИС, 2002. С. 35.

совых пирамид, дутых акционерных обществ и фирм, и многие другие формы мошенничества.

3. Ярким примером *достижительной стратегии, неоднозначно* влияющей на трансформацию общества, может служить эмиграция высококвалифицированных работников культуры, науки, образования, спорта в развитые страны Запада. "Утечка мозгов" заметно снижает уровень жизненного и динамического потенциала России, но одновременно парадоксальным образом способствует его сохранению. Ученые, лишенные возможности эффективно работать на родине, уезжая за рубеж, овладевают самыми современными методами исследования, используя новейшие приборы и оборудование, выходят на передовой фронт науки, делают крупные открытия. Если обстановка в России улучшится и наука начнет развиваться, многие из них смогут вернуться в страну, вооруженные новыми знаниями[1].

4. *Конструктивные адаптационные стратегии* отличаются от достижительных не столько конкретным содержанием, сколько меньшей амбициозностью целей и мотивов. В целом они ориентированы не на повышение, а на сохранение (или минимальное снижение) прежнего статуса. Отсюда бóльшая традиционность и меньшая рискованность поведения.

К этому типу поведенческих стратегий можно, например, отнести: а) интенсификацию труда по основной профессии за счет совместительства и легальных приработков; б) диверсификацию занятости (сочетание основного труда по специальности с другими видами оплачиваемого труда); в) перемещение из деградирующих отраслей экономики в развивающиеся или из убыточных организаций — в прибыльные, г) переезд из малых поселков в крупные города и т.п. Массовая реализация подобного поведения содействует реструктуризации экономики и развитию рыночных отношений.

[1] Как отмечает Е.С. Красинец, за период с 1990 по 2000 г. из страны за пределы бывшего СССР эмигрировало более 1 млн. человек (в основном в Германию, Израиль и США). Правда, в последние годы эмиграция из России имела устойчивую тенденцию к снижению. В 2000 г. на постоянное место жительства из России выехало 62,3 тыс. человек, что примерно на 40% меньше по сравнению с серединой 90-х годов. Кроме того, в последние годы заметно изменился этнический состав российской эмиграции. В эмиграцию вовлекается все большее число русских. За 1995—2000 гг. доля немцев, выезжающих из России на постоянное место жительства, снизилась в структуре эмиграции с 51,3 до 36,2%, евреев — соответственно с 12,8 до 7,2%. За этот же период удельный все русских увеличился с 28,7 до 41,5% // Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация / Под ред. Н.М. Римашевской. М.: РИЦ ИСЭПН, 2002. С. 55.

5. *Деструктивные адаптационные стратегии* базируются на таких способах поведения, которые позволяют субъектам выжить и приспособиться к изменению среды лишь ценой снижения своего социального статуса или ухудшения других важных сторон своей жизни. Элементами таких стратегий служат:

во-первых, нисходящая трудовая и социальная мобильность, вынужденный переход от сложного квалифицированного труда к занятиям, требующим меньшей подготовки, но позволяющим приносить больший доход или более доступным в условиях безработицы (простые строительные работы, услуги населению, уличная торговля и т.п.)[1];

во-вторых, обеспечение семей продуктами питания за счет тяжелого ручного труда в личных подсобных и садовых хозяйствах (ЛПХ)[2].

в-третьих, отказ от использования платных услуг, компенсируемый дополнительным личным трудом во вред здоровью, воспитанию детей, культурному потреблению и отдыху. Эти способы поведения ведут к снижению профессионально-квалификационного потенциала общества, росту безнадзорности детей, упадку культуры.

6. *Неоднозначные адаптационные стратегии* — это такие способы поведения, которые помогают субъектам в основном сохранить или даже несколько повысить свой статус, не оказывая особого влияния на общественные процессы либо влияя

[1] Масштабы межпрофессиональной мобильности в российской экономике были настолько велики, что стали именоваться "великим перераспределением человеческого капитала". Согласно расчетам К. Сабирьяновой, в течение 1991—1998 гг. 42% опрошенных сменили свою профессию (из них 2/3 — в 1991—1995 гг.). При этом подчеркивается *нисходящий* характер мобильности как реакция на шоковое сокращение спроса на труд в реальном секторе экономики и перераспределение занятых в пользу профессий сектора услуг // Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991—2000 гг.). М.: ТЕИС, 2002. С. 78.

[2] Согласно микропереписи 1994 г., свыше 58% населения России имели в своем распоряжении земельные участки (Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991—2000 гг.). М.: ТЕИС, 2002. С. 35). Исследователи отмечают резкое ухудшение условий ведения ЛПХ и существенное возрастание связанной с ним трудовой нагрузки сельских жителей. Так, по данным В.А. Артемова, в 1999 г. в сельской местности Западной Сибири в расчете на среднесезонную неделю мужчины стали работать в ЛПХ на 10 часов больше, а женщины — на 4,7 часа больше, чем 1975—1976 гг. Причем, если раньше ведение ЛПХ было преимущественно женским делом, то сейчас мужчины заняты в нем больше, чем женщины. Перегрузка тяжелым физическим трудом отрицательно сказывается на состоянии здоровья людей: это отметили 38% работающих мужчин и 47% работающих женщин. См.: *Артемов В.А.* Факторы и последствия изменений в повседневной деятельности сельского населения // Россия, которую мы обретаем: Исследование Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 290—308.

на них неоднозначно. К таким способам поведения относятся: вынужденное использование любой возможности приработка, независимо от типа труда; деятельность "челноков", ставящая крест на их прежней профессиональной деятельности, но способствующая насыщению рынка недорогими товарами, а также росту их личных доходов[1]; расширение семейной взаимопомощи, содействующее выживанию социально слабых групп, но ведущее к натурализации экономических отношений и часто достигаемое за счет здоровья[2].

7. Для *регрессивных поведенческих стратегий* характерен сознательный, хотя обычно вынужденный, отказ от попыток адаптироваться к новой действительности; социальное отчуждение и пассивно-фаталистическое перенесение трудностей. В лучшем случае речь идет об ограничении личных и семейных потребностей, экономии на предметах длительного пользования и одежде, отказе от использования дорогих лекарств, медицинских и рекреационных услуг, покупки книг, подписки на газеты и проч. В худшем — дело доходит до распродажи имущества, обнищания, жизни взаймы, недоедания, предельного упрощения образа жизни. Пороговым критерием нищеты социологи называют отказ людей ходить в гости и принимать их у себя, свидетельствующий о распаде социальных связей и десоциализации соответствующих субъектов. Этот вид регрессивного поведения свойствен одиноким старикам, сиротам, больным, инвалидам, многодетным и одиноким матерям. Другие виды поведения этого типа — нищенство и бродяжничество, дезертирство из армии с потерей легального статуса, проституция, пьянство и алкоголизм, потребление наркотиков, детская беспризорность.

8. *Разрушительные, агрессивные стратегии* обычно реализуются в результате либо переполнения чаши терпения, эмоционального срыва, либо необратимой социальной эксклюзии. Они осуществляются через массовые действия, влекущие тяжелые социальные и экономические последствия, например, через блокирование железных дорог, нарушающее сообщение между городами и регионами. Специфическим проявлением подобного поведения служат крайние формы протеста, выражающиеся в длительных голодовках, демонстративных самоубийствах, публичных самосожжениях. Наиболее агрессивная его разновидность — террористические акции против представителей власти, силовой захват органов управления или заложников, самосуд по отношению к реальным или предполагаемым преступникам (например, расстрелы солдат товарищами по оружию, массовые расстрелы мирных граждан во время зачисток чеченских селений и пр.).

[1] По некоторым оценкам, "челночный" бизнес создает в России около 6,5 млн. рабочих мест (в том числе приблизительно 210 тыс. рабочих мест в Москве: *Майоров С.* Челноки // Отечественные записки. № 7. 2002. С. 421.

[2] См., напр.: *Овчарова Л., Прокофьева Л.* Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2000. № 4. С. 23—31.

Особую общественную опасность представляют разрушительные стратегии, связанные с уголовной преступностью: убийствами, грабежами, разбоями, изнасилованиями, равно как с незаконной торговлей оружием, наркотиками, раритетами, драгоценными металлами. Для индивидов эти способы поведения, как правило, означают утрату социальной идентичности, маргинализацию и люмпенизацию, а для общества — расширение и повышение агрессивности социального "дна", распространение социальных болезней, рост смертности от преступлений и самоубийств.

Понятно, что эффективность описанных стратегий и для индивидов, и для общества резко различна. Каким же образом можно суммировать их влияние на трансформационный процесс? Предложить надежный рецепт решения этой задачи не представляется возможным в связи с ее исключительной сложностью, можно обосновать лишь некоторые подходы к получению суммарной оценки трансформационного поведения граждан определенного общества. Один из наиболее простых путей — определение количественного соотношения акторов, реализующих типы стратегий, эффективные или вредные для самих акторов, конструктивные или деструктивные для общества.

Но даже этот упрощенный подход наталкивается на методологические трудности. Ведь возможность определить такие соотношения предполагает, что каждый индивид реализует какой-то один тип стратегии, в то время как большинству людей свойственно разнообразное поведение в разных сферах жизни и неодинаковых обстоятельствах. К достаточно крупным и специально выделяемым группам такой подход более применим. Однако он требует широких репрезентативных исследований, которые в ближайшие годы вряд ли удастся провести. В этих условиях оценивать качество трансформационной активности граждан приходится экспертным путем, опираясь на разные научные источники. Приведу некоторые материалы по этому вопросу.

Ю.А. Левада сообщает следующие данные о результативности адаптивного поведения россиян. Наименее адаптированные из них составляют 15%, пассивно адаптировались ("свыклись" с новыми условиями) 30%, не ощущают изменений 16%, активно стремятся адаптироваться ("приходится вертеться") 26%, добиться же бóльших успехов, чем прежде, удается только 7%[1].

М.А. Шабанова, анализируя современный процесс адаптации населения в крупном городе российской провинции, а также в сельской местности, выделяет три типа трудоактивных россиян: "прогрессивных адаптантов" (18%), "регрессивных адаптантов" (от 29% в городе до 57% в селе) и "НЕадаптантов" (18% — в городе, 17% — в селе)[2]. Представители этих типов существенно различаются и моделями поведения, и значимостью, придаваемой ими новым правам, и вкладом, который они вносят в распространение и институционализацию новых правил игры (законных и противозаконных)[3]. Специфика "восходящих" адаптантов (среди которых больше всего руководителей и специалистов, молодых и образованных, высоко ценящих самостоятельность) состоит в том, что они активнее осваивали *новое* профессиональное и социальное пространство, включались в финансово-торговую сферу, активнее использовали как законные, так и противозаконные способы достижения личных целей. Представители же "нисходящих" типов чаще увеличивали свои усилия в *традиционном* профессиональном и социальном пространстве: на прежнем месте работы, в ЛПХ и садовых участках и др. Среди них больше занятых в промышленности, здравоохранении, просвещении и др. Несмотря на большую общественную значимость их труда, занятость в социальной сфере, как правило, не позволяет им удержаться "на плаву", а тем более извлечь значимые преимущества из новых условий[4].

[1] *Левада Ю.А.* Варианты адаптивного поведения // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2002. № 1. С. 7—13.

[2] Остальная часть горожан и селян приходится на тех, у кого жизнь не изменилась, и на молодых людей, которые не знают прошлой жизни и не могут сравнивать ее с современной.

[3] Что касается объема трудовых усилий, то он возрос у представителей всех выделенных типов. Так, более половины "прогрессивных адаптантов", "регрессивных адаптантов" и "НЕадаптантов" (56, 64 и 65% соответственно) за последние 3—4 года стали больше работать по месту основной работы; 14, 10 и 9% работают в нескольких местах; очень близка и доля лиц, использующих любую возможнóсть подзаработать (41, 39 и 49% соответственно).

[4] *Шабанова М.А.* Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3. С. 78—104.

В современном адаптационном процессе вынужденные адаптации преобладают над добровольными, регрессивные — над прогрессивными[1]. Однако активное протестное поведение безусловно уступает пассивному недовольству и терпению. «В рамках извечной дилеммы Гамлета ("Достойно ль / смиряться под ударами судьбы, / иль надо оказать сопротивленье?" — Акт 3.1) "массовый", всенародный выбор практически всегда склоняется у нас к первому варианту»[2]. По данным некоторых исследований, показатели недовольства устойчиво превышают потенциал протеста в 1,5—2 раза[3].

А.В. Кинсбурский выявил две важные закономерности взаимосвязи протестного поведения с уровнем адаптированности: «1) *менее* адаптированные группы *сильнее* испытывают недовольство *экономическими* условиями жизни и *реже* склонны к участию в акциях протеста; 2) *более* адаптированные группы, наоборот, чаще не удовлетворены *политико-идеологическими* реалиями и, скорее, склонны к *протестной активности* (курсив мой. — *Т.З.*)...Социальное недовольство, имеющее экономическое, материальное основание, находит выход не столько в массовых акциях протеста, сколько в дополнительной трудовой активности, служит в числе других факторов своеобразным "мотором" более конструктивного социального поведения»[4].

Поскольку качество трансформационной активности неотделимо от качеств ее субъектов, мы вернемся к этому вопросу в главах, посвященных особенностям россиян как акторов трансформационного процесса. Здесь же остановимся лишь на той стороне этой активности, которая оказывает решающее влияние на ход и результаты трансформации общества. Речь идет о современном отношении россиян к праву, индикатором которого служит соотношение правовых и неправовых поведенческих стратегий и социальных практик.

[1] Удельный вес вынужденных адаптаций в разных сельских районах колеблется от 51 до 57%. В крупном городе он составляет 55%. Степень распространения добровольных адаптаций пока невелика: как в городе, так и в селе она, как правило, не превышает 7—12%. Более многочисленна доля тех, кто считает, что в их адаптации к новым условиям добровольного и вынужденного примерно одинаково (до 25% — в селе до 39% — в крупном городе): *Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000. С. 269.

[2] *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993—2000. М.: МШПИ, 2000. С. 489.

[3] См.: *Кинсбурский А.В., Топалов М.Н.* Два условия роста массовой протестной активности // Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Academia, 2002. С. 274.

[4] *Кинсбурский А.В.* Социальное недовольство и общественное поведение // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 337—348.

11.5. Распространение неправового поведения и институционализация неправовых практик

Одной из главных целей либерально-демократического реформирования России было придание государству и обществу правового характера. Формирование правового государства было одновременно и целью реформ, и условием их успеха, так как без строго соблюдаемых и эффективно действующих законов не может быть ни свободы, ни демократии. Государство, не являющееся и не стремящееся стать правовым, неизбежно принимает бандитский характер: его граждане никак не защищены от экономического, политического и физического насилия.

Создание правового государства было одним из первых лозунгов перестройки, и некоторое продвижение в этом направлении совершилось. Достаточно сказать о резком сужении сферы компетенции КГБ, ликвидации ГУЛАГа, обеспечении относительной гласности управленческих решений, значительном расширении прав и свобод человека. Но, несмотря на эти позитивные сдвиги, российское государство и общество в целом сохраняет неправовой характер, причем в последние годы сфера неправовых (нелегальных, теневых и криминальных) отношений имеет явную тенденцию к расширению. Главным индикатором трансформации российского общества в этом крайне нежелательном направлении служит процесс распространения и институционализации неправовых практик, наблюдаемый едва ли не во всех сферах общественной жизни.

Выше говорилось о том, сколь широкий характер приобретают в России разные формы неправового поведения. Отмечался факт формирования целостных практик, противоречащих писаному закону и социокультурным нормам. Наконец, говорилось о тенденции к институционализации этих практик и к рассмотрению их гражданами в качестве чего-то вполне нормального, привычного и не вызывающего тревоги[1]. Между

[1] Так, доля лиц, осуждающих прием на работу по устной договоренности, колеблется от 6% у строителей, работающих по устному найму, до 28—30% у работников бюджетной сферы и приватизированных промышленных предприятий. Ситуацию, когда *часть* заработка не проходит по ведомости и не облагается налогом, осуждают от 7 до 40—42% работников. Большее, хотя и не очень широкое осуждение вызывает факт утаивания от налогов *всего* заработка (от 14 до 52—57%), а также нахождение трудовой книжки в том месте, где человек не работает (от 19% у наемных работников нового частного сектора до 47% у работников бюджетной сферы: *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 3—17.

тем, успешно противостоять этому опасному процессу можно, только зная лежащий в его основе социальный механизм. Гипотетическое строение и принцип функционирования этого механизма показаны на схеме (рис. 11.1).

В левой части схемы расположен большой квадрат, изображающий институциональную структуру общества. Он включает три основных элемента: формально-правовые и административные нормы, устанавливаемые и контролируемые государством (Блок А); социокультурные нормы, контролируемые гражданским обществом (Блок Б), и институционализированные социальные практики (Блок В-1), составляющие устойчивое ядро жизнедеятельности данного общества. Недавно же возникшие, менее значимые, сравнительно редкие, ненормативные (как законные, так и противозаконные) практики представляют ее периферию (на схеме она изображена Блоком В-2).

Эффективность общественных институтов во многом зависит, во-первых, от взаимного соответствия юридических и социокультурных норм (связь 1) и, во-вторых, что особенно важно, от соответствия реальных практик правовым нормам (связи 2 и 3).

В трансформирующихся обществах с ослабленными институциональными системами отклонения социальных практик от юридических норм нередко приобретают устойчивый характер, что со временем приводит к трансформации институтов. Способствующие или препятствующие этому факторы показаны в правой часть схемы.

Блок Г отражает законодательную и иную нормотворческую деятельность политических элит, направленную на создание новой формально-правовой базы институтов (связь 4). В обществах, не имеющих демократических традиций и развитых гражданских структур, эффективность этой деятельности обычно невысока. Здесь характерно появление неправовых, нелегитимных законов и норм, откровенно преследующих интересы правящих групп. Хотя формально свобода нормотворческой деятельности элит ограничена конституционными рамками (связь 5), на деле эти ограничения работают слабо. В результате под видом проведения реформ принимаются заведомо нелегитимные, деструктивные юридические акты, часто служащие первичным импульсом включения интересующего нас механизма.

Однако принятие новых законов само по себе не меняет общественных практик. Действительное внедрение новых правовых норм в жизнь — функция не политиков, а государ-

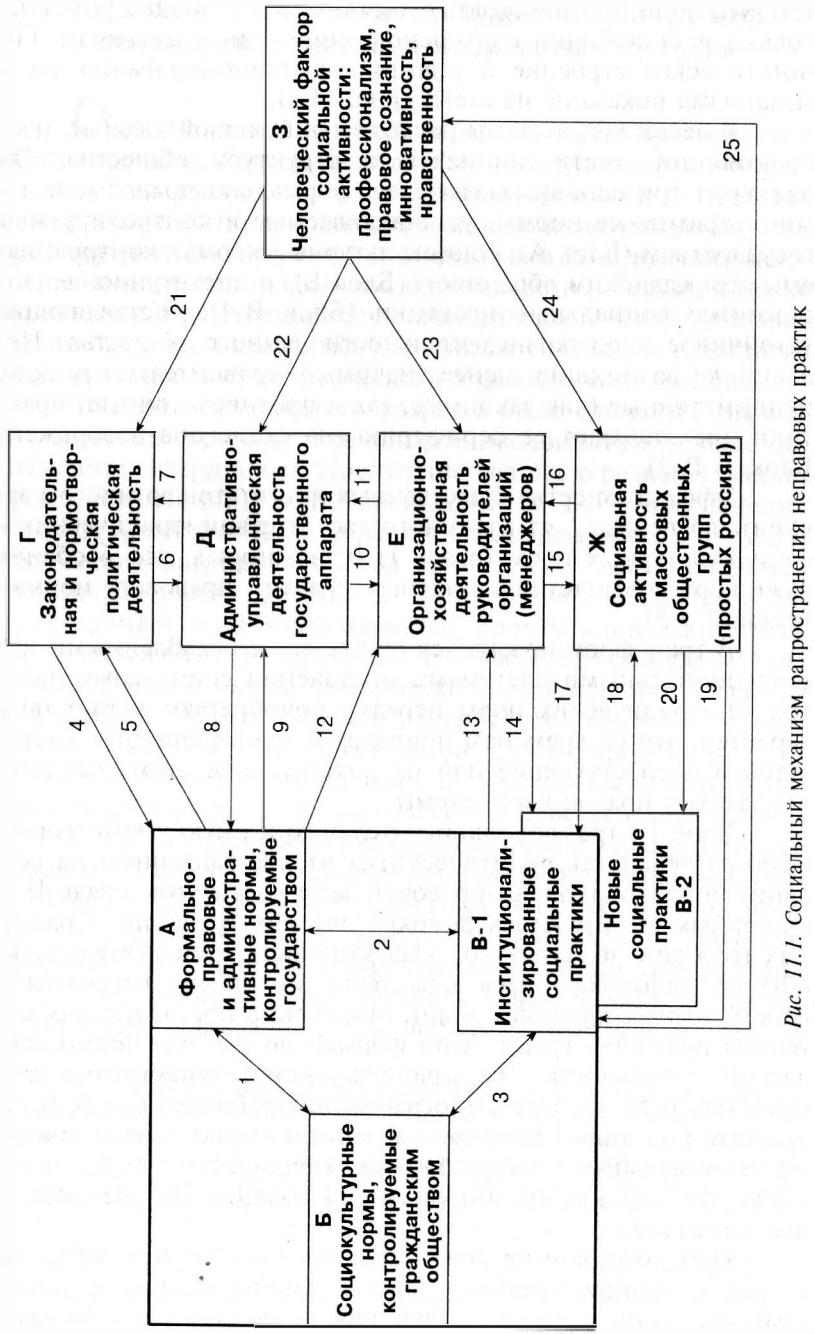

Рис. 11.1. Социальный механизм распространения неправовых практик

ственных служащих (Блок Д). Между тем, как уже не раз говорилось, российская бюрократия не только традиционно рассматривает себя как самостоятельного субъекта выстраивания нового правового (или, точнее, административно-правового) пространства, но и фактически им является. Ее влияние на политические решения реализуется еще на стадии подготовки, а на этапе внедрения в практику приобретает решающее значение. Причем положение бюрократии в этом плане противоречиво. Занимая подчиненное положение, она обязана организовывать и направлять процессы модернизации правового пространства, но будучи заинтересована в сохранении стабильности, фактически их в большей степени тормозит. Бюрократическое извращение модернизационных норм и идей на местах — еще один важный фактор распространения неправовых практик. Формально деятельность чиновников регулируется правовыми нормами и контролируется политическими структурами (связи 7 и 9). Но практически почти вся деятельность политиков реализуется через бюрократию, что обусловливает взаимозависимость этих групп (связи 6 и 7).

В эпоху Ельцина политическая элита, занятая борьбой за власть, временно выпустила из рук руль управления обществом. Бюрократия же не замедлила этим воспользоваться, чтобы самостоятельно установить себе новый статус и новые правила игры (связь 8). В результате она превратилась в силу, не подотчетную ни обществу, ни политическому классу. Именно здесь находится эпицентр рассматриваемой проблемы. Неправовое поведение государственных чиновников, произвольное толкование и избирательное использование ими законов и норм, по существу, легитимизирует неправовое поведение граждан. Ибо, выступая в качестве одного из главных и наиболее могущественных нарушителей прав и свобод своих граждан, государство лишается права требовать от них строгого соблюдения устанавливаемых им норм.

Блок Е отражает организационно-хозяйственную деятельность руководителей среднего уровня (в основном менеджеров различных фирм, организаций, учреждений и подразделений, а также руководителей гражданских структур). Их деятельность регулируется не столько законами прямого действия, сколько результатами конкретизации и корректировки этих законов ведомственной, региональной и локальной бюрократией. Именно она разрабатывает подзаконные акты, инструкции, правила и нормативы для регионов, отраслей экономики, групп предприятий и пр. Кроме того, чиновники распределяют бюджетные

средства, государственные кредиты, заказы, разрешения, льготы и пр. в значительной мере по своему усмотрению.

Таким образом, оганизационно-хозяйственная деятельность акторов среднего уровня протекает не столько в формируемом политиками *общенациональном законодательном* пространстве, сколько в выстраиваемом федеральными и региональными чиновниками территориально сегментированном *административно-бюрократическом* пространстве. Поэтому на рассматриваемой схеме деятельность руководителей организаций поставлена в зависимость не только от общегосударственных законов и норм (связь 12), но и от взаимодействий с региональной и местной бюрократией (связи 10 и 11). Именно здесь возникает тенденция к сращиванию местной власти и бизнеса, к созданию устойчивых механизмов перекачки ресурсов из государственного кармана в частные.

Деятельность руководителей среднего уровня, в отличие от деятельности политиков и чиновников, изменяет не столько формальные, сколько реальные правила игры, ее фактический ход и результаты. Преобразуя конкретные социальные, экономические и политические практики, они "снизу" способствуют изменению соответствующих социальных институтов. В трансформирующихся обществах их деятельность часто приобретает инновационный оттенок. Отталкиваясь от устаревших, неэффективных практик (связь 13), они вынуждены искать новые формы экономической и социальной жизни и содействовать их становлению (связь 14).

Инновационная деятельность руководителей и менеджеров, следующих своим корпоративным или частным интересам, часто не соответствующим интересам общества, в целом амбивалентна по отношению к закону, морали, традиции и модерну. Ее конкретное качество и направленность в решающей степени определяются структурой административно-бюрократического пространства. Между тем в современных условиях эта структура часто ставит их перед выбором: либо выполнять крайне невыгодные им формальные правила, либо обходить их путем сговора с чиновниками. Поскольку трансакционные издержки формально-правового решения проблем в России существенно выше, чем следования неформальным нормам, второй путь избирается чаще (связи 10 и 11)[1].

[1] *Гимпельсон В.* Политическая экономия дерегулирования занятости // Вопросы экономики. 2003. № 4. С. 101—113; *Капелюшников Р.* Российская модель рынка труда: что впереди? // Там же. С. 83—100; *Радаев В.В.* Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998 и др.

В настоящее время значительная часть менеджеров экономической сферы демонстрирует заинтересованность в сужении неправового пространства, постепенном выведении своих операций из тени, повышении их прозрачности. Эти установки связаны со стремлением усилить правовые гарантии своей деятельности, повысить привлекательность своих фирм для иностранных инвесторов, отвести угрозу судебной ответственности за нарушение закона и пр. Многие бизнесмены предпочли бы платить государству больше, чем сейчас "откатывают" чиновникам, но спокойно спать по ночам. Однако бюрократии выгодно сохранение нелегальных отношений с бизнесом, обеспечивающих высокие доходы, поэтому она вряд ли может быть активным борцом с коррупцией. В современных условиях эту роль могла бы взять на себя только политическая элита, опираюшаяся на ту часть менеджмента, которая стремится к легитимизации экономического пространства. Однако социальные предпосылки возникновения союза элиты с легитимно ориентированной частью менеджмента пока не сложились. Поэтому значительная часть деятельности экономических сделок в России еще долго будет носить неправовой и даже противозаконный характер.

Взаимосвязанная деятельность всех управленческих групп формирует то социально-нормативное пространство, в котором протекает деятельность рядовых россиян, являющихся непосредственными субъектами массовых трудовых, потребительских, образовательных и других практик (Блок Ж). Сталкиваясь с неправовым поведением акторов более высоких уровней, постоянно нарушающих их права и интересы (связь 15), рядовые россияне ведут себя по-разному. Одни безропотно принимают навязываемые им невыгодные условия игры, другие пытаются зашищать свои нарушенные права, а третьи предпочитают вступать в пусть и неправовые, но выгодные отношения с вышестоящими лицами (связи 15 и 16)[1].

[1] Как показали материалы общероссийского исследования, в современных условиях половина работников, столкнувшись с нарушением законных *трудовых* прав, даже не пыталась их отстаивать, чаще всего мотивируя это либо бесполезностью подобного рода действий (55%), либо боязнью их неблагоприятных последствий (24%). Другая половина столкнувшихся с нарушением трудовых прав включалась в разные виды правозащитного поведения. Однако его результативность была невысока: 2/3 лиц, пытавшихся восстановить свои трудовые права, чаще всего не могли этого сделать. В результате абсолютное большинство (83%) работников, однажды очутившихся в неправовом трудовом пространстве, вынуждены там оставаться, либо опасаясь защищать свои законные права, либо пытаясь это делать, но безуспешно. Постепенно растет и доля тех, кто включается в это пространство на выгодной основе. Общая закономерность состоит в том, что чем менее благоприятные позиции занимают работни-

Поведение представителей массовых групп одновременно поддерживает и воспроизводит традиционные социальные практики и инициирует, апробирует, закрепляет новые (связи 17 и 18). В то же время оно испытывает обратное влияние, с одной стороны, традиций (связь 19), а с другой — распространения новых способов социальных действий, в том числе находяшихся за пределами формально-правового пространства (связь 20). Речь идет о получивших широкое распространение неформальных, теневых, нелегальных и неправовых практиках (Блок В-2). Важно подчеркнуть, что участие в таких практиках множества людей диктуется не столько корыстью, сколько тем, что они не находят других путей решения своих проблем.

Последний блок схемы (Блок 3) отражает социальное качество участников трансформационного процесса. С точки зрения обсуждаемой проблемы, особенно важны такие их качества, как уровень гражданского и правового сознания, нравственности и морали (связи 21—24), во многом зависяший от характера институционализированных социальных практик (связь 25). При современном уровне этих качеств возможность успешного движения России в сторону правового государства вызывает большое сомнение.

Сказанное приводит к выводу, что широкое распространение неправовых и противозаконных практик не является результатом чьей-то недоработки или случайной легкой травмой обшества, которую легко вылечить. В действительности это, скорее, тяжелое наследственное заболевание России, имеющее системный характер.

Самодержавная Россия, как известно, никогда не была, да и не стремилась стать правовым государством. Советская власть с первых шагов отреклась от правовых и моральных принципов, принятых цивилизованным миром. Приняв откровенно противоправный характер, советское государство на протяжении десятилетий отсеивало и уничтожало своих наиболее достойных, мужественных, самостоятельно мысляших граждан. Выживали и делали карьеру, главным образом, те, кто умел молчать, приспосабливаться к требованиям власти и,

ки на шкале социальных неравенств, тем чаше нарушаются их трудовые права (на это указали 27—28% представителей верхнего и среднего слоев, 35% — базового и 44% нижнего слоя) и тем меньше у них шансов эти права отстоять. Доля лиц, сумевших отстоять нарушенные трудовые права в обшем числе их отстаивавших, составила у представителей среднего слоя — 64%, базового — 30%, нижнего — 19%. См.: *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Проблема институционализации неправовых практик в сфере труда // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под обш. ред. Т.И.Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С.137—147.

по возможности, использовать ситуацию для решения личных проблем, не прибегая к понятиям *право*, *справедливость* и *совесть*. Не удивительно, что очень многие россияне и сейчас имеют весьма неопределенное представление о правовом государстве, предпочитая ему более жесткий, авторитарный, но привычный административно-бюрократический порядок.

* * *

Подведем итог. В двух последних главах проанализировано ядро социального механизма изучаемого процесса, образуемое взаимодействием разных типов трансформационной активности. В первом приближении раскрыто содержание как разных видов *преобразовательной деятельности и поведения*, так и сушествуюших между ними взаимосвязей. Показано, что отчужденным продуктом всех типов *трансформационной деятельности* служат новые институционализированные правила игры, как формальные, так и неформальные. Этим трансформационная деятельность отличается от трансформационного поведения. Конкретные *поведенческие* стратегии и практики непосредственно не создают отчужденного социального результата. Однако косвенным их итогом служит институционализация одних, корректировка других и массовое игнорирование третьих предлагаемых или навязываемых реформаторами правил.

Очевидно, что разные типы трансформационной активности реализуются социальными акторами, имеющими *разные интересы* и обладаюшими *неодинаковыми ресурсами*. Поэтому обшее направление и результаты трансформационного процесса во многом зависят от структуры и сравнительного влияния разных типов акторов. Исследование социально-трансформационной структуры общества, элементами которой являются эти типы, составляет предмет исследования следуюших разделов книги.

Рекомендуемая литература

1. *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // Мир России. 2002. № 2. С. 3—38.

2. *Кинсбурский А.В.* Социальное недовольство и общественное поведение // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 337—348.

3. *Константиновский Д.Л., Хохлушкина Ф.А.* Формирование социального поведения молодежи в сфере образования: 1960—2000 годы // Социологический журнал. 1998. № 3—4. С. 22—42.

4. *Левада Ю.А.* Человек приспособленный // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993—2000. М.: МШПИ, 2000. С. 467—488;

5. *Левада Ю.А.* Человек недовольный: протест и терпение // Там же. С. 489—507.

6. *Левада Ю.А.* Варианты адаптивного поведения // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2002. № 1. С. 7—13.

7. *Радаев В.В.* Деформализация правил игры и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики. 2001. № 6. С. 60—79.

8. *Рывкина Р.В.* Образ жизни населения — направления перемен // Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. М.: ИСЭПН РАН, 2002. С. 303—314.

9. *Титов В.Н.* Вещевой рынок как социальный институт // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 20—35.

10. *Фадеева О.П.* Хозяйственные стратегии сельских семей // Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 1999. С. 149—167.

11. *Шабанова М.А.* Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3. С. 78—104.

РАЗДЕЛ IV

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА: ВЕРТИКАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ

Глава двенадцатая

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА: ИЕРАРХИЯ СОЦИАЛЬНЫХ АКТОРОВ

12.1. Трансформационная структура общества

Результаты анализа деятельностного блока социального механизма трансформационного процесса актуализируют проблему его *субъектов*, т.е. вопрос о социальной природе, структуре и конкретных характеристиках тех социальных сил, взаимодействие которых, в конечном счете, формирует траекторию социетальной трансформации общества. Поиск ответа на этот вопрос требует разработки соответствующих понятий, центральное место среди которых принадлежит социально-трансформационной структуре общества. Макроэлементами этой структуры являются более-менее интегрированные социальные общности, объединяющие акторов с близкими интересами. Солидарная активность представителей каждой из таких общностей служит движущей силой преобразовательного процесса и оказывает влияние на его направления и результаты.

Трансформационная структура отражает одну из частных проекций многомерной социально-групповой структуры общества. В этом смысле она является аналогом таких понятий, как *социально-экономическая*, *социально-демографическая*, *социально-профессиональная* и другие частные *проекции* этой структуры. Высокий познавательный потенциал этих понятий связан с тем, что каждое из них отражает соответствующее социетальное качество общества в целом.

Качество трансформационной структуры отражает способность и готовность общества к саморазвитию, включая радикальное обновление базовых институтов и социального устройства. По аналогии с качествами человеческой личности это качество можно назвать алертностью (в противоположность вялости) или внутренним динамизмом. Оно означает энергичность, мобилизованность, уверенность в своих силах, готовность к риску и преодолению трудностей, исторический оптимизм, устремленность в будущее. Степень выраженности данного качества в конкретном обществе определяется, во-первых, соотношением социально и политически активных или пассивных групп и, во-вторых, ресурсным потенциалом и сравнительной влиятельностью тех сил, которые принимают активное участие в социальных преобразованиях, добиваясь реализации тех вариантов общественного развития, в которых они заинтересованы.

Любой трансформационный процесс социетального уровня является результатом взаимодействия множества социальных и политических сил, часть из которых активно действует, а другая часть может до поры бездействовать, но, тем не менее, латентно играть определенную роль, в частности, тормозить осуществление реформ или неожиданно активизироваться, нередко становясь весьма агрессивной. Поэтому в качестве элементов трансформационной структуры следует рассматривать не только активные, но и пассивно-периферийные группы. Исторический опыт России показывает, что реформы достигают поставленных целей лишь в тех случаях, когда намерения и замыслы элит соответствуют интересам народа. Когда же такого соответствия нет, "перевод поездов на другие пути" совершается не начальниками дорог, а, скорее, множеством стрелочников. Деятельность элит, сколь бы важной она ни была, сама по себе недостаточна для того, чтобы повернуть развитие общества в другую сторону, а, тем более, изменить его тип. Примерами могут служить, с одной стороны, реформы 1861 и 1906 годов, которые, по мнению историков, вопреки воле их инициаторов привели страну к революции, а с другой — реформы 1918 и 1921 годов (социализация земли и НЭП), реализованные как бы "сами собой", необычайно быстро и успешно[1].

Для выработки рациональной стратегии управления обществом и успешного внедрения инновационных замыслов в жизнь необходимо знать социальную природу, конкретный состав и механизмы функционирования главных субъектов трансформационного процесса. Причем не только сознательно стремящихся к изменению общественного устройства, но и тех, которые, преследуя прагматический интерес, неосознанно содействуют изменению социальных практик, а через них и общественных институтов.

Итак, под *трансформационной структурой* понимается система социальных макросубъектов, взаимодействие (сотрудничество, конкуренция, борьба) которых служит движущей силой социетального преобразования общества. Знание этой структуры очень важно для обоснованного суждения о вероятном будущем общества. Но эта категория лишь начинает вводиться в научный оборот. Разумеется, это не значит, что ученые уделяют мало внимания изучению субъектов трансформационных процессов. Напротив, эта область исследований развивается весьма интенсивно. Правящие элиты, представители крупного бизнеса, политические партии и общественные движения, бюрократия, малые и средние предприниматели постоянно находятся в центре внимания обществоведов. Однако задача *комплексного* изучения субъектов трансформационных процессов, а также механизмов их социальных взаимодействий ставится пока еще редко[2].

12.2. Инновационно-реформаторский потенциал общества и социальная стабильность

Трансформационная структура общества может быть описана широким кругом индикаторов. Особое место среди них принадлежит инновационно-реформаторскому потенциа-

[1] Подробнее см.: *Логинов В.Т.* Непонятые уроки прошлого // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальных перемен / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 296—302.

[2] В качестве примера можно назвать книги: Экономические субъекты постсоветской России (Институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001; Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней трансформационного процесса / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001 и др.

лу общества, представляющему один из элементов его деятельностного потенциала (см. главу 8). Инновационно-реформаторский потенциал каждого конкретного общества определяется многими институциональными и историко-культурными факторами и в значительной мере предопределяет возможности и ограничения как реформирования, так и трансформации общественного устройства.

Однако в настоящее время одной из важнейших проблем России является обретение стабильности[1]. В связи с этим возникает вопрос: в каком соотношении находятся понятия инновационно-реформаторский потенциал и стабильность? На первый взгляд они кажутся противоположными. Но на самом деле понятию *инновационность* общества противостоит не стабильность, а *застой*. Действительно, быстро развивающееся инновационное общество обычно является стабильным, а традиционное, застойное скорее кажется таковым, в действительности же может оказаться неустойчивым. Так, быстро движущийся велосипед легко сохраняет устойчивость, в то время как еле-еле ползущий очень легко может опрокинуться.

Вопрос о стабильности или нестабильности современного российского общества активно обсуждается учеными. Сторонники есть у каждой из точек зрения. Но что конкретно следует понимать под стабильностью общества? Убедительный ответ на этот вопрос дает Ю.А. Левада, с точки зрения которого "стабильной правомерно считать общественную систему, способную к воспроизводству, саморазвитию, к сопротивлению разрушительным воздействиям, к преемственности и обновлению человеческого потенциала властных и других институтов. Как известно, неспособность советской системы к исполнению таких функций оказалась фатальной для нее"[2], хотя она и казалась несокрушимой. Ясно, что определяемая таким образом стабильность не имеет ничего общего с застоем. Но противоположностью ее является не застой, а возможность крутых перемен, неожиданных экономических и социально-политических срывов.

[1] В январе 2003 г. в МВШСЭН состоялся междисциплинарный симпозиум "Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации". В марте того же года фонд "Либеральная миссия" провел широкую конференцию "Западники и националисты в России: возможен ли диалог?". Казалось бы, темы совершенно разные. Однако в обоих случаях основное внимание участников было приковано к проблеме стабильности. Ученые спорили о том, вышла уже Россия на путь стабильного развития или пока этого добиться не удалось.

[2] *Левада Ю.А*: Рамки и варианты исторического выбора. Несколько соображений о ходе российских трансформаций // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации. М.: МВШСЭН, 2003. С. 168.

Признавая, что современное российское общество внешне выглядит довольно стабильным, Левада подчеркивает, что достигнутая им стабильность не надежна, так как не подкреплена удовлетворенностью большинства граждан существующим положением. Представители многих общественных групп и слоев недовольны итогами реформ. Вместе с тем в общероссийском масштабе никто «не хочет и не может добиваться решения своих проблем с помощью открытой конфронтации... Все явные и неявные участники политических акций сегодня прежде всего опасаются утратить те позиции и тот капитал, который они получили ранее. Но и "невлиятельные" силы, т.е. масса населения, совокупный электорат, помня о катаклизмах минувших лет, опасаются потери хотя бы существующей стабильности»[1]. Таким образом, надежной стабильности Россия пока не достигла. А обладает ли она инновационно-реформаторским потенциалом, достаточным для проведения нового цикла модернизационных реформ?

В этом потенциале можно выделить три основных компонента: реформаторский, социально-инновационный и адаптационный. Понятием *реформаторский потенциал* общества в данном случае обозначается готовность и способность элит осуществлять общественные преобразования в соответствии с реальными потребностями и возможностями данного общества. В основном этот потенциал определяется качеством правящих и господствующих элит — характером их целевых установок и поведенческих стратегий, наличием согласия в отношении требуемых реформ или, напротив, глубиной раскола и остротой политической борьбы.

В настоящее время этот потенциал можно оценить как не нулевой, но умеренный. Институциональные реформы постепенно готовятся, апробируются в локальных социальных экспериментах, корректируются в зависимости от их итогов и постепенно легитимизируются. Тревогу внушает не отсутствие у элит установки на стратегические реформы, а то, что доминирующее направление этих реформ противоречит интересам масс. Ведь важной характеристикой реформаторского потенциала общества, наряду с его уровнем, служит характер установок влиятельных социальных субъектов на

[1] *Левада Ю.А.* Рамки и варианты исторического выбора. Несколько соображений о ходе российских трансформаций // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации. С. 165.

становление демократии или на рост авторитаризма, на поддержку конкурентного рынка или укрепление монополий, на формирование правового государства или сращивание госаппарата с преступностью.

Под *социально-инновационным потенциалом* трансформирующегося общества будем понимать готовность и способность массовых общественных групп к разного рода социальным нововведениям, освоению новых правил игры, обновлению базовых социальных практик. Важно подчеркнуть, что этот потенциал зависит от интенсивности и социальной направленности деятельности широкого круга акторов, в основном принадлежащих к средним слоям и располагающих хотя и меньшими, чем элиты, но достаточно ощутимыми административными, экономическими, социальными и другими ресурсами. Инновационная деятельность предпринимателей, менеджеров, крупных специалистов, ответственных чиновников, офицеров и генералов и т.п. реализует открываемые реформами возможности, содействуя укоренению новых правил игры в социальной практике. В тех случаях, когда представители этих групп не ограничиваются слепым исполнением предписываемых сверху правил, а стремятся частично их изменять, приспосабливая к своим интересам, в массе своей они играют важную роль в обновлении общественных институтов.

Так, И.Б. Гурков, исследуя роль руководителей промышленных предприятий в распространении инновационных социально-экономических практик, подтвердил наличие высокой зависимости инновационных стратегий предприятий от целей и приоритетов их руководителей, установки которых на внедрение инноваций в целом оказались весьма невысокими[1]. Несмотря на расширение инновационных практик в

[1] Было опрошено более 2,5 тыс. руководителей промышленных предприятий. Анкеты включали блоки, посвященные общей характеристике предприятий, в том числе внешних условий их деятельности, экономического менталитета (интересов, целей и ценностей) их руководителей, поведения предприятий в рыночной среде, интенсивности и структуры их инновационной деятельности. Рассматривались пять сфер деятельности предприятий: технология производства, финансовый менеджмент, сбытовая политика, управление персоналом и организационная политика, каждая из которых разложена на элементы, соответствующие разным формам инновационных практик. Исследование проводилось в три этапа (в 1998, 2000 и 2002 гг.), что позволило оценить интенсивность распространения каждого типа новых практик в рамках всего массива предприятий и каждого отдельного предприятия, выявить субъективные и объективные факторы, влияющие на этот процесс. На этой базе построена типология предприятий, различающихся стратегиями инновационного поведения в пяти выделенных сферах деятельности. См.: *Гурков И.Б.* Инновационное развитие и конкурентоспособность. Очерки развития российских предприятий. М.: ТЕИС, 2003.С. 150—156.

промышленности в 1998—2002 годах, процесс их распространения был очень медленным. К тому же он осуществлялся, главным образом, за счет так называемых "рутинных" инноваций, которые означают скорее уступку необходимости, чем проявление собственного творчества. Результаты анализа показали, что у 60% предприятий инновационная деятельность в рассматриваемых сферах практически отсутствовала; 8% находились в состоянии постоянных организационных преобразований и не осуществляли никаких иных новаций; еще 29% реализовали выборочные инновационные стратегии, концентрировавшиеся в одной какой-то сфере: освоения новой продукции и контроля качества — 13%, финансового менеджмента — 10%, маркетинга и сбыта продукции — 6%. "Сбалансированных новаторов", сочетавших серьезное совершенствование технологии с новациями во всех остальных сферах, оказалось всего 4%.

Адаптационный потенциал трансформирующегося общества отражает способность и готовность массовых общественных групп ("рядовых граждан") активно приспосабливаться к изменяющейся среде с помощью доступных им и субъективно принимаемых ими средств. Он определяется, в первую очередь, социальным положением и менталитетом массовых групп населения — рабочих, служащих, специалистов, крестьян.

Судя по истории последних десятилетий, этот компонент инновационно-реформаторского потенциала России можно оценить как наиболее высокий. Действительно, в течение этого периода россиянам пришлось пережить распад СССР, две войны в Чечне и множество других стрессов и катастроф, включая неоднократную потерю сбережений, резкое снижение уровня и качества жизни, массовую безработицу и пр. Ответом на все это стали рост смертности, снижение средней продолжительности жизни, падение рождаемости и снижение общей численности населения России. Однако не только социальных взрывов, но и проявлений организованного недовольства практически не было. Люди "затягивали пояса", меняли профессии, пользовались любой возможностью заработать, самостоятельно обеспечивали себя продуктами питания, проявляя чудеса долготерпения и приспособляемости. Однако насколько велик оставшийся еще запас терпения народа, определить нелегко, так как социальные взрывы назревают долго, а происходят внезапно.

Особо важной характеристикой трансформационной структуры и инновационно-реформаторского потенциала общества служит соотношение легитимных (правопослушных) и нелегитимных (теневых, криминальных) новаций. Сейчас очевидно, что реформаторы конца 1980-х — начала 1990-х годов сильно недооценили потенциал негативной социальной энергии, накопленный советским обществом. Результатом ее высвобождения стал огромный выброс нелегитимных и криминальных новаций. Основная активность легализовавшихся благодаря реформам деятелей теневой экономики оказалась направленной на хищническое обогащение за счет разграбления государства и общества, причем эта тенденция действует до сих пор.

Можно без преувеличения утверждать, что в современной России снова решается вопрос *"кто кого?"*. Цивилизованные, легальные, правовые силы общества, опирающиеся прежде всего на закон, ведут неравную борьбу с неправовыми, коррупционными, криминальными силами, главные ресурсы которых — физическое насилие, деньги и административные действия коррумпированных чиновников. По существу, речь идет о том, *быть или не быть России* с ее специфической культурой и цивилизацией. Жизненная важность этого вопроса является решающим аргументом в пользу необходимости тщательного изучения трансформационной структуры нашего общества и практического использования этого знания при проведении нового цикла реформ.

12.3. Методологические подходы к изучению трансформационной структуры

Социально-трансформационная структура (СТС) каждого общества имеет две относительно независимые, но одинаково важные проекции — вертикальную (социально-иерархическую) и горизонтальную (культурно-политическую). *Вертикальное* измерение этой структуры является специфическим отражением социальной стратификации общества. Оно разделяет участников трансформационного процесса на страты, существенно различающиеся масштабом и структурой располагаемых ресурсов, а соответственно и возможностями участия в принятии и реализации важных решений. Уровень социального статуса индивидов и групп сказывается на направлениях и механизмах трансформационной активности, а также на ее масштабах и значимости. Чем выше социальный статус субъектов, тем шире возможности их участия в установлении новых правил игры и распределении общественных ресурсов и тем сильнее их влияние на трансформационный процесс. Причем сказанное относится как к конструктивной, так и к деструктивной активности. Так, мелкое воровство представителей социального "дна" нередко служит способом выживания этого отчужденного от общества слоя и тем самым сдерживает более разрушительные формы его поведения. Основанный же на коррупции вывоз представителями элиты миллиардов долларов в зарубежные банки не только наносит обществу крупный экономический ущерб, но и придает криминальный оттенок реформам, носившим, согласно замыслу, либерально-демократический характер.

В рамках вертикальной проекции СТС в качестве акторов трансформационного процесса рассматриваются представители разных социальных слоев. Такой подход позволяет схватить главное социально-экономическое противоречие России — громадный разрыв в положении верхов и низов, противоположность их интересов. Но он абстрагируется от дифференциации интересов и поведения разных групп внутри каждого социального слоя. Этот недостаток компенсируется анализом горизонтальной проекции СТС, акцентирующей внимание на различиях интересов, обусловленных культурными установками, взглядами и убеждениями людей.

Элементами *горизонтальной* проекции трансформационной структуры служат крупные социальные общности, основанные на сходстве культурно-политических характеристик, начиная с ценностей и потребностей и кончая политическими интересами, определяющими направленность общественной деятельности. Эта проекция СТС отражает зависимость инновационной и политической деятельности людей от того, в какой среде они родились, кем были воспитаны, где учились, какой жизненный путь прошли, какие ценности и убеждения усвоили, как понимают свои интересы.

Современный уровень социологических знаний не позволяет достаточно утвердительно говорить об элементах и связях трансформационной структуры России, так как их надежное выявление требует крупномасштабных эмпирических исследований. Первый шаг в этом направлении — обоснование исходной гипотезы этой структуры, опирающейся на те неполные данные, которые есть в научной литературе. Обоснование

гипотезы трансформационной структуры российского общества предполагает взаимосвязанный анализ ее вертикальной и горизонтальной проекций. В этой и следующей главах рассматривается вертикальный, а в последних четырех главах — горизонтальный разрез трансформационной структуры России в его соотношении с вертикальным.

Возвращаясь к вертикальной проекции трансформационной структуры, заметим, что она может рассматриваться в двух ракурсах. Первый из них непосредственно связан с социальной стратификацией общества. Его элементами являются слои и группы, занимающие разное положение на стратификационной шкале и служащие традиционным объектом исследований социальной структуры. Второй подход классифицирует социальных субъектов в зависимости от того, на каком уровне осуществляется их трансформационная активность[1].

На первый взгляд может показаться, что особой разницы между этими подходами нет: ведь реформаторской и государственно-управленческой деятельностью, как правило, заняты элита и субэлита, социально-инновационной — преимущественно средние слои, на долю же базового и нижнего слоев общества остается, главным образом, адаптация к результатам деятельности вышестоящих страт. Действительно, приближенное соответствие между стратами, выделяемыми по социальному статусу или по типу трансформационной активности, безусловно, есть, но оно далеко не однозначно.

Дело в том, что социальный статус определяет лишь *потенциальную возможность* трансформационной активности, но не делает ее обязательной и, тем более, не задает ее содержания. Отнюдь не все представители верхних и средних слоев используют открываемые их статусом возможности участия в преобразовании правил игры хотя бы в доступных им локальных рамках. Значительная часть элиты и верхнего слоя предпочитает занятие частным бизнесом, а иногда и образ жизни рантье, живущих на проценты от капитала. Ведь интересы и деятельность многих из них не носит политического характера. С другой стороны, сильные и одаренные натуры, принадлежащие по своему положению к средним и даже низшим слоям, благодаря убежденности, активности и настойчивости подчас приобретают большое политическое влияние и занимают важное место в трансформационной структуре общества.

[1] На схеме социального механизма трансформационного процесса (рис. 9.1, блок Г) — социально-трансформационная структура зависит от социально-групповой структуры общества и, в свою очередь, определяет структуру и направления трансформационной активности общества. Выделенные мной методологические подходы к изучению трансформационной структуры различаются именно по тому, на какую из этих связей они сильнее ориентируются.

Представители средних слоев также далеко не всегда осуществляют доступную при их ресурсах инновационно-организаторскую и предпринимательскую деятельность. Личному риску, неизбежно связанному с любыми новациями, многие предпочитают высокооплачиваемый профессиональный труд по найму. Таким образом, на всех уровнях общественной иерархии находится немало людей, влияющих на трансформационный процесс лишь через выбор личных стратегий трудового, адаптационного и потребительского поведения.

Каждый из описанных методологических подходов к изучению вертикальной проекции СТС имеет определенные плюсы и минусы. Преимущество чисто стратификационного подхода связано, в первую очередь, с богатством информации о социальном положении, деятельности, менталитете и поведении разных социальных слоев, а частично и об их трансформационной активности. Однако исследований, прямо направленных на изучение представителей этих слоев как акторов трансформационного процесса, немного. К тому же они указывают на чрезвычайную гетерогенность этих общностей с интересующей нас точки зрения.

Второй подход, который можно назвать активистским, позволяет выделить группы, непосредственно отвечающие целям исследования социального механизма социетальных трансформаций. Но методологически он пока недостаточно разработан и в эмпирических исследованиях почти не используется. В этих условиях наиболее эффективным оказывается комбинирование обоих подходов. В соответствии с этим в данной главе анализируется *иерархия акторов* трансформационного процесса, а в следующей рассматриваются социальные слои общества как его *потенциальные субъекты.*

12.4. Иерархические уровни трансформационного процесса

Важнейшая особенность социетальных трансформационных процессов заключается в том, что они захватывают все социальное пространство общества. Их объектами становятся

все республики и регионы, города и села, отрасли экономики, сферы культуры. В них участвуют и вынуждены к ним адаптироваться все демографические категории населения, все этнические, социально-профессиональные и иные группы. В зависимости от масштабов преобразуемых объектов можно выделить три уровня трансформационных процессов — макро-, мезо- и микро. Каждому из них соответствуют разные масштабы и механизмы социальных и институциональных сдвигов, специфические типы социальных субъектов и акторов.

Под *макроуровнем трансформационного процесса* понимается системное преобразование базовых институтов общества (власти, собственности, гражданского общества, прав и свобод человека), изменяющее принципиальные правила игры, а в конечном счете и социетальный тип общества. Ареной этих преобразований служит все общество (страна) и его крупнейшие части — регионы, сферы жизнедеятельности и пр. Специфическим механизмом трансформаций этого уровня служит взаимодействие (сотрудничество, конкуренция или борьба) культурно-политических сил, заинтересованных в разных направлениях социетальных сдвигов.

Содержание *микроуровня трансформационного процесса* можно определить как существенное, качественное изменение базовых социальных практик, которое служит, с одной стороны, ответом индивидов, групп, организаций, локусов на проводимые сверху реформы, а с другой — самостоятельным фактором преобразования институтов. С точки зрения исследуемой проблемы, особенно интересны спонтанные изменения социальных практик, вписывающиеся в общий контекст изменения институтов и становящиеся его логическим завершением. Именно на уровне многочисленных локусов (конкретных городов, сельских районов, национальных округов), организаций (предприятий, фирм, учреждений, СМИ и т.п.) в инновационном поведении представителей средних и более низких слоев спущенные сверху правила игры обретают свою завершенность или, напротив, изменяются до неузнаваемости. В качестве социальных субъектов здесь выступают местные органы власти, организации, гражданские структуры, группы интересов, трудовые коллективы и неорганизованное население (индивиды, семьи).

Понятие *мезоуровня* социальной реальности проработано намного слабее, чем понятия макро- и микроуровней, широко используемые в социальных науках. Но в контексте описания трансформационной структуры выделение этого уровня совершенно необходимо, так как без него невозможно понять механизмы связей между макро- и микроуровнями. К *мезоуровню трансформационного процесса*, на наш взгляд, следует относить качественные преобразования либо отдельных элементов базовых институтов, либо целостных, но относительно частных, периферийных институтов. Обычно такие преобразования осуществляются в масштабе отдельных республик, регионов, мегаполисов, сегментов экономики, отраслей социальной сферы, промышленно-финансовых корпораций и пр. Соответственно их субъектами являются политические, экономические, административные и гражданские структуры регионального и ведомственного уровня[1].

Уровням трансформационного процесса соответствуют определенные типы коллективных и индивидуальных акторов. Но прежде чем описать их, остановимся на соотношении понятий *социальный субъект* и *социальный актор.*

12.5. Социальные субъекты и социальные акторы

В исследованиях трансформационных процессов эти понятия нередко употребляются как синонимы, но в действительности их смысл различен. Понятие *социальный субъект* акцентирует скорее рациональность сознания и поведения, способность действующего лица к сознательному выбору линии поведения, в то время как понятие *социальный актор* приобретает смысл лишь в совокупности с конкретным социальным

[1] Выделение названных уровней трансформационного процесса — это не констатация объективной истины, а всего лишь исследовательский прием, суть которого состоит в попытке такого структурирования действительности, которое облегчает ее анализ, делает его более продуктивным. Причем само предложенное решение носит довольно условный характер. Возможно, например, что для адекватного описания вертикальной проекции трансформационного процесса трех уровней окажется недостаточно. Хотелось бы подчеркнуть и то обстоятельство, что хотя содержание выделенных уровней трансформационного процесса существенно различается, все они теснейшим образом связаны. Например, системное преобразование институциональной структуры общества не только *сопровождается* изменением конкретных институтов, но и предполагает предварительные институциональные новации в отдельных регионах и отраслях, опирается на их результаты. Таким образом, изменения, относимые к мезоуровню, *становятся предпосылкой* преобразований макроуровня и тем самым косвенно в них участвуют. Аналогичное соотношение наблюдается между изменением конкретных практик (микроуровень) и целостных институтов (мезоуровень) и т.д.

действием[1]. Субъект становится актором только по отношению к какому-то действию (деятельности), актор же может рассматриваться как субъект лишь при наличии соответствующих характеристик сознания.

В зависимости от требований, предъявляемых к индивидам, признаваемым субъектами и (или) акторами, одни исследователи приходят к выводу, что выраженным свойством субъектности обладает лишь некоторая часть акторов, а другие — что акторами определенных действий или процессов является только часть субъектов. Разумеется, в широком смысле все индивиды — субъекты. Но по отношению к институциональным преобразованиям большинство из них выступают объектами.

В качестве социальных акторов рассматриваются как индивиды, так и организации, общности, партии, движения, объединения, оказывающие заметное влияние на трансформацию институтов. Причем, по мнению некоторых ученых, *подлинными* акторами являются, в первую очередь, группы и коллективы. Г.Г. Дилигенский пишет по этому поводу следующее: "Понятие социального актора обозначает добровольное и относительно устойчивое объединение тех или иных групп людей ради защиты общих интересов и ценностей, достижения общих целей на общественно-политической арене..."[2] Однако в рамках развиваемой мною концепции социального механизма трансформационного процесса для обозначения *коллективных акторов* используются понятия силы, движения, группы интересов, понятия же микро-, мезо- и макроакторов относятся к действующим на соответствующих уровнях индивидам.

Выше уже не раз отмечалось, что социальные действия индивидов, организаций и групп могут как непосредственно вызывать, так и косвенно влечь за собой сдвиги в базовых институтах и практиках. В связи с этим возникает вопрос: всех ли фактических участников трансформационного процесса следует считать его социальными акторами? На этот вопрос надо ответить отрицательно. Во-первых, влияние значительной части граждан на ход этого процесса проявляется не в инновационной активности какого бы то ни было уровня, а в бездействии, безразличии, упорном воспроизведении старых

[1] См.: *Козлова Н.Н., Смирнова Н.М.* Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 18—19.

[2] *Дилигенский Г.Г.* К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 410—412.

практик, неприятии новых образцов поведения. Рассматривать эту инертную часть россиян в качестве социальных акторов представляется нелогичным. В действительности это та *социальная среда*, в которой действуют подлинные акторы этого процесса.

Во-вторых, к социальным акторам следует относить только тех субъектов, которые участвуют в преобразованиях не спорадически и случайно, а более-менее регулярно и сознательно. Разумеется, это не значит, что, совершая инновационные действия, они всякий раз задумываются о том, как это отразится на изменении социальных практик в масштабе страны. Однако предполагается, что субъекты, рассматриваемые в качестве социальных акторов, устойчиво заинтересованы в распространении (или сохранении) определенных социальных практик, что они осознают эти свои интересы и действуют в соответствии с ними. Правда, четко определить уровень требований, предъявляемых в этом плане к акторам, нелегко, так как степень осознанности интересов и действий бывает разной. Поэтому разные типы акторов характеризуются неодинаковым развитием волевого и рефлексивного сознания, разной способностью к целерациональному поведению и сознательной реализации возможностей, открываемых индивидуальной свободой.

Следует отметить, что разные авторы предъявляют неодинаковые требования к сознанию социальных акторов. Так, по мнению Г.Г. Дилигенского, "феномен социального актора ... предполагает способность и волю людей к ... устойчивому объединению, т.е. определенные мотивационно-волевые свойства личности и определенные свойства культуры, стимулирующие данный тип взаимодействия... Необходимым условием появления социальных акторов является развитие культуры участия — нормативных представлений и установок, стимулирующих стремление людей так или иначе влиять на происходящее в социуме"[1]. При таком определении из состава акторов трансформационного процесса исключается множество людей, инновационные действия которых носят осознанный, но *индивидуальный* характер. На мой взгляд, это определение правильнее было бы отнести к наиболее продвинутой части социальных акторов, составляющей их ядро.

[1] *Дилигенский Г.Г.* К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 410—412.

12.6. Социальные акторы разных уровней

Акторы, действующие на разных уровнях трансформационного процесса, образуют разные социальные типы. Применительно к коллективным акторам это было показано выше, здесь же речь пойдет об индивидуальных. Основной характеристикой, позволяющей относить конкретных индивидов к тому или иному типу акторов, служит характер их трансформационной активности, зависящий от управленческого и социально-профессионального статуса, типа и масштаба располагаемых ресурсов, каналов и механизмов участия в социальных преобразованиях. Рассмотрим эти характеристики применительно к акторам макро-, мезо- и микроуровня.

Макроакторы. Общая функция акторов этого уровня заключается в более или менее системном и последовательном преобразовании нормативно-правового пространства общества. Их цели и стремления в основном связаны с поддержкой тех вариантов институциональных реформ, которые отвечают их убеждениям и интересам. Ядро социальных акторов макроуровня составляют лица, располагающие наибольшими ресурсами влияния. Они представлены группами, в руках которых сосредоточена подавляющая часть властных и административно-правовых и большая часть экономических ресурсов общества. Это верхняя часть политической элиты федерального и регионального уровней, верхушка бюрократии и крупнейший бизнес[1]. Входят сюда и руководители организованной преступности, располагающие ресурсами влияния, вполне сравнимыми с возможностями официальной элиты. Они успешно реализуют свои интересы и оказывают весьма ощутимое влияние на жизнь большинства регионов. Акторы макроуровня примерно в равной степени заняты, с одной стороны, государственно-управленческой и реформаторской деятельностью, а с другой — своим частным бизнесом. Большинство из них целенаправленно участвуют в реформировании базовых институтов, одновременно стремясь воздействовать на выбор общего сценария дальнейшего развития России.

Мезоакторы. Главная функция акторов этого уровня — осуществление институциональных новаций на уровне регионов, ведомств, корпораций и локусов. Хотя по сравнению с макроакторами они занимают более скромное положение и

[1] См., напр., состав 179 самых влиятельных людей России, опубликованный в альманахе Коммерсантъ-Рейтинг. 2003. № 1. С. 54—62.

располагают меньшими ресурсами, их статус также очень высок. К мезоакторам трансформационного процесса можно отнести ту часть элиты федерального, регионального и муниципального уровней, которая не входит в состав макроакторов трансформационного процесса из-за отсутствия интереса к политике, а также представителей политической субэлиты и генералитета, ответственных чиновников, собственников крупных фирм, руководителей банков и бирж, директоров крупных государственных предприятий, видных деятелей религии, культуры и гражданского общества.

Инновационные действия этих людей, как правило, мотивируются стремлением улучшить условия развития управляемых ими территорий и/или организаций путем соответствующей модернизации институциональной среды. Рассредоточенные по всем сферам общества, регионам и отраслям, мезоакторы играют очень важную роль в реальном преобразовании социальной ткани общества.

Масштаб трансформационной активности мезоакторов недостаточен, чтобы определять направление развития России. Но их деятельность подталкивает преобразование социальных институтов в тех или иных направлениях. Можно назвать ряд важных процессов, обязанных своим возникновением, в первую очередь, акторам мезоуровня. Это неуклонный рост роли частного сектора экономики, возникновение сотен тысяч негосударственных некоммерческих организаций, диверсификация политических режимов в разных регионах страны, вывоз крупных капиталов за рубеж и многие другие процессы.

Микроакторы. Главный стимул их трансформационной активности — стремление, с одной стороны, сохранить привычные, удобные, оправдавшие себя социальные практики, а с другой — обновить и улучшить те практики, которые ограничивают возможность реализации их личных целей, ценностей, интересов. Этот тип акторов представлен преимущественно той частью социально активных россиян, которая не располагает достаточными ресурсами для прямого воздействия на социальные институты. Это не только работники простого исполнительского труда, но и квалифицированные рабочие и служащие, руководители среднего звена, офицеры, священнослужители, деятели культуры, ученые, мелкие предприниматели и фермеры. Их вклад в трансформационный процесс в основном ограничивается выбором стратегий личного (семейного, группового, корпоративного) поведения в принятых институциональных рамках. Но в силу массовости названных групп этот выбор во многом определяет направление происходящих социальных сдвигов.

12.7. Типы акторов и уровни трансформационной активности

Разделение социально активных граждан общества на макро-, мезо- и микроакторов трансформации носит довольно условный характер. Отделить их друг от друга четкими границами не удается, что обусловлено рядом причин. Начнем с того, что само соответствие между типами акторов и уровнями трансформационного процесса не является однозначным (см. табл. 12.1).

Сфера активности микроакторов, действительно, в основном ограничена микроуровнем трансформационного процесса, т.е. изменением массовых практик. Но уже мезоакторы реализуют деятельность, связанную не только с институциональными преобразованиями среднего уровня, но и с изменением социальных практик на микроуровне. Макроакторы же чаще всего участвуют во всех типах трансформационной активности, одновременно выступая как государственные деятели, как представители регионов, ведомств, корпораций и как индивиды, движимые личными интересами. Это обстоятельство тем более важно, что действия макроакторов, на первый взгляд, носящие локальный и даже частный характер, существенно отражаются на общественной ситуации. Примерами могут служить принятие государственных решений, носящих явный отпечаток личной заинтересованности тех, кто их принимает[1], организация финансовых пирамид, фальсификации результатов выборов и т.п. А ведь макроакторы задают образцы поведения и российскому чиновничеству, и российскому бизнесу, да и всем остальным россиянам.

Таблица 12.1

Возможные уровни трансформационной активности разных типов социальных акторов*

Типы акторов	Уровни трансформационной активности		
	Макроуровень	Мезоуровень	Микроуровень
Макроакторы			
Мезоакторы			
Микроакторы			

* Серым цветом выделены уровни трансформационной активности, доступные соответствующим типам акторов.

[1] Достаточно напомнить о принятом депутатами Государственной Думы постановлении о предоставлении поистине небывалых льгот ... депутатам Государственной Думы(!).

Отсутствие четких и нерушимых границ между сравниваемыми типами акторов подтверждается и возможностью "прорыва" акторов с нижних на высшие уровни процесса. Для этого используются два вида стратегий: институциональный и активистский. Первый заключается в том, что акторы нижних уровней объединяют свои усилия в рамках организаций (объединений, ассоциаций, лоббистских групп и пр.), создаваемых для представления их интересов на более высоких уровнях. Примером может служить деятельность таких организаций, как Ассоциация сибирских городов, эффективно развивающаяся больше десяти лет и представляющая интересы Сибири на федеральном уровне, Ассоциация ректоров университетов России, играющая важную роль в реформировании образования, и др. Что касается второго вида стратегий, то наиболее ярким примером служит акция российских пенсионеров, дружно начавших возвращать Президенту РФ дарованную им нищенскую прибавку к пенсиям. Эта акция получила широкое освещение в печати, произвела впечатление на Правительство и увенчалась более заметным повышением пенсий.

В заключение заметим, что, несмотря на отмеченные трудности, операционализировать понятия *макро-, мезо-* и *микроакторы* с целью проведения конкретных исследований можно и нужно. Но главная цель их введения — аналитическая. Использование этих понятий позволяет конкретизировать представление о социальном механизме социетальных трансформаций, а также о вертикальной проекции социально-трансформационной структуры посткоммунистических обществ.

Рекомендуемая литература

1. *Громова Р.Г.* Социальные группы как участники трансформационного процесса // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 235—243.

2. *Дилигенский Г.Г.* К проблеме социального актора в России// Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 410—418.

3. *Заславская Т.И.* Социально-трансформационная структура России // Общество и экономика. 1999. № 3—4. С. 17—27.

4. *Заславская Т.И.* Социокультурные аспекты трансформации российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 4. С. 7—12.

5. *Клейнер Г.* Современная экономика России как "экономика физических лиц" // Вопросы экономики. 1996. № 4.

6. Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней трансформационного процесса / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001.

7. *Нуреев Р.М.* Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // Мир России. 2001. № 3. С.3—66.

8. *Холодковский К.Г.* О корнях идейно-политической дифференциации российского общества // Человек в переходном обществе. Социологические и социально-психологические исследования. М.: ИМЭМО, 1998.

9. Экономические субъекты постсоветской России. (Институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001.

Глава тринадцатая

ИЕРАРХИЧЕСКИЕ СЛОИ ОБЩЕСТВА КАК АКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

13.1. Стратификация современного российского общества

Ранее (гл. 7) мы уже обращались к проблемам, связанным с социальной структурой общества. Сдвиги, происшедшие в ней за время реформ, рассматривались тогда в контексте итогов социетальной трансформации общества. Объектом анализа служило изменение системных характеристик социальной структуры, а именно ее функций в развитии общества, качества их выполнения, возможностей регулирования происходящих в этой области процессов.

В данной главе ставятся другие задачи. Во-первых, здесь анализируется состояние стратификации российского общества в настоящее время, во-вторых, в центре внимания находятся характеристики его конкретных слоев и страт, в-третьих, основной целью анализа служит оценка этих слоев и страт как потенциальных *акторов* трансформационного процесса. В связи с этим анализируются особенности их статуса и ресурсной базы, их состав и внутреннее устройство, культурные характеристики, политический менталитет, интенсивность и эффективность трансформационной активности.

В дальнейшем анализе довольно широко используются результаты исследования социальной структуры и стратификации российского общества, проведенного автором в 1996—2000 годах. Это исследование базировалось на данных общероссийского мониторинга "Экономические и социальные перемены в России", проводимого ВЦИОМ с 1993 года. Методология, методика и основные результаты первого этапа этой работы опуб-

ликованы в научных журналах[1]. Данные, относящиеся к 1998—2000 годам, публикуются впервые. Углубленный анализ примерно 70 тыс. анкет работающих мужчин и женщин в сочетании с некоторыми другими данными позволил выявить следующую картину.

Верхушка российского общества представлена господствующей и правящей *элитами*, доля которых в населении составляет доли процента, в то время как находящиеся в их распоряжении ресурсы сравнимы с ресурсами остальной части общества. Второе место принадлежит субэлите, или *верхнему слою*, состоящему из собственников и менеджеров крупных предприятий, банков и фирм, генералитета силовых структур и т.п.

Между верхушкой и массовыми группами общества располагается не очень массивный социально гетерогенный *средний слой*. К нему относятся: среднее звено бюрократии, высшие и средние офицеры, мелкие и средние предприниматели, директора небольших государственных предприятий, менеджеры частного сектора, а также высококвалифицированная и востребованная часть профессионалов. Сравнительно высокий ресурсный потенциал позволяет этим группам довольно успешно адаптироваться к социально-экономической ситуации.

Основную часть общества составляет слой, который я называю *базовым*, потому что к нему относятся 2/3 занятых в экономике и более половины всех россиян. В структуре западных обществ подобное место занимают средние классы, однако наш самый массовый слой начисто лишен свойственных этим классам признаков, поэтому называть его средним — значит запутывать дело. Некоторые социологи для обозначения этого слоя используют термины ниже среднего или нижний средний, но они громоздки и не очень точны. Термин *базовый* представляется более удачным, так как данный слой в силу своей массовости действительно составляет *социальную базу* общества. Здесь сосредоточено подавляющее большинство рядовых специалистов массовых профессий (инженеров,

[1] См. статьи *Т.И. Заславской*: Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2; Структура современного российского общества // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 7—13; Социальная стратификация современного российского общества // Там же. 1996. № 1. С. 7—13; Доходы социальных групп и слоев России // Там же. 1996. № 2. С. 7—15.

учителей, врачей и др.), клерков, индустриальных рабочих, крестьян, фермеров, работников торговли и сферы обслуживания.

К более узкому и маловлиятельному *нижнему* слою общества относится наименее квалифицированная часть рабочих и служащих, лица, не имеющие профессий, хронически безработные, а также большинство пенсионеров и инвалидов, располагающих минимальными средствами к жизни.

Замыкает стратификационную шкалу России обширное *социальное дно*, представители которого фактически исключены из общества. Они живут по собственным нормам и правилам, часто противоречащим морали и праву. Это воры, бандиты, рэкетиры, проститутки, нищие, бомжи, бродяги, беспризорные дети и подростки[1], алкоголики и наркоманы, живущие в семьях[2].

Если исключить малочисленную и недоступную эмпирическим исследованиям элиту, а также социальное "дно", представителей которого вряд ли можно причислить к работающей части населения, то можно утверждать, что количественное соотношение основных слоев российского общества отличается большой устойчивостью. В 1993 году соотношение верхнего, среднего, базового и нижнего слоев занятого населения России выражалось пропорцией: 6:13:72:9; а в 2000 году — 5:15:68:12[3]. Однако эти цифры относятся только к той части населения, которая занята в экономике и попадает в социологические опросы. Такие же группы, как элита, верхняя часть субэлиты, а также пенсионеры, домохозяйки, безработные и обитатели социального "дна", здесь не учитываются. Между тем, последние группы, за некоторым исключением, относятся к самой депривированной части населения. Сделанная мною попытка оценить приблизительное соотношение выделенных

[1] По разным данным, беспризорных детей и подростков в России сейчас около 2 млн.

[2] По данным Л.М. Тимофеева, одних только наркоманов насчитывается до 3 млн. чел.

[3] Эти данные в основном совпадают с результатами, полученными другими учеными, изучающими социальную стратификацию России, большинство из которых выделяют от 5 до 7 иерархических слоев. См., напр.: *Беляева Л.А.* Социальная стратификация и средний класс в России. Институт философии РАН, М.: Academia, 2001. *Голенкова З.Т.* На пути к новой стратификации российского общества// Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 24—37; *Она же.* Основные тенденции трансформации социальных неравенств // Россия: Трансформирующееся общество. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 90—103; *Лепехин В.А.* Стратификация в современной России и новый средний класс // Общественные науки и современность. 1998. № 4.

слоев *во всем взрослом населении* страны дала принципиально иной результат. Доли элиты, верхнего, среднего и базового слоев, а также социального "дна" соотносятся в нем как 5:11:49:30:5. Конечно, эти оценки примерны, но правильность порядка приведенных цифр подтверждается целым рядом других исследований социальной структуры России[1].

13.2. Правящая элита России

Под правящей элитой понимается совокупность индивидов и групп, обладающих либо официальными полномочиями, либо неформальными возможностями принимать решения общегосударственного уровня. Круг ее очень узок (вряд ли более нескольких десятков тысяч человек)[2], но могущество весьма велико. К правящей элите принято относить три группы: политиков, занимающих высшие государственные посты, верхнее звено бюрократии и бизнес-элиту, представленную в настоящее время собственниками крупнейшего капитала[3]. Наиболее значимым ресурсом правящей элиты России является политический капитал, или власть, дающая легитимное право управлять собственностью и финансами государства. Отсюда — либо прямая формальная, либо латентная, но надежная связь всех групп правящей элиты с государственными структурами.

Главная функция элиты в трансформационном процессе состоит в выработке, легитимизации и реализации общей стратегии реформирования общества. Чтобы эффективно реализовать эту функцию, представители этой группы должны

[1] Так, репрезентативное для России исследование социальной стратификации современного российского общества, выполненное коллективом под рук. Т.М. Малевой, позволило выделить следующие пять четко отличающихся друг от друга страт: высшая — 6,9%, выше средней — 12,2%, средняя —33,1%, ниже средней — 37% и нижняя — 10,8%. Правда, авторы этого исследования называют выделенные слои иначе, чем это делаю я (начиная сверху: "ядро среднего класса", "полуядро среднего класса", "периферия среднего класса", "ниже среднего" и "низший слой"). Но гораздо важнее, что *количественные пропорции* между выделенными слоями очень близки к полученным мною. См.: Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой. М.: Гендальф, 2003. С. 226.

[2] В основу этой оценки положена численность советской номенклатуры в конце 1980-х гг. с учетом, с одной стороны, значительного расширения органов управления Россией, а с другой — соотношения между Россией и СССР.

[3] Несколько лет назад состав правящей бизнес-элиты и собственников крупного капитала существенно расходился. См.: *Крыштановская О.В.* Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. 2002. № 4. С. 30—31.

обладать многими редкими качествами — современным менталитетом, государственным типом мышления, готовностью к защите общенациональных интересов от корыстных действий отдельных групп и т.д. За 10—15 лет более или менее свободной жизни такая элита сформироваться, разумеется, не могла. Однако современная правящая элита России отличается от советской многими важными качествами: в частности, генезисом, моделями рекрутирования, социально-профессиональным составом, внутренней организацией, политической ментальностью, характером отношений с обществом и, что для нас особенно важно, уровнем реформаторского потенциала. Остановимся на этом подробнее.

В результате изменения механизмов рекрутирования персональный состав российской элиты частично сменился и перегруппировался. Коммунистическая номенклатура формально исчезла, растворившись в других слоях, хотя фактически 30—40% должностей, прежде считавшихся номенклатурными, и сейчас заняты бывшими представителями второго и третьего эшелонов номенклатуры и их младшими родственниками. Около 30% составляют они и в составе бизнес-элиты[1]. Вместе с тем правящая элита России основательно пополнилась бывшими деятелями демократического движения и лицами, сделавшими успешную карьеру в бурные годы реформ. В итоге правящий слой профессионально и интеллектуально заметно обогатился. В верхних эшелонах российской власти никогда не было столько специалистов, получивших образование в престижных российских и зарубежных университетах, как сейчас[2]. Но после того, как новое пополнение было ассимилировано, каналы обновления элиты за счет выходцев из средних слоев практически закрылись.

Главным фактором пополнения правящей элиты было формирование крупных частных капиталов. Возникновение некоторых из них стало результатом эффективного использования средств, накопленных еще в советское время, либо полузаконными (комсомольское предпринимательство), либо чисто теневыми путями. Но главным механизмом их формирования стала латентная (в 1986—1991 гг.)[3], а затем открытая (в 1992—1994 гг.) приватизация высот экономики, сочетавша-

[1] *Крыштановская О.В.* Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. 2002. № 4. С. 42.

[2] 97% бизнес-элиты России имеют высшее образование, в том числе 12—13% — два высших образования. Преобладает инженерно-техническое, экономическое и юридическое образование. См.: Крыштановская О.В., Бизнес-элита и олигархи. С. 42.

[3] Там же.

яся с практикой "назначения" близких к президенту России лиц миллиардерами через предоставление им эксклюзивных условий предпринимательской деятельности. Так что властный потенциал современной элиты базируется уже на двух основаниях — месте в управлении страной и масштабе частной собственности.

Изменился и тип организации властной элиты. Известный ее исследователь О.В. Гаман-Голутвина выделяет два типа организации властного класса: бюрократический и феодальный (олигархический). Первый основан на разграничении функций экономического и политического управления, второй же базируется на их слиянии. Российское государство от века было служилым. Его основу составляла всеобщность обязанностей перед государством. Правящая элита была представлена здесь высшим эшелоном бюрократии, формировавшимся по принципу "привилегии — за службу". Служебный принцип рекрутирования элит обеспечивал приоритет политической элиты над экономической. Но он же предполагал жесткое подчинение даже самых ответственных чиновников верховной (царской, а в советское время — партийной) власти. В силу этого ни властный класс дореволюционной России, ни советская номенклатура, по мнению этого автора, не были вполне полноценными элитами[1].

В результате осуществленных реформ служебный принцип рекрутирования элит стал вытесняться олигархическим, что парадоксальным образом сочеталось с преемственностью их персонального состава. В итоге в России была воспроизведена модель образования элит, характерная для феодального, а не современного Запада, где в основном сохраняется автономность государства от частных экономических корпораций[2].

Одна из наиболее характерных черт нынешней правящей элиты России — теневое сращивание государственной власти с бизнесом. Постепенно распространяясь вширь и вглубь, этот процесс охватил все звенья государственной машины. Место и связи в политической системе стали главным фактором приумножения собственности, а собственность, в свою очередь, превратилась в мощный источник политического влияния. В результате возникла олигархическая верхушка общества, сосредоточившая в своих руках как всю полноту государственной власти, так и большую часть национальных богатств[1].

[1] *Гаман-Голутвина О.В.* Бюрократия или олигархия? // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 162—163.

[2] Там же. С. 164.

В результате кризиса 1998 года финансовые состояния большинства олигархов резко уменьшились. К тому же В.В. Путин провозгласил принцип "равноудаленности олигархов от государства", отражавший установку на ослабление давления крупного капитала на власть. Действительно, влияние большинства московских олигархов на государственную политику ослабло. Но на обломках их империй возникли новые олигархии регионального, а затем и межрегионального масштаба, современная роль которых в политике значительно больше прежней. Реализовать намерение Президента не удалось, и российская власть стала еще более олигархической.

Советская номенклатура отличалась монолитным единством, за что подвергалась критике со стороны демократов. Ведь западная общественная мысль считает одним из признаков демократии плюралистическое распределение власти между элитами, представляющими интересы разных общественных групп. Однако сложившаяся в настоящее время дисперсная организация российских элит не связана с демократическим распределением власти. На самом деле российская власть имеет кланово-олигархическую структуру, не имеющую ничего общего ни с демократией, ни с сильной государственной властью, служащей общенациональным интересам.

В результате "рыночного" реформирования базовых институтов государство растворилось в частных политико-финансовых корпорациях, иными словами, оказалось приватизированным и, таким образом, потеряло способность к решению общенациональных задач. За каждой группой министерств, регионов, производственных комплексов России стоит определенный правящий клан. Важнейшие посты в Правительстве и администрации Президента, органах представительной и судебной власти занимают ставленники определенных кланов, лоббирующие выгодные тем решения. Отношения кланов, конкурирующих за доступ к власти и национальным ресурсам, остроконфликтны. Поэтому перспектива их кооперации в целях решения общероссийских проблем представляется практически нереальной. Самостоятельно же решать такие проблемы отдельные олигархи не в

[1] По утверждению Б.А. Березовского, в 1996—1997 гг. половина российской экономики контролировалась всего семью промышленно-финансовыми группами. Тем не менее О.В. Гаман-Голутвина полагает, что в России говорить об олигархии можно лишь "с известной долей условности: у нас есть олигархи, но нет и не было *олигархии как консолидированной группы*: войны между кланами носят перманентный характер" (*Гаман-Голутвина О.В.* Бюрократия или олигархия? С. 165).

силах. Президент РФ в меру сил стремится преодолеть клановый характер власти, но найти эффективный механизм надежного разделения власти и бизнеса пока не удается. Это дает основания полагать, что полуфеодальная система власти в России имеет шанс сохраниться надолго.

Правда, после того, как раздел собственности в основном завершился, возникла некоторая тенденция к консолидации элитных кланов. В ее основе — общая для них заинтересованность в легитимизации сложившегося распределения собственности, сохранении целостности России, обеспечении стабильности и преемственности власти, повышении роли государства как гаранта общественного порядка. Замедление и даже приостановка неизменно ухудшающих жизнь реформ в принципе согласуется с настроением широких групп населения. Люди устали от непрерывных новаций, жаждут стабильности или, как минимум, передышки. Однако есть опасение, что для общества, все еще находящегося между двумя принципиально разными типами систем, подобная передышка может обернуться зависанием над пропастью. Особенно в современной геополитической обстановке и в сложившихся социальных условиях.

Анализируя политическую ментальность правящей элиты России, многие исследователи подчеркивают ее беспринципность и "холопство". Ради государственной поддержки многие ее представители готовы беззаветно угождать "государю", воля которого ставится превыше всего[1]. Томский политолог А.И. Щербинин, изучающий эту проблему, считает, что "базовыми мотивациями российской элиты являются сохранение и повышение статуса, страх и стремление заработать (последнее — в меньшей степени)... Без "административного капитала", полным владельцем которого является государь, нынешняя русская элита существовать не может... Многие представители элит возглавляют крупные частные компании, сохраняя административную "пуповину" с государственным

[1] «В 1991 году народ России свободным волеизъявлением с неподдельным энтузиазмом впервые в своей истории избрал Президента. Именно Борис Ельцин отстоял право быть избранным, а не назначенным. В 1994 году ближайшее окружение Президента стало иногда робко, и безусловно по собственной воле, называть его "ЦАРЕМ". В 1997 году огромная часть российского общества громко и совсем без иронии называет Б. Ельцина "Царем". Сам Борис Николаевич не так давно назвал (надеюсь, в шутку) себя Борисом Первым. Самый "молодой реформатор" Б. Немцов сказал, что если Ельцин — Царь, то он (Немцов) — монархист» (*Березовский Б.* Генетическая трансформация России: экономика, политика, менталитет. М., 1998. С. 10–11).

телом. В сущности, именно тесная связь с новым государством и поддерживает их на плаву"[1]. Из этого автор делает вывод о том, что верхушка элиты "никогда не будет оппозиционной, она не способна стать российской Фрондой... Она стремится не столько к статусу контрэлиты, сколько к полному холопству. Даже когда некоторая часть российской элиты противостоит власти, она не превращается в контрэлиту. И государем, и народом, и в собственной оценке она рассматривается скорее как бунтарская оппозиция"[2].

Аналогичное убеждение выражает Гаман-Голутвина. Проанализировав отношения между федеральной и региональными элитами, она с горечью заключает, что "преклонение перед силой остается доминирующей установкой поведения и центральной, и региональных властей, и населения", поскольку "в нашем обществе по-прежнему нет граждан, а есть лишь подданные. Это в равной степени характеризует и население, и представителей нового властного класса, поспешившего выстроиться в очередь к новому монарху"[3].

Таким образом, ключевыми чертами современной российской элиты являются, с одной стороны, безоговорочная, почти подобострастная преданность Президенту, а с другой — своекорыстие, устойчивый приоритет, отдаваемый клановым интересам по сравнению с общенациональными. Это две стороны единого образа, сущностная черта которого — беспринципность. По-видимому, это историческое наследие самодержавия, поскольку сочетание своекорыстия и холопства служило родовой чертой российских вельмож. Люди, не обладающие этими качествами, на вершине власти здесь не выживают.

В постреформенный период, по мнению Гаман-Голутвиной, названные черты элиты еще усилились: она подвергла фундаментальному сомнению "сам *принцип* устойчивости смыслов и ценностей в политике... Универсальным принципом нового политического поколения становится прагматизм, даже утилитаризм, согласно которому истинно то, что полезно"[4].

Очень важно то обстоятельство, что большая часть новой российской элиты оказалась на вершине общества не вполне легитимным, если не криминальным путем. В Гене-

[1] *Щербинин А.И.* Человек во власти (региональные политические элиты в современном избирательном процессе) // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 212.

[2] Там же.

[3] *Гаман-Голутвина О.В.* Бюрократия или олигархия? // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 172.

[4] Там же. С. 167–168.

ральной прокуратуре РФ находятся сотни уголовных дел против депутатов Государственной думы, действующих и бывших министров РФ, руководителей и ведущих сотрудников правоохранительных органов. Все эти дела (кроме политических) лежат без движения и даже не отражаются в отчетах Прокуратуры[1]. Какие бы "преступления века" ни совершались представителями властной элиты, они остаются безнаказанными, а в тех редких случаях, когда дело доводится до суда, за вынесением приговора сразу же следует амнистия. Причина заключается в том, что серьезное расследование любого из этих дел неизбежно вызвало бы грандиозный скандал и скомпрометировало *всю* правящую элиту, потому что тот или иной криминал можно найти в биографиях большинства высокопоставленных чиновников, не говоря об олигархах. Отсюда — круговая порука представителей власти.

Обсуждая эту важнейшую проблему, А.Г. Здравомыслов пишет: "...новый политический класс ... стал реальным субъектом построения особого мира, в котором политический капитал, возникший вначале как капитал доверия, быстро превращался в такие ресурсы, как недвижимость и государственные ценные бумаги, обретение жилья и связей в столице, деловые поездки за рубеж и на отдых на престижные курорты, заграничное образование для детей и внуков и т.д. Обмен политического капитала на ресурсы личного благосостояния стал основной реальностью, с которой столкнулся политический деятель новой России. И он стремится не упустить представившиеся возможности, инстинктивно чувствуя их недолговечность"[2].

Из сказанного ясно, что стратегический потенциал современной правящей элиты России весьма ограничен. Формально она должна выполнять роль "впередсмотрящего", уполномоченного обществом защищать его интересы, повышать жизнеспособность России. Фактически же она сконцентрирована на собственных интересах, не продуцирует конструктивных идей, обеспечивающих выход России из кризиса, не делает практических шагов в этом направлении. К тому же ей удалось установить такие правила игры, которые обеспечивают ее бесконтрольность и безответственность перед обществом. Результатом является углубление взаимного отчуждения власти и общества, проявляющегося, с одной

[1] См., напр.: *Шлейменов Р.* Кто и сколько украл в России. Рецензия на ежегодный прокурорский доклад // Новая газета. № 17 (850). 6—12 марта 2003 г.

[2] *Здравомыслов А.Г.* Власть и общество: кризис 90-х годов // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 141.

стороны, в равнодушии власти к бедам народа, а с другой — в тотальном недоверии народа к представителям и институтам власти.

13.3. Верхний слой общества (субэлита)

Начну с терминологии. Слой, который я называю *верхним,* является таковым по отношению *ко всем* остальным слоям, попадающим в массовые обследования. (Занимающая еще более высокое положение *элита* составляет, согласно оценкам, менее одного процента россиян.) Между тем, целый ряд исследователей рассматривают этот слой как "средний", "верхний средний", "новый" или "динамический средний", как "ядро среднего класса" и т.д. Эта позиция аргументируется тем, что по своим качествам данный слой российского общества напоминает средние классы западных обществ. С моей точки зрения, этот аргумент неубедителен, так как модели стратификации призваны отражать внутреннюю структуру изучаемых обществ, а не их соотношение с внешними образцами. Строго говоря, и тот слой россиян, который я называю "средним", а коллектив под руководством Т. Малевой именует "полуядром средних классов", может быть назван средним лишь с некоторой натяжкой, так как фактически его статус заметно выше среднего уровня. *Средним* я называю его на том основании, что он занимает *среднее положение* между преуспевающим верхним слоем и кое-как перебивающимся базовым слоем[1].

Итак, *верхний слой* российского общества образуют примерно 5—7% наиболее процветающих россиян. Это — слой новых хозяев России: собственников, крупных начальников, высоких профессионалов (известных адвокатов, врачей, писателей, артистов, ученых) , культурный капитал которых достаточен для получения значительных дивидендов[2]. Около 70% представите-

[1] В дальнейшем, приводя имеющиеся в научной литературе сведения о составе, положении и качествах социальных слоев, я буду пользоваться для их обозначения своей терминологией. Иными словами, 5—7% россиян, занимающих лучшее положение, буду называть *верхним* слоем, следующие 11—12% — *средним* слоем и т.д, независимо от того, как их называют другие авторы. В противном случае неизбежно возникла бы путаница.

[2] В.И. Ильин пишет по этому поводу: "Культурный капитал — это культурные ресурсы, которые в данной рыночной ситуации приносят дивиденды. Следовательно, человек, занимающий позицию в этом поле, получает зарплату и дивиденды... К новому среднему классу [согласно моей терминологии, к верхнему слою — *Т.З.*] стоит относить лишь те позиции, в которых ключевой частью дохода будут дивиденды на культурный капитал... Часть ди-

лей этого слоя имеют высшее образование, в том числе 7% — научную степень. Более половины владеют английским языком на уровне чтения, в том числе 23% читают и могут объясняться (в среднем по выборке — соответственно 17 и 5%). В основном это выходцы из культурных семей: у 42% из них отец и у 35% мать имели высшее образование, в то время как в средние значения этих показателей составляют 12 и 10%[1].

Верхний слой составляет базу формирования и главную социальную опору элиты, вместе с ней он держит в своих руках рычаги управления обществом. Представители этого слоя участвуют в принятии хотя и локальных, но важных решений. Они организуют и контролируют ход социальных преобразований, занимаются крупным предпринимательством. Примерно 20—22% этого слоя являются владельцами или руководителями фирм, 28% — руководителями подразделений, 43% — специалистами. По данным опроса, средний уровень получаемой ими зарплаты в 4 раза выше, чем основной массы россиян, сосредоточенной в базовом слое[2]. Между тем в опросы попадает лишь нижняя часть этого слоя и, к тому же, его представители не хотят шокировать интервьюеров слишком высокими цифрами. О реальном уровне доходов верхней части данного слоя можно догадываться по мощи загородных особняков, огражденных неприступными заборами и вооруженной охраной. Не случайно они чаще других становятся жертвами уголовной преступности.

По образовательной и профессиональной структуре, качеству жизни и стандартам потребления этот слой близок к западным средним классам. 88% его представителей имеют сбережения, 52% — легковые автомобили, 42% — летние дачи, 40% — компьютеры, 30% — видеокамеры и т.д.[3] Это единственный крупный слой российского общества, обладающий значительной собственностью и экономической независимостью. В силу этого он способен активно влиять на развитие со-

видендов на культурный капитал выплачивается в натуральной форме. Это персональный транспорт.., кабинеты повышенной комфортности и престижности, дополнительные дни к отпуску, гибкий график работы, командировки, которые сливаются с туристическими поездками, и т.д. Наличие таких натуральных форм выплаты дивидендов, не облагаемых налогами, позволяет существенно поднять уровень реальных доходов членов нового среднего класса [верхнего слоя. — *Т.З.*] по сравнению с рабочими. См.: *Ильин В.И.* Методологические проблемы анализа классовой структуры // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С. 269—271.

[1] Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Гендальф. 2003. С. 258, 261, 267.

[2] Там же. С. 270, 271.

[3] Там же. С. 232—233.

бытий в стране. Около половины его представителей рассматривают себя и себе подобных как силу, способную вывести Россию из кризиса.

Представленная в научной литературе оценка верхнего слоя как актора трансформационного процесса неоднозначна. Большинство исследователей отмечают его высокий ресурсный и инновационно-деятельностный потенциал. Л.А. Беляева характеризует этот слой как новую социальную страту, "которая не относится к элите, но у которой доминируют востребованные в данный период продуктивные модели экономического поведения и складывается либеральная система ценностей... Для них свобода личности почти столь же значима, как и личная безопасность, а среди прав и свобод только они поставили на первое место право на личную собственность и на второе место — равенство перед законом"[1]. Этот слой характеризуется самыми высокими самооценками своей материальной обеспеченности, профессионализма, приспособленности к сложившейся ситуации, а также зависимости своего экономического положения от индивидуальных усилий (в среднем 6 баллов по 9-балльной шкале)[2].

Г.Г. Дилигенский связывает особую важность этого "довольно значительного меньшинства" с тем, что его представители, в отличие от большинства сограждан, положительно оценивают проведенные реформы. В результате реформ они получили нужную для их деятельности свободу, весьма высоко ее оценивают и базируют на ней свою жизненную практику. В результате их творческие потенции высвобождаются и направляются в русло инновационной активности[3]. Действительно, верхний слой объединяет наиболее активную часть общества, стремящуюся и умеющую добиваться успеха. Его представители заинтересованы в надежной защите частной собственности, развитии современных рыночных институтов, поддержании социального порядка, так как любые социальные сотрясения угрожают им крупными потерями. Высокий экономический, культурный и деятельностный потенциал этого слоя в принципе мог бы сделать его не только конструктивным социальным актором, но и *лидером* социально-преобразовательного процесса. Однако активность этого слоя проявляется преимуще-

[1] *Беляева Л.А.* Динамика социальной стратификации в период реформ // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С. 249.

[2] Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. С. 271.

[3] *Дилигенский Г.Г.* Люди среднего класса. М., 2002. С. 274—275.

ственно в экономической, культурной и социальной сферах, в то время как в политическом отношении он довольно инертен.

Важно отметить и то обстоятельство, что и статус, и психология верхнего слоя ближе к элите, чем к среднему слою, не говоря об остальной части общества. Именно в этой точке стратификационной шкалы происходит *качественный* скачок, принципиальное изменение социального статуса. Между тем, в основе успехов заметной части представителей верхнего слоя лежат нелегитимные, осуждаемые обществом действия. Высокий статус был достигнут ими на фоне общего упадка и не в последней степени — за счет нижестоящих слоев. Демонстративно расточительное потребление этой верхушки общества, широко рекламируемое СМИ, ее пренебрежение законом, уверенность в том, что все продается и покупается, вызывают отчуждение нижестоящих слоев. В целом представители этого слоя воспринимаются обществом не столько как его "золотой фонд", сколько как группа наиболее энергичных, но не очень порядочных людей, которые воспользовались смутным временем для того, чтобы "набить свои карманы".

Сказанное не позволяет рассматривать верхний слой российского общества в качестве идейного лидера, инициирующего либерально-демократические реформы и организующего их претворение в жизнь. В действительности роль этого слоя в трансформационном процессе состоит в постановке и решении некоторых новых задач, освоении новых предметов и форм социальной, экономической и политической деятельности и их трансляции в более массовые группы[1].

13.4. Средний слой российского общества

Проблемам среднего слоя России посвящено множество исследований. Повышенный интерес социологов к этому слою в значительной мере объясняется тем, что он, с одной стороны, имеет некоторые (хотя и меньшие, чем у вышестоящих слоев) ресурсы для свободной социально-инновационной деятельности, а с другой (хотя и с меньшим основанием, чем нижестоящие слои) — может рассматриваться как массовый. Сочетанием таких качеств не может похвалиться ни один другой слой российского общества. В центре внимания исследователей среднего слоя России в течение довольно долгого времени находились его генезис, структура, границы, количественный и качественный состав. Деятельностные же особенности его представителей, их современная роль в трансформационном процессе, потенциальная способность стать движущей силой развития общества, хотя и очень интересовали ученых, но фактически изучались слабо. Проведенные же в последнее время исследования концентрируются именно на этой проблеме.

[1] Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. С. 431.

Средний слой советского общества, роль которого играла интеллигенция, в результате реформ расслоился. Одновременно возникли новые группы, тяготеющие к середине стратификационной шкалы. На их базе при благоприятных условиях со временем может сложиться новый достаточно массовый средний слой (или класс) как целостное социальное образование. Пока же этот слой представляет собой совокупность нескольких разрозненных групп, имеющих более или менее сходный статус. Согласно нашим расчетам, в 1993 году представители среднего слоя России составляли 13% от общего числа занятых в экономике. За последующие 3—4 года их доля возросла в полтора раза (до 18—19%), но кризис 1998 года вернул их в прежнее положение. В 2000 году на долю среднего слоя приходилось всего 15% занятых. Таким образом, за 7—8 лет он практически не расширился. Зато состав его существенно изменился (табл. 13.1).

Таблица 13.1

Социальный состав средних слоев России (в %)

Социально-профессиональные группы	Годы	
	1997	2000
Мелкие предприниматели и полупредприниматели	44	34
Высокооплачиваемые специалисты	21	22
Средние и низшие менеджеры	11	13
Работники управленческих структур	6	6
Военные, представители силовых структур	18	25

В 2000 году около трети среднего слоя России составляли "служилые" люди: старшие и средние офицеры силовых структур, работники правоохранительных органов (25%), а также государственные служащие среднего и нижнего рангов (6%). Около половины (47%) этих слоев приходилось на мелких предпринимателей и менеджеров различных фирм, а чуть больше пятой части (22%) составляла сравнительно хорошо оплачиваемая часть специалистов. В результате кризиса 1998 го-

да доля мелких предпринимателей сократилась с 44 до 34%, а работников силовых структур — выросла с 18 до 25% (а в 1993 г. она составляла всего 14%). Столь сильные изменения за короткий срок свидетельствуют о качественных сдвигах в составе серединной части общества.

Материальное и социальное положение большинства представителей российского среднего слоя можно охарактеризовать как "скромное благосостояние": они не бедствуют, но в деньгах не купаются. Их доходы в 2—2,5 раза выше доходов нижестоящих слоев, но в 2,2 раза ниже той части верхнего слоя, которая попадает в опросы[1]. Высокая самооценка своего профессионализма и значимости личных усилий (6 и 5,8 баллов 9-балльной шкалы) сочетается здесь со сравнительно низкой самооценкой материального положения (3,9 балла)[2]. Тем не менее позитивные оценки социального настроения преобладают над негативными, поддержка реформ встречается вдвое чаще, чем в базовом слое, хотя и не доминирует, как у верхнего слоя.

В целом и демографический, и социально-экономический статус представителей среднего слоя открывает определенные возможности социально-инновационной деятельности, и многие из них действительно апробируют новые способы социальных действий, виды деятельности, профессии, стили жизни. Именно их трансформационная активность ведет к изменению локальных и отраслевых систем рабочих мест, формирует новые модели отношений между работниками и работодателями, способствует развитию рынков труда, товаров, услуг, практическому освоению и закреплению новых гражданских прав и свобод[3].

Г.Г. Дилигенский на основе нескольких десятков углубленных интервью сделал вывод, что для *наиболее продвинутых* представителей российского среднего слоя характерна активная инновационная роль в экономике и культуре. Это объясняется многообразием их социально-профессиональных статусов и форм деятельности, а также наличием таких позитивных

[1] Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. С. 270.

[2] Там же. С. 271.

[3] В последнем отношении одним из примеров могут служить успешные обращения российских граждан в Амстердамский суд с исками к российскому государству. Подобная практика важна не только сама по себе, но и потому, что ее укоренение со временем может поставить конец безнаказанности и безответственности бюрократии, вынудить ее серьезно относиться к правам человека. В сущности этот процесс уже идет.

черт, как динамизм и мобильность, преобладание достижительных мотиваций, трудолюбие, свободолюбие и предприимчивость[1]. Однако распространять эти характеристики на *весь средний слой* России, по мнению Дилигенского, нельзя, потому что "... выделенный по каким бы то ни было признакам реальный или потенциальный средний класс не представляет собой какого-либо единого социального образования. Это всего лишь масса "не особенно богатых и не особенно бедных" людей и групп, глубоко дифференцированная в экономическом, социальном, культурном и психологическом отношениях"[2]. Достаточно напомнить хотя бы о том, что почти 1/3 среднего слоя России составляют военные и чиновники, большинству которых идеи либерально-демократического преобразования общества совершенно чужды, и ожидать от них социально-инновационной активности нет оснований.

Не менее важно, что из сферы воздействия даже наиболее продвинутой части среднего слоя фактически выпадают институты власти, социетальный и политический уровни управления обществом, где "правят бал" верхнее звено бюрократии, олигархические группировки и узкий слой политической элиты. По мнению Дилигенского, "такая расстановка сил ущемляет интересы среднего класса и порождает его латентный конфликт с правящей бюрократией и связанным с ней олигархическим капиталом. Однако неорганизованность и раздробленность средних слоев препятствуют перерастанию этого конфликта в открытые и социально конструктивные формы, способствуя "консервации сложившейся социетальной ситуации и вместе с ней кризисного состояния российского общества"[3].

Подводя итог, можно сказать, что средний слой российского общества обладает более высоким ценностно-деятельностным потенциалом, чем его базовый и нижний слои, он выше ценит самостоятельность и независимость, лучше адаптирован к рынку. Роль этого слоя в трансформационном процессе состоит главным образом в освоении и распространении новых социальных, экономических и культурных практик как в сфере труда и занятости, так и в сферах потребления и досуга. Становление таких практик инициируется частично верхним слоем, а частично — самими представителями среднего слоя. По мнению специально исследовавшего этот вопрос В.В. Ра-

[1] *Дилигенский Г.Г.* Люди среднего класса. С. 277.

[2] Там же. С. 273.

[3] Там же. С. 278.

даева, в сфере инновационных форм деятельности активность верхнего и среднего слоев в несколько раз превышает активность более массовых слоев[1].

Однако, как правило, эта активность осуществляется на индивидуальном и групповом уровне, не принимая каких-либо организованных форм. Несмотря на понимание важности коллективных действий, у большинства представителей среднего класса, как и у остальных россиян, отсутствует стремление к самоорганизации, даже для защиты собственных интересов. Им присущ асоциальный синдром, отсутствие культуры совместного действия. Низкую способность к ассоциированию и самоорганизации демонстрируют предприниматели, большинство из которых не расположены к объединению во имя защиты общих интересов, а существующие в России объединения оценивают как неэффективные, "номенклатурные" и пр.[2] По мнению Г.Г. Дилигенского, люди среднего класса являются в этом смысле не столько реальными, сколько потенциальными социальными акторами[3].

13.5. Базовый и нижний слои

Б*азовый слой* объединяет большинство россиян. Это массовая часть интеллигенции, рабочие, крестьяне, рядовые работники торговли и сервиса, технический персонал. В *нижнем* слое сосредоточены наименее образованные, бедные и социально беспомощные люди: неквалифицированные рабочие, лица без профессий, вынужденные мигранты и переселенцы из республик СНГ, хронически безработные, многодетные матери, значительная часть пенсионеров и инвалидов.

[1] "Можно представить, — продолжает В.В. Радаев, — что обобщенный средний класс [в моей терминологии — верхний и средний слои. — *Т.З.*] располагается на двигающемся фронтире или поблизости от него, осваивая новые предметы и формы деятельности, транслируя их далее — в более массовые группы. С его приходом инновационное становится практической проблемой и объектом публичного обсуждения. А в момент, когда основная часть такого среднего класса освоит новые вещи и практики, они уже утрачивают инновационность. Они становятся доступными массовым слоям общества, а для средних классов превращаются в нечто привычное, даже обыденное". См.: *Радаев В.В.* Средний класс: модели поведения. Обычные и инновационные практики // Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. С. 424.

[2] Там же. С. 245—248.

[3] *Дилигенский Г.Г.* Люди среднего класса. С. 165.

Большинство представителей этих слоев заняты исполнительским трудом. В социальном плане их деятельность, как правило, носит не преобразовательный, а традиционный характер. Поэтому их влияние на трансформационный процесс чаще реализуется не через инновационную деятельность, а через реализацию новых и традиционных способов *адаптационного* и *протестного поведения*, преобразующих социальные практики. Конечно, часть представителей базового слоя осуществляет какую-то социально-инновационную деятельность, но из-за ограниченности ресурсов она носит мелкомасштабный характер.

В составе обоих рассматриваемых слоев заметно повышена доля женщин, лиц среднего и старшего возраста, людей с общим средним образованием, жителей малых городов или сел. В результате реформ уровень и качество жизни большинства из них существенно снизились, не в последнюю очередь потому, что причастные к власти группы в процессе реформ не раз лишали их адаптационных ресурсов (через обесценение сбережений, ликвидацию значительной части рабочих мест, длительные задержки заработной платы и др.).

Средняя зарплата большинства представителей базового и нижнего слоев примерно в 2 раза ниже, чем у среднего, и почти в пять раз ниже, чем у верхнего слоя. Наиболее продуктивные модели экономического поведения им, как правило, не доступны, поэтому их адаптационные стратегии в основном направлены на поддержание сложившегося уровня жизни. Настроение этой части общества не слишком оптимистично: многие испытывают напряжение, раздражение, страх и тоску. Однако в последние годы положение заметно улучшилось. По данным ВЦИОМ, с 1999 по 2002 год доля россиян, считающих, что они в основном приспособились к рыночной экономике, увеличилась с 66 до 85%. Значительно меньше стало тех, кто считает свое материальное положение плохим, испытывает сильное недовольство жизнью, напряжение, страх или тоску. В 1999 году их было примерно 60%, а в 2002 году — около 40%. Основная часть этого позитивного сдвига приходится на долю базового и нижнего слоев.

Тем не менее даже 40% граждан, глубоко недовольных своим положением, — это очень много. В принципе такая ситуация должна была бы вызывать акции массового протеста, прежде всего, со стороны представителей базового и нижнего слоев. Но в действительности протестный потенциал этих слоев очень низок. Ю.В. Арутюнян объясняет это следующими

причинами. Во-первых, группы, сильнее других пострадавшие от реформ, объединяют старых, усталых, социально беспомощных людей. Во-вторых, социальные взрывы обычно осуществляются темными и забитыми людьми, в то время как современные россияне неплохо образованы и помнят исторические уроки революций. В-третьих, в силу существующего идеологического вакуума классового сознания большинство людей не понимают ни происходящего, ни своих собственных интересов. Поэтому "классовое противостояние процессам неограниченной "капитализации" отечественной экономики *не имеет* определяющего и тем более угрожающего для системы выражения"[1]. Иными словами, верхние слои общества могут спать спокойно.

Аналогичные аргументы выдвигает и Дилигенский. Обсуждая причины, препятствующие развитию массовой социально-политической активности в России, он пишет: "Во-первых, это архитипические особенности русской ментальности, отсутствие традиций гражданского действия, коренящееся в мало изменяющейся на протяжении веков структуре отношений между деспотической властью и обществом. Во-вторых, российское общество в его нынешнем состоянии лишено как непротиворечивой и достаточно разработанной формальной законодательной базы, так и неформальной системы правил и культурных норм, регулирующих повседневные отношения социальных субъектов. В-третьих, в российском обществе существует когнитивный вакуум в отношении общественной действительности... Этот вакуум крайне затрудняет осознание и структурирование социальных интересов, а ведь только на основе защиты таких интересов и могут формироваться социальные акторы"[2].

Обобщая доминирующие в научной литературе представления о рядовых россиянах, можно назвать их следующие социально-психологические черты:

— глубокое отчуждение от власти, недоверие к ее институтам, инициативам и реформам, сочетающееся с патерналистскими ожиданиями в адрес государства;

— слабость гражданских, достижительных и либеральных ценностей, высокую ценность покоя и воли, рассматриваемых как отсутствие внешнего принуждения и внешних ограничений;

— высокую значимость личностных и социальных сетей, преобладание ориентации на семью или узкий круг близких людей, коллективизм, взаимопомощь;

— неразвитость рациональных мотиваций, неодобрительное отношение к богатству, нерасчетливость поведения;

— слабое уважение к формально-юридическим нормам, сниженный уровень моральных запретов, склонность к анархии;

— слабую гражданскую активность, отсутствие навыка борьбы за свои права, предпочтение стратегий пассивного терпения или скрытого саботажа при сохранении внешней покорности власти.

Сочетание этих бесспорно присутствующих в русском национальном характере черт свидетельствует о том, что большинство россиян пока не готово выступать в роли эффективных и инициативных акторов трансформационного процесса. Правда, исследователи отмечают, что под влиянием реформ массовые слои общества активизируются. Их представители активнее включаются в самостоятельные действия, не надеясь на помощь властей и не обращаясь к ним за помощью, они больше трудятся по месту основной работы, используют любую возможность подзаработать, тратят больше усилий на ведение личных подсобных хозяйств и садово-огородных участков. Но возможности дальнейшей активизации этих слоев ограничиваются тем, что по сравнению с верхним и средним слоями их представители действуют, как правило, в менее развитой социальной среде. Они живут в менее "продвинутых" поселениях, заняты в менее прибыльных отраслях хозяйства, чаще работают в государственном, чем в частном секторе экономики, владеют преимущественно традиционными профессиями.

* * *

Из всего сказанного в этой главе следует, что проведенные реформы пока не смогли пробудить, а тем более мобилизовать, основную массу россиян на решение жизненно важных проблем общества. Сегодня представители разных социальных слоев стремятся решать свои частные задачи, не понимая того (или оставаясь равнодушными к тому), что происходит на "капитанском мостике", да и на всем "корабле". Инициативных и эффективных коллективных акторов, способных выступить ли-

[1] *Арутюнян Ю.В.* О социальной структуре общества постсоветской России // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 37—39.

[2] *Дилигенский Г.Г.* К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 417.

дерами модернизационных процессов, не видно ни на одной из "палуб". Причем преодолеть эту ситуацию нелегко, так как в силу многих причин она постоянно воспроизводится.

Рекомендуемая литература

1. *Гаман-Голутвина О.В.* Современная политическая элита России: факторы неэффективности // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999. С. 249—258.

2. *Заславская Т.И.* Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5—23.

3. *Заславская Т.И., Громова Р.Г.* К вопросу о "среднем классе" российского общества // Мир России. 1998. № 4. С. 3—22.

4. *Крыштановская О.В.* Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. 2002. № 4. С. 3—60.

5. *Овчарова Л.Н., Шишкин С.В., Александрова А.Л.* Доходы населения и доступность социальных услуг. М: ИИФ "СПРОС" КонфОП, 2003. Гл. 2—5.

6. *Пастухов В.Б.* Власть и общество на поле выборов, или игры с нулевой суммой // Полис. 1999. № 5. С. 6—16.

7. *Радаев В.В.* Забытые властью : портрет новых бедных // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 328—341.

8. *Римашевская Н.М.* Человек и реформы. Секреты выживания. М.: ИСЭПН РАН, 2003. .

9. Средний класс как социальный актор: действительность и потенции // Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М.: Институт Фонда "Общественное мнение", 2002. С. 229—248.

10. Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии / Под ред Т.М. Малевой. М.: Гендальф, 2003

11. *Чирикова А.Е.* Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. М.: ИС РАН, 1997.

12. *Чирикова А.Е.* Региональные элиты и региональные процессы: власть и политика // Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Academia, 2002. С. 8—33.

13. *Шабанова М.А.* Социоструктурное "распределение" новой свободы // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2002. С. 132—139.

РАЗДЕЛ V

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА: ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ

Глава четырнадцатая

КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ РОССИИ

14.1. Горизонтальная проекция трансформационной структуры

В предыдущей главе мы проанализировали вертикальный разрез трансформационной структуры общества и пришли к выводу о том, что хотя его верхи и низы расколоты, но противоречие их классовых социально-экономических интересов пока носит латентный характер, практически не выходя на политический уровень.

Горизонтальную проекцию трансформационной структуры можно определить как совокупность социально-культурных общностей, характеризующихся разными политическими интересами, преследующих разные политические цели и ориентированных на разные направления социетального преобразования общества. Центральным понятием, раскрывающим содержание этого феномена, являются политические интересы. Именно они выступают той социальной субстанцией, которая, с одной стороны, скрепляет социально разнородные элементы внутри интересующих нас сил, обеспечивая их относительную целостность и способность к солидарному действию, а с другой — раз-

деляет эти целостности, противопоставляет их друг другу, обусловливает характер их взаимодействий. Социальные акторы, тяготеющие к определенным социально-культурным силам (например, демократическим), могут различаться и ценностными ориентациями, и потребностями, но, как правило, имеют более-менее сходные или временно совпадающие интересы, что позволяет им выступать солидарно.

А.Г. Здравомыслов определяет социальный интерес как "одну из важнейших движущих сил деятельности любого социального субъекта, будь то личность, группа, класс, нация, общество в целом. Интересы включают в себя широкий круг стремлений, направленных *на всю совокупность (*курсив мой. — *Т.З.)* институтов, норм и ценностей, действующих в данном обществе"[1]. Интересы органически связаны с потребностями, однако между ними есть важная разница. "Если потребности направлены прежде всего на предмет удовлетворения, на определенную совокупность жизненных средств, то интерес направлен на социальные институты, учреждения, нормы взаимоотношений в обществе, от которых зависит распределение предметов, ценностей и благ, обеспечивающих удовлетворение потребностей"[2]. Поэтому движущие социально-культурные силы трансформационных процессов формируются на основе сходства не столько ценностей и потребностей, сколько интересов. Причем в первую очередь — политических. Отмечая, что социальные группы и классы никогда не поступаются своими интересами добровольно, следуя нравственно-этическим соображениям или призывам к гуманизму, а, напротив, стремятся к их экспансии, Здравомыслов подчеркивает, что "политические интересы — это обобщенное концентрированное выражение всех прочих интересов, так как в них резюмируется отношение данного класса или данной социальной группы к политической власти в обществе..."[3].

Интересы различных групп внутри каждой социально-культурной силы диктуются неодинаковыми потребностями — они могут быть преимущественно экономическими, политическими или культурными, духовными. По-настоящему важной является заинтересованность всех этих групп в реализации сходных (или как минимум совместимых) принципов общест-

[1] *Здравомыслов А.Г.* Интересы, потребности, ценности. М.: Наука, 1997. С. 74.

[2] *Здравомыслов А.Г.* Интерес социальный / Российская социологическая энциклопедия. М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. С. 166.

[3] Там же. С. 166—167.

венного устройства, а соответственно — направлений, форм и механизмов трансформационного процесса.

Движущие силы социетальной трансформации в каком-то смысле напоминают Лебедя, Рака и Щуку, взявшихся везти воз с поклажей, но имевших совершенно разное представление о том, как и куда его надо везти. Однако задача выведения России из кризиса намного сложнее перемещения воза; количество социально-культурных сил, стремящихся участвовать в трансформации общества, гораздо больше, чем героев басни; наконец, их лики обозначены не столь явно, и надежно идентифицировать их можно лишь на основе специальных исследований. Попытке решения этой задачи и посвящен этот последний раздел книги.

Вертикальная и горизонтальная проекции анализируемой структуры общества отражают разные подходы к идентификации коллективных макроакторов трансформации. В рамках вертикального, социально-иерархического подхода в качестве таких акторов рассматриваются социальные слои или группы общества, действующие на макро-, мезо- и микроуровнях трансформационного процесса. Такой подход схватывает самое главное социально-экономическое противоречие современной России — громадный разрыв в положении верхов и низов. В этом смысле он совершенно необходим. Но сам по себе он недостаточен, так как абстрагируется от дифференциации интересов разных групп внутри каждого иерархического слоя, обусловленной культурными различиями. В отличие от этого, горизонтальный подход акцентирует внимание именно на культурно-политической дифференциации социальных акторов, обусловленной не их местом на иерархической шкале статусов, а культурными установками, взглядами, убеждениями, в свою очередь, зависящими от социального происхождения, условий социализации, типа социальной среды, принадлежности к той или иной субкультуре.

Совмещение вертикального и горизонтального подходов, то есть совместное рассмотрение обеих проекций позволяет построить более сложную и объемную модель трансформационной структуры. В этом случае социально-культурные силы трансформации предстают не как монолитные целостности, а как стратифицированные культурно-политические общности, разные элементы которых занимают неодинаковое положение в обществе, располагают разным объемом ресурсов, различаются социально-экономическими интересами и типами трансформационной активности. Соответственно и соци-

альные слои или страты дифференцируются по культурно-политическим критериям.

Представим трансформационную структуру общества в виде таблицы, строки которой соответствуют иерархическим слоям общества, а столбцы — социально-культурным силам. Тогда каждая группа, находящаяся на пересечении строк и столбцов этой таблицы, будет представлять собой элемент, с одной стороны, определенного социально-экономического слоя, а с другой — конкретной культурно-политической силы. Особенность таких групп заключается в том, что их представители обладают более или менее сходными интересами как в социально-экономической, так и в культурно-политической сферах. Поэтому они обладают большей способностью к солидарным действиям, чем слои и силы, выделяемые по какому-то одному критерию. Именно такие "двухмерные" общности можно в первом приближении интерпретировать как коллективных макроакторов трансформационного процесса[1]. Предлагаемый взгляд на трансформационную структуру общества представляется более перспективным, чем одностороннее противопоставление верхов общества низам или либералов-западников национал-патриотам.

14.2. Культурно-политические силы России: определение понятия

В принципе наиболее зрелой и эффективной формой организации культурно-политических сил служат общенациональные политические объединения, способные интегрировать трансформационную активность разных типов индивидуальных и коллективных акторов: политических партий, общественных движений, групп интересов, политических клубов, гражданских организаций и социальных сетей. Внутри подобных объединений обычно выявляются, с одной стороны, ядра политических единомышленников, а с другой — более рыхлые образования, состоящие из союзников и временных попутчиков.

Но такая картина характерна для стран с развитыми демократическими традициями. В России же, не имеющей ни длительного опыта демократии, ни развитого гражданского общества, сколько-нибудь влиятельных общенациональных объединений пока нет. Единственным исключением являются

[1] В дальнейшем это исходное представление будет уточнено и конкретизировано.

коммунисты, сохранившие политическую организованность от прошлого. Попытки создания подобных объединений время от времени предпринимаются (главным образом, по инициативе и в интересах властей), но особых успехов не приносят. Причем даже наиболее развитые российские политические объединения, группирующиеся вокруг "партий власти", не обладают качествами западных аналогов. Как правило, они не имеют ни открыто заявленных обществу конструктивных и реалистических целей, ни развитой организационной структуры, обеспечивающей выполнение соответствующих политических функций. Межличностные отношения членов таких организаций обычно не формализуются в виде статусов и ролей, отсутствуют правила и нормы, регулирующие их поведение. Все это означает, что движущие силы трансформации российского общества имеют не столько политическую, сколько более широкую и менее определенную *культурно-политическую природу*. Они представляют собой достаточно многочисленные, но слабо организованные общности, базирующиеся на сходстве широко понимаемых культурных и политических интересов и потенциально способные к значимым солидарным (или хотя бы однонаправленным) действиям, ведущим к преобразованию базовых институтов.

Культурно-политические силы трансформации российского общества пока фрагментарны, неорганичны и неустойчивы. В сущности, это социальные конгломераты, состоящие из разнородных элементов и сравнительно быстро меняющие свои очертания. В их состав входят олигархические кланы, крупные корпорации, политические партии, общественные объединения, отраслевые, профессиональные и территориальные общности, формальные и неформальные организации, а также массивные общественные группы, имеющие сходные интересы. Разные элементы конкретных культурно-политических сил России существенно различаются своими экономическими, социальными, отраслевыми, поселенческими и другими характеристиками. В этом смысле они напоминают множества разнородных объектов, временно удерживаемых вместе сравнительно тонкими оболочками. Роль виртуальных "оболочек", придающих этим силам относительную целостность, играют желательные и потенциально возможные варианты развития России, осуществлению которых (сознательно или неосознанно) содействуют коллективные макроакторы. Эти варианты различаются лежащими в их основе ценностями, целями, средствами их достижения, содержанием и последовательностью предлагаемых политических и иных шагов.

Закономерно поставить вопрос, насколько реален сам факт существования в России хотя бы слабо организованных культурно-политических сил? Доросло ли наше обшество хотя бы до этой исходной ступени самоорганизации? Твердо ответить на этот вопрос нелегко. Конечно, какие-то альтернативные проекты социетального преобразования российского общества активно разрабатываются, публикуются и обсуждаются[1]. Но пока это скорее идеологические абстракции, чем идейные конструкции, лежашие в основе действительной политической жизни. Такие проекты почти никогда не становятся практическим руководством к солидарному действию крупных социально-политических сил. Закладываемые в их основу идеологии, как правило, носят формальный характер, не имеют широкой социальной поддержки и воспринимаются большинством граждан как пустые и часто лживые декларации. Если какие-то элементы декларируемых программ все же реализуются, то это служит результатом скорее спонтанных действий множества микро- и мезоакторов, стимулируемых частными интересами, чем целенаправленной деятельности организованных общественных движений.

Таким образом, большинство культурно-политических сил трансформации российского обшества гетерогенно, слабо структурировано и неустойчиво. Неслучайно исследователи его социальной и политической структуры уделяют основное внимание изучению не политических организаций и движений, а представленных в нашем обшестве типов политического, идеологического, общественного сознания[2].

Из сказанного видно, что идентифицировать конфигурацию культурно-политических сил, определяюших направление трансформационного процесса в России, непросто. Но двигаться в этом направлении необходимо, так как без этого трудно понять особенности социального механизма трансформации нашего общества. Можно назвать четыре важных критерия, по которым дифференцируются интересующие нас силы. Во-первых,

[1] Вот только несколько примеров: Стратегия для России: повестка дня для Президента-2000. М.: Вагриус, 2000; К новой стратегии развития России. Федерализм и гражданское общество. М.: ООО "Северо-принт", 2000; *Малый М.* Как сделать Россию нормальной страной. М.: Пробел, 2000; *Симчера В.М.* Как возродить экономику России. М.: Паритет 1999; *Абалкин Л.* Спасти Россию. М.: Экономика, 2000. Национальный манифест. М.: МОНФ. 1999; *Львов Д.С.* Экономический манифест. Будущее российской экономики. М.: Экономика, 2000 и др.

[2] См., напр.: *Холодковский К.Г.* Некоторые вопросы развития массового политического сознания // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 6; *Он же.* О корнях идейно-политической дифференциации в российском обществе // Человек в переходном обществе. М.: Паритет, 1998.

наряду с внутрироссийскими силами большое влияние на этот процесс оказывают силы международные. Во-вторых внутри России имеются как относительно продвинутые и организованные культурно-политические силы, действующие более-менее рационально, так и неорганизованные внеполитические и квазиполитические силы, носящие спонтанный характер. Представители этих сил не осознают своего участия в макропроцессах, однако их повседневное поведение существенно влияет на ход последних. В-третьих, культурно-политические силы могут носить либо относительно легитимный[1], либо противоправный (теневой, криминальный) характер. Наконец, относительно продвинутые силы различаются в зависимости от того, на какие идеологии они опираются и какие проекты социетальных преобразований поддерживают.

Общая конфигурация движущих социальных сил трансформационного процесса в России может быть представлена как совокупность: а) спектра *легитимных культурно-политических сил*, идейно заинтересованных в различных вариантах развития общества и добиваюшихся их реализации, б) *внеполитических социокультурных сил*, влияющих на трансформацию общества через стратегии адаптационного, электорального и реактивно-протестного поведения, в) *противоправных* общностей, достаточно мошных для того, чтобы влиять на трансформацию общества, и г) *международных* политических и экономических сил. Рассмотрим особенности этих сил в обратном порядке, начиная с каналов и механизмов влияния, оказываемого на трансформацию нашего общества международными силами.

14.3. Зависимость трансформации российского общества от международных сил

Современная Россия зависит от международных сил намного сильнее, чем Советский Союз или дореволюционная Россия, что объясняется влиянием нескольких факторов. Первый из них — резкое уменьшение размеров и ресурсов

[1] При существующей институциональной системе полностью легитимных сил в России, по-видимому, просто не может быть. Совокупность тех специфических групп, которым удается жить легитимно, вряд ли представляет заметную политическую силу. Однако разница между силами, *легитимными* хотя бы *"в основном"* или носящими *чисто криминальный* характер, носит принципиальный характер.

страны в результате распада СССР и соответственно ослабление ее геополитического влияния. Формально Россия — правопреемница Советского Союза, но ее территория и население в 2 раза, а внутренний валовой продукт примерно в 3,5 раза меньше аналогичного показателя СССР в 1990 году, не говоря о всей "мировой социалистической системе", на которую опирался Совесткий Союз. Если СССР играл роль одного из двух полюсов современного мира, то Россия и по размерам, и по потенциалу развития — всего лишь средний член мирового сообщества, к тому же находящийся в затянувшемся глубоком кризисе.

Вторым и не менее важным фактором усиления зависимости России от международных сил служит ее отказ от изоляционной политики, открытие экономики, включение в мировой рынок и выход на мейнстрим мирового исторического развития[1]. Причем в такой момент, когда процессы глобализации экономики и политики набирают все большую силу. Суть глобализации экономики составляет растущая взаимозависимость всех стран мира, обусловленная ростом трансграничных потоков товаров, услуг и капиталов, а также ускорением распространения технологий. Под влиянием этих процессов "мировое экономическое сообщество из рыхлой совокупности более или менее взаимосвязанных стран превращается в целостную экономическую систему, где национальные ... социумы оказываются как бы составными элементами единого всемирного хозяйственного организма, а их судьбы в возрастающей мере определяются ходом развития этого организма как целого... Судьбы национальных экономик все более определяются внешнеэкономической средой. Причем у небольших стран степень открытости значительно выше, чем у крупных, в силу чего малые и средние страны ощутили этот переход раньше, чем большие"[1]. Аналогичные процессы происходят в сферах политики и культуры. В этих условиях жизненно важной задачей является включение России в процессы глобализации мировой экономики и политики, единственная альтернатива которому — превращение ее в глубокую периферию мирового сообщества[2].

Третьим фактором является то, что крушение СССР совпало по времени с глубоким типологическим изменением всего евразийского политического пространства. С.А. Панарин характеризует его суть следующим образом: «...наружу вырвались старые демоны этноцентризма, национализма и сепаратизма; вспыхнули военные конфликты; поднял голову религиозный фундаментализм; на юго-востоке бывшего СССР стали возникать режимы, весьма напоминающие старые восточные деспотии. Мир гарантированных границ, закрепленных международными соглашениями, внезапно сменился миром, не имеющим территориально-правовых гарантий... В этих условиях оживает и активизируется тип геополитического сознания... [связанный. — *Т.З.*] ... с ощущением состояния мира как войны всех против всех, где никому не гарантировано "жизненное пространство" и где смогут выжить только сильные и до зубов вооруженные»[3].

По мнению этого ученого, смена презумпции взаимного доверия презумпцией всеобщего недоверия диктует России

[1] Так, по данным Комитета Совета Федерации по аграрной политике, в конце 90-х годов доля импортных продуктов питания составляла 40%, в то время как для сохранения продовольственной безопасности страны этот уровень не должен превышать 30% (оценки Международной федерации агропроизводителей) или даже 20% (оценки ученых-аграриев). «Российская экономика в гораздо большей степени интегрирована в мировую, чем была советская, причем на "базовом" уровне. Если в 80-е гг. доля экспортной продукции в промышленном производстве российских регионов составляла около 5%, то в середине 90-х гг., по некоторым оценкам, — уже более 20%... Экономические связи с внешним миром, по некоторым данным, уже сегодня прямо определяют экономическое и социальное положение по крайней мере трети населения страны, а косвенно – огромного большинства населения» // Стратегия для России: Повестка дня для Президента-2000. М.: Вагриус, 2000. С. 30—31.

[1] Мировая экономика: нарастающий процесс глобализации // Мир на рубеже тысячелетий. М.: ИМЭиМО РАН, 2001. С. 35, 41.

[2] «Сам по себе вопрос об интеграции российской экономики в мировую уже в значительной степени решен самой жизнью... Вопрос в том, на каких условиях будет происходить интеграция России в мировую экономику. Мобилизационная модель, опирающаяся на автаркию, неприемлема для значительной части российского общества и означала бы разрушение целого ряда уже возникших работоспособных структур. Не менее опасна, однако, и неуправляемая интеграция обломков национальной экономики в мировое хозяйство. В данном случае существуют, как минимум, две угрозы:

спонтанное включение фрагментов российской экономики в мировую может надолго, если не навсегда, закрепить за ней роль "сырьевой периферии" экономически развитого мира и относительно небольшого рынка сбыта;

неуправляемая интеграция может способствовать "размягчению" России, вплоть до территориального распада. "Регионализация", а затем и "суверенизация" отдельных территорий, происходящие одновременно, если не в связи с подключением частей российского хозяйственного комплекса к разным экономическим сообществам, способны разорвать страну на части» // Стратегия для России: Повестка дня для Президента-2000. М.: Вагриус, 2000. С. 30—31.

[3] *Панарин А.С.* Вызов. Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность: Хрестоматия / Отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МОНФ, 2000. С. 72—73.

жесткий выбор из двух возможных способов поведения — или агрессивное наступление, или глухая оборона изоляционизма[1]. Между тем для первого типа поведения у нее просто нет сил, а второй путь однажды уже завел ее в тупик. Та международная политика, которая избрана и практически реализуется современной Россией, во многом оптимальна. Однако она не соответствует ни первой, ни второй из альтернатив, надежно обеспечивающих, согласно Панарину, выживание наций в современном мире.

Международные силы, имеющие интересы в России и воздействующие на ее развитие, разнообразны, неоднородны и руководствуются разными мотивами. Для одних важнее всего не допустить социального взрыва в стране с громадными арсеналами атомного оружия. В связи с этим правительства разных стран и международные организации предоставляют России долгосрочные кредиты, оказывают различные виды экономической, информационной и гуманитарной помощи; осуществляют благотворительные акции в сферах науки, культуры и образования; помогают в борьбе с преступностью. Напротив, другие силы хотят воспользоваться затянувшимся кризисом в России, чтобы минимизировать ее роль в решении международных проблем, вытеснить ее из состава тех мировых сил, с интересами которых приходится считаться. Отсюда расширение НАТО на восток, поддержка чеченских боевиков деньгами и оружием, засылка в страну международных террористов и другие недружественные акции. Есть и такие силы, которые стремятся овладеть уникальными природными богатствами России, извлечь выгоду из переживаемых ею трудностей путем прямой экономической экспансии или содействия нелегальному заселению теряющих собственное население российских окраин выходцами из сопредельных государств (Китай, Япония, Северная Корея)[2].

Говоря о международных влияниях, следует упомянуть и о спонтанных процессах, возникающих как реакция граждан

[1] *Панарин А.С.* Вызов. Политическая наука в России. С. 73.

[2] "Серьезную озабоченность вызывают проблемы, связанные с незаконным пребыванием и занятостью в Российской Федерации граждан Китая, КНДР и Вьетнама. По имеющимся данным, ежегодно границу российского Дальнего Востока незаконно пересекают от 75 до 120 тыс. граждан КНР, КНДР и Вьетнама. В последнее время отмечается интенсивное формирование китайских общин. Интенсивный прирост китайских и вьетнамских иммигрантов отмечается не только на территории Дальневосточного и Сибирского федеральных округов, но также и в других регионах страны". / *Красинец Е.С.* Трансформационные процессы в сфере миграции населения // Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация / Под ред. Н.М. Римашевской. М.: ИСЭПН, 2002. С. 58.

на увеличивающееся отставание России от Запада по уровню социально-экономического развития. Один из таких процессов — невыгодная для России, но непреодолимая в современных условиях долларизация национальной экономики. Другой процесс — не прекращающийся и скорее даже усиливающийся отток на Запад наиболее перспективной части молодежи, получающей высококачественное образование в престижных вузах России.

Все это свидетельствует о том, что влияние международных сил на развитие и трансформацию российского общества весьма велико. Субъекты, объекты, каналы и механизмы этого влияния чрезвычайно разнообразны. Не случайно они служат предметом анализа многих научных институтов. Однако прямого отношения к исследованию трансформационной структуры России эта проблематика не имеет. Дело в том, что влияние международных факторов на развитие России проявляется, главным образом, через вызовы со стороны мирового сообщества, перед которыми она оказывается. Возможность же ответа на эти вызовы практически целиком определяется ее *внутренними* силами. Исследование состава этих сил, их интересов, ресурсов, отношений, взаимодействий (иными словами, трансформационной структуры России) исключительно важно для понимания современного состояния общества и его ближайших перспектив. Совокупность названных проблем как раз и представляет предмет этого раздела книги. Сказанное является достаточным основанием для того, чтобы сосредоточить внимание на структуре внутрироссийских сил трансформации, абстрагируясь от проблемы международных влияний.

Первый возникающий в этой связи вопрос касается границ трансформационной структуры России: охватывает ли она *все* социальные силы, влияющие на преобразование общества, или только те, которые имеют более-менее выраженное политическое лицо? Иными словами, являются ли внеполитические и квазиполитические силы специфическими элементами этой структуры или же это внешние по отношению к ней феномены. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

14.4. Внеполитические социально-культурные силы России

Выше уже не раз говорилось о массовом отчуждении большинства россиян от политики как от сферы, имеющей слабое отношение к их жизненным интересам и ни в чем от

них не зависящей. Дело в том, что политическая власть в современной России, как известно, самодостаточна и способна неограниченно воспроизводить самое себя без участия общества. Последнее является только фоном, на котором разворачиваются действия власти. Чем бы ни закончились выборы в России, это будет выбор власти, а не выбор общества. Инициируемые политическими группами движения не имеют социальной подосновы и потому *не являются* движениями *общественными*, что и обусловливает их слабость. Политические группы и движения реально не выражают ничьих интересов, кроме собственных[1]. Естественно, что далекие и непонятные страсти, кипящие где-то наверху, большинству людей малоинтересны. Они не испытывают доверия к власти и убеждены если не в ее враждебности, то в полном безразличии к их судьбам. Отсюда — массовое бегство от политики.

Одна из причин этого отчуждения — традиционная для России закрытость сферы принятия политических решений и крайне слабая информированность граждан о том, что в этой сфере происходит. Трудно не согласиться с Г.Г. Дилигенским в том, что «большинство населения крайне слабо представляет себе суть происходящих экономических и политических процессов, движущие силы, содержание и возможные последствия различных вариантов развития страны... Высказываясь за свободный рынок или государственное регулирование, за демократию или "жесткую власть", за западную модель или "свой путь", люди очень плохо представляют себе конкретные экономические и политические реалии, стоящие за каждой из этих альтернатив»[2]. По мнению ученых, такой внеполитический тип общественного сознания особенно характерен для посттоталитарных обществ.

Исследования показывают, что незрелое политическое сознание распространено среди россиян весьма широко. Так, Р.Г. Громова, опираясь на вторичный анализ данных репрезентативного опроса ВЦИОМ "Власть и общество" (проведенного в 1999 году), выделила два типа такого сознания, названные ею аполитическим и мифологическим[3]. К носителям аполитического сознания она отнесла 20% респондентов, у которых отсутствие интереса или слабый интерес к политическим

[1] См.: *Пастухов В.Б.* Власть и общество на поле выборов, или Игры с нулевой суммой // ПОЛИС. 1999. № 5. С. 6, 8, 15.

[2] *Дилигенский Г.Г.* Люди среднего класса. М., 2002. С 196; *Холодковский К.Г.* О корнях идейно-политической дифференциации в российском обществе // Человек в переходном обществе. М., 1998.

[3] *Громова Р.Г.* Типы политического сознания россиян // Социальные и экономические перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 1999. № 2. С. 11—16.

проблемам сочетались с неучастием в большинстве доступных населению видов политической активности. Люди этого типа не могли ответить на большинство связанных с политикой вопросов, часто выбирая позиции "не знаю" или "затрудняюсь ответить". Среди них повышена доля женщин (63 против 54% в среднем), лиц старше 65 лет (20 против 14%), неквалифицированных рабочих (21 против 10%), лиц, не имеющих среднего образования (52 против 38%), представителей малодоходных групп (64 против 58%). Значительно выше доля не имеющих ясной политической ориентации (74 против 55% в среднем). Участие этой части граждан в трансформационных процессах минимально и носит скорее неосознанный или вынужденный, чем инициативный характер.

Иначе обстоит дело с 55 процентами россиян, политическое сознание которых оценено Громовой как мифологическое. Они не лишены интереса к политическим событиям, имеют мнение по многим вопросам, чаще участвуют, чем не участвуют в выборах, не чуждаются разных форм общественной активности. Однако самостоятельное политическое мышление замещено у них готовыми абсолютными объяснениями ситуаций. В силу этого они воспринимают себя не как самостоятельных социальных акторов, а скорее как участников действия, фаталистически запрограммированного "сверху". Политические предпочтения этих людей определяются не взвешенным рациональным выбором, а тем, как определенные политические лидеры, партии или движения вписываются в мифологические сюжеты, укорененные в их сознании. Носители мифологического политического сознания одобряют и принимают участие преимущественно в "деятельностных" видах политической активности, таких как забастовки, захват зданий, проведение митингов и демонстраций, сбор подписей в пользу или против чего-либо, и т.п. Благодаря этому они легче других становятся орудием манипуляций политиков[1].

Такие качества, как отсутствие интереса к политике, слабая информированность о событиях в данной области, запутанность и противоречивость экономических и политических взглядов, пассивность и неустойчивость политического поведения, характерны не только для людей с аполитичным сознанием, но и для значительной части носителей мифологического сознания. Если условно принять эту часть равной половине, то суммарная доля россиян, сознание которых можно определить как внеполитическое, составит 40—45%.

[1] *Громова Р.Г.* Типы политического сознания россиян. С. 11—16.

Эта оценка косвенно подтверждается Л.А. Седовым, по данным которого большая часть российского электората пребывает "в состоянии броуновского движения, участвуя или не участвуя в выборах, довольно свободно меняя свои приверженности, переходя от партии к партии и от кандидата к кандидату"[1]. Как сообщает этот автор, "в течение предвыборной кампании 1996 года 44% избирателей меняли свои электоральные предпочтения, а 18% приняли решение, за кого голосовать, непосредственно перед выборами или на избирательном участке"[2]. Примерно так же обстояло дело и в период выборов 2000 года. Понятно, что основную часть этого подвижного и ненадежного электората составляли носители незрелого внеполитического сознания.

Несколько странное для трансформирующегося общества отсутствие интереса к политике у столь большого количества граждан обусловлено социальным и культурным расколом власти и общества. Интересен в этом плане результат исследования "Власть и народ", проведенного Фондом "Общественное мнение". Его авторы попросили респондентов выбрать из предлагаемого списка наиболее значимые для них понятия. Естественно, на первые места вышли такие понятия, как *семья*, *законность*, *стабильность*, *мир*, *достаток*, *порядочность*, довольно редко используемые политиками. Наиболее же часто встречающиеся в их языке слова — *реформы*, *рынок*, *демократия*, *собственность* — оказались далеко позади[3]. Это лишний раз подтверждает, что власть и народ говорят на разных языках, ориентируются на разные системы ценностей. Неудивительно, что в сознании значительной части граждан для политики не находится места[4].

[1] *Седов Л.А.* Материалы к анализу электорального поведения граждан России // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ, 1996. № 5. С. 12—14.

[2] Президентские выборы 1996 года и общественное мнение. М.: ВЦИОМ, 1996. С. 70—71.

[3] Власть и народ. М.: Фонд общественного мнения, 2000.

[4] Сказывается и тот факт, что программы разных партий порой трудноразличимы, а власть вспоминает о народе чаще всего во время выборов. В этом смысле " ... ни политиков, ни партий в нынешней России пока еще нет. Есть полуфабрикаты, из которых при желании можно готовить самые разные блюда". См.: *Вощанов П.* Давка у кассы, или Управляемая свобода // Новая газета. 2003. № 9. 6 февр.; "Нынче разнообразных народных защитников может различить лишь тонко разбирающийся во фразеологии лингвист. За редким исключением живут они от левого до правого флангов, по всему фронту одинаково хорошо — и квартиры, и машины, и загородные дома, достойные их представления о ценностях жизни, и доходы на зависть трудящимся капиталистам, не обремененные налогами... Все же неплохо, но что-то беспокоит... Видимо, судьба народа. Не назойливо, но все же беспокоит. Крепко ли он спит?.. У нас [народа. — *Т.З.*] какая альтернатива? Либо отдать свой голос никому. Либо никому не отдавать свой голос". См.: *Рост Ю.* НИКТО. Заметки воздухоплавателя // Московские новости. 2003. 15—17 сент. С. 16—17.

Так составляют ли внеполитические силы часть трансформационной структуры общества, или они остаются за ее пределами? Однозначно ответить на этот вопрос нелегко. С одной стороны, представители этих сил не имеют ни выраженных гражданских качеств, ни устойчивой социальной идентификации. Отличаясь незрелым политическим сознанием, они ощущают себя скорее объектами, чем субъектами трансформации общества. Их социальное недовольство, обычно не принимая формы политического протеста, угасает или компенсируется долготерпением и способностью примиряться с действительностью.

Но, с другой стороны, носители внеполитического сознания составляют почти половину взрослого населения и потенциального электората страны. Хотя значительная их часть обычно не голосует, они представляют собой резерв, спорадически мобилизуемый разными политическими силами, причем особенно легко отзывающийся на демагогические и популистские акции. Еще важнее то обстоятельство, что люди без ясных политических взглядов являются "равноправными" акторами очень важных спонтанных процессов, влияющих на ход модернизационных реформ и на общее развитие общества. Правда, их социальное поведение обычно носит не инициативный, а реактивный характер, т.е. вызывается изменением обстоятельств. Но многие типы этого поведения способны очень серьезно влиять на деятельностный потенциал и жизнеспособность общества (как правило, в сторону снижения). В подтверждение этого можно назвать такие массовые процессы и сдвиги в социальных практиках, как:

- моральная и нравственная деградация значительной части населения;
- расширение неправовых форм повседневного поведения и институционализация неправовых социальных практик;
- деградация институтов семьи и брака, повышение числа разводов, резкое падение рождаемости, депопуляция большинства регионов и страны в целом, все большее старение ее населения[1], ухудшение качества генофонда;
- расширение практики рождения детей вне брака, отказа родителей от детей, всех форм притеснения детей и подростков; переполнение и оскудение детских домов, рост количества беспризорных и безнадзорных подростков;
- увеличение отсева учащихся из средней и даже начальной школы, особенно в провинции и сельской мест-

[1] По расчетам некоторых демографов, в 2030 году пенсионеры могут составить около половины электората.

ности, возрождение почти изжитой в советское время неграмотности подростков и молодежи (включая призывников);

- широкое распространение алкоголизма и потребления наркотиков, а также социального эскапизма, разрыва социальных связей с обществом; погружение людей в одиночество; повышение числа самоубийств, по которым Россия занимает одно из первых мест в мире;
- постоянный рост уголовной и экономической преступности, повышение доли преступлений, совершаемых женщинами, детьми и подростками, а также доли тяжких преступлений.

Распространение тенденций, свидетельствующих о социальной деградации общества, представляет не меньшую, если не большую, опасность, чем массовый политический протест против последствий реформ или своекорыстных акций элит. Отсюда следует вывод, что внеполитические социальные силы правильнее рассматривать не как феномен, внешний по отношению к трансформационной структуре общества, а как один из ее элементов.

14.5. Криминальные силы России

Быть может, еще большее влияние на ход и качество социальных преобразований оказывают теневые и криминальные силы. Правда, их социальные действия противостоят активности легитимных сил не столько в политическом, сколько в социальном и культурном планах. Но в ходе реформ преступный мир накопил такие экономические и силовые ресурсы, которые позволяют его представителям активно вмешиваться в политику, добиваясь не только выгодных для себя решений, но и высоких государственных постов. Как отмечает один из серьезных исследователей современной российской преступности Ю.В. Латов, «отечественная мафия, возглавляемая сообществом "воров в законе", проявила себя в процессе развития рыночных отношений в России 70—90-х годов как очень активный субъект, без учета роли которого понимание специфики рыночной модернизации в России было бы просто невозможно»[1].

[1] *Латов Ю.В.* "Воры в законе" как субъекты рыночной модернизации в России // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: МВШСЭН, 2001. С. 176.

В контексте изучения трансформационной структуры понятие "противоправные силы" следует трактовать очень широко, относя к ним не только прямых нарушителей Уголовного кодекса, но и тех, кто использует несовершенство законодательства переходного времени и слабость государственного контроля для обогащения за счет государства и общества[1]. Поскольку подобное поведение часто не связано с прямым нарушением законов, его обычно называют не криминальным, а теневым. Но если первый термин выглядит слишком жестким, то второй представляется слишком мягким, так как фактически речь идет о ненаказуемом мошенничестве на грани уголовного и хозяйственного законодательства. Такие действия нужно квалифицировать как полукриминальные.

По общему, в том числе и официальному признанию, криминализация российского общества достигла уровня, угрожающего национальной безопасности[2]. Криминальные авторитеты в погоне за личной наживой не останавливаются ни перед чем. Мобилизуя свои огромные ресурсы, они способствуют разжиганию военных конфликтов, организуют террористические акции, заказные убийства, торговлю оружием и наркотиками, обескровливают, искусственно доводят до банкротства и захватывают наиболее перспективные предприятия, незаконно выкачивают из страны огромные средства, переправляя их на личные счета за границу.

По мнению крупнейшего российского криминолога В.В. Лунеева, "масштабы преступности на территории бывшего СССР, где прежде она удерживалась на относительно низком уровне, приобретают угрожающий характер. В России сформи-

[1] Одним из примеров подобной деятельности является мошеннический толлинг, обеспечивающий возможность почти легального присвоения администрациями предприятий средств, предназначенных для оплаты труда работников, уплаты налогов государству и инвестиций. Суть толлинга заключается в том, что по договоренности российских и зарубежных партнеров ценное сырье вывозится за границу, перерабатывается там и в виде полуфабриката возвращается в Россию, где из него производится готовая продукция. При этом сырье продается по искусственно заниженной цене, а полуфабрикаты покупаются по искусственно завышенной. Разница, остающаяся в зарубежных банках, делится между участниками сделки, а российское предприятие, использующее невероятно дорогой полуфабрикат, остается без средств, перестает выплачивать работникам зарплату и через некоторое время становится банкротом.

[2] По оценке специалистов-криминологов, Б.Н. Ельцин не сильно преувеличивал, назвав в 1994 году страну, Президентом которой он был, "самым крупным мафиозным государством в мире" и "сверхдержавой преступности". См.: *Латов Ю.В.* "Воры в законе" как субъекты рыночной модернизации в России // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 178—179.

ровались разные субкультуры преступного мира, в том числе мафиозная. Некоторые слои населения практически не мыслят своей жизни (не хотят, а часто уже и не могут существовать) без противоправной и криминальной деятельности"[1]. Ученый предупреждает, что преступность в России приближается к порогу качественного и количественного насыщения. Это особенно опасно тем, что "авторитаризм, обещающий беспощадную борьбу с преступностью, начинает восприниматься значительной частью общества как путь к избавлению от криминального кошмара, хотя его собственные криминальные злоупотребления могут быть гораздо опаснее уголовщины, контролируемой государством и обществом"[2].

Противоправные, в том числе криминальные, силы вряд ли можно считать самостоятельным элементом палитры культурно-политических сил страны, так как в целом интересы преступников лежат вне политической плоскости[3]. Однако по мере накопления мафией все больших экономических и силовых ресурсов она начинает претендовать на косвенное, а затем и на прямое участие в политике[4]. Как уже говорилось, в Государственной Думе РФ, законодательных органах столиц, крупных городов, регионов, в структурах исполнительной власти немало лиц с уголовным прошлым.

Это очень тревожно, но есть еще более опасное направление влияния уголовного мира на государственную политику. Дело в том, что в основе кровопролитных чеченских войн лежат такие явления, как уголовная борьба за нефтедоллары, доходы генералов от продажи оружия, коллективное расхищение средств, выделяемых на восстановительные работы и гуманитарную помощь, и т.д. Противоправные силы России, обладающие не только крупными экономическими ресурсами, но и немалыми политическими возможностями, оказывают влияние на очень многие властные и управленческие решения. В современных условиях они приобретают если не политическую, то квазиполитическую природу. А следовательно, формирующие их группы играют роль специфических коллективных акторов спонтанно развивающегося трансформационного процесса. Причем, судя по доминирующим тенденциям, их ресурсный потенциал сопоставим с ресурсами государства.

Итак, мы определили внешние границы трансформационной структуры российского общества, с одной стороны отказавшись включить в ее состав какие-либо международные силы, а с другой — обосновав необходимость включения в нее, во-первых, незрелых внеполитических и, во-вторых, противоправных квазиполитических сил. Следующая задача — обосновать структуру действующих в современной России культурно-политических сил. Но начать их анализ лучше не с современного состояния, а с генезиса, то есть с первых лет перестройки.

[1] *Лунеев В.В.* Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1997. С 463—464.

[2] Там же. С. 467.

[3] Необходимо учитывать и то, что отечественная мафия хотя и достаточно многочисленна, но очень раздроблена и по степени организованности пока заметно уступает зарубежным "образцам". С учетом широких географических масштабов страны и усиливающейся атмосферы разобщенности вряд ли следует ожидать в ближайшее время возникновения центрального координирующего органа. «В 1994 г. на слушаниях в конгрессе США директор ЦРУ Дж. Вулси отмечал, что мафиозные группы в России находятся на стадии организационного становления. Они не дотягивают до мафии в полном смысле слова, так как "пока нет механизма контроля центра над различными группами"... Несколько лет спустя американский криминолог Ф. Вильямс констатировал, что российская организованная преступность по-прежнему остается не монолитной, а скорее рассеянной и расчлененной». См.: *Латов Ю.В.* "Воры в законе" как субъекты рыночной модернизации в России // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 181.

[4] Подробнее об этом см., напр.: *Подлесских Г., Терешонок А.* Воры в законе: бросок к власти. М., 1994; *Лунеев В.В.* Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1997.

Рекомендуемая литература

1. *Громова Р.Г.* Типы политического сознания россиян // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 1999. № 2. С. 11—16.

2. *Дилигенский Г.Г.* К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 410—418.

3. *Заславская Т.И.* О роли социальной структуры в трансформации российского общества // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 222—235.

4. *Заславская Т.И.* Социально-трансформационная структура России // Общество и экономика. 1999. № 3—4. С. 17—27.

5. *Здравомыслов А.Г.* Интересы, потребности, ценности. М.: Наука, 1997.

6. *Латов Ю.В.* "Воры в законе" как субъекты рыночной модернизации в России // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: МВШСЭН, 2001. С. 176—181.

7. *Левада Ю.А.* Человек политический: сцена и роли переходного периода // От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993—2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 96—110.

8. *Лунеев В.В.* Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1997.

9. *Пастухов В.Б.* Власть и общество на поле выборов, или Игры с нулевой суммой // ПОЛИС. 1999. № 5. С. 6—16.

10. *Седов Л.А.* Материал к анализу электорального поведения граждан России // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ, 1996. № 5. С. 12—14.

11. *Холодковский К.Г.* О корнях идейно-политической дифференциации в российском обществе // Человек в переходном обществе. М.: Паритет, 1998.

Глава пятнадцатая

ГЕНЕЗИС СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ РОССИИ

15.1. Первые годы перестройки (1986—1989)

Прежде чем перейти к детальному анализу современных культурно-политических сил России, важно проследить их генезис, т.е. посмотреть, какие силы действовали в СССР в период перестройки, а затем в России эпохи Ельцина. Каково было их соотношение, в каких институциональных сдвигах они были заинтересованы, как взаимодействовали друг с другом и как менялись на разных этапах?

Провозглашенная М.С. Горбачевым установка на демократическую перестройку советского общества, вызвав живой отклик граждан, обнажила довольно четкую структуру его культурно-политических сил (прежде всего элиты). Как отмечает О.В. Гаман-Голутвина, политическая элита, выступавшая главным субъектом горбачевских реформ, находилась в состоянии множественных внутренних расколов, обусловленных "служебным" принципом ее формирования, жесткостью политического режима, а также ее полиэтничностью. По мнению этого автора, "уровень внутриэлитного противостояния на рубеже 1980—1990-х гг. превысил критические значения. Симптомом этого служит то обстоятельство, что показатели противостояния внутри правящего слоя превысили показатели дихотомии "элита-массы"[1]. Наиболее ясно в этот период проявили себя:

1. *Ультраконсервативные прокоммунистические силы*, представленные той частью номенклатуры и бюрократии, которая была ориентирована на статус-кво и настроена против

[1] *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России. М.: Интеллект, 1998. С. 345.

любых реформ. В верхних эшелонах номенклатуры представители этой группы не только резко преобладали над реформаторами, но и занимали более высокие позиции. В начале перестройки они составляли уверенное большинство в ЦК КПСС и подавляющее большинство в Политбюро. К консервативной номенклатуре примыкали те хозяйственные руководители, которые сумели не без выгоды для себя приспособиться к условиям планового хозяйства и получать с него высокую личную ренту. Разумеется, "геронтологические вожди" знали о нарастании негативных тенденций, все более расшатывавших ту общественную систему, которая вознесла их на высоту. Но будучи опытными политиками, они лучше, чем инновационная часть элиты, понимали, что любая серьезная попытка отремонтировать эту систему может ее разрушить. Поэтому они боялись любых реформ. Разумеется, сюда примешивались и личные опасения потерять привилегированный статус. Коммунистические консерваторы стояли стеной против попыток придать системе "более человеческое лицо". Через несколько лет яркими представителями этой общности стали члены ГКЧП.

2. *Номенклатурно-модернизаторские или умеренно реформаторские силы,* возглавлявшиеся М.С. Горбачевым, были представлены преимущественно вторым и третьим эшелонами союзной номенклатуры. Их представители также занимали высокое положение в партийных, комсомольских, ведомственных и силовых структурах. Как правило, это были люди более молодого возраста с лучшим образованием и бóльшим опытом общения с Западом. Многие из них были тесно связаны с теми или иными видами бизнеса — преимущественно в корпоративной, нередко полулегальной форме. Эта группа была заинтересована в развитии рыночных отношений, ослаблении партийно-государственного контроля экономической деятельности, преодолении экономической и политической изоляции Мировой социалистической системы, и в частности СССР, расширении социально-экономических прав и свобод граждан. Личный интерес ее представителей состоял в вытеснении ультраконсерваторов с первых позиций и резком повышении собственного статуса. Двойственность их интересов проявлялась в стремлении легализовать корпоративный (а по возможности и частный) бизнес и несколько демократизировать институт власти, не затрагивая основ советской системы, которая в целом их устраивала.

3. *Националистические и национально-демократические силы* в 1980-х годах в той или иной мере были представлены

во всех советских республиках, включая Россию. Их ядро составляли национальные и региональные элиты, заинтересованные в усилении независимости от союзного Центра. Социальной опорой республиканских элит служила национальная интеллигенция, хотя они имели некоторую поддержку и среди массовых групп населения. В советское время представители этих сил боролись, прежде всего, за культурную автономию, восстановление равноправия национальных культур с навязываемой Центром русской культурой. Но в Прибалтике, Грузии и Молдавии довольно остро стоял вопрос о расширении самостоятельности республик и в решении экономических и социальных проблем.

4. *Либерально-консервативные силы,* представленные преимущественно собственниками частного капитала, были заинтересованы в ослаблении государственного контроля над экономикой. Эта группа объединяла, во-первых, коррумпированных хозяйственных руководителей, разными нелегальными путями наживших собственный капитал, во-вторых, "теневиков", экономическая деятельность которых (например, организация подпольных фирм и цехов, работавших на похищенном у государства сырье и т.п.) находилась в явном противоречии с законом. Неустойчивость положения в советской системе из-за невозможности открыто использовать накопленный капитал и пускать его в оборот обусловливала заинтересованность этих групп в легализации частной собственности, разрешении частного или хотя бы кооперативного предпринимательства.

5. *Социал-демократические силы* были представлены массовыми слоями интеллигенции и отчасти квалифицированных рабочих, преимущественно столиц и больших городов. На Съездах народных депутатов выразителем интересов этой части общества была Межрегиональная депутатская группа (МДГ) во главе с Б. Ельциным, А. Сахаровым, Ю. Афанасьевым и Г. Поповым. Большинство демократов составляла социально-гуманитарная и научно-техническая интеллигенция, извечно приверженная ценностям свободы и справедливости, страдавшая от ограниченности прав и свобод граждан СССР, сильнее других обеспокоенная стагнацией общества и растущим отставанием страны от Запада. Эта группа занимала наиболее последовательную и радикальную позицию по отношению к демократизации политической власти, выступая за создание правового государства, разделение и балансирование роли трех ветвей власти, а также федерализацию управления страной. По экономическим взглядам демократы были довольно близки к либералам: они поддерживали легализацию

мелкого и среднего предпринимательства, но не подвергали сомнению приоритет государственной собственности и необходимость государственного контроля частного сектора.

Главным ресурсом трех первых общественно-политических сил было обладание политической властью и право управления государственной собственностью. Четвертая сила опиралась на капитал, в меру необходимости и возможности обмениваемый на властные решения. Пятая же — социал-демократическая — сила, не располагавшая ни властными, ни экономическими ресурсами, значительно превосходила всех остальных своей массовостью, легитимностью статуса, привлекательностью выдвигаемых целей, политической активностью и относительной сплоченностью. В первые годы перестройки ее представители выступали достаточно согласованно. Что касается преступного мира, то в 1980-х годах он еще не представлял самостоятельной силы, способной влиять на развитие общества[1].

В конце 1980-х — начале 1990-х годов власть в основном оставалась в руках прежней, лишь слегка обновленной элиты[2]. В национальных республиках, как и в Центре, правили прежние партийные лидеры, роль которых на союзной арене заметно выросла. Выдвигавшиеся демократами проекты глубоких модернизационных реформ встречали весьма ограниченную поддержку новой номенклатуры и наталкивались на решительное сопротивление консерваторов. В результате возникшие в обществе надежды на существенное улучшение социально-политической ситуации не сбывались, что вызывало растущее недовольство практически всех общественных групп вялыми, на их взгляд, действиями власти.

[1] Более конкретный анализ отношения разных общественных сил к перестройке представлен в статье Т.И. Заславской "О стратегии социального управления перестройкой". Выделены и охарактеризованы такие группы граждан, как инициаторы перестройки, ее сторонники, союзники, квазисторонники, наблюдатели, нейтралы, консерваторы, реакционеры; обоснована гипотеза их представленности в разных социальных слоях и группах общества. Такой подход позволяет, с одной стороны, увидеть различия отношения к перестройке разных групп и слоев, а с другой — понять социальную структуру обшностей, занимавших разные позиции по отношению к перестройке. См.: Иного не дано / Под ред. Ю.А. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С. 3—45. Перепечатано в: *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского обшества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. С. 401—444.

[2] См., напр.: *Ершова Н.С.* Трансформация правяшей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития / Под ред Т.И. Заславской, Л.А Арутюнян. М.: Интерпракс, 1994. С. 151—155.

Важными политическими итогами реформ 1986—1989 годов стали: демонополизация власти коммунистической партии, прекращение политических репрессий, предоставление независимости странам Восточной и Центральной Европы, заметное расширение свободы слова и гласности управления, практическое освоение начал демократии, открытие страны для контактов с Западом. Советские граждане получили свободу слова и вероисповедания, право выезда за границу, перестали бояться своего государства, освободились от вынужденного двоемыслия. Они научились более самостоятельно думать и действовать, начали открыто делиться своими взглядами. Непривычно свободными и открытыми стали пресса и телевидение. Это сыграло огромную роль в личностном становлении тех поколений, которые ныне являются наиболее активными акторами трансформационного процесса. Старшими поколениями россиян эти меры были восприняты как начало движения от посттоталитарного к правовому демократическому государству[1].

В экономике перемены были менее заметны. Прохождение и реализация законов о государственном предприятии, о кооперации, аренде и др. тормозились как законодательной, так и исполнительной властью. Принимаемые после долгой борьбы законы существенно расходились с исходными либерально-демократическими проектами, носили половинчатый характер и не решали стоявших проблем. Тем не менее некоторые сдвиги были и здесь. Так, начался процесс развития кооперативов и легализации теневых капиталов, который привел к интенсивному накоплению нового частного капитала. Широкий отклик получил закон об аренде небольших предприятий торговли и сферы обслуживания, заметно расширились экономические права и хозяйственная самостоятельность руководителей государственных предприятий.

15.2. Закат перестройки (1990—1991)

Под влиянием осуществленных реформ к 1990 году социальные силы страны трансформировались и частично перегруппировались.

[1] Подробнее о ходе, достижениях и провалах перестройки см.: *Богомолов О.Т.* Моя летопись переходного времени. М.: Экономика, 2000. С. 7—103; Конференция "Перестройка — наше прошлое или будушее?". М: Горбачев-фонд, 2001 и др.

Во-первых, реакционное руководство КПСС не смогло устоять под двойным напором реформаторского крыла номенклатуры и движений демократического протеста. Наиболее одиозные представители старой номенклатуры были вытеснены с первых позиций, хотя сохранили существенное влияние в силовых, партийных и бюрократических структурах. Реформаторская же часть номенклатуры при поддержке демократически настроенных масс овладела рычагами власти и утвердила свои ведущие позиции в обществе.

Однако отношения новой номенклатуры с демократической интеллигенцией с самого начала складывались с большим трудом. Эти группы были разделены слишком большой социальной дистанцией, имели разные интересы и ценности. К тому же их разделял мощный кордон бюрократии, прямо заинтересованной в разрушении этого ненадежного союза. Вот что пишет по этому поводу Ю.А. Левада: «В борьбе с имперской державностью союзного "центра" российский авторитаризм вынужден был допустить и использовать демократические лозунги. И точно так же демократически и реформистки ориентированные силы страны вынуждены были искать опоры и прикрытия в этом новом авторитаризме; только в таких условиях оказался возможным развал советского тоталитаризма и реальная трансформация экономики и общества — при всей ее ограниченности и болезненности. Можно, вероятно, считать печальной, трагической неизбежностью этот блок, в значительной мере превращающий мечтательную, эмоциональную по происхождению российскую демократию в заложника авторитаризма и его политики. Но в то же время он ставит власть в определенную зависимость от вынужденной поддержки со стороны демократических реформаторов и создает некоторое пространство изменений в обществе. За этот компромисс прагматической демократии приходится платить бесчисленными внутренними расколами и утратой поддержки как массовой, так и элитарной»[1].

Во-вторых, меры по либерализации экономики, несмотря на их ограниченность и противоречивость, привели к возникновению (точнее, к полной или частичной легализации, расширению и усилению) группы собственников крупного капитала, большую часть которой составили представители новой номенклатуры и члены их семей. Значительно расширился круг лиц, занятых мелкой и средней предпринимательской деятельностью. Многим бывшим деятелям теневой экономики удалось получить формальный статус. Заметно интенсифицировался процесс накопления частного, кооперативного и корпоративного капитала. Впервые после 1917 года в стране начала формироваться *экономическая элита*, социальный статус которой базировался не на власти, а на собственности.

[1] *Левада Ю.А.* Структура российского электорального пространства // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ, Интерцентр, АНХ, 1996. № 3. С. 7—11; *Он же*. От мнений к пониманию. М.: МШПИ, 2001. С. 89—90.

В-третьих, укрепились и стали более радикальными национальные движения, которые потребовали уже не только культурной и экономической самостоятельности, но и политической независимости союзных республик, вплоть до выхода из СССР[1]. На этой почве разгорелась ожесточенная борьба между Союзным центром и национальными движениями ("фронтами"), возникшими в ряде республик. В 1990 году в Грузии, Латвии и Литве демонстрации за национальную независимость были подавлены (точнее, физически раздавлены) танками, что еще сильнее раздуло пожар. Горбачев пытался затушить его путем заключения договоров о разделении власти и полномочий между республиками и Центром, но процесс этот шел очень тяжело.

В этих условиях теоретически возможной была реализация следующих сценариев:

а) *радикальный прорыв социал-демократических и либеральных сил (возможно, в революционной форме) при вынужденной поддержке новой номенклатуры.* В случае успеха это могло означать кардинальное обновление правящего слоя общества, последовательную демократизацию институтов власти и разумную либерализацию экономики[2]. Органично вписывалось в данный сценарий расширение культурной автономии и хозяйственной самостоятельности республик при сохранении политической целостности страны (по-видимому, за исключением Прибалтики и Молдовы). Движение по этому пути, возможно, предотвратило бы полный распад Союза и со временем подготовило бы условия для перехода страны на путь постиндустриального развития;

[1] В общеполитическом плане в Молдове, Грузии, Армении, Прибалтике эти движения примыкали к демократическим силам, а в республиках Средней Азии и в России носили скорее консервативный характер. Российские патриоты стояли за сохранение и укрепление Советской империи как великой державы — сердца "мировой социалистической системы". В этом плане они смыкались с консервативной номенклатурой.

[2] Венгерским и польским реформаторам удалось успешно осуществить примерно такой сценарий. В основном он был реализован и в Чехословакии, хотя демократизация власти привела к разделению страны на Чехию и Словакию. См.: Социальная составляющая системных преобразований // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. Т. 3. Трансформация 90-х годов. Ч. 1. Разд. третий / Отв. ред. С.П. Глинкина. М.: Наука, 2002. С. 249—298.

б) *использование новой номенклатурой массового демократического движения для овладения властью с последующим отказом от радикальной демократизации общества.* В этом случае следовало ожидать реализации умеренно либеральных реформ в интересах политической элиты и новой буржуазии без существенной демократизации общественных отношений. В сфере национальных отношений естественным продолжением такой политики было бы расширение экономической самостоятельности республик при сохранении их политической зависимости от Центра. Радикальные национальные движения были бы подавлены;

в) *победа ультраконсервативных сил, приостановка реформ, грозящих развалом еле державшейся на плаву системы, сохранение статус-кво ценой силового подавления движений социального и национального протеста.* Такое развитие событий было вполне возможно и даже начало реализовываться в 1990 году. Однако оно не могло устранить причин, вызвавших реформаторские движения, и привело лишь к дальнейшему усилению развала, а затем — к новому взрыву социальных и национальных противоречий. Новой номенклатуре этот сценарий угрожал бы концом карьеры, демократическим силам — возможно, репрессиями, а обуржуазившимся директорам — потерей надежд на легализацию частной собственности. Поэтому все названные силы были готовы решительно бороться против такого варианта.

Что касается *распада Советского Союза* на 15 независимых государств, то подавляющее большинство экспертов и рядовых россиян считали его нереальным и фактически не принимали всерьез.

Обозначенные выше культурно-политические силы, будучи заинтересованы в первую очередь в реализации "собственных" сценариев развития, далеко не одинаково относились к другим вариантам. В случае невозможности реализовать наиболее привлекательный для них сценарий они были готовы принять другие, наиболее близкие к их интересам, в то время как некоторые другие варианты представлялись им неприемлемыми (табл. 15.1).

Лидеры массовых демократических движений оценивали вероятность реализации трех последних сценариев как примерно равную. Это стимулировало их активность в борьбе за радикальную демократизацию и либерализацию общества, обеспечивая Горбачеву определенную общественную поддержку. Однако в обществе, едва начинавшем освобождаться от тоталитаризма, демократические силы были идейно слабы и организационно разобщены. Как отмечает Ю.А. Левада, кажущаяся легкость и успешность первых шагов перестройки объяснялась не силой проводников перемен, а слабостью их противников, точнее — *глубоким разложением партийно-советского режима.* «*Вынужденной* (и, как выяснилось позже, поверхностной, номинальной) демократии противостоял *вырожденный* режим (включая идеологию, аппарат, влияние и пр). Поражение произошло до появления на сцене "победителей". В дальнейшем за это пришлось долго и тяжело расплачиваться»[1].

Таблица 15.1

Отношение культурно-политических сил к возможным сценариям развития СССР

Общественно-политические силы	Возможные сценарии развития советского общества			
	Распад СССР, независимость республик	Бюрократические псевдореформы	Умеренные либеральные реформы	Радикальные либерально-демократические реформы
Националистические	■	▒		▒
Ультраконсервативные		■	▒	
Номенклатурно-реформаторские		▒	■	▒
Либерально-консервативные			■	
Социально-демократические			▒	■
Криминальные	▒			

Условные обозначения: ■ — сильная заинтересованность, ▒ — допустимость, □ — отрицание

Кровавые события в Сумгаите, Тбилиси, Баку, Вильнюсе и Риге, не получившие должного отпора со стороны новой власти, окончательно подорвали доверие к ней демократов. Горбачев оказался перед необходимостью четко определить свою позицию по отношению к непримиримым культурно-политическим силам. Однако он предпочел балансировать между ними, в результате чего потерял поддержку тех и других и оказался в политической изоляции. В конечном счете, именно

[1] *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993—2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 167.

это позволило республиканским лидерам выйти на авансцену и создало предпосылки для распада СССР.

Ю.А. Левада так характеризует общий итог этого периода: «Перестройка в принципе завершила советский период нашей истории, но не создала ни социальных, ни человеческих предпосылок для управляемых и постепенных перемен. Когда все же "процесс пошел", он приобрел характерные для всех переломных ситуаций отечественной истории черты обвала — лавины, похоронившей благие намерения и самих субъектов скоротечной перестройки»[1].

15.3. Радикальные экономические реформы и постреформенная трансформация (1992—2003)

Августовский путч 1991 года вылился в открытую схватку наиболее консервативного крыла номенклатуры с еще не размежевавшимися реформаторскими силами, которые одержали безусловную победу. Опираясь на массовые демократические и национальные движения, к власти в стране пришли реформаторы, разделявшиеся на два крыла — номенклатурное и собственно демократическое. Теперь дальнейшее развитие России зависело от соотношения этих сил, их способности и возможности реализовать свои интересы. Вначале стал развертываться радикально-демократический сценарий: реформаторы окончательно отстранили от власти КПСС, а место КГБ заняла Федеральная служба безопасности с гораздо более ограниченными функциями. Внутренняя тайная полиция, терроризировавшая советское общество, была ликвидирована. В октябре 1991 года Ельцин объявил о начале радикальных экономических реформ. Обсуждались новый закон о собственности, меры по развитию мелкого и среднего бизнеса, пути перехода к конкурентной рыночной экономике.

Но в дальнейшее развитие событий вмешались национальные элиты, роль которых в результате путча резко усилилась. Стремясь полностью выйти из-под власти Центра и повысить собственный статус, политические лидеры России, Украины и Белоруссии без какого-либо совета с органами представительной власти, не говоря уже о проведении Всесоюзного

[1] *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993—2000. С. 137.

референдума, инициировали разделение Советского Союза на 15 независимых государств. Это решение не было подготовлено ни в экономическом, ни в политическом, ни в военном отношении. Гигантская общественно-государственная система в итоге распалась на 15 осколков, ни один из которых не был самодостаточным, т.е. не имел возможности самостоятельно обеспечить свое существование. Различие правовых систем и внешнеполитических ориентаций, несогласованность действий новых государств, прозрачность и необустроенность их границ создали условия для бурного роста экономической и уголовной преступности, различных коммерческих и финансовых афер, массового вывоза национальных богатств за рубеж.

Международный статус республиканских элит заметно повысился, поскольку они стали представлять самостоятельные государства. Но бывшим советским гражданам пришлось оплатить это высокой ценой. В частности, территория России сжалась до границ РСФСР, носивших случайный, исторически не обоснованный характер. В результате примерно четверть граждан, считавших себя русскими, а русский язык — родным, неожиданно оказались в "чужих" государствах в положении нежелательных конкурентов местного населения, а в ряде республик — даже "оккупантов". Перед новыми независимыми странами встала задача формирования базовых институтов, учитывающих их национальную, историческую и культурную специфику. А так как соотношение культурно-политических сил в каждой стране имело свои особенности, пути бывших союзных республик стали расходиться.

После августовского путча 1991 года во главе России оказался союз трех общественно-политических сил: реформаторского крыла номенклатуры, консервативных либералов, представлявших интересы частного капитала, и социал-демократов, ориентированных на интересы массовых слоев общества[1]. Естественно, что союз этот оказался непрочным. В результате его распада Россия вновь оказалась перед выбором между радикально-демократическим и консервативно-либеральным путями развития. Результаты этого выбора зависели от того, какие силы окажутся более мощными и станут определять содержание реформ.

Первыми сдали свои позиции демократические силы, не готовые к организованной борьбе за власть и ее последовательную демократизацию. Они не имели ни продуманной програм-

[1] Заметим, что речь в данном случае идет не о том, как называли себя эти силы, а о том, чьи интересы и как они представляли, к каким идеологиям фактически тяготели.

мы политических и экономических реформ (быть может, за исключением "Яблока"), ни конкретного плана воплощения своих замыслов в жизнь, ни требуемой организационной структуры, на которую могли бы опираться, ни опыта политической деятельности и знания политических технологий. В итоге часть демократической интеллигенции добровольно ушла из политики, другая часть была вытеснена из нее силой, а третья пополнила ряды новой номенклатуры (которая стала называться "элитой") и, в основном приняв ее нормы и ценности, изменила культурно-политическую идентификацию.

Новая правящая элита, сгруппировавшаяся вокруг Ельцина в годы последовавших реформ, объединяла две существенно разные группы. Первая имела номенклатурное происхождение и, с точки зрения личных целей и ценностей, мало отличалась от прежних властителей. Ее представители стремились прежде всего укрепить свой личный статус путем надежного овладения властью и присвоения возможно большей части государственной собственности. Общественные проблемы волновали этих людей лишь в меру влияния на их личный статус. Другую группу составляли владельцы крупного капитала, включая представителей бывшего директорского корпуса, крупных "теневиков" и криминальных "авторитетов", сумевших легализовать свои капиталы и выступавших в качестве "порядочных буржуа".

Стержнем экономических реформ, проведенных правительством Гайдара, была приватизация, позволившая российской элите практически бесплатно присвоить основную и наиболее перспективную часть государственной собственности. В результате в стране возникла и утвердилась частная собственность, а системы централизованного планирования и материально-технического снабжения были заменены рыночными механизмами. Экономика приобрела открытый характер, потребительский рынок наполнился товарами, в магазинах исчезли очереди, возникла и получила развитие мелкая частная торговля. Люди получили возможность приватизировать свои квартиры и покупать жилье в частную собственность, право совмещать несколько работ, не спрашивая на то разрешения начальства. Исчезла всеобщая обязанность трудиться в общественном производстве и пр. Россияне достаточно высоко оценили эти изменения, надеясь на дальнейшее улучшение жизни.

Однако могущественные властные кланы, вступившие в 1992—1993 годах в схватку за овладение государственной собственностью, потеряли интерес к дальнейшим реформам. Начавшаяся либерализация экономики была спущена на тормозах, развитие мелкого и среднего бизнеса замерло на одной

отметке, прекратились заметные шаги в сторону дальнейшей демократизации политической сферы. В результате нелегитимной приватизации громадных богатств с последовавшим за ней силовым переделом собственности и власти во главе России оказался паразитический слой криминально-бюрократической олигархии, не менее отчужденной от общества, чем коммунистическая номенклатура.

Как отмечает М.А. Шабанова, большинство россиян хотя и получили некоторые новые права и свободы, но одновременно утратили прежние социальные гарантии, включая основополагающие права на своевременную оплату труда (это отметили 68% горожан и 66% селян), гарантируемый государством достойный доход (67 и 45%), покупку товаров по устанавливаемым государством стабильным ценам (59 и 63%), бесплатное пользование медицинской помощью и бесплатное образование (соответственно 55 и 50% горожан и селян) и др.[1] Несмотря на то что реформы рассматривались их авторами как либеральные, значительная часть населения восприняла их итог не как расширение, а как сужение своей личной свободы. "В сельской местности и малых городах, — пишет М.А. Шабанова, — эта часть особо велика и устойчиво достигает 68—73%. Даже в крупнейшем городе российской провинции — Новосибирске в настоящее время она достигает почти половины (47% против 18% повысивших уровень своей свободы)"[2].

Новые базовые институты России носят, по мнению многих ученых, квазидемократический, квазилиберальный и квазиконституционный характер. Это значит, что названные качества присущи российскому обществу только внешне, в то время как в его социальной реальности преобладает политическое манипулирование обществом, а также правовое, экономическое и физическое насилие, попирающее гражданские права и свободы человека. Таким образом, социальные итоги реформ оказались во многом противоположными декларировавшимся и поддерживаемым обществом целям, что ставит под вопрос их легитимность.

Не лучше и социально-экономические итоги, о которых подробно говорилось выше. Вместо того чтобы пробудить социально заторможенное посттоталитарное общество к активной созидательной деятельности, реформы снизили его соци-

[1] *Шабанова М.А.* Социология свободы: Трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000. С. 182, 183, 186.

[2] *Шабанова М.А.* Индивидуальная и социетальная свободы в реформируемой России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 400.

ально- инновационный потенциал. Возникло массовое разочарование в демократии, упало доверие к институтам власти, большая часть общества стала рассматривать проведенные реформы как чуждые и враждебные своим интересам. Былая готовность значительной части граждан конструктивно участвовать в реформировании советской системы сменилась ностальгией по старым порядкам. Отсутствие понятной народу долгосрочной стратегии власти затянуло и углубило аномию, обострило кризис идентификаций и ценностей[1]. Усилилась криминализация общественного сознания и массового поведения, заметно сильно снизились нормы морали[2].

В расстановке культурно-политических сил России в 1990-х годах произошли следующие главные сдвиги:

1. Представители *либеральной номенклатуры* обзавелись крупной частной собственностью и составили костяк нового правящего класса. Монолитное единство советской административно-политической бюрократии сменилось плюралистическим распределением власти. Резко повысилась роль экономических, национальных и региональных элит. Однако дифференциация элитных групп приняла не либерально-демократическую, а полуфеодальную *клановую* форму[3]. В результате многие элементы государственной машины были приватизированы олигархическими кланами, как правило, базирующимися на естественных монополиях и гигантских промышленно-финансовых корпорациях. Занятые междоусобной борьбой за власть и дальнейшим перераспределением собственности, представители этих сил не слишком озабочены судьбами общества, во главе которого оказались.

2. *Консервативно-реакционное крыло* новой элиты в публичной политике в основном отошло на второстепенные роли. Но в аппарате власти его позиции остались достаточно прочными. Органически войдя в состав правящей бюрократии, пусть и не на первых ролях, оно приобрело едва ли не большую силу, чем прежде. Дело в том, что средние и высшие чиновники, нагревшие руки на приватизации государственной собственности, приобрели немалые состояния. Кроме того, они обложили общество высокой коррупционной данью, по масштабам которой Россия заняла одно из первых мест в мире. Произошло сращивание государственных структур не только с частным бизнесом, но и с криминальными силами. В результате еще более укрепился статус российской бюрократии как привилегированного социального сословия, не заинтересованного в либерально-демократических реформах.

3. Как отмечалось, в 1990-х годах возник ряд *новых социальных групп*, занимающих серединное положение между верхами и низами общественной иерархии. Это специалисты деловых профессий, профессионалы разного профиля, мелкие и средние предприниматели, лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью, менеджеры, специалисты финансовой и коммерческой сфер, наемный персонал частных предприятий. Эти группы в принципе могут рассматриваться в качестве социальной базы либерально-демократических реформ, которые претворяются в жизнь, в первую очередь, их силами.

4. Общественные движения, боровшиеся в конце 1980-х годов за национальную свободу и независимость, в большинстве новых независимых стран, включая Россию, превратились в консервативные *национал-патриотические силы*. В многонациональной и поликонфессиональной России националисты выдвигают лозунг "Россия — для русских", требуют официального признания примата православия по отношению к другим религиям, демонстрируют враждебно-пренебрежительное отношение к национальным меньшинствам, громят еврейские кладбища, идеологически и практически смыкаясь с фашистами. В России эти силы пока являются маргинальными. Но по сравнению с концом 1980-х годов их роль в общественной жизни скорее возросла, чем уменьшилась.

5. "Мечтательная и эмоциональная *демократия*, сыгравшая свою роль в морально-политическом возбуждении общества конца 80-х, — по мнению Ю.А. Левады, — понесла тяжелые поражения в 1993—1996 годах. Демократические настроения и устремления не сложились в организованную политическую силу, не смогли заставить власть считаться с собой... Период самоопределения и организации демократических сил отодвинут в не вполне определенное будущее"[1]. Действительно, в последние годы значительная часть демократов

[1] Анализу институциональных и социальных итогов реформ 1990-х годов посвящена многочисленная литература. См., напр., выпуски сборника трудов симпозиума "Куда идет Россия?.." за 1999—2003 гг.; *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Потери и обретения в России девяностых. М.: Эдиториал УРСС. Т. 1. 2000. Т. 2. 2001 и др. работы.

[2] *Головаха Е.* Феномен "аморального большинства" в постсоветском обществе: Трансформация массовых представлений о нормах социального поведения в Украине // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ, 2002. № 6. С. 20—22.

[3] Данный факт признается и западными исследователями России. Подробнее см.: *Лужин А.В.* Демократизация или кланизация? Эволюция взглядов западных исследователей на перемены в России // ПОЛИС. 2000. № 3. С. 61—79.

[1] *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993—2000. С. 109—110.

отошла от политики. Их реформаторский потенциал, не будучи востребован обществом, со временем снизился. Сейчас представители этой общности примыкают либо к правым партиям, либо к социал-демократам и правому крылу коммунистов. По сравнению с концом 1980-х годов их общественная роль резко уменьшилась.

6. Напротив, бывшие *"теневики" и полукриминальные элементы*, пользуясь длительным нахождением страны в состоянии правового беспредела, значительно расширили ряды и колоссально умножили свои экономические и силовые ресурсы. Приобретя гораздо большую "крутизну", чем прежде, они превратились в одну из наиболее мощных сил современной России[1].

Именно в результате этих процессов в России сложились те наиболее заметные культурно-политические силы, которые заинтересованы в разных вариантах дальнейшего развития России. Это силы:

- олигархические,
- государственнические,
- коммуно-патриотические,
- либерально-демократические и
- социал-демократические.

Наряду с ними существуют и оказывают заметное влияние на транформационный процесс квазиполитические криминальные силы[2].

---

[1] "В 1993 году МВД выявило в стране около 3000 организованных преступных группировок. Через год на специальном совещании в ООН по вопросам международной преступности была названа цифра 5700, эти группы якобы насчитывали 3 миллиона членов. Но пугал не столько быстрый рост российских преступных групп, сколько масштабы захвата российской экономики". *Хлебников П.* Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001. С. 33.

По данным ФСБ, под контролем криминальных структур находятся десятки тысяч хозяйствующих объектов и субъектов, в том числе государственные предприятия, акционерные общества, банки. Организованная преступность контролирует до 40% производства валового национального продукта страны, а по некоторым данным — и того больше. *Кива А.В.* Криминальная революция: вымысел или реальность? // Общественные науки и современность. 1999. № 3. С. 27.

[2] Сходную, но не совпадающую с нашей "горизонтальную" структуру российского общества описывает В.Э. Шляпентох. Он выделяет четыре "среза", "слоя" или "уклада" России, имеющих собственную политическую и экономическую базу и могущих более-менее эффективно применять принуждение для реализации выгодных им решений. Эти слои или уклады он называет олигархическим, авторитарным, либеральным и криминогенным. Концепция социально-трансформационной структуры России, излагаемая в этой книге, представляет дальнейшее развитие этой мысли. См.: *Шляпентох В.Э.* Многослойное общество: "Антисистемный" взгляд на современную Россию// Социологический журнал. 1997. № 4. С. 5—21.

Рекомендуемая литература

1. *Богомолов О.Т.* Моя летопись переходного времени. М.: Экономика, 2000.
2. *Водолазов Г.Г.* Дано иное: От номенклатурного социализма к номенклатурной демократии. М.: Эпицентр — Харьков: Фолио. 1996.
3. *Гайдар Е.Т.* Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996.
4. Десять лет системной трансформации в странах ЦВЕ и в России: Итоги и уроки. М.: ИМЭПИ РАН, 1999.
5. *Заславская Т.И.* Стратегия социального управления перестройкой // Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. С. 401—444.
6. *Левада Ю.А.* 1989—1998: Десятилетие вынужденных поворотов // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: МВШСЭН, 1999. С. 113—127.
7. Перестройка — наше прошлое или будущее? Труды конференции. М.: Горбачев-фонд, 2001.
8. *Черемисина Т.П.* Формирование рыночных институтов в советской легальной экономике // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001. С. 313—341.
9. *Шабанова М.А.* Индивидуальная и социетальная свободы в реформируемой России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 399—410.
10. *Шляпентох В.Э.* Многослойное общество: "Антисистемный" взгляд на современную Россию //Социологический журнал. 1997. № 4. С. 5—21.
11. *Reddaway P., Glinski D.* Market Bolshevism: A Historical Interpretation // Reddway Peter, Glinski Dmitri. The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy. Washigton, D.C.: United States Institute of Peace Press, 2001. P. 623—643.

Глава шестнадцатая

КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

16.1. Некоторые методологические соображения

Выше уже говорилось о том, что кристаллизация культурно-политических сил России находится на начальной стадии. Это проявляется как в аполитичности значительной части граждан, политико-правовом когнитивном вакууме в массовом сознании, так и в незрелости, неустойчивости большинства политических партий, объединений, ассоциаций. Состав и структура этих организаций меняется с головокружительной быстротой, партии возникают, сливаются, раскалываются, меняют основополагающие принципы. Причем программы партий, названия которых, казалось бы, свидетельствуют о принципиально разных идеологиях, нередко оказываются сходными, а имеющих сходные названия — разными. Названия партий нередко не отражают их реальных политических установок. Так, действительная идеология партии Жириновского гораздо ближе к государственнической и национал-патриотической макрообщностям, чем к либерально-демократической. Социал-демократическая макрообщность также не совпадает с электоратом партий, использующих подобное имя. Основную часть ее составляют сторонники партии "Яблоко" и умеренные члены КПРФ, перешедшие с коммунистических на социал-демократические позиции, но не желающие это открыто признать. С другой стороны, фундаменталистское крыло той же партии составляет костяк коммуно-патриотов.

Все это не позволяет идентифицировать реальные культурно-политические силы, содействующие движению России в тех или иных направлениях, ни с членами и сторонниками конкретных партий или политических лидеров, ни с группами поддерживающего их электората[1]. Представленный ниже анализ относится к макрообщностям, чаще всего не имеющим какого-либо организационного оформления. Они выделены чисто аналитическим путем по характеру основных интересов, целей и ценностей, тяготению к тем или иным идеологиям, участию в действиях с определенной идеологической окраской — таких, как поддержка важных решений власти или противодействие их воплощению в жизнь, протест против ухудшения условий жизни, участие в общественных движениях и акциях, причастность к экономической преступности, националистическим погромам и др. Речь, таким образом, идет о сознательном или неосознанном тяготении социальных субъектов к определенным ценностям, целям, идеологиям, проявляющемся в их поведении.

Задачи этой и следующей глав — охарактеризовать культурно-политические силы России с точки зрения: особенностей их идеологических позиций, социального состава, идейной консолидированности, степени укорененности в обществе (т.е. широты и прочности социальной базы), мощности ресурсного потенциала, а также идейной близости с одними и отчужденности от других общественных сил.

Несколько слов о содержании используемых понятий. Под *идеологическими ориентациями* тех или иных общественных сил имеются в виду не только и не столько публичные высказывания их сторонников, сколько проявляющаяся в их действиях заинтересованность в становлении определенных типов государственной власти, отношений собственности, социальной структуры, методов поддержания правопорядка, а также направления внешней политики.

Под *консолидированностью* культурно-политических сил понимается единство не только внешних, случайных, временных, но и глубинных, коренных интересов групп, формирующих эти силы. Уровень консолидированности отражает способность соответствующих сил к политическим действиям и к взаимодействиям с другими силами в качестве более или менее единого целого. Причем можно говорить о двух типах консолидированности (или, напротив, расколотости) культурно-политических сил: горизонтальном и вертикальном. В первом случае речь идет о наличии или отсутствии в рамках внешне

[1] Исследования электората политических партий распространены достаточно широко и представляют значительный интерес. Их результаты используются мной как средство контроля правильности как целей, ценностей и идеологий выделенных культурно-политических сил, так и разделяющих их расстояний в культурно-политическом пространстве.

единой культурно-политической силы двух или более принципиально разных течений, крыльев, секторов (например, радикального и умеренного, левого и правого и т.п.), а во втором — об общности или расхождении жизненных интересов представляющих данную силу макро-, мезо- и микроакторов.

Понятием *социальная укорененность* конкретной культурно-политической силы обозначается та глубина, на которую соответствующие идеи и интересы проникают в массовые слои, а соответственно — и широта их распространения в обществе. По этому критерию различаются силы, захватывающие преимущественно верхушку общества или опирающиеся на большие массы людей.

В этой главе основные культурно-политические силы России анализируются с точки зрения "исповедуемых" ими целей, ценностей и установок, т.е. тех характеристик, на базе которых они выделялись.

16.2. Особенности установок культурно-политических сил России[1]

Олигархические силы, олицетворяющие слияние собственности с властью, декларируют либеральные цели и ценности, но в силу своего специфического генезиса и типа деятельности на практике следуют чисто прагматическим интересам. Тактически олигархи заинтересованы в максимальной экономической свободе, особенно в минимизации государственного

[1] Идея представленного ниже анализа возникла в результате знакомства с методикой и результатами исследований электората ведущих партий России на выборах 1996 и 2000 годов (см., напр.: *Левада Ю.А.* Политическое пространство России за полгода до выборов: 1995 и 1999 гг. // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 1999. № 5. С. 7—13; *Будилова Е.В., Гордон Л.А., Терехин А.Т.* Электораты ведущих партий и движений на выборах 1995 г. (многомерно-статистический анализ) // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 1996. № 2. С. 18—24; *Левинтова Е.* Политический дискурс в контексте общественного мнения постсоветской России (1992—2001) // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2002. № 5. С. 18—33; *Левинтова Е.* Политический дискурс в постсоветской России (1992—2001) // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2002. № 2. С. 16—26). Существенное несовпадение состава культурно-политических сил России с электоратом политических партий, имеющих сходные с ними названия, не позволяет использовать количественные результаты этих исследований для характеристики названных общественных сил. Но качественные выводы, касающиеся структуры политического пространства России, составляют одну из основ представленного ниже анализа.

контроля за функционированием монопольного рынка естественных ресурсов, составляющих основу их богатств. Главное для них — сохранить современный порядок присвоения ренты от добычи нефти, газа, бокситов и других ценных ископаемых, которая почти целиком направляется в их карман. Этой цели лучше всего соответствует "маленькое" и не слишком сильное государство, де-факто управляемое крупным капиталом при формальном сохранении демократии. Пока же эта цель не достигнута, олигархи не без успеха добиваются права на серьезное и систематическое участие в принятии политических решений[1].

Поскольку экономическая деятельность олигархов носит в значительной мере международный характер, они поддерживают открытую внешнюю политику, в основном прозападной ориентации (не случайно многие из них имеют двойное гражданство). Более сложно их отношение к правопорядку. Ситуация, основанная на подчиненном положении закона по отношению к деньгам, а также властным и силовым ресурсам, до поры устраивала большинство олигархов, поскольку законы к ним словно не относились, оставляя их руки свободными. Однако их долговременные интересы связаны, во-первых, с гарантией неприкосновенности их экономических империй и, во-вторых, с полноценным включением в мировой рынок, формированием прочных взаимовыгодных связей с зарубежными партнерами. Между тем неправовое государство, будучи заведомо слабым, не может гарантировать защиту от попыток ренационализации захваченных олигархами богатств. Такую гарантию может дать только сильное государство, опирающееся на соответствуюшие законы и способное обеспечить их безусловное выполнение. Кроме того, укрепить позиции на мировом рынке и создать прочные международные связи они могут лишь при условии легитимности и прозрачности своей экономической деятельности. Отсюда проявившееся в последнее время намерение ряда олигархических структур (в частности, ЛУКОЙЛа и ЮКОСа) в течение ближайших двух-трех лет полностью вывести свой бизнес из тени и придать ему правовую форму. Это дало некоторые основания говорить о наметившемся разделении олигархических сил на "старые", сохра-

[1] Не случайно одни и те же олигархические структуры финансируют партии, оппозиционные друг другу. Деньги "ЮКОСа" получали и "Единая Россия", и СПС, и "Яблоко", и коммунисты; структуры Олега Дерипаски финансировали "Единую Россию", блок Глазьева, СПС; компания "Лукойл" — СПС и "Единую Россию" // Новая газета. 2003. № 69. 18—21 сент. С. 2.

няющие преимущественно теневой характер, и на новые, стремящиеся к обретению легитимного статуса.

Однако последовавшие за этим события (и, прежде всего, арест М. Ходорсковского), по-видимому, надолго остановили этот процесс. Конечно, «инициаторы российских "реформ" заговорили о праве лишь тогда, когда исчерпали возможности достижения своих целей неправовыми методами захвата и удержания власти, а также передела собственности и стали перед необходимостью защищать незыблемость уже своей власти и своих прав на вновь обретенную — в основном нелегитимными способами — собственность»[1]. Однако их стремление к "открытию" и легализации своей экономической деятельности безусловно отвечало общественным интересам, связанным с приданием российскому государству правового характера. Выборочное же применение репрессивных мер по отношению к отдельным олигархам свидетельствует о дальнейшем отходе российского правосудия от главного принципа правовых государств: "Один закон для всех".

Государственнические силы. Политические интересы государственнических сил связаны, в первую очередь, с укреплением и авторитаризацией государственной власти, повышением политической роли силовых структур, наведением более строгого правового порядка, выстраиванием жесткой исполнительной вертикали. В экономической сфере предпочтение отдается смешанной системе хозяйства с весомым и эффективно управляемым государственным сектором. Развитие частного сектора допускается при условии его надежного регулирования государством с помощью соответствующих экономических рычагов. Социальные приоритеты государственников ориентированы на умеренный патернализм. В области геополитики ставятся задачи восстановления и укрепления статуса России как великой державы, надежного обеспечения национальной безопасности, реализации независимой внешней политики, усиления военной мощи страны.

Суть этой идеологии, пожалуй, лучше всего выражает известное предложение В. Третьякова ориентироваться на систему "управляемой демократии", для чего следует "подморозить Россию", придав ей "четкую государственную форму, политическую и идеологическую идентичность" с помощью "выразительной силовой политики"[2]. По существу, это означает сохранение видимости демократических процедур при автократическом режиме власти. У консерваторов понятие управляемой демократии вызвало горячее одобрение, у демократов — полное отторжение.

[1] См.: *Журавлев В.В.* Личность как заложница государства и общества (к постановке проблемы) // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 98.

[2] Независимая газета. 2000. 13 янв.

Представители ***коммуно-патриотических сил***[1] составляют наиболее консервативную часть отечественного политического спектра. Они привержены, по крайней мере на словах, традиционным советским ценностям великодержавности, общественной собственности, всеобщего бескорыстного служения государству, "коммунистической морали", коллективизма, социального равенства и т.д. На первый план они выдвигают задачи восстановления национального достоинства России, отождествляемой, главным образом, с русской и даже православной частью граждан.

Коммуно-патриоты настаивают на особом пути развития России, требуют ограничения связей с Западом, оказывающим тлетворное влияние на русскую культуру. Разоблачая коварные "происки Запада", "безжалостную руку рынка", ужасы капитализма, они на словах предлагают возвратить власть компартии, ренационализировать крупную собственность, восстановить основы плановой системы хозяйства, государственный контроль за распределением экономических и трудовых ресурсов. Будучи едиными в критическом отношении и оппозиции к нынешней власти, в конструктивном плане эти силы гетерогенны. Здесь представлены коммунистическое, национал-патриотическое, православное и другие течения. Объединяет же все эти силы неприятие либерально-демократических ценностей, идейная обращенность в прошлое и консерватизм, граничащий с реакционностью.

Долгосрочные интересы ***либерально-демократических сил*** связаны с постепенным формированием "маленького" правового и демократического государства западного типа, ограничивающегося лишь самым необходимым вмешательством в жизнь общества. Главные задачи такого государства видятся в восстановлении силы закона и правового порядка, защите прав собственности, правовом гарантировании контрактов, защите прав и свобод граждан, борьбе с преступностью.

Экономическими идеалами либерал-демократов являются свобода легитимной хозяйственной деятельности, стимулирова-

[1] Этим именем в дальнейшем обозначаются две идеологически близкие силы: коммунистические фундаменталисты (наиболее реакционное левое крыло КПРФ) и русские национал-патриоты, выступающие под лозунгом "Россия — для русских!".

ние частного предпринимательства и роста частного сектора, свободный конкурентный рынок, справедливое и эффективное налогообложение, зависимость шансов и возможностей граждан, прежде всего, от их способностей и усилий. Внешнеполитические взгляды и интересы либерал-демократов носят прозападный характер.

Социал-демократические силы также стремятся к созданию в России правового демократического государства. Они выступают за единство закона для всех граждан, непримиримо относятся к коррупции. В этих отношениях они являются союзниками либерально-демократических сил. Но есть между ними и принципиальные различия. Главное из них состоит в том, что либерально-демократические силы представляют, в первую очередь, интересы относительно продвинутых и успешных социальных групп, хорошо адаптировавшихся к рыночной экономике, в то время как социал-демократические силы выражают интересы массовых групп: рабочих, служащих, крестьян, рядовых специалистов. Отсюда разница в идеологических ориентациях: если первые следуют в основном идеологии либерализма, то вторые — социализма.

Социал-демократы поддерживают идею свободного, но вместе с тем сильного, "большого" государства, способного — в условиях достаточно широкого развития мелкого и среднего частного бизнеса — контролировать командные высоты экономики, перераспределять значительную часть ВВП через государственный бюджет, обеспечивать строгое соблюдение законов, оказывать экономическое влияние на состояние внутреннего рынка. Социал-демократы выступают за надежное обеспечение государством демократических прав и свобод граждан, социальное партнерство между трудом, капиталом и государством, прогрессивную модель налогообложения доходов, социальную защиту государством слабых общественных групп, ускоренное развитие социальной сферы общества — здравоохранения, образования, спорта, культуры, науки. В области международных отношений они ориентированы на открытую, но достаточно независимую политику России.

Что касается квазиполитических ***криминальных сил***, то понятие идеологии у них заменяется в лучшем случае прагматизмом, а в худшем — цинизмом. Их интересам лучше всего отвечает де-факто сложившаяся в России ситуация хотя и "большого", но слабого государства, разложения правосудия, господства денег и силы, разрастания неформального и теневого секторов экономики.

16.3. Сравнительный анализ установок культурно-политических сил

Ценностные позиции и деятельностные установки анализируемых культурно-политических сил по семи критериям (двум политическим, двум экономическим, а также идеологическому, правовому и внешнеполитическому) зафиксированы в табл. 16.1. Каждый столбик этой таблицы соответствует определенному типу сил, строки же отражают различные установки в областях, формирующих политические позиции. Заливкой обозначены те ценностно-деятельностные позиции, которые наиболее близки каждой из анализируемых сил (табл. 16.1).

Приведенная таблица не только фиксирует особенности идеологии изучаемых сил, но и позволяет с некоторым основанием судить о степени сходства или расхождения их политических интересов, установок и целей. Легко видеть, что если между одними парами сил имеется очевидное сходство, то другие пары почти не имеют общих позиций и, значит, вряд ли могут объединяться для каких-то совместных действий[1].

Используя эти данные, можно оценить меру сходства или различия каждой пары сил через соотношение совпадающих или не совпадающих ценностно-деятельностных позиций. Для суждения о сходстве позиций разных культурно-политических сил совпадения одной из семи позиций явно недостаточно, так как оно нередко носит случайный характер. Совпадение двух позиций свидетельствует об очень слабом сходстве, своего рода "соприкосновении по касательной". Наличие трех совпадений при четырех расхождениях можно толковать как сходство позиций по отдельным достаточно важным вопросам. В тех случаях, когда общих позиций больше, чем разных, соответствующие силы можно признать связанными достаточно тесно, а при 5—6 общих позициях — даже родственными.

Результаты выполненного таким путем анализа показаны в табл. 16.2. Если подойти к ее данным с названными критериями (т.е. не считать единиц и нулей), то между пятью культурно-политическими и одной квазиполитической си-

[1] Разумеется, использованный нами инструментарий носит упрощенный характер, так как за каждой обозначенной в таблице позицией (например, "демократия", "либерализм", "социализм", «"маленькое" государство» и др.) могут скрываться очень различные представления и ожидания. Речь, следовательно, может идти о формировании только самой общей картины.

Таблица 16.1

Особенности позиций и установок разных культурно-политических сил России

Предпочитаемые характеристики государства и общества	Культурно-политические силы					Криминальные (квазиполитические) силы
	Олигархические	Государственнические	Коммуно-патриотические	Либерально-демократические	Социал-демократические	
Политическая система						
Демократия	■			■	■	■
Авторитаризм		■	■			
Государство						
"Большое"		■	■		■	
"Маленькое"	■			■		■
Правовая ситуация						
Власть закона		■	■	■	■	
Господство денег и силы	■					■
Идеология						
Либерализм				■		
Консерватизм		■				
Социализм			■		■	
Прагматизм, цинизм	■					■
Доминирующий тип собственности						
Частная, акционерная	■			■		■
Смешанная		■			■	
Государственная			■			
Тип рынка						
Открытый конкурентный				■		
Монополизированный и теневой	■					■
Экономически регулируемый государством		■			■	
Планово-централизованный			■			
Внешнеполитические ориентации						
Прозападные	■			■		
Независимость ("свой путь")		■			■	■
Антизападные			■			

Таблица 16.2

Количество общих ценностно-деятельностиых позиций у разных пар культурно-политических сил

Общественные силы	Культурно-политические силы						Число общих позиций с другими силами
	Олигархические	Государственнические	Коммуно-патриотические	Либерал-демократические	Социал-демократические	Криминальные	
Олигархические	■	0	0	4	1	6	11
Государственнические	0	■	3	1	5	1	10
Коммуно-патриотические	0	3	■	1	3	0	7
Либерально-демократические	4	1	1	■	2	3	11
Социал-демократические	1	5	3	2	■	2	13
Криминальные	6	1	0	3	2	■	12

лой обнаружатся 3 достаточно сильных, 3 средних и 2 более слабых сходства.

Прежде всего отметим тот факт, что у государственнических и олигархических сил общих идейных позиций не обнаружено. Иными словами, эти силы заинтересованы в противоположных путях трансформации российского общества и, следовательно, занимают антагонистические позиции в борьбе за направление его будущего развития.

Наибольшее сходство наблюдается между олигархическими и криминальными силами: из 7 анализируемых ценностно-деятельностных позиций общими для них являются 6. Расхождение наблюдается лишь во внешнеполитической ориентации: если большинство олигархов — западники, то представители криминального мира заинтересованы в более безопасном для них "особом" пути развития России.

Глубокое родство олигархических сил с криминальными вряд ли может вызывать удивление, поскольку происхождение не только крупнейших, но и крупных капиталов России носит заведомо неправовой, а часто и криминальный характер. Люди, входившие в окружение Б.Н. Ельцина в начале 1990-х годов, делали состояния буквально "из воздуха" благодаря щедро раздаваемым льготам и лицензиям. Власть сознательно закрывала глаза на махинации своих представителей. Финансовая вакханалия, не знавшая никаких законных ограничений,

официально рассматривалась правительством Гайдара и последовавших за ним премьеров России как позитивный инновационный процесс "первичного накопления капитала". А так как с тех пор прошло не так много лет, то провести границу между "респектабельными" правопослушными олигархами и кое-как легализовавшимися вчерашними "паханами" в настоящее время вряд ли возможно.

К тому же взаимовыгодное сотрудничество большинства олигархов с криминальным миром продолжается и поныне, что позволяет каждой из этих сил решать более сложные и рискованные задачи, чем если бы они действовали самостоятельно. Правда, речь в данном случае идет о сотрудничестве не соратников, а хищников, готовых в любую минуту кинуться друг на друга. Поэтому обе стороны вынуждены строго следить за партнерами, чтобы те их не предали и не обокрали. Но тем не менее эта связь существует. Формально-правовая, а тем более культурная легитимизация олигархических капиталов, по-видимому, потребует намного больше времени.

Еще одно очень сильное сходство ценностно-деятельностных ориентаций имеется между государственническими и социал-демократическими силами. Их сближают ориентации на сильное государство, строго следящее за соблюдением законов и неподкупностью правосудия, на смешанную экономику и регулируемый рынок, а также на независимую внешнюю политику и творческое (не механическое) использование опыта Запада. Расходятся эти силы лишь по двум, но очень важным позициям. Если социал-демократы настаивают на необходимости дальнейшей демократизации государства, то, по мнению государственников, справиться с решением накопившихся в России проблем может только авторитарное государство. Соответственно идеологией государственников служит консервативный либерализм, а идеологией социал-демократов — обновленный социализм. Тем не менее наличие многих общих позиций позволяет этим силам выступать в роли союзников.

16.4. Общая конфигурация культурно-политических сил современной России

Взаимное расположение описанных выше сил в культурно-политическом пространстве России с учетом сходства и расхождения их ценностно-деятельностных позиций показано

Рис. 16.1. Конфигурация культурно-политических сил России

на рис. 16.1. Графическое отражение значимых сходств между позициями разных культурно-политических сил образует два более-менее целостных и слабо связанных между собой треугольника. Первый образуют государственническая, социал-демократическая[1] и коммуно-патриотическая, а второй — олигархическая, либерально-демократическая и криминальная общности.

Как можно видеть, "ось" правого треугольника составляет союз олигархов и криминала, в то время как либерально-демократические силы вдвое слабее сходны с другими представителями этого крыла, чем те друг с другом (по 3—4 сходным позициям). Таким образом, либерально-демократическая общность выступает здесь в роли временно примкнувшего к основным силам попутчика. Стоит, однако, обратить внимание на то, что единственная заметная связь олигархов и криминальных авторитетов с остальными силами общества пролегает через либерал-демократов. Сближают эти силы общие ориентации на доминирование частной собственности, маленькое государство, открытую экономику и развитые отношения с Западом. Но если для либерал-демократов политическая демократия является самоцелью, краеугольным камнем мировоззрения, то олигархам и криминалу этот режим просто удобнее авторитаризма, поскольку, при прочих равных

[1] Напомним, что речь здесь идет не о международной социал-демократии, а о социал-демократических силах России, значительную часть которых составляет правое крыло коммунистов.

условиях, он создает более мягкую и комфортную среду для теневых и противоправных операций.

Ценностно-деятельностный "водораздел" между либеральными демократами и криминалами весьма ощутим. Интересы первых связаны прежде всего с расширением свободы и ответственности индивидов в рамках единого для всех Закона и с созданием свободного конкурентного рынка. Криминалов же устраивает система, где деньги и сила доминируют над законом, правосудие беспомощно, а рынок монополизирован и частично нелегален. Таким образом, эти силы не являются стратегическими союзниками. Но криминалы гораздо хитрее, практичнее и изощреннее либерал-демократов. Поэтому каждый шаг либералов в сторону ослабления государственного контроля и расширения гражданских свобод неизменно используется криминальными силами в свою пользу. Сходство либерально-демократических сил с олигархическими также умеренно. Приверженность олигархов либеральной идеологии носит скорее показной характер, их действительный интерес — не свободная, а монополистическая экономика.

Теперь бросим взгляд на треугольник сил, образующий левое крыло схемы. Здесь центральную роль играет то сходство ценностно-деятельностных ориентаций государственнических и социал-демократических сил, о котором сказано выше. Третий (и в некотором смысле маргинальный) представитель левого крыла схемы — коммуно-патриотические силы. Разделяя общую направленность ценностно-деятельностных ориентаций государственников, коммуно-патриоты занимают ультраконсервативные позиции: им хотелось бы вернуться назад значительно дальше, чем более умеренным государственникам. Поэтому сотрудничество этих сил может носить лишь тактический характер.

Сравнение ценностно-деятельностных позиций коммуно-патриотов и социал-демократов интересно в связи с тем, что большая часть тех и других вышли из недр КПСС, а многие и сейчас состоят в КПРФ. Обе силы считают своей идеологией социализм, хотя понимают его по-разному. За годы реформ собственно коммунистическое (в духе КПСС) и социал-демократическое течения, сосуществовавшие в бывшей компартии, разошлись очень далеко и ныне выдвигают принципиально разные программы.

Общий вывод из выполненного анализа состоит в том, что культурно-политические силы России разделены на две группы, потенциально могущие превратиться в конкурирующие за власть политические союзы. Одну часть политического

спектра занимают силы, которые хотели бы создать в России мощное, скорее авторитарное, чем демократическое государство, усилить роль государственного сектора экономики (возможно, ренационализировав некоторые противоправно приватизированные "командные высоты"), усилить государственное регулирование частного сектора, более жестко подчинить внешнюю политику России национальным интересам.

Противоположная часть политического спектра представлена силами, стремящимися минимизировать функции государства, прежде всего — экономические. Все хозяйственные ресурсы, включая землю и другие природные блага, по их мнению, должны находиться в частной или корпоративной собственности, налоги и таможенные пошлины — быть минимальными. Главным регулятором развития экономики должен стать рынок, все сильнее интегрирующийся в мировое хозяйство. Экономическая роль государства должна ограничиваться сбором и перераспределением умеренных по размеру налогов. Вопросы об экономической и военной безопасности страны, равно как и о системе законов, способной ввести "свободную" экономику в цивилизованные рамки, в этом контексте обычно не ставятся.

Картина противостояния двух мощных блоков общественных сил, группирующихся вокруг государственников и олигархов, несколько осложняется практикой их оппортунистического сотрудничества. Действительные (повседневные) отношения олигархической и государственнической общностей носят глубоко противоречивый характер, строясь по принципу "брат мой — враг мой". Остро конкурируя за экономические ресурсы и политическое влияние, эти силы одновременно сотрудничают, либо объединяя свои ресурсы для достижения общих целей, либо взаимовыгодно ими обмениваясь.

Сложны и отношения государственнической и криминальной общностей. В идеологическом плане они имеют от силы одну общую позицию, т.е. являются антиподами. Но как быть с тем фактом, что значительная часть элиты современной России увязла в коррупции и присвоении государственных средств, а правоохранительные органы переродились в "цепных псов" исполнительной власти, принимающих те решения, которые им диктуются "сверху"?[1]

[1] См., напр.: *Пашин С.А.* Человек в российском правовом пространстве // Куда идет Россия?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней трансформационного процесса / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 157—167.

Не следует ли отсюда, что государственническая и криминальная общности в действительности образуют тесный союз? Думается, что такой вывод был бы неверен, потому что границы и персональный состав анализируемых культурно-политических сил отнюдь не совпадают с границами и составом общностей, различающихся формальным статусом. В частности, к государственническим силам следует относить лишь ту часть государственного аппарата, действия которой реально способствуют укреплению государственного правового порядка, в том числе правоохранительной системы. Те же чиновники, которые прямо или косвенно участвуют в преступной антигосударственной деятельности или сознательно ее прикрывают, являются представителями криминальных сил.

Таким образом, государственнические и криминальные силы действительно принципиально противостоят друг другу. Но при этом наиболее острая борьба между ними идет внутри государственного аппарата. Какая из них сильнее, определить нелегко. Но факт, что в результате их открытых схваток, становящихся достоянием СМИ (имеются в виду передачи Караулова, Парфенова, Познера, Шустера, Сорокиной и др.), большинство преступников остаются безнаказанными.

В заключение еще об одном парадоксе современной российской политической сцены. Как мы видели, либерально-демократические и государственнические силы имеют всего одну общую ценностно-деятельностную позицию, иными словами, их интересы почти противоположны. Между тем в Правительстве РФ те и другие представлены примерно поровну. Государственникам поручено руководство внешней политикой и силовыми структурами, а на либералов возложено руководство Правительством (поскольку за ними пост премьера), обеспечение развития экономики и завершение социально-экономических реформ. Руководители силовых ведомств стремятся к укреплению государственного контроля не только за экономикой, но и за обществом (в частности, за деятельностью СМИ). Лозунг же правящей либеральной элиты — "минимальное государство" и максимальная свобода частной и корпоративной экономической деятельности. Пока Президенту РФ более или менее удается одновременно поддерживать тех и других. Но линии, далекие от параллельности, неизбежно должны пересечься, и эффект такой "вспышки" непредсказуем.

Итак, мы рассмотрели идеологические особенности общественно-политических сил России, главные направления их интересов. Но для того чтобы оценить потенциал их влияния на трансформацию российского общества, необходимо выяснить социальную структуру их сторонников и примерный масштаб находящихся в их распоряжении ресурсов. Эти задачи требуют совместного рассмотрения горизонтальной и вертикальной проекций трансформационной структуры общества. Ему и посвящена следующая глава.

Рекомендуемая литература

1. *Будилова Е.В., Гордон Л.А., Терехин А.Т.* Электораты ведущих партий и движений на выборах 1995 г. (многомерно-статистический анализ) // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 1996. № 2. С. 18—24.

2. Диалоги: А. Паникин — Е. Гайдар; А. Паникин — В. Новодворская; А. Паникин — В. Жириновский. М.: Общероссийская политическая общественная организация "Солидарность", 2001.

3. *Левада Ю.А.* Политическое пространство России за полгода до выборов: 1995 и 1999 гг. // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 1999. № 5. С. 7—13.

4. *Левинтова Е.* Политический дискурс в постсоветской России (1992—2001) // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2002. № 2. С. 16—26.

5. *Левинтова Е.* Политический дискурс в контексте общественного мнения постсоветской России (1992—2001) // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2002. № 5. С. 18—33.

6. *Паппе Я.Ш.* Олигархи. Экономическая хроника. 1992—2000. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

7. *Седов Л.А.* Современное состояние партийно-политического пространства России // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2001. № 5. С. 14—19.

8. *Семененко И.С.* Группы интересов в российском социокультурном пространстве. // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 190—199.

9. *Холодковский К.Г.* Политическое структурирование российского общества: влияние парламентских выборов 1999 г. // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под ред. Т.И Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 182—190.

Глава семнадцатая

СООТНОШЕНИЕ ВЕРТИКАЛЬНОЙ И ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ ПРОЕКЦИЙ ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ РОССИИ

17.1. Макроагенты трансформационного процесса

В предыдущих главах были проанализированы сначала вертикальный, а затем горизонтальный срезы трансформационной структуры России. Теперь пришла пора рассмотреть, как эти срезы соотносятся друг с другом, какова мера их взаимозависимости, т.е. насколько сильна связь между уровнем социального статуса акторов и характером их культурно-политического менталитета. К сожалению, надежных эмпирических данных об этом нет. Анализ научной литературы позволяет лишь сформулировать исходную гипотезу того, какие культурно-политические силы имеют наибольшее влияние или играют ведущую роль в каждом из социальных слоев. Формирование такой гипотезы логически представляет собой исходный пункт исследования трансформационной структуры общества (см. табл. 17.1). Строки этой таблицы соответствуют социальным слоям, столбцы — культурно-политическим силам, ориентированным на разные идеологии, цели и ценности, а густота закраски каждой позиции отражает сравнительное влияние соответствующих идеологий в разных слоях общества[1].

[1] Для обоснования этой гипотезы использовался широкий круг источников, так или иначе связанных с изучением политического пространства современной России. См., напр.: *Левада Ю.А.* Политическое пространство России за полгода до выборов: 1995 и 1999 гг. // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 1999. № 5. С. 7—13; *Седов Л.А.* Современное состояние партийно-политического пространства России // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2001. № 5. С. 14—19.

Таблица 17.1

Гипотеза сравнительного влияния общественно значимых сил в разных социальных слоях

Социальные слои	Государственнические	Олигархические	Криминальные	Коммуно-патриотические	Либерально-демократические	Социал-демократические	Внеполитические
Элита	■	■	▒		▒		
Верхний	■	■	■	▒			
Средний	▒	▒	▒	▒	■	▒	▒
Базовый	▒		▒	■	▒	■	▒
Нижний			▒	▒			■
Социальное "дно"			■				■

Условные обозначения: ■ — сильное влияние; ▒ — среднее; ▒ — слабое влияние; □ — влияние практически отсутствует.

В *элитном слое* мы видим две наиболее мощные культурно-политические силы — государственническую и олигархическую. Кроме того, значимо влияние криминальных сил. Демократические и коммуно-патриотические силы в правящей элите представлены слабо.

Верхний слой имеет сходную структуру, но отличается еще большим влиянием криминальных сил. В правящую элиту их представителям проникать труднее.

Средний слой российского общества идеологически наиболее гетерогенен. Сильнее других здесь представлены либерально-демократические силы, но заметны и многие другие.

Начиная с *базового слоя* существенно растет доля лиц с внеполитическим типом сознания. Идеология же политически активных представителей этого слоя — массовых групп технической и социально-гуманитарной интеллигенции и квалифицированных рабочих — близка прежде всего к социальной демократии. Заметным влиянием здесь пользуются также государственнические и коммуно-патриотические силы.

Нижний слой общества в основном политически пассивен (при некотором тяготении к коммуно-патриотам) и частично криминализирован, а *социальное дно* представлено в основном внеполитическими и криминальными силами.

Представленная гипотеза социально-трансформационной структуры общества выглядит довольно абстрактно, поскольку ее элементы не ассоциируются с теми социально-профессиональными группами, которые принято выделять в исследованиях со-

циальной структуры. Чтобы конкретизировать эту гипотезу, покажем, какие из названных групп соотносятся с позициями, образуемыми пересечением горизонтальной и вертикальной проекций трансформационной структуры. Разумеется, речь в данном случае идет лишь о достаточно выраженных и зафиксированных наукой тенденциях, касающихся, во-первых, идеологий и настроений, преобладающих в конкретных социальных слоях и группах и, во-вторых, групп и слоев, являющихся наиболее значимыми носителями разных интересов, целей и ценностей.

Анализ показывает, что каждой из заполненных клеток таблицы 17.1 можно поставить в соответствие от одной до трех типичных групп-представителей, что позволяет представить полученный результат в достаточно компактной форме (см. табл. 17.2).

При рассмотрении столбцов этой таблицы внимание концентрируется на особенностях социальной стратификации разных культурно-политических сил, а при анализе ее строк — на культурно-политической дифференциации представителей разных социальных слоев, показывающей, каким идеологиям они более привержены. С точки зрения анализа движущих сил трансформационного процесса в России, основной интерес представляет первый аспект, т.е. оценка социально-группового состава конкурирующих культурно-политических сил, степени их консолидации и укоренения в обществе. В этой главе рассматриваются социальный состав и важнейшие качества каждой из анализируемых общественных сил.

17.2. Государственнические силы

В состав государственнических сил входят: правящий клан политической элиты, верхнее и среднее звенья бюрократии и силовых структур, профессионалы служилого профиля, а также патерналистски настроенная и слабо адаптированная часть базового слоя.

Правящая политическая элита. К этой группе обычно относят большинство руководителей федеральной исполнительной, представительной и судебной власти, губернаторов, мэров крупных и больших городов, наиболее влиятельную часть генералов и маршалов, руководителей крупнейших РАО и АО с высокой долей участия государства. Ее основу составляет тот клан элиты, которому удалось одержать победу в жестокой

Таблица 17.2

Социально-профессиональные группы, заметная часть которых тяготеет к соответствующим культурно-политическим силам

Социальные слои России	Культурно-политические силы					Криминальные
	Государственнические	Олигархические	Коммуно-патриотические	Либерально-демократические	Социал-демократические	
Элита и верхний слой	Правящая политическая элита, силовики Церковные иерархи Верхнее звено бюрократии и директорского корпуса	Собственники крупного и крупнейшего капиталов Высшие менеджеры частного сектора экономики	Часть руководства силовых структур Националистическая часть деятелей культуры	Правительственные реформаторы Прозападно настроенная часть элиты и верхнего слоя		Лидеры экономической преступности "Воры в законе"
Средний слой	Среднее звено военной и статской бюрократии Профессионалы на службе власти	Среднее звено менеджеров и специалистов олигархических империй	Консервативная часть директората ВПК Офицеры армии, МВД и ФСБ	Мелкие и средние предприниматели Высокие профессионалы	Деятели профсоюзов, правое крыло коммунистов Социал-демократическая интеллигенция	Коррумпированная бюрократия (среднее и нижнее звенья) Представители организованной преступности
Базовый и нижний слои	Слабо адаптированная патерналистски настроенная часть массовой интеллигенции, рабочих, крестьян		Нижние чины силовых структур Неадаптировавшаяся часть рабочих, служащих и крестьян	Адаптировавшаяся массовая интеллигенция Преуспевающая часть рабочих и служащих (в основном из частного сектора)	Слабо адаптировавшаяся интеллигенция Участники рабочих движений, и сочувствующие им	Низовая часть преступного мира

конкурентной борьбе за политическое господство в России. В настоящее время в руках этой группы сосредоточены такие важнейшие ресурсы управления обществом, как институты политической власти и право распоряжения государственной собственностью.

Помимо общности политических интересов социальная целостность правящего клана базируется на тесных личных (дружеских, родственных и партнерских) связях, а также на наличии общего далеко не безгрешного прошлого и знании конкретных неблаговидных поступков друг друга. Внутреннее напряжение и междоусобная борьба, подрывающие единство правящего клана, связаны с расхождением интересов и конкуренцией за ресурсы между разными группами элит: отраслевыми и региональными, финансово-коммерческими и производственными, культурными и военными. К тому же общие интересы клана нередко приносятся в жертву алчности, толкающей его членов на такие криминальные действия, как фальсификация результатов выборов, силовой захват промышленных объектов, расхищение бюджетных средств, нелегальная продажа оружия, в том числе военным противникам, и др. Однако в целом отношения внутри клана строятся по пословице: "Ворон ворону глаз не выклюет". Экономические и уголовные преступления, совершаемые представителями "элиты", неизменно остаются безнаказанными.

Главный ресурс рассматриваемой группы — власть, обладание которой служит наиболее надежной гарантией приумножения доходов и собственности. Тактически представители правящей элиты заинтересованы, прежде всего, в сохранении места во власти, стратегически — в укреплении позиций клана как властвующей силы России. А наиболее долгосрочный их интерес состоит в расширении властных функций и укреплении силы государства, в том числе путем постепенного свертывания демократии. Отсюда, с одной стороны, подобострастное отношение к Президенту, готовность расширить его властные полномочия чуть ли не до уровня самодержца, а с другой — стремление превратить его в свое орудие, подчинить своим клановым интересам.

Общепризнанными качествами политического клана, безраздельно правившего страной с 1991 до 2000 года, были политический цинизм, пренебрежение законом, психология временщичества и вседозволенности, уверенность в своей безнаказанности. Реформаторская деятельность этого клана лишь в первые 2—3 года носила государственный характер, была направлена на выведение общества из кризиса, создание условий для его подъема. С 1994 года институциональные реформы были прекращены, и цели деятельности элит свелись к удержанию власти, ее использованию для личного обогащения и подготовке достаточно лояльных "наследников", которым можно передать власть, не опасаясь за собственную судьбу и приобретенную собственность. В связи с этим в дискурсе элиты стал усиливаться мотив укрепления государства и права[1].

Основными итогами правления Б. Ельцина стали разочарование общества в демократии и резкое углубление его раскола с властью[2]. С избранием нового Президента РФ возникли надежды на улучшение, внешним проявлением которых стал небывало высокий уровень оказываемого ему доверия. Ожидалось, что В.В. Путин освободится от скомпрометировавшего себя окружения прежнего Президента, сформирует собственную команду из порядочных государственно мыслящих людей и начнет новый цикл модернизационных реформ. Однако эти ожидания не оправдались. Персональный состав правящей элиты не изменился, люди, не пользующиеся доверием обшества, сохранили свои позиции. И хотя нормотворческая деятельность Федерального Собрания и Правительства РФ несколько оживилась, большинство новых законов и норм до сих пор не приняло рабочей формы, поскольку действенного государственного контроля за применением правовых норм практически нет[3].

Вместо движения к демократии происходит возврат к характерному для российской истории самовластию. Повышается роль силовых структур в управлении страной. По мнению А.Г. Здравомыслова, «применение насилия как средства разрешения политических конфликтов стало превращаться в самостоятельный фактор политики... Усиление роли "силовиков" в политике означает коррекцию вектора демократии в сторону

[1] *Левинтова Е.* Политический дискурс в контексте общественного мнения в постсоветской России (1992—2001) // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2002. № 5. С. 23—25.

[2] Широкий и разносторонний анализ этой проблемы содержится в сборнике трудов симпозиума "Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность" / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000.

[3] Это относится, в частности, к новому Трудовому кодексу, игнорируемому многими предприятиями и фирмами частного и акционерного секторов экономики. Выполнение его положений государством контролируется очень слабо. Подробнее см.: *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда и занятости // Мир России. 2002. № 2. С. 3—38.

военизированного стиля управления и авторитаризма»[1]. Закрываются независимые источники информации. Реализуется политика, перекладывающая бремя решения социальных проблем на плечи и без того нуждающихся граждан. В то же время многие представители правящей элиты России занимаются экономической деятельностью, базирующейся на использовании властных ресурсов, что придает их идеологии смешанный государственно-олигархический оттенок.

Верхушка бюрократии и силовых структур отличается от правящей элиты, с одной стороны, более скромным статусом и менее заметной ролью в принятии политических решений, а с другой — бóльшим профессионализмом в области управления соответствующими социальными институтами. Важная характеристика этой группы — относительная политическая нейтральность, готовность работать при любых правительствах. В сочетании с историческими традициями России эти качества делают верхнее звено бюрократии и руководство силовых структур наиболее мощной политической силой России. Ее представителей временщиками не назовешь.

Если политическая элита принимает принципиальные стратегические решения, то в руках высших чиновников и военных находятся главные рычаги их практического претворения в жизнь. В зависимости от своих интересов они могут либо давать ход правительственным решениям, либо тормозить их реализацию. В их силах не только придавать этим решениям свое толкование, но и дезинформировать руководство страны о ходе их выполнения, встречающихся трудностях и т.д. Если политическая элита играет роль головы (или мозга) общества, то высшее чиновничество — это шея, поворачивающая голову в нужную сторону. Решающая роль в текущем управлении государством и в распределении его ресурсов способствует все большему усилению этой группы. Не случайно ее представители тщательно закрывают свою деятельность от общественного контроля, всячески избегая внимания общества. Даже самые могущественные чиновники редко позволяют себе мелькать на экранах или давать интервью.

На уровне средних слоев государственнические силы представлены *средним звеном бюрократии и военных*, а также *профессионалами* (высококвалифицированными специалистами), непосредственно занятыми или близкими к органам власти. Обе эти группы профессионально служат государству на достаточно ответственных должностях, в этом смысле их можно назвать *служилыми*.

[1] *Здравомыслов А.Г.* Власть и общество: кризис 90-х годов // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 144—145.

Первую группу образуют статские чиновники федерального, регионального и локального уровней, работники Минобороны и других военизированных структур, располагающие пусть и не самыми мощными, но существенными ресурсами власти. Статус этой группы, конечно, ниже, чем верхушки тех же структур, но зато она представляет власть государства на всем социальном пространстве страны, выступая в качестве подлинного хозяина России. Будучи гораздо более многочисленным, чем правящая элита и субэлита, среднее звено бюрократии представлено во всех уголках России. Бюрократия, существующая за счет налогов с организаций и граждан, служит обществу, выполняя важные административные функции. Но значительная часть ее представителей одновременно выступает в роли мздоимцев и притеснителей тех, на чьи деньги они живут. Не случайно, характеризуя источники произвола и насилия, с которыми им приходится сталкиваться, россияне вдвое чаще называют местную власть и органы правопорядка, чем преступников и правонарушителей[1].

Политическое и экономическое благополучие чиновников во многом зависит от силы и авторитета государства. Поэтому они в известной мере заинтересованы в сохранении внутренней стабильности и безопасности, укреплении "исполнительной вертикали", расширении роли государства в регулировании экономики, восстановлении военной мощи страны. Отсюда же весьма сдержанное отношение чиновников к независимому предпринимательству и конкурентному рынку, развитие которых угрожает прибыльному посредничеству государства в организации хозяйственных связей.

В современных условиях экономическое благополучие как статских, так и военных чиновников обеспечивается не столько государственным довольствием (хотя оно сравнительно высоко), сколько обменом властных полномочий на деньги и ценные материальные блага. А так как широкие масштабы коррупции во многом связаны с незрелостью институтов переходного времени, то многих чиновников среднего и нижнего уровней устраивает сложившаяся в настоящее время ситуация, обеспечивающая им свободу деловой активности,

[1] *Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000. С. 244.

включая нелегальный бизнес. Напротив, проекты либерально-демократических реформ вызывают у многих из них негативную реакцию.

Служилая часть профессионалов интеллектуально обслуживает государство и правящую элиту. К этой многочисленной и относительно процветающей группе относятся высококвалифицированные специалисты в области политических услуг, менеджмента, маркетинга, рекламы, системного программирования, финансов, права, науки, образования, медицины и др. Многие из них связаны с правящей элитой родственными и дружескими отношениями, составляющими ценный социальный капитал. Их личное благосостояние существенно зависит от положения руководителей и покровителей. Общая удовлетворенность своим положением и боязнь его потерять содействуют их субъективной идентификации с властью.

В целом эта группа, как и предыдущая, поддерживает правящий клан и установленный им порядок. Но высокий профессионализм, широта знаний и умений делают ее представителей более свободными, по сравнению с чиновниками. Большинство высоких специалистов всегда имеют возможность либо сменить государственную службу на работу в частном секторе с более высокой оплатой труда, либо заняться индивидуальной трудовой деятельностью, открыть собственное дело или эмигрировать из страны. Поэтому их политические ориентации более разнообразны, чем у чиновников. Тем не менее, находясь на государственной службе, они, как правило, соблюдают лояльность по отношению к правящим группам.

Патерналистски ориентированная и слабо адаптированная часть базового слоя. Политически активная часть базового слоя, состоящая в основном из массовой интеллигенции, а также квалифицированных рабочих и служащих, раздроблена на разные культурно-политические силы (см. табл. 17.2). Этот раскол определяется не столько социально-профессиональными факторами, сколько разными условиями социализации, жизненным и политическим опытом (включая, к примеру, стаж членства в КПСС), характером личных убеждений, а также типом современной социальной позиции. Установить однозначное или хотя бы примерное соответствие между социально-профессиональными группами базового слоя и типами культурно-политических установок вряд ли возможно. Поэтому применительно к данному слою приходится говорить о группах, выделяемых непосредственно по характеру убеждений.

К государственнической части базового слоя относится в первую очередь та часть рядовых россиян, которой не удалось адаптироваться к рыночным отношениям, найти свое место в новом социуме, почувствовать себя социально и экономически защищенными. Привыкнув во всем полагаться на государство и будучи брошены на произвол судьбы, они все еще сохраняют патерналистские ожидания и ценности. Эти люди заинтересованы в усилении государства как гаранта социальной справедливости и правового порядка, ответственного за искоренение преступности и защиту социально ослабленных групп. Перед рабочими, служащими, крестьянами, учителями, врачами стоит множество острых проблем, прежде хоть как-то решавшихся советскими и партийными органами, а теперь не решаемых никем. Отсюда заинтересованность многих из них в укреплении государственного порядка, внимания государства к своим гражданам, а значит, и возможности ему доверять. Но все же включение патерналистски настроенной части базового слоя в состав государственнических сил носит несколько условный характер.

17.3. Олигархические силы

К олигархическим силам современной России относятся, во-первых, сами олигархи с поддерживающими их командами, во-вторых, периферия созданных ими экономических империй в лице руководителей среднего звена и специалистов. Первоначально понятием *олигархи* в современной России обозначались собственники неожиданно "возникших из ничего" экономических империй (такие как Березовский, Гусинский, Потанин, Виноградов, Смоленский, Авен и др.). Тогда казалось, что собственники гигантских частных капиталов и обслуживающие их команды противостоят распорядителям столь же крупной государственной собственности, таким как Вяхирев, Черномырдин, Чубайс и др. Но с течением времени стало понятно, что разница между этими группами невелика. С одной стороны, почти все руководители государственных монополий де-факто стали неограниченными и неконтролируемыми распорядителями, а затем и собственниками контрольных пакетов акций крупнейших государственных и смешанных корпораций. С другой же стороны, олигархи, опиравшиеся на принадлежащий им частный капитал, сумели установить крепчайшие связи с властью и сформировать мощные группы лоббистов, защи-

щающих их интересы в самой системе власти. Большинство депутатов Государственной Думы, не говоря о членах Правительства, откровенно используют свои властные полномочия в интересах определенных олигархических кланов. Разница между двумя типами олигархов состоит лишь в мере их близости к государству и возможностях использования связанных с ним механизмов. У губернаторов, мэров, руководителей государственных корпораций типа РАО "ЕЭС России" или РАО "Газпром" эти возможности максимальны. Те же, кто более удален от государства, проникают в политику "с черного хода", создавая мощные группы давления на власть.

Олигархи и их ближайшее окружение. В контексте исследования культурно-политических сил, направляющих трансформационный процесс в России, под *олигархами* понимаются не только собственники, но и полномочные распорядители, владельцы значительных пакетов акций крупных национальных и международных корпораций, холдингов, промышленно-финансовых групп. Характерная черта этой группы — возможность влиять на принятие важнейших политических решений, менять направления материально-финансовых потоков и тем самым оказывать существенное воздействие на процесс трансформации общества. Не менее важная ее черта — нелегитимный характер богатства, приобретенного за счет остального общества. За большинством представителей данной группы тянется целый шлейф крупных экономических, а нередко и уголовных преступлений, расследование и наказание которых тормозится коррумпированностью правосудия, а также соучастием лиц, занимающих высокие государственные посты.

Идеологические лидеры олигархической макрообщности декларируют преимущественно либеральные ценности. Их главная политическая идея — сокращение присутствия российского государства, его превращение из "большого" в "маленькое", всемерное ограничение его экономических функций. Отстаивая эту идею, олигархи настаивают на том, что экономика должна регулироваться не волевыми решениями чиновников, а объективными законами рынка, которые — при наличии конкурентной среды — гораздо более эффективны. Но в действительности благосостояние олигархических кланов зиждется не на успешной конкуренции с соперниками, а на праве монопольной эксплуатации наиболее ценных природных ресурсов, которыми им удалось завладеть. В условиях же высокой монополизации хозяйства и срастания частного сектора экономики с государственным ни о создании конкурентного рынка, ни о "классической" либерализации экономики говорить не прихо-

дится. Поэтому пропагандируемую российскими олигархами либеральную идеологию надо рассматривать как прикрытие их подлинных интересов, связанных с созданием благоприятных условий для роста крупного и крупнейшего капитала.

Периферия олигархических империй. В укреплении олигархических империй, благоденствующих за счет остальной части общества, заинтересованы далеко не одни их владельцы. Эти империи предоставляют рабочие места и обеспечивают высокий уровень жизни миллионам людей. Разумеется, не все их сотрудники и работники разделяют цели и ценности олигархов, но определенная часть россиян, относящихся к средним слоям, безусловно, служит их социальной опорой. К ней можно отнести, во-первых, владельцев среднего капитала, фирмы и предприятия которых де-факто составляют часть олигархических империй. Формально они экономически независимы, но фактически полностью зависят от олигархов, сотрудничая с ними в производственной и финансово-коммерческой сферах. Они создают и ликвидируют по указанию олигархов фирмы-однодневки, организуют срочные переводы крупных сумм за рубеж, выполняют иные взаимовыгодные операции.

Вторую группу этого типа составляет коррумпированная часть федеральной, региональной и локальной бюрократии, использующая свои полномочия для содействия олигархам. Это один из многих механизмов приватизации государства крупным капиталом.

Сторонников олигархического пути развития можно найти и среди высших профессионалов делового и финансового профиля, занятых в высокоорганизованных и эффективно функционирующих корпорациях. Убедившись в преимуществах концентрации капитала и современного рационального менеджмента, эти люди считают дальнейшую корпоративизацию экономики перспективным путем выведения России из кризиса.

17.4. Коммуно-патриотические силы

В основе генезиса этих сил[1] лежит как сходство политических целей и интересов, так и противостояние тем силам,

[1] Прежде, чем характеризовать эти силы, хочу напомнить, что в рамках развиваемой нами концепции они не отождествляются ни с электоратом, ни тем более с членами КПРФ. В данном случае речь идет о наиболее консервативном, даже реакционном, крыле коммунистов, вплотную смыкающемся с национал-патриотами

которые в настоящее время стоят у власти, в частности, неприятие рыночных реформ и прозападных ориентаций внешней политики. Поэтому их близость относительна. Коммуно-патриотические силы объединяют: большую часть сотрудников силовых структур; консервативное левое крыло коммунистической номенклатуры, мечтающее вернуть свои привилегированные позиции; национал-патриотическую интеллигенцию, не принявшую распада СССР и не способную примириться с утратой Россией статуса великой державы; а также рядовых россиян, не нашедших приемлемого места в новой социальной системе (особенно, членов КПРФ). Публично озвучиваемая цель политической деятельности коммуно-патриотов — восстановление былого величия страны на базе подавления преступности, установления социальной справедливости, духовного возрождения общества, предоставления преимуществ православию — по сравнению с другими конфессиями и русским — по сравнению с иными этносами. Тот факт, что политические лозунги левых коммунистов часто носят "патриотическую" окраску, позволяет рассматривать коммунистические и националистические силы как относительно интегрированное целое.

Верхушку коммуно-патриотических сил составляют руководители левого (фундаменталистского) крыла компартии, лидеры национал-патриотических организаций, значительная часть генералитета силовых структур, заметная часть депутатов Госдумы. Эта группа в значительной степени состоит из того эшелона коммунистической номенклатуры, который в результате реформ оказался оттесненным на вторые и даже третьи позиции. Идейно к ней примыкает националистически настроенная часть интеллектуальной и культурной элиты, включая часть православных иерархов. Хотя эти люди имеют достаточно высокий статус, идейное противостояние власти ограничивает их ресурсы и возможности, отодвигая данную общность на второстепенные политические позиции. Прагматической целью коммуно-патриотов является повышение своего политического и социального статуса, укрепление позиций в системе власти. Однако завоевание ими верховной власти в России с каждым годом становится все менее реальным.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что большинство лидеров коммуно-патриотических сил[1] располагают крупными капиталами, происхождение которых связано с деньгами КПСС, "таинственно исчезнувшими" в конце 1980-х годов. Об-

[1] Имеются в виду депутаты Государственной Думы и местных органов представительной власти от компартии, губернаторы "красного пояса", генералы, высшие священнослужители и др.

раз жизни этих людей гораздо ближе к правящей элите, чем к трудящимся массам. Поэтому их апелляция к "коммунистическим ценностям", социальному равенству и справедливости носит преимущественно демагогический характер.

В средних слоях общества коммуно-патриотические силы представлены *консервативной частью директорского корпуса,* в первую очередь руководящими кадрами предприятий ВПК, ранее отличавшихся высоким уровнем технологий и находившихся в привилегированном положении. Рыночные реформы привели большинство этих предприятий в упадок. В результате неудавшейся конверсии их высокотехнологическая база разрушилась, а невостребованные квалифицированные специалисты разошлись кто куда, чаще всего, изменив профессии. Естественно, что руководящие кадры ВПК, прежде служившего "гордостью страны", считают переход к рынку губительным и мечтают о возвращении к прежней системе. К ним примыкают руководители акционированных предприятий, которые, лишившись государственного финансирования, не смогли приспособиться к рынку и оказались в тупике.

Главное направление политической деятельности этих групп — лоббирование органов власти в целях получения государственных кредитов, заказов, квот, лицензий, дотаций и пр. С позиций трансформационного процесса это означает борьбу за сохранение или восстановление отживших и заведомо неэффективных институтов.

Что касается *офицерского корпуса,* то коммуно-патриотические ориентации многих его представителей обусловлены резким сокращением кадрового состава, а также финансирования и материально-технического снабжения армии, снижением социального статуса военных по сравнению как с советским временем, так и с современным статусом государственных чиновников. Недовольство многих офицеров действиями Правительства РФ усугубляется такими факторами, как бесперспективная война в Чечне, затягивание которой связывают с материальной заинтересованностью генералитета, ожидаемое новое сокращение армии и др.

Коммуно-патриотическую часть базового и нижнего слоев составляют, во-первых, нижние чины силовых структур и, во-вторых, наиболее неустроенная, депривированная, в том числе маргинальная часть массовых общественных групп — интеллигенции, рабочих, пенсионеров. Не сумев (а часто и не пытаясь) адаптироваться к рыночным отношениям, эти люди сохраняют патерналистские ценности, испытывают носталь-

гию по советскому прошлому. К ним примыкает та часть молодежи, которая по окончании учебы не смогла найти подходящей работы и вынуждена влачить безрадостное, бесперспективное существование. Социологические исследования показывают, что среди людей, поддерживающих коммуно-патриотов на выборах, заметно повышена доля жителей малых и средних городов, рабочих поселков и сельской местности и соответственно понижена доля населения крупных городов. При общей неопределенности социального лица этой значительной массы людей в ее составе можно выделить, по крайней мере, три достаточно характерные группы.

Первую составляют ветераны советского строя, наиболее значимая часть жизни которых была отдана «строительству социализма». Они сохраняют верность ценностям молодости, тем более, что реформы больно ударили не только по их благосостоянию, но и по личному достоинству, лишив того социального статуса, который они честно заслужили. Большинство представителей этой группы доверяют заверениям коммунистов и патриотов об их готовности бороться за социальную справедливость и восстановление советского строя и голосуют за них на выборах. В результате естественной смены поколений численность и влияние этой группы сокращаются.

Вторую, наиболее многочисленную группу образуют пожилые, ограниченно дееспособные люди с невысоким уровнем образования, часто не имеющие ни профессии, ни работы. Это консервативно-периферийная группа, чуждая ценностей свободы, самостоятельности, личного риска и личной ответственности. В новых условиях ее представители по-прежнему ориентируются на помощь государства, которое, по их мнению, должно разрешать все возникающие у них проблемы. Их адаптация к новым условиям носит вынужденный и преимущественно деструктивный характер. Сильнее других проиграв от реформ, не получая привычной помощи государства и потеряв надежду на улучшение жизни, они испытывают разочарование и недовольство. Коммунистов и национал-патриотов они поддерживают в знак протеста против современной власти.

Третью группу составляет та часть подростков и молодежи, которая не смогла или не захотела продолжить учебу, не получила пользующейся спросом профессии, возможно, стала жертвой безработицы. Неспособность устроить свою судьбу в данных условиях места и времени нередко приводит таких молодых людей в военизированные соединения, в лучшем случае — коммуно-патриотической, а в худшем — националистической, полуфашистской направленности.

17.5. Либерально-демократические силы

Либерально-демократическая ориентация характерна для наиболее здоровой, деятельной и перспективной части массовых групп и слоев, неплохо приспособившейся к рыночным условиям, но она сравнительно слабо представлена среди правящей элиты и в верхнем слое общества. Носители этой ориентации тяготеют к средним слоям и верхушке базового слоя, что ограничивает их влияние на трансформацию общества.

Относительно независимым от государства и олигархов *мелким и средним предпринимателям* реформы принесли экономическую и политическую свободу, рост благосостояния и социальное продвижение. Представители этих групп, как правило, разделяют либеральные ценности, заинтересованы в восстановлении силы закона, укреплении политической демократии, улучшении условий легитимной экономической деятельности, развитии конкурентного рынка, иными словами, в углублении либерально-демократических реформ[1].

Предпринимательская деятельность этой группы способствует вживлению рыночных отношений в экономический организм России. Однако условия развития легитимного бизнеса в нашей стране пока неблагоприятны. Мелкие и средние бизнесмены, зажатые между бюрократией и криминалом, не представляют достаточно мощной силы, способной эффективно противостоять государственникам и олигархам. Правда, в последнее время заметно усилилась активность, направленная на идейную и организационную интеграцию этой общественной группы, консолидированное выражение ее интересов. Образуется много локальных, региональных и отраслевых организаций предпринимателей, которые, в свою очередь, объединяются в более широкие союзы и ассоциации. Это весьма обнадеживающая тенденция.

Высокие профессионалы (особенно в деловой сфере) — это та часть специалистов, квалификация которых более или менее соответствует постиндустриальному уровню экономики. Ее труд пользуется высоким спросом на рынке и соответственно высоко оплачивается. Часть представителей этой группы работают в частных фирмах, другая часть (преимущественно лица свободных профессий) трудится самостоятельно, а третья заня-

[1] Подробнее см.: *Заславская Т.И.* О бизнес-слое российского общества // Общественные науки и современность.1995. №1. С. 17—32; *Она же.* Еще раз о бизнес-слое российского общества // Социологические исследования. 1995. № 2.

та в бюджетном секторе на особо благоприятных условиях. Большинство высоких профессионалов хорошо адаптировались к рыночной экономике и отнюдь не бедствуют. Реформы не только принесли им заметный рост благосостояния, но и значительно расширили их свободу. За ее обретение многие интеллектуалы готовы платить даже некоторым снижением уровня жизни. Трансформационная активность этой группы направлена на развитие высоких технологий и наукоемких производств, интеллектуальное сопровождение реформ, обновление и рационализацию институтов социальной сферы, развитие гражданского общества, возрождение национальной культуры и системы образования. Ей принадлежит важная роль в развитии "третьего сектора", т. е. некоммерческих негосударственных организаций. Социально-политические установки этой группы носят скорее либерально-демократический, чем собственно либеральный характер.

Либерально-демократическая часть базового слоя представлена лицами, занятыми индивидуальной трудовой деятельностью, массовой интеллигенцией, рабочими высокой и средней квалификации (преимущественно частного сектора и наиболее благополучных отраслей экономики). Территориально представители этой группы тяготеют к "точкам экономического роста", развивающимся регионам, столицам и большим городам. В результате реформ они получили новые значимые для них социально-экономические права и духовно-идеологические свободы, в целом улучшили свое положение. Не менее важно, что их дети и внуки имеют такой социальный статус, на который не могли рассчитывать в советское время. Рассматриваемая группа в основном поддерживает как проведенные, так и предстоящие либеральные реформы при условии их более демократической ориентации.

17.6. Социал-демократические силы

Социал-демократическая общность состоит, главным образом, из массовой интеллигенции и квалифицированных рабочих. Большая часть ее относится к базовому, а меньшая — к среднему слою.

Социал-демократическая интеллигенция, относящаяся как к среднему, так и к базовому слоям, более или менее *осознанно* ориентируется на соответствующие цели и ценности. Особенностями ее социально-профессионального состава являются, во-

первых, значительно большая доля специалистов по сравнению с предпринимателями, во-вторых, высокий удельный вес работников бюджетного сектора и социальных отраслей экономики. Эта часть социал-демократической общности в основном адаптирована к рыночным условиям и материально не бедствует, их взгляды формируются под влиянием более широкого круга факторов. Так, специалисты, занятые в производственных и социальных отраслях экономики, вплотную сталкиваются с практикой необоснованного свертывания производства, расхищения бывшей государственной собственности, ликвидации рабочих мест, роста бедности, распада государственного здравоохранения, роста заболеваемости и смертности людей. Это способствует их отчуждению от сложившегося в стране режима, вызывает ностальгию по советской системе, а также интерес к идеям социального государства и государства всеобщего благосостояния, развиваемым и реализуемым социал-демократами Запада.

Та часть *базового слоя* общества, которую условно можно назвать *социал-демократической*, объединяет скорее стихийных, чем сознательных сторонников данной идеологии. В основном это та часть интеллигенции и рабочих, которая не смогла адаптироваться к рынку и оказалась в худшем положении, чем до реформ. К ней относятся, во-первых, так называемые бюджетники — школьные учителя, работники государственного здравоохранения, преподаватели вузов, работники культуры, во-вторых, инженерно-технические работники убыточных предприятий, в-третьих, специалисты, которые вынуждены заниматься менее квалифицированным, но более оплачиваемым трудом не по специальности или вообще лишились работы и пополнили ряды безработных. Многие представители этой группы потеряли и то скромное благосостояние, которое имели в советское время. Культурный капитал их не востребован, материальное положение трудное, настроение плохое. Понимая, что их обманули и ограбили, они готовы отстаивать свои попранные права, чтобы в перспективе в России сформировалось более справедливое общество, соединяющее позитивные черты демократического социализма и либерального капитализма.

17.7. Криминальные силы

Представители криминального мира, как уже отмечалось, не представляют собой культурно-политической общности, так как не имеют общих политических интересов и живут

по принципу "каждый умирает в одиночку". В таблице 17.2 они показаны не наравне с культурно-политическими общностями, а как маргиналы спектра общественных сил, играющие важную роль в трансформационном процессе.

Индивиды и группы, образ жизни и деятельности которых прочно связаны с криминальными отношениями, распределены по всей вертикали общества — от элиты до социального "дна". Но в рассматриваемом нами контексте интересны лишь те его элементы, которые оказывают влияние на государственную политику и направления трансформации общества. Это, во-первых, *верхушка уголовного криминалитета*, представленная лидерами локальных и региональных преступных группировок ("ворами в законе" и их приближенными)[1]. Их деятельность и условия, которые они предлагают, а нередко и диктуют представителям всех ветвей власти, создают в стране обстановку, в сущности, исключающую целенаправленное и последовательное осуществление институциональных реформ.

Вторую группу образуют *лидеры экономической преступности*, как правило, имеющие высокий легальный статус. Сегодня представители этой группы составляют поневоле признанную и недоступную правосудию часть правящего клана, которая, если и не срослась окончательно, то откровенно сотрудничает с организованной преступностью[2].

Названные группы располагают не только огромным силовым и экономическим капиталом. В обмен на свои "грязные" деньги они получают весьма серьезные политические и административные услуги. Помимо дальнейшего накопления капитала подлинно стратегических интересов у них нет, текущий же интерес заключается в продлении коллапса правосудия и безнаказанности крупных противоправных операций. Хищническая "деятельность" как нелегально, так и легально действующих преступных групп обескровливает российскую экономику, патологически изменяя вектор общественных перемен. Вместо рационализации институциональной системы и улучшения социальной структуры усиливается криминализация общества, угрожающая национальной безопасности России.

Главные характеристики *коррумпированной бюрократии* — это, во-первых, ее многочисленность, повсеместность присутствия в физическом и социальном пространстве; во-вторых, формирование разветвленных сетей взаимовыгодного противоправного сотрудничества как по горизонтали, так и по должностной вертикали, означающее институционализацию коррупции, иначе говоря, ее *превращение в норму*. Названные черты делают данную группу весьма опасной для общества силой.

Рядовой и "сержантский" состав преступников насчитывает сотни тысяч, если не миллионы людей. Сами по себе они не являются значимой политической силой, но без их добровольного и заинтересованного участия организованная преступность не могла бы существовать.

Итак, мы рассмотрели социальный состав выделенных выше культурно-политических сил. В следующей главе анализируется уровень социальной консолидированности каждой из этих сил, оцениваются масштабы имеющихся у них ресурсов, изучаются их взаимоотношения друг с другом. На основе всей этой информации делаются выводы о возможных и вероятных путях дальнейшего развития России.

[1] Согласно информации Ю.В. Латова, в 1990 г. на территории России действовали 660 "воров в законе". Сейчас их численность значительно возросла. См.: *Латов Ю.В.* "Воры в законе" как субъекты рыночной модернизации в России // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: МВШСЭН, 2001. С. 180.

[2] *Волков В.В.* От преступных группировок — к легальному частному силовому бизнесу // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 108—120.

Рекомендуемая литература

1. *Волков В.В.* От преступных группировок – к региональным бизнес-группам // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И .Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 108—120.

2. Десять лет после августа. Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации. М.: Фонд "Либеральная миссия", 2002.

3. Диалоги. А. Паникин — В. Жириновский; А. Паникин — Е. Гайдар. М.: ПанЪинтер, 2001.

4. *Заславская Т.И.* Социоструктурный аспект трансформации российского общества. Демидовская лекция // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 3—11.

5. *Заславская Т.И.* Социальная структура общества через призму трансформационного процесса // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2002. № 5. С. 3—8.

6. *Латов Ю.В.* "Воры в законе" как субъекты рыночной модернизации в России // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы

макро-, мезо- и микроуровней трансформационного процесса / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 176—181.

7. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: НОРМА, 1997. Гл. 8. Корыстная преступность (с. 232—283); гл. 9. Организованная преступность (с. 283—329); гл. 10. Криминальность политической и правящей элиты (с. 330—354).

8. *Львов Д.С.* Экономический манифест. Будущее российской экономики. М.: Экономика, 2000.

9. *Паппе Я.Ш.* "Олигархи": Экономическая хроника 1992—2000. 2-е изд.; М.: ГУ ВШЭ, 2000.

10. *Паппе Я.Ш.* Государство и крупный бизнес: что осталось старого в их отношениях (2000 — начало 2001 г.) // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 206—212.

11. Социализм в перспективе постиндустриализма / Под ред. Е.А. Самарской. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.

12. *Шляпентох В.Э.* Многослойное общество: "Антисистемный" взгляд на современную Россию // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 5—21.

Глава восемнадцатая

ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ

18.1. Идейная консолидация и социальная укорененность анализируемых сил

Понятия консолидированности и социальной укорененности культурно-политических сил определены в предыдущей главе, здесь же они используются для характеристики сил, оказывающих решающее влияние на трансформацию России.

Как видно из табл. 17.1, ***государственнические силы*** укоренены в нашем обществе достаточно глубоко. Государство всегда играло решающую роль в российской истории, а в советское время оно превратилось в едва ли не единственного субъекта общественного развития. Поэтому убежденных сторонников сильного, пусть и привычно авторитарного, государства немало во всех слоях общества. В программных выступлениях В. Путина подчеркивается важность всемерного укрепления государства как, с одной стороны, "источника и гаранта порядка", а с другой — "инициатора и главной движущей силы любых перемен"; провозглашаются созвучные настроениям большинства россиян ценности патриотизма, державности, социальной солидарности.

Внутри государственнических сил России достаточно четко выделяются два течения — умеренно-консервативное и радикально-силовое. Первое представлено бюрократией, деятелями науки и культуры, массовыми группами интеллигенции, рабочих, крестьян, второе — преимущественно работниками силовых структур, работниками ВПК, участниками войн в Афганистане и Чечне. Первое течение, настаивая на необходимости существенного усиления контроля функционирова-

ния государственного сектора экономики, укрепления "исполнительной вертикали" и пр., не посягает (во всяком случае, открыто) на демократию и на право, второе же делает упор прежде всего на силовые методы "установления порядка", не стесняясь ссылаться даже на опыт Сталина. Речь в этом случае идет о расширении полномочий МВД и ФСБ, введении государственной цензуры печатных изданий, ужесточении контроля деятельности СМИ и пр. Для россиян это означает, если и не отмену, то значительное сокращение прав и свобод, полученных в результате реформ.

Консолидированность элементов государственнической общности по вертикали достаточно высока, поскольку большинство формирующих ее групп представляют правящий клан элиты и обслуживающую его бюрократию, удачно названную политологами "как бы классом". Все звенья бюрократии не только связаны отношениями формального руководства-подчинения, но и цементируются общей направленностью интересов, принадлежностью к одной и той же культуре. Таким образом, они составляют единую социально-культурную общность, заинтересованную, прежде всего, в расширении своих властных ресурсов и усилении контроля над обществом.

Иную природу имеет патерналистски ориентированная часть базового слоя. Она объединяет не носителей или представителей государственной власти, а *потребителей* государственных услуг и помощи, которые смотрят на власть не изнутри, а извне и снизу. Заинтересованность этих людей в усилении государственной власти диктуется потребностью в восстановлении силы Закона, правового порядка и справедливого правосудия, в надежном раскрытии и адекватном наказании преступлений, обеспечении личной безопасности граждан. Таким образом, векторы интересов политико-бюрократической и гражданской частей рассматриваемой общности заметно расходятся. Соответствующая часть базового, а частично и среднего слоев — лишь временный союзник бюрократии, отношения с которой у нее достаточно сложны.

Выражение и отстаивание интересов государственнических сил берут на себя периодически сменяющиеся "партии власти": НДР, ОВР, "Единство", "Медведь", объединенная партия "Единство и Отечество", а теперь "Единая Россия". По существу, эти объединения являются не политическими партиями, выражающими стратегические интересы конкретных слоев и классов или национальных и региональных общностей, а удобным политическим инструментом в руках власти. Представители массовых групп в партиях власти почти не участвуют. Эти придворные политические образования создаются и щедро финансируются правящим кланом за счет государства в целях манипулирования общественным мнением и обществом. Прикрываясь идеологией, якобы отражающей общенациональные интересы, эти псевдопартии в действительности ориентируются на своих конкретных "хозяев" (Ельцина, Примакова, Лужкова, Путина), открыто декларируя готовность поддержать любые их инициативы. Не случайно во время политических приливов они наполняются до краев, а в период отливов либо наполовину пустеют, либо прекращают существование.

Олигархические силы, выражающие интересы крупного и крупнейшего капитала, отличаются наименьшей укорененностью в обществе. Их влияние сильнее всего в элитном и субэлитном слоях, ощутимо оно и в верхней части среднего слоя, особенно среди представителей периферийной части олигархических империй. Остальная часть среднего слоя, представленная мелкими предпринимателями, профессионалами деловой сферы, средним и нижним звеньями чиновников, либеральной интеллигенцией, относится к олигархам скорее негативно, видя в них грабителей, конкурентов и притеснителей. Слабость олигархической общности связана с отсутствием у ее лидеров легитимного статуса и широкой социальной опоры.

Слабая укорененность олигархических сил в массовых слоях общества лишает смысла вопрос о степени их вертикальной консолидированности. Не очень высока и горизонтальная консолидация этих сил на уровне элиты и субэлиты. Несмотря на то что стратегические интересы большинства олигархов, касающиеся желательного для них типа общества, в основном совпадают, резкое — до противоположности — расхождение тактических интересов разных кланов затрудняет осуществление согласованных действий. Попытки объединения крупнейших олигархов для совместного отстаивания своих интересов перед Правительством и Президентом РФ предпринимались неоднократно, но осуществляемый последними принцип "разделяй и властвуй" неизменно оказывался более эффективным.

Не случайно не удаются попытки создать партию, которая могла бы отстаивать интересы олигархов на политическом уровне. Большая часть российского общества относится к олигархам столь отрицательно, что создаваемые ими партии обре-

чены на непопулярность. В этом плане показательна история партии "Либеральная Россия", созданной по инициативе и на деньги Б. Березовского, ставшего ее сопредседателем. Стоило Березовскому сделать ряд шагов, осужденных российским общественным мнением, как руководство "Либеральной России", стремясь сохранить собственное политическое лицо, исключило его из своих рядов. В результате эта партия осталась без лидера, без денег и без ясной идеологии, что привело к ее развалу.

Большинство олигархов реализуют свои политические интересы другими путями. Это делается, во-первых, с помощью одновременного финансирования нескольких политических партий, чтобы хотя бы часть их представителей прошла в парламент; во-вторых, путем подкупа депутатов и высокопоставленных чиновников, от которых зависит принятие важных решений; в-третьих, через приобретение и финансирование престижных газет и телевизионных каналов (ОРТ, НТВ, ТВ-6, RenTV и др.) с целью воздействия на общественное мнение[1]; в-четвертых, через личное участие олигархов в органах представительной и исполнительной власти (Р. Абрамович, А. Дерипаска и др. — законно избранные губернаторы или депутаты Государственной Думы РФ).

Вертикальная консолидация ***коммуно-патриотических сил*** достаточно высока. Данная идеология проникает в общество значительно глубже, чем новые идеи, и на протяжении многих лет сохраняет поддержку примерно 20% электората, особенно высокую в базовом и нижнем слоях. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, происхождением современных коммунистов от КПСС, насчитывавшей свыше 20 млн. членов. Во-вторых, реальным контрастом между жизненными условиями населения при власти КПСС и в настоящее время. В-третьих, декларируемой КПРФ установкой на защиту обнищавших от реформ трудящихся. В-четвертых, стремлением коммунистов к возрождению былого величия страны с их националистическими лозунгами, находящими отклик в сердцах многих россиян.

КПРФ насчитывает примерно 500 тыс. членов, которые гордятся постоянством своих позиций и считают предателями

[1] О направлениях автивности и позициях "большой десятки" российских интегрированных бизнес-групп (таких как: "Газпром", "империя" Березовского—Смоленского, Группа МОСТ, АФК "Система" и др.) в сфере СМИ см.: Паппе Я.Ш. "Олигархи": Экономическая хроника 1992—2000. 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 77—204, 219—222.

тех, кто в начале 1990-х годов вышел из КПСС. Коммунисты подчиняются партийной дисциплине, регулярно платят партийные взносы, при возможности оказывают своей партии спонсорскую помощь. Сеть организаций КПРФ охватывает все регионы страны, в некоторых из которых она доминирует в структурах представительной и исполнительной власти. Таким образом, коммуно-патриотическая общность обладает относительным организационным единством, унаследованным еще от советских времен. Все это характеризует ее как реальную культурно-политическую силу.

Однако преувеличивать вертикальную консолидированность коммуно-патриотических сил не стоит, поскольку они объединяют, с одной стороны, утратившую привилегированные позиции часть бывшей партийной номенклатуры, а с другой — рядовых россиян, не нашедших места в новой системе и не принявших рыночных отношений. Объединение обуржуазившейся верхушки КПРФ с действительно обездоленной частью трудящихся носит искусственный характер. Их коалиция основана не на общности стратегических интересов, а на отрицательном отношении к современному правящему режиму. В случае прихода коммуно-патриотов к власти, обретения ими свободы действий этот союз скорее всего развалился бы.

Слабым местом коммуно-патриотических сил является и недостаточная консолидированность в идейном отношении (по горизонтали). Дело в том, что в настоящее время под эгидой оплота коммунистов — КПРФ существуют, как минимум, два принципиально разных политических течения. Первое — глубоко реакционное — представляет коммуно-патриотов, стремящихся вернуть страну в советское прошлое, второе же ориентируется не столько на коммунистическую, сколько на социал-демократическую идеологию и составляет вполне нормальную, легитимную часть политического спектра. К сожалению, организационно эти течения не разграничены, хотя идейная борьба между ними идет[1]. Не случайно "главный коммунист" Г.А. Зюганов постоянно меняет свою политическую маску с социал-демократической (на Западе) на коммуно-патриотическую (в российской глубинке).

Сравнительно недавно возникшие в России ***либерально-демократические силы*** укоренены в обществе не особенно глубоко. Помимо своих идейных лидеров, принадлежащих к верхним слоям, они объединяют преимущественно ту часть

[1] Напомню, что в рамках выполненного анализа культурно-политических сил России социал-демократическое крыло КПРФ отнесено не к коммуно-патриотическим, а к социал-демократическим силам.

интеллигенции, а также мелких и средних предпринимателей, которая ориентирована на современные западные ценности. Это люди, в той или иной мере заинтересованные в либерализации экономики, расширении прав и свобод человека, установлении правового порядка. Однако, если суть западноевропейского либерализма составляет императивная смычка с демократией, то для российского либерализма это не характерно[1]. Наши либералы пока не находят общего языка с народом. Г.Г. Дилигенский, специально исследовавший этот вопрос, отмечает, что в своем отношении к "большому обществу" «либералы ощущают себя достаточно изолированной элитарной сектой. Над ними власть, на которую они возлагают определенные ожидания, но никак на нее не влияют и никак ее не контролируют; под ними и вокруг них — в основном "темный" народ. Иными словами, с этим "большим обществом" у них нет ни прямых, ни обратных, ни вертикальных, ни горизонтальных связей. И к установлению таких связей они, похоже, не особенно стремятся»[2]. Но на мой взгляд, это справедливо только по отношению к наиболее убежденным либералам западной ориентации.

На выражение интересов либерально-демократической общности претендуют, в первую очередь, Союз правых сил и отчасти "Яблоко". Но им редко удается договориться по основным программным вопросам, а тем более выступить одним фронтом. СПС откровенно слаб, носит столичный характер и не имеет прочных корней в провинции. Особенность "Яблока" заключается в том, что оно занимает промежуточную позицию между либералами и социал-демократами, что расширяет круг его сторонников. Сильнее "Яблоко" и в организационном плане, поскольку оно имеет широкую и устойчивую сеть региональных отделений, много больше постоянных членов. Однако в последние годы численность данной партии и поддерживающего ее электората падала. В какой-то мере это было связано с изоляционистской позицией Г. Явлинского, не находившей понимания у многих граждан, а также с его ошибками в период президентских выборов 2000 года. Но главную роль в снижении престижа "Яблока" сыграла безрезультатность его 10-летней политической деятельности. В последнее время в связи с начавшимся наступлением на демократию популярность наиболее решительно противостоящего ему "Яблока" снова стала расти. Однако на

[1] *Кара-Мурза А.А* // Десять лет после августа. Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации. М.: Фонд "Либеральная миссия", 2002. С. 22—23

[2] *Дилигенский Г.Г.* Люди среднего класса. М., 2001. С. 202.

выборах правые партии пользуются поддержкой лишь небольшой части электората.

Под напором активно наступающего государственничества либеральные силы нередко начинают отступать от своих принципов и теряют общественное лицо. В итоге, по мнению А.Н. Яковлева, "либеральные идеи постепенно трансформируются в систему номенклатурного деспотизма над человеком под именем и флагом либерализма[1]. Человек остается в том же состоянии, в котором и был, только не в лагерях и не у расстрельной стенки. Власть захватил чиновник и держит ее очень крепко"[2]. В связи с этим Яковлев рекомендует своим соратникам откровенно признать, что либералы "потерпели очередное поражение, в том числе и по собственной вине, пусть временное, пусть неполное, но поражение"[3]. Перспективы влияния либеральных сил на социетальный уровень модернизационного процесса довольно сомнительны.

Социал-демократические силы представлены, главным образом, массовой интеллигенцией и квалифицированными рабочими, например шахтерскими движениями. Как правило, это люди, либо наиболее приверженные демократическим убеждениям, либо пострадавшие от реформ. В принципе в России существуют благоприятные предпосылки для распространения социал-демократической идеологии, преодоления пассивности обшества, подъема гражданских общественно-политических движений. Ведь антагонистическая, по суги, структура властных отношений противоречит сохраняюшимся в сознании большинства россиян ценностям социальной справедливости, равенства жизненных шансов, коллективизма, взаимопомощи и др. Значительная часть граждан испытывает недовольство нравами "дикого" капитализма, снижением качества жизни, разгулом преступности, самоустранением государства от решения жизненных проблем народа. Казалось бы, социал-демократическая идея сильного государства, стремяшегося обуздать стихийное влияние рынка и обеспечить эффективное развитие экономики в интересах всех социальных слоев, должна была бы стать популярной и стимулировать развитие гражданских движений против авторитарной системы власти и своекорыстия правящих

[1] Ярким подтверждением этого факта служит заявление А. Чубайса о том, что "на всю историческую перспективу политикой России должна стать политика либерального империализма". См.: Новая газета. № 76 (909). 13—15 окт. 2003 г.

[2] *Яковлев А.Н.* Десять лет после августа. Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации. М.: Фонд "Либеральная миссия", 2002. С. 27.

[3] Там же.

элит. Тот факт, что в действительности это не происходит, объясняется несколькими причинами.

Во-первых, в общественном мнении россиян дискредитировано само понятие демократии, поскольку подорвавшие их благосостояние неправовые экономические реформы проводились от имени демократов[1]. Неискушенные в политических тонкостях россияне приписали социальные итоги реформ не либералам, а демократам, по сути, не имевшим к ним отношения. Во-вторых, значительная часть россиян, идеология которых близка к социал-демократии, будучи членами КПРФ, продолжает считать себя коммунистами. В-третьих, те, кто идентифицируют себя с социал-демократами, организационно разобщены, раздроблены и не пользуются заметным влиянием.

В этих условиях очень трудно даже примерно оценить потенциальную численность социал-демократов, а тем более их идейную мошь и способность к политическим действиям. Можно лишь догадываться, что верхний слой социал-демократов идейно близок к либеральным демократам из "Яблока", а нижний вплотную смыкается (или даже входит в состав) с умеренным и более современным правым крылом коммунистов. В целом российская социал-демократия представляет скорее потенциальную, чем реальную культурно-политическую силу, хотя при благоприятных условиях и может стать таковой. Однако говорить о какой-либо консолидированности и укорененности социал-демократических сил в России пока не приходится. Разумеется, это не значит, что в дальнейшем российская социал-демократия не окрепнет, не активизируется и не превратится в политическую силу социетального уровня. Но движение в этом направлении представляется трудным, а путь — далеким[2].

Таковы качественные характеристики основных культурно-политических сил России. Что касается ***криминальных сил***, носящих квазиполитический характер, то они подробно описаны выше. Здесь же остается заметить, что эти силы занимают весомое место во всех слоях общества и укоренены в его структуре, пожалуй, прочнее и глубже некоторых легитимных сил. Их влияние на трансформационный процесс ослабляется лишь тем обстоятельством, что междоусобная борьба криминальных клик препятствует солидаризации и совместным политическим действиям.

[1] Как известно, партия "молодых реформаторов" амбициозно назвала себя "Демократическим выбором России".

[2] Вот, например, что пишет об этом Г.Г. Дилигенский: "Важнейшую составляющую деятельности демократических организаций должна была бы образовать работа по выявлению и структурированию социально-групповых интересов... организации дискуссионных клубов, кружков, разных типов объединений. И, наконец, одной из важнейших задач всех тех, кто заинтересован в демократическом развитии России, представляется организация широкой системы экономического и социально-политического просвещения народа". См.: *Дилигенский Г.Г.* К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 418.

18.2. Ресурсы культурно-политических сил

До сих пор речь шла о социальных характеристиках культурно-политических сил. Но, чтобы оценить их потенциальное влияние на выбор пути дальнейшего развития России, необходимо хотя бы примерно оценить ресурсы, с помощью которых они могут влиять на трансформацию общества.

Ресурсы, используемые разными культурно-политическими силами для влияния на трансформационный процесс, могут иметь различную природу: политическую, экономическую, административную, силовую, социальную, культурную.

Под *политическими ресурсами* здесь понимается возможность участия культурно-политических сил в целенаправленной реформаторской деятельности, то есть в преобразовании нормативно-правового пространства общества, а также в принятии властных решений по важнейшим вопросам политики. Масштаб этих ресурсов определяется наличием сторонников данной идеологии на важных государственных постах и их ролью в принятии принципиальных решений.

Экономические ресурсы культурно-политических общностей отражают масштаб движимых и недвижимых капиталов, находящихся в собственности, владении или распоряжении их представителей и сторонников и используемых в политических целях (например, на организацию политических партий или движений, создание и финансирование медиа-империй, проведение нужных кандидатов в органы представительной власти, "раскрутку" и подкуп нужных политиков и т.д.). Речь в данном случае идет не только о частном капитале представителей каждой общности, но и о средствах государственных и акционерных компаний, а также федерального, региональных и местных бюджетов, которыми они управляют.

Масштаб *административных ресурсов* культурно-политических сил определяется ролью их представителей в текущем

управлении государством и обществом, количеством и характером постов, занимаемых ими в органах государственного и местного управления, правосудия. Речь идет как о диапазоне самостоятельно принимаемых решений, так и о возможностях манипулирования реализацией общих политических решений на местах, придания им тех или иных толкований, их адаптации к местным условиям и собственным интересам, интенсивного внедрения в жизнь или отправления в долгий ящик и т.д.

Силовые ресурсы рассматриваемых обшностей зависят, в первую очередь, от их влияния в армии, МВД, ФСБ и МЧС. Наряду с этим существенное значение имеют обладание современной военной техникой и возможность распоряжения негосударственными силовыми структурами. Последние существуют в форме: частных и корпоративных охранных служб; неформальных военизированных организаций; групп молодежи, подготавливаемой к участию в силовых политических "разборках", группировок организованной преступности, террористических организаций и др.

Под *культурными ресурсами* имеется в виду интеллектуальный, профессиональный и квалификационный потенциал представителей разных культурно-политических сил, в частности, их влияние и вес в интеллектуальной элите. Обладание кадрами высококвалифицированных политиков, идеологов, организаторов, юристов, телеведущих, пиарщиков и т.д. значительно усиливает шансы на выигрыш в политической борьбе.

Наконец, *социальные ресурсы* анализируемых сил определяются прежде всего их имиджем в массовых группах, составляющих основу электората. Другой показатель этого типа ресурсов — наличие и мощность сети организаций, поддерживающих соответствующие культурно-политические силы: партий с их региональными и местными отделениями, общественных движений, разного рода фондов и т.д.

Поскольку само понятие культурно-политических сил России является довольно расплывчатым, причем границы между этими силами не очень ясны, любые попытки количественной оценки имеющихся в их распоряжении ресурсов безнадежны. Но определить их примерное соотношение можно и на основе качественной оценки их ресурсов. Используем с этой целью 4-балльную шкалу, где 0 баллов означает отсутствие или ничтожный объем, 1 балл — ограниченный, 2 балла — значительный, а 3 балла — очень большой объем соответствующего ресурса у данной силы. Результат выполненной таким образом примерной оценки показан в табл. 18.1.

Таблица 18.1

Экспертная оценка ресурсного потенциала культурно-политических сил России

Культурно-политические силы	Типы располагаемых ресурсов						
	Политические	Экономические	Административные	Силовые	Культурные	Социальные	Общий балл
Олигархические	3	3	2	2	2	0	12
Государственнические	3	2	3	3	3	2	16
Коммуно-патриотические	1	1	2	1	1	2	8
Либерально-демократические	1	1	1	0	2	1	6
Социал-демократические	1	1	0	0	2	2	6
Криминальные	1	2	2	2	1	0	8

Оценивая представленную таблицу, можно принципиально возразить против простого сложения баллов, отражающих обеспеченность общественно-политических сил разными ресурсами, например, материальными средствами и квалифицированными кадрами. Действительно, эти ресурсы неравноценны. Достаточно указать на то, что в современной России обладание властью открывает прямую дорогу к деньгам, а большие деньги – к административным, силовым и культурным ресурсам. Не претендуя на какую-либо точность, присвоим разным типам ресурсов следующие коэффициенты: политическим — 3, экономическим — 2,5, административным — 2, силовым — 2, культурным — 1,5, а социальным — 1, поскольку общественное мнение в России играет самую малую роль. При такой оценке ресурсы государственнических сил получают 32,5 балла, олигархических — 27,5, криминальных — 17,5, коммуно-патриотических — 15, а либерально-демократических и социал-демократических — соответственно 11,5 и 10,5 баллов. Как видим, последовательность убывания ресурсов культурно-политических сил остается практически той же, что и раньше, но разница в их оценке существенно возрастает, поскольку наиболее значимые силы имеют преимущества по самым ценным ресурсам.

Полученные данные позволяют разделить анализируемые культурно-политические силы на 4 группы: *ведущие*, т.е. оказывающие наиболее мощное влияние на трансформационный процесс (государственнические и олигархические); *второстепенные,* но политически значимые (криминальные); а также *периферийные* (коммуно-патриотические) и *наиболее слабые* (либерально-демократические и социал-демократические).

Сделав этот вывод, вернемся к рис. 16.1 и присвоим изображенным на ней культурно-политическим силам веса, соответствующие их влиянию на трансформационный процесс. Суммарный вес сил, относящихся к левому треугольнику, составит 58 баллов, а к правому — 56,7 балла. Несмотря на чрезвычайную грубость и примерность этих оценок, они показывают, что потенциал влияния обеих групп сил более-менее сбалансирован.

Каждая культурно-политическая сила стремится к преобразованию общества в том направлении, которое наиболее соответствует ее интересам и идеологии. Однако серьезно претендовать на реализацию наиболее желательного сценария может далеко не каждая из них. В частности, культурно-политическим силам, обладающим ограниченными ресурсами, приходится идти на компромиссы и выбирать, с кем из политических "тяжеловесов" кооперироваться при решении тех или иных вопросов. Сами "тяжеловесы" тоже вступают в тактические и стратегические союзы, вынуждающие их к компромиссам. Не следует забывать и о том, что общественные силы России, рассматриваемые нами в качестве коллективных акторов трансформации, обладают рыхлой структурой, т.е. представляют конгломераты не столь тесно интегрированных субъектов. Внутри каждой из них есть более радикальные и более консервативные группировки, тяготеющие к союзам с разными силами. Поэтому состав реально возможных и вероятных сценариев развития России существенно отличается от набора программ выделенных культурно-политических сил.

18.3. Возможные и вероятные варианты будущего

Исследование трансформационной структуры российского общества важно не только само по себе, но и потому, что его результаты позволяют оценить сравнительную вероятность разных вариантов будущего страны. Действительно, вокруг каких вариантов дальнейшего развития ведется сейчас политическая борьба? Какие силы поддерживают какие варианты, и каковы их сравнительные шансы на выигрыш?

Прежде чем пытаться ответить на эти вопросы, заметим, что *общее направление* социетальной трансформации российского общества определилось, по-видимому, необратимо. Возвращение к власти одной партии, огосударственной экономике, централизованному планированию и распределению, крайней ограниченности прав и свобод человека уже невозможно, тоталитарное прошлое ушло навсегда. А следовательно, особенно широкого выбора дорог у России уже нет[1]. Разумеется, это не означает, что ее дальнейшее развитие будет носить безальтернативный характер. В рамках имеющегося поля свободы возможны разные пути и дороги, но различаются они, главным образом, *количественными* соотношениями (степенями, уровнями) таких характеристик, как авторитарность или демократичность власти, конкурентность или монопольность рынка, управляемость или стихийность институциональных сдвигов, легитимность или коррумпированность экономических отношений; соблюдение правовых норм или массовое пренебрежение правом и т.п.

Из состава и соотношения доминирующих культурно-политических сил России можно заключить, что в ближайшие годы в принципе возможно осуществление трех вариантов развития: умеренно государственнического, авторитарно-силового или олигархического.

1. Вектор *умеренно государственнического* варианта направлен на легитимное расширение управленческих и контрольных функций государства в политической, правовой и экономической сферах. Речь идет о повышении функциональности органов государственной власти, укреплении исполнительной вертикали (восстановлении иерархической структуры госаппарата), упорядочении системы законов и норм, обеспечении надежного правоприменения и т.д. В случае успеха это позволит остановить растущую криминализацию общества, гарантировать относительный правовой порядок, обеспечить равную защищенность государственной и легитимно приобретенной частной собственности. О ренационализации "командных высот экономики" в рамках этого варианта можно говорить лишь по отношению к

[1] См., в частности: *Левада Ю.А.* Рамки и варианты исторического выбора // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 162—170.

активам, приватизация которых носила явно криминальный характер. Такой путь развития не исключает расширения связей России с мировым сообществом, ее включения в международные организации и союзы, равно как и некоторого расширения освоенных обществом демократических процедур, гарантий личных прав и свобод. Однако исторический опыт свидетельствует о том, что в России даже необходимое и полезное расширение функций власти обычно усиливает бюрократизм, отчужденность власти от общества и ее склонность к самоуправству. К сожалению, подобные тенденции наблюдаются и сейчас.

2. Возможность и вероятность усиления антидемократических тенденций отражает *авторитарно-силовой вариант развития* России. Условия его осуществления — не только надежная победа государственнических сил над олигархическими, но и значительное укрепление позиций силовиков внутри системы государственной власти. Движение России в эту сторону означало бы дальнейшую сдачу позиций и завоеваний демократических сил, расширение репрессивных, ограничительных мер государства в отношении прав человека, свободы предпринимательства, творческой деятельности, распространения информации и др.

В стратегическом плане это "путь в никуда", который может способствовать лишь дальнейшему углублению раскола между властью и обществом. И без того очень медленное и трудное движение России в сторону правового демократического государства сменится возвращением к традиционному самовластию, и едва отведавшие политических свобод граждане могут снова оказаться низведенными до положения безгласных подданных. В социально-экономической сфере вероятны ренационализация значительной части собственности, свертывание свободного рынка, частичное восстановление централизованного распределения доходов и потребительских благ. Внешняя политика может с большой вероятностью принять антизападный изоляционистский характер.

По счастью, вероятность реализации этого варианта развития не очень высока. Во-первых, этому будут противостоять практически все культурно-политические силы России, за исключением самых консервативных. А во-вторых, уже ставшее фактом включение России в глобализационные процессы и в мейнстрим мирового развития, несомненно, станет препятствием для попыток повернуть ее вспять.

3. *Олигархический вариант развития* предполагает если не прямую, то косвенную победу экономической элиты над

политической, например, путем проведения "своих людей" на главные политические посты с помощью манипулирования электоратом. Такое развитие событий означало бы автоматическую амнистию противоправных действий ельцинского режима и сохранение сложившейся к настоящему времени *системы имитации* стабильности, правового порядка, демократии и конкурентного рынка. В этом случае естественно ожидать дальнейшего распространения и институционализации, т.е. превращения в социальную норму, самых различных форм неправового поведения индивидов, организаций и групп. В пределе это грозит превращением России в полукриминальное государство, опасное для соседей, а с учетом наличия атомных вооружений — и для мира в целом. Об успешном экономическом и социальном развитии страны в этом случае говорить не придется. Экономика сохранит свой хищнический характер, природные богатства России еще более широкой рекой будут утекать за рубеж, а социальный разрыв между верхами и низами общества превратится в непроходимую пропасть.

Ниже показаны теоретически возможные варианты дальнейшего развития России и предположительное отношение к ним разных культурно-политических сил (табл. 18.2).

Таблица 18.2

Отношение культурно-политических сил к разным вариантам развития России

Культурно-политические силы	Возможные варианты развития России		
	Авторитарно-силовой	Умеренно-государственнический	Олигархический
Коммуно-патриотические	■	▒	
Государственнические	▒	■	
Демократические		▒	
Олигархические		▒	■
Криминальные			■

Условные обозначения: ■ — безусловное предпочтение (борьба "за"), ▒ — умеренная поддержка (нейтралитет), □ — негативное отношение (сопротивление, борьба "против").

Исходя из сложившегося соотношения сил, наиболее вероятной представляется реализация умеренно государственнического варианта развития общества, поскольку только он способен получить умеренную поддержку или хотя бы нейтралитет

всех легитимных сил общества. Совершенно не устраивает он лишь представителей криминального мира, поскольку грозит усилением правового порядка. Этот наиболее вероятный вариант является в то же время и наиболее предпочтительным для России (правда, не потому, что обещает много хорошего, а потому что остальные варианты значительно хуже).

Умеренно-государственнический путь развития не сулит ни взлета экономики, ни заметного расширения прав и свобод россиян, ни нового витка глубоких институциональных реформ. Однако от него можно ожидать некоторого повышения народного благосостояния, установления относительного правового порядка. Не исключаются некоторое расширение и упрочение демократических процедур, равно как и дальнейшее развитие связей России с мировым сообществом. В принципе этот путь совместим и со становлением гражданского общества, однако оно может быть затруднено. Важно, чтобы демократическая общественность не забывала, что расширение государственного, т.е. бюрократического контроля за всеми сферами общественной жизни, включая культуру, идеологию и СМИ, потенциально угрожает правам и свободам граждан.

Однако наибольшая вероятность не означает неизбежности. Нельзя полностью исключить и вариант восстановления (по-видимому, в ослабленной форме) того противоправного режима, который сложился на этапе раздела и передела государственной собственности. Заинтересованные в его продлении олигархические и криминальные силы, а также сросшаяся с ними часть бюрократии обладают огромными властными, экономическими и силовыми ресурсами.

Что касается *демократических* вариантов, то развитие России по любому из них – либеральному или социальному — предполагает строгое отделение государственного управления от частного бизнеса, бескомпромиссную борьбу с коррупцией, независимость правосудия от исполнительной власти и т.д. Условиями успешного движения к демократии служат не только доверие граждан к власти, но и уважение властью граждан. В России же пока нет ни того, ни другого. После множества пережитых обманов ее граждане вряд ли скоро поверят власти. Это станет возможным лишь в том случае, если политическая элита захочет и сумеет заменить бюрократическую модель управления государством демократической.

Между тем пока российская власть не обнаруживает никакого стремления сделать свою деятельность прозрачной и понятной обществу. Она отказывается нести ответственность перед обществом за результаты своих решений и действий,

устранять последствия ошибок и преступлений, совершаемых ее представителями. Демократические же силы страны не располагают ни властным, ни силовым, ни экономическим капиталом. Они сильны только мало значимыми в российском обществе социальными и культурными ресурсами и, кроме того, идейно расколоты, слабо организованы и не пользуются серьезной массовой поддержкой. Поэтому вероятность создания в России правового либерально-демократического государства невелика.

Правда, это не означает, что россияне имеют мало шансов расширить область личной свободы в том смысле, который они сегодня вкладывают в это понятие и который для них наиболее важен. Дело в том, что в настоящее время жизненные интересы населения связаны с продвижением не столько в политическом и гражданско-правовом, сколько в *социально-экономическом* пространстве. А для этого у общества есть довольно большие возможности. Во-первых, требования россиян к индивидуальной свободе значительно скромнее того, что вложено в понятие "правовое либерально-демократическое государство". Во-вторых, за последние годы и прежде невысокий уровень значимых для них аспектов свободы заметно снизился, причем для значительной части граждан этот новый уровень стал привычным. Наконец, в новых условиях успело социализироваться целое поколение молодежи, воспринимающее эти условия как данность. Поэтому расширение любых значимых для людей индивидуальных прав и свобод, прежде всего в социально-экономической сфере, не останется незамеченным, а будет позитивно оценено и молодыми, и более зрелыми поколениями[1].

В целом, однако, надо признать, что перспективы дальнейшей трансформации российского общества не слишком радужны. Но возлагать ответственность за это только на правящую элиту, как это нередко делается, вряд ли справедливо. Дело в том, что Россию нельзя сделать правовым демократическим государством только путем принятия соответствующих законов и норм. Создание необходимых правовых условий — это первый шаг к решению этой задачи. В основе же действительного формирования правового государства и — что не менее важно — правового общества лежит процесс постепенного

[1] Подробнее об этом см.: *Шабанова М.А.* Индивидуальная и социетальная свободы в реформируемой России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: МВШСЭН, Интерцентр, 2000. С. 408—409.

изменения массовых политических, экономических и социальных практик, в которых участвуют *все слои* общества, *все типы социальных субъектов* — индивиды, организации, группы. Власть способна только содействовать или препятствовать этому процессу, но полностью отвечать за его результаты она не может. Превращение отчужденных пассивных подданных в активных заинтересованных граждан является результатом культурно-политических сдвигов, происходящих в массовом сознании и поведении под влиянием изменения жизненных условий. Главным вектором этих сдвигов служит постепенный отход на задний план первичных целей и ценностей, связанных с личным благосостоянием и безопасностью, и актуализация более высоких социальных ценностей. В качестве таковых могут выступать, например, благо народа, социальная справедливость, независимое правосудие, культурная интеграция общества, его устойчивое развитие, ответственность власти перед народом и др.

Таким образом, подлинное возрождение России, обретение ею достойного места в мировом сообществе в равной мере зависит от двух взаимосвязанных процессов: становления сильной демократической власти и политически активного, культурно интегрированного гражданского общества, способного к самоорганизации, правовому отстаиванию своих интересов, конструктивной социальной деятельности и равноправному диалогу с властью.

Рекомендуемая литература

1. *Ахиезер А.С.* Социокультурное прогнозирование динамики России: микро и макроуровни. // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 262—265.

2. *Вишневский А.Г.* Модернизация или контрмодернизация: чья возьмет? // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации/ Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 286—296.

3. *Заславская Т.И.* О смысле и предварительных итогах российской трансформации // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 390—397.

4. *Здравомыслов А.Г.* Общество — власть — реформы // Социология российского кризиса. М.: Наука, 1999. С. 48—87.

5. *Красильщиков В.А.* Латинская Америка сегодня — Россия завтра (оптимистический вариант будущего России) // Мир России. 2002. № 1. С. 57—96.

6. *Левада Ю.А.* Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1. С. 8—12.

7. Социум и власть. Круглый стол. Полис. 1999. № 4. С. 70—92.

8. Стратегия для России: Повестка для Президента-2000. М.: Вагриус, 2000. С. 11—56.

9. *Холодковский К.Г.* Включение России в мейнстрим исторического процесса и его последствия // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 354—357.

10. *Шабанова М.А.* Индивидуальная и социетальная свободы в реформируемой России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, Интерцентр, 2000. С. 399—410.

11. *Ядов В.А.* Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Academia, 2002. С. 349—363.

12. *Яницкий О.Н.* Социология риска. М.: Изд-во LVS, 2003. Гл. 2. Россия как общество риска: контуры теории (с. 28—46); гл. 3. Социально-экономические аспекты общества риска (с. 47—69); гл. 4. Политический аспект (с. 70—90); гл. 5. Риски повседневности (с. 91—109).

13. *Bryant C.G.A., Mokrzycki E.* Theorizing the changes in East-Central Europe // Bryant C.G.A. and Mokrzycki E. (eds.) The New Great Transformation? Routledge, London, 1994. P. 1—13.

14. *Reddaway P., Glinski D.* Market Bolshevism: A Historical Interpretation // Reddway Peter, Glinski Dmitri. Russian The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy. Washigton, D.C.: United States Institute of Peace Press, 2001. P. 623—643.

15. *Stark D., Bruszt L.* Postsocialist Pathways. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Part 1. P. 15—48.

Учебное пособие

Татьяна Ивановна ЗАСЛАВСКАЯ

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Социальный механизм трансформации

Гл. редактор *Ю.В. Луизо*
Зав. редакцией *Г.Г. Кобякова*
Художник *Н.В. Пьяных*
Компьютерная подготовка оригинал-макета *Н.И. Усанова*
Технические редакторы *Г.Д. Колоскова, Л.А. Зотова*
Корректоры *М.В. Ионова, М.А. Миловидова*

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.000788.02.04
от 09.02.2004 г.

Подписано в печать 11.03.2004. Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25.0. Тираж 2000 экз.
Заказ № 122. Изд. № 433.

Издательство "Дело"
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82

Коммерческий отдел — тел. 433-2510, 433-2502
E-mail: delo@ane.ru

Интернет-магазин: www.delokniga.ru

ОАО «Московская типография № 6»
115088, Москва, Южнопортовая ул., 24

ISBN 5-7749-0366-4

9 785774 903665 >